

USSR ACADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

General editor

D. A. OLDEROGGE

Corresponding Member
of the Academy of Sciences of the USSR

Vol. XXV

GEOGRAPHY. ETHNOGRAPHY. HISTORY

Edited by *B. A. Valskaya* and *Y. V. Maretin*

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

Ответственные редакторы и составители

Б. А. ВАЛЬСКАЯ, Ю. В. МАРЕТИН

В очередной сборник серии вошли статьи о научной и общественной деятельности выдающегося русского путешественника и гуманиста Н. Н. Миклухо-Маклая в последние годы его жизни; о путешествии доктора А. В. Елисеева по Сахаре в конце XIX в.; обзор материалов по Африке, публиковавшихся в популярном русском журнале первой половины XIX в. «Библиотека для чтения». Публикуются полевые материалы о советском Востоке — о семейных и трудовых группах в Средней Азии, статьи о быте нивхов в конце 1920-х годов, о народном зодчестве высокогорных районов Северного Кавказа и среднеазиатского города Пенджикент, о соотношении природного и социального факторов в горных районах Южной Азии, о некоторых вопросах духовной культуры народов Востока, об украшениях женщин-берберок Алжира и их символике.

С 1905020000-108 72-87
013(02)-87

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

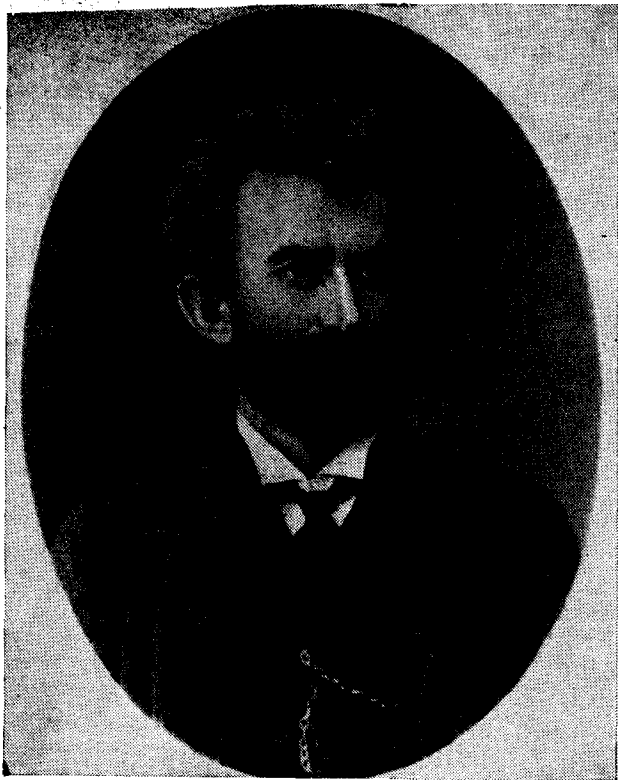
1. ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Б. А. Вальская

НАУЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕГО ЖИЗНИ (По неопубликованным материалам)

Осенью 1882 г. Н. Н. Миклухо-Маклай вернулся в Петербург после очередных путешествий на Новую Гвинею и другие острова Тихого океана, в Юго-Восточную Азию и Австралию. Вернулся он на родину не только для решения финансовых вопросов, связанных с изданием своих трудов. Он хотел получить поддержку русского правительства для реализации составленного им проекта хозяйственного и общественного развития Берега Маклая. Австралийский биограф Миклухо-Маклая Франк Гриноп подчеркивал, что этот проект — «часть размышлений Маклая на тему, близкую его сердцу, и важное отражение его собственных социальных теорий...» [43, с. 261]. Для реализации своего проекта Миклухо-Маклай хотел еще раз посетить Берег Маклая на корвете «Скобелев» (бывший «Витязь»).

В октябре 1882 г. вице-председатель Русского географического общества П. П. Семенов писал министру финансов Н. Х. Бунге, что известный русский путешественник Миклухо-Маклай посвятил 12 лет изучению «стоящих на низших ступенях человеческого развития племен в антропологическом и этнологическом отношении. Мужество и самоотвержение, обнаруженные Маклаем во время его путешествий на Новую Гвинею, где он пробыл 15 месяцев один среди антропофагов, никогда не выдавших ни одного европейца, заслужили ему всемирную известность». Семенов отметил, что «путешествие свое Маклай совершил по собственной инициативе и на собственные средства с незначительной лишь помощью Географического общества... и более значительные частные средства через посредство Общества... Личность Маклая возбудила глубокое сочувствие всего русского общества, которое уже выразилось в некоторых

Н. Н. Миклухо-Маклай

пожертвованиях, могущих быть обращенными на уплату долга г. Маклая при условии удержания его коллекции в России. На этот предмет до сих пор пожертвовано 500 руб[лей], но нет сомнений, что сумма пожертвований достигнет и еще больших размеров» [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 21, 24].

Пожертвование, о котором упомянул Семенов, было сделано известной собирательницей археологических древностей А. М. Раевской в октябре 1882 г. Считая, что Географическое общество «сочувственно отнесется к мысли приобрести путем подписки научные коллекции г. Миклухо-Маклая для обогащения ими одного из русских музеев», Раевская «для начала такой подписки» передала в Общество 500 рублей с просьбой уведомить ее, угодно ли будет Обществу принять «ее скромное приношение». Приношение было принято [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 19].

В 1882 г. по просьбе Географического общества министерство финансов уплатило долги путешественника и предоставило ему возможность в течение двух лет подготовить в Сиднее к печати свои труды. После получения от правительства мате-

риальной помощи в сумме 2200 ф. ст. (или более 20 тыс. руб.) Миклухо-Маклай, как писал Семенов министру финансов Бунге, был обязан «1) представить в полное распоряжение того ученого учреждения, которое ему будет указано, полный манускрипт своего путешествия с атласом и рисунками приблизительно на три тома и 2) представить все собранные им антропологические и этнографические коллекции в собственность одного из русских музеев» [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 22].

28 сентября 1884 г. Миклухо-Маклай отправил из Сиднея в Петербург отчет о своей работе за последние два года, в котором сообщил, что к концу 1884 г., т. е. к указанному сроку, он не смог подготовить к печати результаты своих путешествий за 12 лет (с 1870 до 1882 г.). Николай Николаевич напомнил план издания своих трудов и написал, что им уже сделано и что он намерен был сделать в Австралии. В первой части предполагаемой публикации он собирался осветить задачи, поставленные перед каждым его путешествием или поездкой, а затем дать «подробный рассказ хода и эпизодов... странствований» и, наконец, изложить научные результаты, которые ему «удалось добыть при каждом из них». Во вторую часть публикации он хотел поместить результаты своих путешествий по специальным дисциплинам: по антропологии, этнологии, зоологии и сравнительной анатомии, метеорологии.

Миклухо-Маклай считал, что публикация удовлетворит как тех, кто интересуется «ходом путешествия и общими результатами его», так и тех, для кого «научные исследования представляют главный интерес путешествия». В этом же отчете (от 28 сентября 1884 г.) Географическому обществу Николай Николаевич написал, что он сделал после возвращения в Сидней в июне 1883 г., когда закончилось его плавание на корвете «Скобелев». Кроме «общего приведения в порядок дневников и заметок» он занимался разработкой своих новогвинейских зоологических коллекций и исследованиями «по сравнительной анатомии мозга человеческих рас».

В заключение своего письма Географическому обществу Николай Николаевич писал: «Никто более, чем я сам, не желает привести к заключению полный отчет моих двенадцатилетних странствований. Но чтобы отчет этот мог быть назван полным и добросовестным — на то потребуется время. Это и есть главная причина, затягивающая мое возвращение в Европу, помимо разных неудобств, окружающей обстановки...» [18, с. 422—425].

Были еще и другие обстоятельства, помешавшие Миклухо-Маклаю своевременно представить отчет о своих путешествиях: в начале 80-х годов XIX в. обстановка на Тихом океане резко обострилась [6; 7].

Опасаясь усиления влияния России на Тихом океане, австралийская колония Квинсленд объявила об оккупации всей восточной части Новой Гвинее. В тот же самый день (4 апреля

1883 г.), когда Миклухо-Маклай сошел с корвета «Скобелев» на землю Филиппин, в Лондоне на заседании палаты общин началось обсуждение полученной из Квинсленда телеграммы, извещавшей о том, что губернатор этой английской колонии в Австралии, «желая предотвратить занятие Новой Гвинеи какой-нибудь другой державой, распорядился занять ее от имени британской королевы впредь до тех пор, когда английское правительство постановит решение по поводу отправляемой им сегодня ноты» [36, 06.04.1883].

В английской газете «Таймс» было опубликовано сообщение о том, что по приказанию премьер-министра английской колонии Квинсленд полицейский судья Честер (с острова Четверга, расположенного в Торрессовом проливе) объявил всю восточную половину Новой Гвинеи, не принадлежавшую Голландии, владением Великобритании.

Газета «Таймс» писала, что «полицейские судьи весьма хорошие и способные чиновники, но кажется, что это еще первый пример, чтобы один из них призван был присоединить страну, которая больше Франции» [36, 13.04.1883]. Это сообщение из Лондона вскоре было перепечатано в петербургской газете «Русский инвалид».

Действия премьер-министра Квинсленда по захвату Восточной Новой Гвинеи были одобрены специально созванной конференцией в Сиднее, в которой приняли участие все премьер-министры британских колоний в Австралии. 4 декабря 1883 г. «Русский инвалид» сообщал, что «сущность принятых решений» состоит в том, что «конференция протестует на будущее время против всяких присоединений какою бы то ни было иноземною державой в южной и экваториальной частях Тихого океана. Далее, она высказывает желание, чтобы в состав Британской империи были включены части Новой Гвинеи и соседних островов, на которые не будет предъявлено притязаний со стороны Голландии» [36, 04.12.1883].

2 декабря 1883 г. Миклухо-Маклай писал Александру III из Сиднея: «Острова, которые конференция просит занять безотлагательно, следующие: юго-восточная половина (не принадлежащая Нидерландам) острова Новой Гвинеи (включая берег Маклая), острова Луизиады, Новую Британию, Новую Ирландию, острова Адмиралтейства, острова *Соломоновы*¹, *Санта-Круц*, *Новые Гебриды* (если Франция не отстоит для себя последнюю группу) и множество других островов, *все*: от Новой Гвинеи на западе до острова *Фиджи* на восток, от экватора до Нов[ой] Зеландии на юг. Одним словом, Англия намеревается занять *все* более крупные острова Тихого океана, обладающие благословенным климатом, роскошною, тропическою растительностью и отменно плодородною почвою.

Пока единственно Франция заявила свои претензии на неко-

¹ Здесь, как и в других письмах и статьях Миклухо-Маклая, курсив его.

горые острова *помимо* тех, которыми она владела до сих пор, г. е. кроме *Новой Каледонии* с островом Лоялти, *Таити* и островов Маркизских Франция присваивает себе группы островов *Тубуай* и *Туамоту*.

Занятие некоторых, пока еще официально не названных островов правительством Сандвичевых островов находится, весьма вероятно, в связи с планами Американских Соединенных Штатов» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 67].

Вместо подготовки к печати своих сочинений Миклухо-Маклай должен был писать письма «сильным мира», чтобы спасти папуасов Берега Маклая от порабощения [4].

Узнав из газет, что английское правительство «сделало распоряжение, чтобы британский протекторат был бы провозглашен только относительного *Южного берега* Новой Гвинеи», Миклухо-Маклай 15 октября 1884 г. обратился к великому князю Алексею Александровичу с просьбой поддержать его предложение о признании Россией самостоятельности Берега Маклая и туземного управления этого Берега. 29 октября с этим же вопросом Николай Николаевич обратился к министру иностранных дел России Н. К. Гирсу. Путешественник писал: ввиду того что Англия «объявит на днях протекторат всего *южного берега* Новой Гвинеи», а весь северный берег от голландской границы остается пока независимым, он просил сообщить, будет ли угодно Александру III «даровать Берегу Маклая в Новой Гвинее русский протекторат *или*, если такой шаг покажется неуместным, *признать независимость Берега Маклая*, чем Берег этот будет огражден от попыток других держав овладеть им...». Миклухо-Маклай сообщил Гирсу, что он (Миклухо-Маклай) обратился к статс-секретарю британских колоний лорду Дерби с просьбой признать самостоятельность Берега Маклая. Миклухо-Маклай просил Гирса учесть, что его ответ определит дальнейшую переписку с лордом Дерби «по поводу Берега Маклая».

Срочный вызов германского генерального консула из Сиднея в Берлин в начале октября 1884 г. не был случайным. В это время к Берегу Маклая направлялось германское судно «Самоа». В середине октября на Берегу Маклая, в бухте Порт-Константин, высадилась экспедиция германской Новогвинейской компании под начальством доктора Отто Финша. Ничего не подозревавшие папуасы приняли Финша как «брата Маклая» и помогли ему водрезить в бухте Порт-Константин германский флаг. Уже в ноябре того же года Новогвинейская торговая компания закрепилась на Берегу Маклая. При содействии немецкого военного судна «Елизавета» был поднят германский флаг в бухте Порт-Алексей (ныне Маданг, центр округа Маданг Папуа Новой Гвинеи) [48, с. 315].

Управляющий морским министерством А. И. Шестаков считал, что притязания Германии на северо-восточную часть Новой Гвинеи и «быстрые территориальные захваты подобного

рода... представляются достаточным мотивом для соответствующих инструкций не только представителям нашим в Лондоне, Берлине и Париже, но и командиру судна, которое пошлетсся к берегу Маклая с целью наблюдательной».

2 ноября 1884 г. А. И. Шестаков писал Н. К. Гирсу, что, по его (Шестакова) мнению, «нельзя предвидеть никакой пользы для нас от водружения русского флага в отдаленных местах, которых мы не будем в состоянии удержать за собою» [41, ф. 283, 1884, оп. 3, № 4, л. 15].

Директор департамента внешних сношений министерства иностранных дел Ф. Р. Остен-Сакен в записке, представленной Александру III 4 декабря 1884 г., писал, что «русское правительство не имеет никаких видов, ни политических, ни иного рода, в пределах Тихоокеанского бассейна, и поэтому какие-либо отдельные меры, предпринятые и вызванные единственно почином нашего смелого путешественника, были бы едва ли своевременны и могли бы повести только к лишним затратам и усложнениям» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 71].

Небезосновательно опасаясь, что Миклухо-Маклай, став во главе папуасов Берега Маклая, будет проводить независимую политику в интересах коренных жителей Океании, Шестаков в письме к Гирсу 16 декабря 1884 г. писал, что «не следует ставить наши действия в какое-либо соотношение к личности, хотя бы известным, которые... утратили чувство меры или реальности в представлениях о русской жизни». Из этих соображений Шестаков, неоднократно выражавший личное недружелюбие к путешественнику, считал, что, «не прерывая сношений с г. Миклухо-Маклаем, ввиду возможной пользы от знакомства его с краем, не телеграфировать ему (что-либо определенное, не извещать его заранее о посылке судна) о наших намерениях» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 73]. Предложение Шестакова, принятое Гирсом, поставило Миклухо-Маклая в очень тяжелое положение.

2 января 1885 г. Николай Николаевич получил ответ Шестакова на два своих письма, отправленных великому князю Алексею Александровичу (от 9 и 15 октября 1884 г.). Ответ Шестакова был получен уже после того, как германский посол в Петербурге Ганс-Лотар Швейниц 15 декабря 1884 г. известил русское правительство о занятии Германией северо-восточного берега Новой Гвинеи и архипелага Новая Британия.

29 января 1885 г. Миклухо-Маклай писал Шестакову из Сиднея: «...когда, недели три тому назад, известие [об] аннексии Германией северного берега Новой Гвинеи подтвердилось телеграммами из Берлина, считая такой шаг Германии положительною несправедливостью или недоразумением, я счел (помня обещание, данное мною туземцам Берега Маклая) моим долгом заявить формальный протест и заявить его немедленно. 9-го числа этого месяца я послал телеграмму в Берлин князю Бисмарку следующего содержания: туземцы Берега Маклая

отвергают германскую аннексию» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 98]. В то же утро Миклухо-Маклай отправил письмо Александру III, повторив свою просьбу о признании «самостоятельности Берега Маклая», а Гирсу он сообщил о своих переговорах с генерал-майором Питером Скретчли, который после провозглашения британского протектората над юго-восточной частью Новой Гвинеи в ноябре 1884 г. был назначен специальным комиссаром по делам этого протектората.

В январе 1885 г. Миклухо-Маклай получил от него *«формальное»* заверение, что правительство британское не только *не будет иметь ничего против* признания Россией независимости Берега Маклая» под его (Миклухо-Маклая) управлением, «но что таким признанием оно останется *совершенно довольным* и, следуя примеру России, признает самостоятельность этого Берега» [3, с. 564]. Николай Николаевич предложил Скретчли «написать в министерство колоний в Лондоне, чтобы подобное же заявление было сделано русскому послу в Лондоне». Однако английский посол в Петербурге Стааль сообщил Шестакову, что он «не получил от английского правительства никакого сообщения по возбужденному Миклухой вопросу». Но об этом сообщении Стаалья Миклухо-Маклай не знал и продолжал надеяться, что его предложение будет поддержано не только Скретчли, но и лордом Дерби, которого в январе 1885 г. Николай Николаевич просил «не признавать немецкого захвата Берега Маклая до тех пор», пока он (Миклухо-Маклай) «не получит ответа из Петербурга и пока великобританское правительство само не обсудит протеста против несправедливого захвата Берега Маклая Германией» [13, 20.03 (01.04). 1885].

20 января 1885 г. Миклухо-Маклай вновь просил русское правительство взять под защиту население Берега Маклая и признать его независимость, чтобы «осчастливить несколько десятков тысяч людей и дать им возможность подняться постепенно на более высокую ступень цивилизации». На этом письме сохранилась резолюция Александра III: «Его просьба скромная, и, мне кажется, следует поддержать ее» [3, с. 565].

Через пять дней Николай Николаевич отправил Гирсу свое письмо в редакцию мельбурнской газеты «Аргус» [45, 07.01. (19.01). 1885], опубликованное 7 января 1885 г. и перепечатанное затем во многих австралийских газетах, а также вырезку из одной сиднейской газеты по поводу своей телеграммы Бисмарку. «Я полагаю и надеюсь, — писал Миклухо-Маклай, — что князь Бисмарк, когда узнает, что Россия и Англия намереваются признать независимость моего Берега, и познакомится со всеми к этому вопросу относящимися подробностями... не станет поддерживать притязания Германии на Берег Маклая и *не доведет* туземцев до открытого сопротивления для защиты своей независимости, прав и собственности, которые в настоящее время несколько *не* гарантированы против незаконных разного рода германских тредоров никакими постановлениями со

стороны германского правительства» [3, с. 566]. Миклухо-Маклай повторил свою просьбу к русскому правительству признать самостоятельность Берега Маклая под его управлением и «международным контролем».

В феврале 1885 г., обсуждая с Гирсом письма путешественника, адресованные русскому правительству, Шестаков отрицательно отнесся и к предложению Николая Николаевича о взятии Берега Маклая под протекторат нескольких европейских держав. Добиваясь европейского протектората над Берегом Маклая, Николай Николаевич рассчитывал, что совместные усилия нескольких европейских государств смогут оградить еще не колонизованные папуасские территории от их растаскивания отдельными державами Европы. Управляющий морским министерством предлагал оказать Миклухо-Маклаю «покровительство, хотя бы платоническое только», которое, как считал Шестаков, не могло послужить России «во вред». «Обязательное посещение нашими судами владений Маклая, — писал Шестаков, — привлечет, может быть, внимание наших промышленников и послужит нам к приобретению прав гражданства в тех водах». По этим соображениям Шестаков предлагал принять Берег Маклая под покровительство России, «не делая, конечно, никаких усилий склонить Европу на общий протекторат».

Все свои «соображения» Шестаков и Гирс тщательно скрывали от путешественника. Не получая известий из России, Миклухо-Маклай решил сам отправиться на Берег Маклая и ожидать там прихода русского судна, которое, он надеялся, Шестаков «разрешит послать в Порт-Константин с приказом командиру... признать самостоятельность и флаг» Берега Маклая. Но из-за отсутствия средств Николай Николаевич вынужден был отказаться от этой поездки. Шкипер парохода потребовал от него 250 ф. ст. только за то, чтобы «на несколько дней заглянуть на Берег Маклая, и только тогда, когда побывает на различных других островах» [41, ф. 410, 1882, оп. 2, № 4155, л. 101].

Поездка на Берег Маклая не состоялась и потому, что три помощника путешественника из России, которые хотели остаться на Берегу Маклая в качестве поселенцев, не смогли своевременно прибыть в Сидней.

Из письма Миклухо-Маклая от 24 марта 1885 г. видно, что на Берегу Маклая во время своего отсутствия он хотел оставить своего младшего брата Михаила Николаевича, лейтенанта А. А. Раковича, участника плаваний на «Витязе» и «Изумруде», и В. Ф. Суфшинского, товарища по гимназии. В этом же письме Николай Николаевич просил брата собирать в Петербурге все, что было напечатано в газетах по поводу статьи «Берег Маклая в Новой Гвинее», написанной самим Н. Н. Миклухо-Маклаем и опубликованной в газете «Новости и биржевая газета» [19, с. 282]. Статья была также напечатана в английских и австралийских газетах под названием «Русский взгляд на немцев в Новой Гвинее» [46, 26.05.1885].

В письме к редактору «Новостей», приложенном к статье, Миклухо-Маклай писал, что для избежания «разных превратных толков и искажений фактов иностранными газетами» он решил познакомить «читающую публику» России с «настоящим положением вопроса» о Береге Маклая, чтобы оградить себя и свой «будущий образ действий от нареканий и встретить в России сочувствие всех тех, для которых идея справедливости и человеколюбия не пустые слова».

В статье «Берег Маклая в Новой Гвинее», опубликованной в январе 1885 г., Миклухо-Маклай писал: «Когда недели три назад известие о захвате Германией северного берега Новой Гвинеи подтвердилось телеграммами из Берлина, я счел своею обязанностью напомнить, что перед всеми другими государствами Россия имеет преимущественное право на часть северного берега этого острова, которая с 1871 г. носит название *Берега Маклая*... Я сильно сомневаюсь, чтобы доктор Финш... не зная ни одного из многих диалектов Берега Маклая, мог приобрести от туземцев участок земли, который послужил основанием германской аннексии северного берега Новой Гвинеи...» Далее он писал, что русский флаг развевался здесь с 1871 г., т. е. 13 годами ранее, чем германский; матросы русского судна построили там дом для русского подданного, который прожил в нем в разное время около четырех лет; занимаясь исследованием этого региона в научном отношении, он привез и распространил там много полезных растений, домашних животных, приобрел полное доверие туземцев и согласился по их просьбе быть их представителем при контактах с державами мира [13, 20.03 (01.04). 1885].

Главной причиной обращений Миклухо-Маклая к правительствам великих держав было желание оградить папуасов от ряда «зол, сопряженных со вторжением белых», так как он считал их вторжение «большим несчастьем для темнокожих». Зная, что «опасность этого рода» в то время была «недалека», Миклухо-Маклай как «доверенный представитель туземцев этой части Новой Гвинеи счел своим долгом вовремя отстранить ее.

Миклухо-Маклай предлагал великим державам взять Берег Маклая под *международный протекторат*, но при сохранении туземного управления. «Этот международный протекторат, — считал он, — должен быть основан на международном соглашении». Миклухо-Маклай разработал главные принципы международного соглашения, которое должно предусматривать: «1) строжайшее уважение всех прав туземцев как людей, как действительных членов рода человеческого; 2) противодействие и запрещение людокрадства и невольничества во всех формах и видах».

Просьба Миклухо-Маклая «о признании самостоятельности туземного управления» была основана на его уверенности, что «уже наступило время (или оно недалеко), когда цивилизованные государства будут обращаться с туземцами в разных час-

тях света... *как с людьми*, не забывая принципов международного права, а не как с дикими животными, которых, смотря по обстоятельствам, можно укрощать и обращать в рабство или просто истреблять как опасных зверей...». Миклухо-Маклай считал, что если бы туземцы Берега Маклая имели средства помимо него «протестовать против несправедливости и насилий», то он «не стал бы посылать телеграммы и писать письма, а спокойно занимался бы своею научною работою». Оккупация Берега Маклая Германией заставила Миклухо-Маклая не «забывать своего обещания, данного людям», которые ему доверились и были «убеждены, что „*балан-Маклай-худи*“ (слово Маклая одно)».

В заключение Миклухо-Маклай писал: «Я убежден, что мой образ действий, настоящий и будущий, встретит полную симпатию... людей, которые не сочувствуют распространению насилия, людокрадства и рабства на островах Тихого океана. Я надеюсь также, что мои друзья в России не откажут мне в своем сочувствии и пожелают мне успеха в деле справедливости и человеколюбия против политики захвата и насилия» [13, 20.03 (01.04). 1885].

Как же отнеслись великие державы к предложению русского путешественника о защите прав папуасов Берега Маклая и других народов Океании? 4 апреля 1885 г. из министерства колоний, расположенного в Лондоне, на Даунинг-стрит, Миклухо-Маклаю было отправлено письмо за подписью Д. Брамстона, чиновника этого министерства, который по распоряжению лорда Дерби писал: «Мне приказано сообщить Вам о письме... направленном Вам в ответ на Ваши сообщения относительно предлагаемого Вами признания автономии Берега Маклая в Новой Гвинее. Копия Вашего письма была передана в министерство иностранных дел» [12, ф. 143, оп. 1, № 42, л. 20]. 25 апреля 1885 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Гренвиль направил германскому послу в Лондоне графу Мюнстеру письмо, в котором он сообщал, что он (Гренвиль) еще 16 марта 1885 г. предлагал установить точные границы между британскими и германскими владениями в Новой Гвинее. Северо-восточная часть острова, площадью 67 тыс. кв. миль (в том числе и Берег Маклая), должна была стать германским протекторатом, а юго-восточная часть, площадью 63 тыс. кв. миль, отходила к Великобритании. Через четыре дня, 29 апреля 1885 г., граф Мюнстер выразил полное согласие с вариантом раздела Восточной Новой Гвинеи, предложенным Великобританией [42].

В августе 1885 г. Миклухо-Маклай через генерал-майора Питера Скретчли получил от лорда Дерби сообщение о том, что отныне обо всем, касающемся Берега Маклая, он (Миклухо-Маклай) должен обращаться к германскому правительству, которому через германского посла в Лондоне была передана вся переписка [3, с. 570].

После получения из Лондона указанной переписки германское правительство запросило русское министерство иностранных дел о личности Миклухо-Маклая; вместе с этим оно сообщило, что затрудняется удовлетворить желание русского правительства ввиду того, что желание это было заявлено будто бы уже после выдачи грамоты (24 мая 1885 г.) германской Новогвинейской компании, предоставляющей ей права на Берег Маклая. Этим ответом германское правительство пыталось прикрыть дипломатической ложью свой незаконный захват территории Берега Маклая, открытого и исследованного русским путешественником.

В ответ на запрос германского правительства российское министерство иностранных дел сообщило, что русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай «задался благородной целью осчастливить несколько десятков тысяч людей, устроить такое положение вещей, при котором бы жизнь, свобода и права туземцев были уважаемы, вместе с тем дать им возможность подняться постепенно на более высокую ступень цивилизации. Миклухо-Маклай во время своей долголетней деятельности в этих странах, происходившей открытым образом, преследовал постоянно интересы общечеловеческие, а не частные...» [3, с. 563].

В период переговоров между Великобританией и Германией о разделе восточной части Новой Гвиней военные власти Нового Южного Уэльса в Австралии обратились к министру колоний Великобритании с просьбой вернуть принадлежавший им участок земли, расположенный в Уотсонс-Бее, недалеко от Сиднея, на котором находилась основанная Миклухо-Маклаем одна из первых в мире и первая в Австралии морская биологическая станция. Военные писали министру, что «для гарнизона требовались дополнительные казармы, а командиру нужен был котедж».

Австралийский биограф Миклухо-Маклая Франк Гриноп, впервые опубликовавший переписку о ликвидации биологической станции, подчеркивал, что это «обращение нанесло смертельный удар кратковременно осуществившейся мечте Маклая» [43, с. 234].

Летом 1885 г. требование военных властей стало достоянием русской и зарубежной прессы. Петербургский корреспондент газеты «Сидней Морнинг Геральд» 28 августа 1885 г. писал, что научная деятельность Маклая «прервана возникшими на политическом горизонте тучами»: земля, отданная Миклухо-Маклаю под биологическую станцию, понадобилась для «стратегических целей». «Учитывая гостеприимство, которое всегда оказывали г. Маклаю в Сиднее, внезапное изменение отношения к нему правительства [колонии Новый Южный Уэльс], — писал корреспондент, — кажется по меньшей мере странным». Ожидая подтверждения этого факта из Сиднея, корреспондент сообщил, что «результаты многолетних исследований неутоми-

мого труда г. Маклая ожидаются в Петербурге с нетерпением». В газете было высказано сомнение по поводу возвращения Миклухо-Маклая в Россию для завершения его исследований будто бы из-за нанесенной ему на родине обиды [49, 28.08. 1885].

Через несколько дней в этой же газете было опубликовано письмо Миклухо-Маклая редактору «Сидней Морнинг Геральд» [47, 01.09. 1885]. Касаясь утверждения корреспондента о том, что он (Миклухо-Маклай) якобы был «глубоко задет и обижен полным безразличием», с которым еще раз была встречена в России его просьба о решении будущего папуасов Берега Маклая, Николай Николаевич высказал предположение, что корреспондент имел в виду его письмо русскому правительству по поводу Берега Маклая. Миклухо-Маклай заявил, что у него нет «никаких причин быть задетым поведением... русского правительства и его переговорами от моего имени (по поводу Берега Маклая) с германским правительством. Напротив, я вполне удовлетворен его действиями». Это опровержение русского путешественника Франк Гриноп комментировал следующим образом: «В русской крови заложена неистребимая любовь ко всему русскому. Маклай выступил в защиту своей страны и ее действий» [43, с. 236]. Следует учесть, что Миклухо-Маклай должен был быть осторожен в своих публичных заявлениях по поводу действий русского правительства.

Что касается биологической станции в Уотсонс-Бее, то Миклухо-Маклай уточнил дату начала ее строительства. «В 1879 г., а не в 1870, — писал он, — участок земли перед Кемп Коув был отведен мне правительством Нового Южного Уэльса для сооружения биологической станции и передан шести доверенным лицам (одним из которых был я)». Весной 1886 г. станция в Уотсонс-Бее была закрыта. Ее ликвидация глубоко опечалила Миклухо-Маклая. «...Не очень приятно все время, — отмечал Миклухо-Маклай, — ожидать, что мне придется покинуть биологическую станцию (которая в течение двух лет была для меня совершенно бесценным местом спокойного труда)» [43, с. 236]. Вскоре Миклухо-Маклай на пароходе «Меркара» выехал на родину. В письме к вице-председателю Географического общества П. П. Семенову от 25 марта 1886 г., написанном в Индийском океане, между Цейлоном и Аденом, Миклухо-Маклай сообщал, что он возвращается в Петербург с целью издания результатов своих путешествий. Он просил Географическое общество оказать ему содействие в получении помещения в Академии наук для разбора коллекций перед «передачей их в музей Академии наук и другие музеи СП[етербурга]» [12, ф. 4, 1886, оп. 1, № 53, л. 3].

В начале апреля 1886 г. Миклухо-Маклай был уже в Порт-Саиде, где он пересел на пароход «Лазарев», на котором и прибыл в Одессу. Здесь он задержался на несколько дней для разбора коллекций, привезенных им самим из Сиднея и Батавии, и багажа из Нагасаки, который был доставлен из Японии

в Одессу братом путешественника В. Н. Миклухо-Маклаем еще в 1884 г. Багаж состоял из десяти ящиков, пяти тюков и подводы. Все это ненужное Н. Н. Миклухо-Маклаю на Новой Гвинее было доставлено в Нагасаки еще в 1871 г. на «Витязе».

Из Одессы Миклухо-Маклай выехал в Крым, в царскую резиденцию Ливадию, где 22 апреля 1886 г. встретился с Гирсом, а 23-го — с Александром III. На этот раз и Гирс и Александр III разрешили Миклухо-Маклаю поднять русский флаг на том или ином незанятом острове Тихого океана в колонии, которую он собирался основать. Во время этих встреч вопрос о Береге Маклая решен не был. Царское правительство не хотело ссориться с Германией, куда русские помещики сбывали хлеб по принципу «недоедим, но вывезем», и Миклухо-Маклай понял, что ему предстоит тяжелая и упорная борьба за Берег Маклая, захваченный германской Новогвинейской компанией [4, с. 142].

Из Крыма Николай Николаевич через Киев направился в Малин, откуда 18 мая 1886 г. отправил Гирсу письмо, в котором сообщал, что на его предложения, «сделанные императорскому германскому правительству через министерство иностранных дел», он получил 25 сентября 1885 г. «ответ берлинского кабинета, что он затрудняется согласиться» на предложение русского путешественника «ввиду того, что заявление это последовало после выдачи грамоты германской Новогвинейской компании». Миклухо-Маклай привел неопровержимые факты, доказывающие преимущественные права России на Берег Маклая, и выразил решительный протест против создания германской комиссии для проверки этих фактов. «Зная из многолетнего опыта всю трудность изучения туземных языков, — писал Николай Николаевич, — зачастую невозможность передать европейские понятия на языке туземцев, а также многочисленность диалектов в Новой Гвинее, я не могу придавать серьезного значения будущим результатам назначенного германским правительством исследования на месте моих прав» [3, с. 573]. Миклухо-Маклай надеялся, что с помощью русского правительства ему удастся отстоять интересы папуасов Берега Маклая, а Гирсу во время предстоящего свидания с Бисмарком — убедить канцлера Германии в правоте требований русского путешественника, суть которых сводилась к отказу Германии от претензий на Берег Маклая. 10 июня Миклухо-Маклай уже был в Петербурге. Приезд Миклухо-Маклая в Петербург вызвал большой интерес прессы к его жизни и деятельности. Путешественник стал «модным человеком». Почти ежедневно в различных газетах и реже в провинциальных печатались статьи и заметки о его трудах, путешествиях, коллекциях и проектах. Были статьи, проникнутые глубоким уважением и симпатиями, были и откровенно враждебные.

24 июня 1886 г. «Петербургский листок» писал: «Не говоря уже о бесспорном научном значении трудов г. Миклухо-Маклая,

нельзя отказать знаменитому путешественнику в большой энергии и предприимчивости. У нас еще слишком немного людей, высоко державших знамя русской науки в чужих краях, для того чтобы мы могли как-то бравировать или же сами относиться к ним только шутливо. Они, во всяком случае, играют крупную роль в ознакомлении иностранцев с Россией и русскими, поддерживая престиж ученых за границами, и за это уже «одно заслуживают поддержки и поощрения» [34, 24.06 (06.07). 1886].

В этом же номере «Петербургского листка» была напечатана редакционная статья под названием «Вопрос, поднятый Н. Н. Миклухо-Маклаем». Автор ее писал, что «13 лет свободно и без всяких претензий со стороны других держав развеивался русский флаг» на Берегу Маклая, и «только в прошлом году заявила свои претензии на этот... кусочек земли всегда особенно „дружественная“ нам держава — Германия». Далее в статье указывалось, что Миклухо-Маклай «протестовал против слишком бесцеременно и бесправно предложенного, непрошеного протектората немцев». Вопрос, поднятый путешественником, по мнению газеты, не был еще окончательно решен. «Россия, — писал „Петербургский листок“, — не признала пока Берега Маклая состоящим под ее протекторатом, хотя фактическое признание этого архипелага находящимся... под покровительством России составляет, по всей вероятности, только временный вопрос» [8, 24.06 (06.07). 1886].

Газета опровергла слухи относительно того, что Миклухо-Маклай «предлагал протекторат» над Берегом Маклая Англии. В статье было написано, что Миклухо-Маклай «действительно обращался к английскому правительству с просьбой признать *независимость и самостоятельность* этого Берега, но о протекторате не заводилось и речи», что, по мнению газеты, подтверждалось приглашением Миклухо-Маклая устроить на Тихом океане русское поселение. На следующий день Миклухо-Маклай обратился в редакцию «Нового времени» с письмом, в котором сообщал, что призыв поселиться в открытой им местности на Берегу Маклая дал неожиданный результат: он уже получил письменные заявления от 160 лиц «о согласии переселиться на острова Тихого океана» [20, с. 292].

Из этого же письма стало известно, что Академия наук отказалась предоставить Миклухо-Маклаю помещение для разбора коллекций, которые он хотел передать ей в дар. Прошение Миклухо-Маклая от 25 марта 1886 г. о предоставлении помещения для разбора коллекций П. П. Семенов передал непременно секретарю Академии наук К. С. Веселовскому. Последний сообщил, что удовлетворение просьбы Миклухо-Маклая «от него вовсе не зависит», и переслал прошение в комитет правления Академии наук. 23 мая 1886 г. комитет правления постановил: «Ввиду неимения свободного помещения в здании Академии наук в удовлетворении просьбы Миклухо-Маклая

отказать». В приложенной к протоколу справке было указано, что «из числа всех помещений Академии наук на летнее время остается свободным большое конференц-зало, которое не может быть предоставлено для разборки коллекций, прочие же помещения при музеях уже все переполнены и не могут вместить значительной части коллекций, хранящихся в настоящее время в ящиках» [12, ф. 4, 1886, оп. 2, № 53, л. 4].

Помещение для разбора коллекций Миклухо-Маклай получил только после распоряжения Александра III. 10 июля 1886 г. товарищ министра просвещения М. С. Волконский писал вице-президенту Академии наук В. Я. Буняковскому, что Александр III указал ему на то, что «известный путешественник Миклухо-Маклай не находит помещения для своих коллекций и что Академии наук надлежало бы озаботиться сбережением их, дабы столь редкое собрание не было бы потеряно для науки, и отвести для того помещение, хотя бы временное». При этом Александр III выразил уверенность, что *«Академия наук найдет, конечно, в своем помещении одну или две небольших комнат для этой цели»*. Волконский просил Буняковского «признать возможным изыскать средство к помещению вышеозначенных коллекций в зданиях Академии наук и о последующем почтить» его «уведомлением в самом непродолжительном времени» [12, ф. 2, 1886, оп. 1, № 11, л. 103].

Через четыре дня, 15 июля, Буняковский предложил комитету правления Академии наук предоставить большой конференц-зал для «временного в нем помещения коллекций, собранных Миклухо-Маклаем во время его путешествий». А до этого времени два месяца коллекции Миклухо-Маклая находились на С.-Петербургской пассажирской станции. 11 июля служба эксплуатации Николаевской железной дороги, озабоченная «столь длительным пребыванием» на станции ящиков Миклухо-Маклая, попросила Географическое общество вывезти коллекции.

Такое отношение ведущего научного учреждения страны к Миклухо-Маклаю не могло не сказаться на осуществлении его планов и проектов. Но препятствия его не останавливали. Он развивал бурную деятельность — научную и общественную. 21 июня 1886 г. на первом собрании будущих переселенцев на Берег Маклая Николай Николаевич прочел лекцию о проектируемой колонии и ответил на многочисленные вопросы присутствующих. Подробная информация была опубликована в «Петербургском листке». На лекции Миклухо-Маклай сказал, что он собирается отправиться на Берег Маклая, в бухту Порт-Константин, для того чтобы выбрать для будущей колонии один из ненаселенных островов. Он заявил, что настолько хорошо изучил папуасов в течение трехлетнего пребывания среди них, что был уверен в том, что «пришлое население не будет враждебно принято папуасами, язык и нравы» которых он знает «в достаточной мере обстоятельно».

После краткой характеристики природных условий и ресур-

тов Берега Маклая путешественник сказал, что плодородная почва «дает превосходные урожаи; так, кукуруза, которую я первый акклиматизировал, вместе с многими другими растениями дает в год 3 урожая; банан, не требующий за собой никакого ухода и имеющий более 20 разновидностей, дает плоды через 3—4 месяца после посадки черенков. Я лично, — сказал ученый далее, — развел около своего дома, без всяких хлопот, 8 сортов банана... Посевы и рассадка корнеплодных растений могут быть производимы круглый год. Рис, таро, саго, кофейное дерево могут быть возделываемы с успехом».

Что касается винограда, то Миклухо-Маклай сомневался в возможности его акклиматизации. Но он об этом не сожалел. «Первым и абсолютным условием, поставленным мною для колонистов, — заявил путешественник, — будет полное воспрещение покупки, продажи и употребления спиртных напитков всех сортов (за исключением вин, необходимых для аптеки). Путешествуя 24 года, — сказал он, — я никогда не находил надобности в алкоголе и признаю его одним из самых вредных ядов».

Большое внимание Миклухо-Маклай уделил вопросу о земле. Он подчеркнул, что «земли, необходимой для возделывания и построек, можно иметь в достаточном количестве». В частности, путешественник предлагал использовать земли, «лежащие между враждующими селениями и никем не возделываемые, из опасения обоюдных набегов и убийств. Само собой разумеется, — сказал он, — что никакие аферы по купке и перепродаже земель у нас не могут и не должны быть допущены. В интересах колонистов жить в наилучших отношениях с туземцами и не обижать их, чтобы не обратить их во врагов».

При организации русского поселения на Тихом океане в большом и малом Миклухо-Маклай старался учитывать интересы местных жителей. Так, например, коснувшись вопроса об одежде папуасов, он заметил, что ношение туземцами европейской одежды считает вредным для здоровья, и потому в их интересах отклонил сделанное ему предложение об открытии на Берегу Маклая ткацкой и прядильной фабрики стоимостью 50 тыс руб., хотя он и считал, что «всякая отрасль промышленности найдется себе сбыт на разных островах Тихого океана, где требования туземцев с каждым годом становятся многочисленнее».

Миклухо-Маклай указал на необходимость использования в качестве строительного материала коралла, добывание которого «не сопряжено ни с особенными трудностями, ни с большими расходами», а также глины, так как деревянные постройки в экваториальной зоне оказывались непригодными, их поедали термиты.

Для организации морских перевозок между Берегом Маклая и ближайшими портами, имеющими связь с Европой, Миклухо-Маклай рассчитывал получить в свое распоряжение шхуну. «Жизнь на Берегу Маклая, — сказал он в заключение, — само

собой разумеется, не может быть дорога. Всякая трудящаяся рука будет иметь не только достаточную, но и изобильную пищу. Помимо земледелия и богатой рыбной ловли одна получающая охота дает достаточное на сутки пропитание. Во всяком случае, найдется применение и свободному капиталу, и ремеслу, и простой рабочей силе, была бы лишь охота работать и вести порядочную жизнь».

В конце выступления Миклухо-Маклай остановился на организационных вопросах. Он сказал, что для поездки на Берег Маклая на первый раз ему понадобится всего 10—12 человек, с которыми он предполагает заключить соглашение о гарантированной работе. Всем же остальным желающим отправиться с ним на Берег Маклая он обещал «даровой проезд» до Новой Гвинеи и «даровое продовольствие» во время двухмесячного пути. «Я отнюдь *не беру* на себя, — сказал он, — доставление переселенцам постоянной, определенной работы, жилищ, специальной деятельности. Я *не могу* обещать переселенцам даже дарового проезда обратно в Россию. Но я озабочусь захватить с собою достаточное количество необходимых на месте проектируемой колонии припасов, жизненных продуктов и строительных материалов, причем все это будет продаваться колонистам по возможно низким ценам, во избежание разных эксплуататоров» [9, 25.06 (07.07). 1886].

Эта его лекция и другие подобные вызвали широкий общественный резонанс.

Через два дня после опубликования в «Петербургском листке» отчета корреспондента о первом собрании переселенцев Миклухо-Маклай обратился к Гирсу с просьбой испросить у Александра III разрешение основать русскую колонию на Берегу Маклая в Новой Гвинее или на одном из островов Тихого океана. После второй встречи с будущими переселенцами путешественник обратился с подобной же просьбой непосредственно к Александру III.

Летом 1886 г. в петербургских газетах развернулась острая полемика по поводу проекта Миклухо-Маклая. Его взгляды защищал профессор классической филологии В. И. Модестов, корреспондент газеты «Новости и биржевая газета». 1 июля 1886 г. Модестов поместил в этой газете статью «В добрый час», в ней он сделал попытку теоретически обосновать идею Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии [30, 01 (13). 07. 1886]. Модестов советовал «осуществить в Южном полушарии идеальную республику Платона» или «испробовать суровой жизни в фаланстерах Фурье».

Против проекта Миклухо-Маклая 6 июля 1886 г. выступил корреспондент газеты «Новое время» А. Дьяков (печатался под псевдонимом Житель). Отвечая на вопрос, «из каких элементов могла бы сложиться колония г. Миклухо-Маклая», он писал, что в стомиллионном населении России всегда найдется «изрядное количество бездомных», «бедствующих и страдающих» лю-

дей, считающих себя в положении безвыходном. Каждый из этих людей, как писал Дьяков, думал, «из-за чего он бьется, если труд, служба все равно ничего не дают ему, кроме горького, отравленного унижением куска хлеба, поглощающего все его силы и способности». Дьяков был недоволен тем, что Миклухо-Маклай призывал в Новую Гвинею людей, склонных к мечтам «о новой жизни, новых началах». И Миклухо-Маклай и Модестов, заявлял Дьяков, соблазняли русских людей «легкостью жизни где-то у чертей на куличках, когда вся Россия предлагает им больше сотни Новых Гвиней, вполне вольготных пространств для культурной обработки, когда под носом у этих ученых возникают все новые и новые колонии иностранцев, в самое короткое время достигающие блистательного благосостояния» [11, 06 (18). 07. 1886].

Возмущенный статьей Дьякова, Модестов 10 июля писал, что газета «Новое время» не знала «границ своему глумлению над патристическим стремлением знаменитого путешественника, не щадя при этом никаких выражений к оскорблению его личности» [31, 10 (22). 07. 1886]. 12 июля на смену Дьякову, уволенному из газеты «Новое время» за уголовное прошлое, пришел К. А. Скальковский. Он обрушился на Миклухо-Маклая с грубой бранью и заявил, что «склонение русских подданных к эмиграции» является уголовным преступлением и власти имеют право прекратить «колониционные попытки» Миклухо-Маклая.

Сделав ряд оскорбительных выпадов против путешественника, Скальковский подчеркнул, что Новая Гвинея «имеет очень малую внутреннюю ценность, поэтому-то она и оставалась так долго не занятою, хотя англичане, испанцы, португальцы, голландцы расхватили давно по соседству все сколько-нибудь имеющие цену островки. Теперь, — писал Скальковский, — Новую Гвинею заняли не потому, что достоинство ее повысилось, а совсем по другим соображениям. Для Голландии и Англии важно соседство. Их колонии так богаты, что было крайне опасно видеть на Новой Гвинее водворение какой-либо новой державы, тем более сильной. Они не успели, однако, устранить Германию». Скальковский считал, что для России Новая Гвинея «не может иметь никакого значения» [37, 12 (24). 07. 1886]. Два дня спустя после опубликования статьи Скальковского «Новое время» с восторгом приветствовало заявление немецкой газеты «Шлезиге Цайтунг» о том, что Миклухо-Маклая и «его сподвижников (?)» немцы, как иначе и быть не может, выпровадят просто за дверь...» [33, 14 (26). 07. 1886].

15 июля 1886 г. в полемику по поводу проекта Миклухо-Маклая вступила московская газета «Русский курьер», корреспондент которой писал, что, несмотря на то что призыв Миклухо-Маклая переселиться в Новую Гвинею встречен был «с недоверием и даже насмешкою», — он был чрезвычайно удивлен, увидев у путешественника массу писем «от лиц разного звания

и сословия, и молодых и старых, и бедных и со средствами, желающих ехать в Новую Гвинею». Однако газета предупреждала о том, что Миклухо-Маклая может ожидать «участь мищмана Шольца-Рагозинского, как известно, — писал корреспондент, — захваченного германцами в Африке и привезенного в Германию, но, видно, г. Миклуха не струсил, хотя все невыгоды на его стороне: он статский, хилый человек, здоровье которого, видимо, подорвано» [2, 15.07. 1886].

В разгар этой полемики Миклухо-Маклай обратился к Гирсу с настоятельной просьбой устроить ему свидание с Александром III. Это свидание состоялось 16 июля 1886 г. Александр III подтвердил свое согласие на создание русской колонии на одном из островов Тихого океана. В связи с этим Гирс в представленном царю докладе «По предложению Миклухо-Маклая основать русскую колонию на Тихом океане» писал, что Берег Маклая «вошел уже два года тому назад в пределы Новогвинейской территории, находящейся под покровительством германского императора. Следовательно, разрешение установить там колонию не может зависеть от российской верховной власти» [41, ф. 410, оп. 2, 1882, № 4155, л. 136].

17 июля 1886 г. Гирс попросил Миклухо-Маклая сообщить «более подробные данные, какие будут иметься в виду при основании русской колонии на Тихом океане». 9 августа Николай Николаевич передал Гирсу важный документ — объяснительную записку о будущем экономическом и политическом устройстве русской колонии на Тихом океане. В основе ее лежал «Проект развития Берега Маклая», разработанный путешественником еще в 1881 г. Как в первом, так и во втором варианте своего проекта Миклухо-Маклай хотел создать на одном из островов Тихого океана общество без эксплуатации, на основе общинной собственности на землю, с демократическим управлением. «Колония, — писал Миклухо-Маклай, — составляет общину и управляется старшиною, советом и общим сходом или общим собранием поселенцев» [21, с. 298].

3 сентября 1886 г. в письме к брату Михаилу Миклухо-Маклай сообщил откровенное мнение по поводу своего проекта: «...в отношении Берега Маклая от русского правит[ельства] я ничего не могу ожидать более, как ту мизерную помощь, что оно предоставит германскому прав[ительству] свое желание, чтобы немцы признали бы меня как русского на германской территории. Более этого ничего... Это очень важно потому, что это *единственная тоненькая ниточка*, на которой держится весь мой план будущей русской колонии на остр[овах] Тихого океана, и я надеюсь, что государь император не отречется от [слов] своих, сказанных в Ливадии 23-го апреля. Надеюсь иметь аудиенцию на будущей неделе... Одни работы меня только связывают, не имей я их — давно бы уехал. Как только более определенно буду знать, что и как относительно основания русской колонии, — напишу». В этом же письме Миклухо-Маклай

сообщил, что его работа над книгой идет не так успешно, как он хотел, «вследствие частых перерывов», которые он не мог «устранить, как, например, свидания с [господином] Гирсом, Влангали, Остен-Сакеном в министерстве» [12, ф. 143, оп. 1, № 44, л. 93].

Осенью 1886 г. Миклухо-Маклай был занят разбором и систематизацией своей коллекции для показа ее на выставке. Эта работа выполнялась при низкой температуре воздуха в помещении конференц-зала Академии наук, вредно отражавшейся на здоровье Николая Николаевича. 2 октября 1886 г. Миклухо-Маклай обратился в правление Академии наук с просьбой «сделать распоряжение *отопить зало*», так как низкая температура воздуха делала для него «*невозможным без ущерба для здоровья* разбирать... этнологические коллекции». Из сохранившейся переписки видно, что эта скромная просьба путешественника была отклонена. Экзекутор Академии наук В. Н. Федоров 3 октября писал в комитет правления Академии наук, что просьбу Миклухо-Маклая нельзя удовлетворить, так как «отопление большого конференц-зала Академии наук производится с 1 ноября через печников по месячной оплате» [12, ф. 4, 1886, оп. 2, № 53, л. 10].

6 октября Миклухо-Маклай пригласил членов Академии наук «почтить своим посещением этнологическую коллекцию, собранную на островах Тихого океана». На извещении об открытии выставки расписалось более 20 академиков. На открытии выставки, состоявшемся 8 октября 1886 г., Семенов приветствовал Миклухо-Маклая по поводу его возвращения из отдаленных стран и результатов его путешествия, представленных в виде «обширной коллекции и обширных манускриптов». В кратком выступлении Николай Николаевич сказал, что цель его путешествия «не заключалась в собрании коллекций... а прежде всего и главным образом — наблюдения по антропологии и этнологии... коллекция же, — сказал он, — имеет назначение... представить аксессуары так называемого каменного периода». Миклухо-Маклай подчеркнул, что он специально выбирал для исследования такие острова, которые находились еще на стадии каменного века. «Собранные мною вещи, — продолжал он, — свидетельствуют о нем. В настоящее же время все эти вещи уже более не производятся, а если приготавлиются, то в виде пародий, так как на них продолжается спрос для поставщиков в музеи». Далее Миклухо-Маклай подчеркнул, что значение его коллекции будет увеличиваться с каждым годом. Он выразил надежду, что Академия наук со временем найдет лучшее помещение для подобных коллекций и не будет хранить в подвалах вещи, собранные русскими мореплавателями Коцебу, Крузенштерном и Литке. «Было бы в высшей степени желательно, — сказал Миклухо-Маклай, — чтобы в Петербурге был порядочный этнологический музей, в состав которого вошли бы предметы, разбросанные по музеям Географического общества, Морскому

и т. п.». Это предложение путешественника впоследствии было осуществлено.

Заключительную часть выступления Миклухо-Маклай посвятил своим манускриптам. Он пророчески сказал, что результаты его путешествий не скоро увидят свет. «Впрочем,— заметил он,— я человек терпеливый и буду ждать, пока окажется возможность напечатать мои труды. Я сам лично не беспокоюсь об участии моих рукописей, *будучи убежден в значении их для науки*. Рано или поздно это будет сделано». Кроме издания научных трудов Миклухо-Маклай в «непродолжительном времени» хотел подготовить к печати свое сочинение, написанное в «общедоступной форме» [29, 09(21).10.1886].

На следующий день после открытия выставки, 9 октября 1886 г., под председательством Гирса состоялось заседание «Особого комитета, высочайше утвержденного для рассмотрения предложений Н. Н. Миклухо-Маклая», о создании на одном из островов Тихого океана русской колонии. В состав «Особого комитета» вошли представители пяти министерств: иностранных дел, финансов, внутренних дел, военного и морского. Из протокола заседания комитета, опубликованного в извлечениях в другой нашей статье [5], видно, что в 80-х годах XIX в. русское правительство не было заинтересовано в приобретении колонии в южной части Тихого океана, а тем более свободной, какую предлагал создать Миклухо-Маклай.

Ход обсуждения и решение комитета были в значительной степени предопределены полемикой, развернувшейся на страницах петербургских газет. Реализация предложений Миклухо-Маклая не сулила никаких личных выгод ни членам «Особого комитета», ни тем, чьи интересы они представляли, и, когда из ответов путешественника членам комитета стало ясно, что Миклухо-Маклай не собирается отходить от своих демократических принципов организации колонии, они отвергли его предложение.

Когда Миклухо-Маклай находился в Австралии, Гирс и Шестаков оказывали ему некоторую дипломатическую поддержку в его борьбе против захвата Германией Берега Маклая, но по возвращении на родину он лишился и ее: царское правительство не хотело портить отношений со своим торговым партнером Германией и не желало ссориться из-за Берега Маклая с Вильгельмом I и Бисмарком.

11 октября 1886 г., два дня спустя после заседания «Особого комитета», Миклухо-Маклай из конференц-зала Академии наук обратился с пламенной речью к общественности Петербурга. Этой речи он придавал большее значение, чем своим коллекциям. Он знал, что через печать его слова о «положении политических и общественных дел на островах Тихого океана» станут известны не только в России, но и за ее пределами. Миклухо-Маклай сказал, что «за последние годы европейские державы обратили свое внимание» на острова Тихого океана,

которые стали «полем захватов». Русский путешественник считал эти острова одним из самых «благодатных уголков нашей планеты. Плодородие почвы, красота местности, отличный равномерный климат,— писал он,— легкая доступность и сообщение с остальным миром при помощи судов делают их таковыми». Не оставил Миклухо-Маклай без внимания и «темные стороны» жизни населения этих островов, борьба с которыми часто служила предлогом для вторжения колонизаторов [32, 11(23). 10.1886].

Еще в 1878 г. Миклухо-Маклай написал председателю Русского географического общества письмо о «необходимости учреждения международной полиции в Тихом океане». Перевод его был опубликован в отчетах Лондонского общества по борьбе с рабством [44]. Необходимость создания международной полиции, как писал путешественник, особенно возросла в связи с распространением «германской колониальной политики, потому что вот уже много лет германский флаг в Тихом океане прикрывает самые бессовестные несправедливости, как кражи и обман в отношении туземцев, невольничество и жестокости на плантациях, систематический грабеж туземных земель и т. п. Ни одного преступления белого против черных,— писал он,— не было до сих пор наказано германским правительством».

Грабеж и убийства коренных жителей островов Тихого океана, осуществлявшиеся кайзеровской Германией, Миклухо-Маклай объяснял тем, что правительство этой страны назначало «консулами рабовладельцев и бессовестнейших эксплуататоров туземцев», а «так как все колониальные приобретения немцев в последние годы,— писал путешественник,— отданы в руки промышленной компании, то будущность всех этих островов относительно идеи справедливости к темнокожим несколько не гарантирована». В заключение Миклухо-Маклай сказал: «Решившись поселиться на островах Тихого океана, я, естественно, пожелал и желаю, чтобы в местности, где я поселюсь, развеялся русский флаг» [32, 11 (23). 10.1886].

20 октября 1886 г. Миклухо-Маклай довел до сведения комитета правления Академии наук, что он «намерен освободить зало» от своих коллекций к 1 декабря 1886 г. Незадолго до наступления этого срока он обратился к президенту Академии наук Д. А. Толстому с письмом, в котором сообщал, что желает подарить Академии наук «большую часть своих коллекций, собранных... во время путешествий по островам Тихого океана от 1870—1885 гг., в надежде, что подарок этот будет принят как слабый знак благодарности русскому правительству за помощь, оказанную ему в разное время» при его путешествиях. Миклухо-Маклай обратил внимание президента на то, что его коллекция была «собрана на островах Тихого океана во время, когда жители этих островов не были вовсе (как на Берегу Маклая в Новой Гвинее, например) или в весьма редких сношениях (острова Адмиралтейства, остров Луб и другие) с европейцами

и находились еще в так называемом *каменном веке*, который,— писал он,— ныне почти что совершенно исчез».

Характеризуя значение для науки собранной им коллекции, Миклухо-Маклай писал, что «о ценности ее и говорить нечего, т[ак] к[ак] в ближайшем будущем, даже вероятно и в настоящее время, подобную невозможно будет приобрести ни за какие деньги, потому что каменные орудия совершенно выйдут или вышли из употребления и люди, которые умели употреблять их, вымерли или вымрут» [23, с. 308]. В этом же письме путешественник просил президента Академии наук выплатить ему небольшую сумму (276 руб.) за перевозку коллекции из Сиднея в Лондон и из Лондона в Петербург. Эта просьба Миклухо-Маклая показывает, что в 1886 г. он крайне нуждался в деньгах. Географическое общество тогда не выплатило ему деньги, пожертвованные А. М. Раевской². В отчете общества за 1886 г. отмечено, что Миклухо-Маклай «приготовил к печати один том описательной части своих путешествий». Но совет Общества не спешил оказать Николаю Николаевичу материальную помощь, хотя можно было опубликовать первый том описания путешествия Миклухо-Маклая и гонорар за него передать ученому.

Вслед за письмом к Толстому Миклухо-Маклай направил письмо директору Музея антропологии и этнографии Академии наук Л. И. Шренку. «Ввиду того обстоятельства,— писал он,— что я собирал мои коллекции не для каких-либо музеев, а единственно для более обстоятельного рассмотрения, а также как вещественные иллюстрации моих исследований и так как предметы моей коллекции будут мне *совершенно необходимы* при описании моих путешествий, то я должен *иметь всегда свободный к ним доступ, а также возможность брать их иногда из музея для снятия с них фотографий, необходимых для иллюстрирования моего труда по этнологии меланезийцев*» [24, с. 308]. Из ответного письма Шренка от 8 декабря 1886 г. видно, что просьба Миклухо-Маклая была удовлетворена.

В начале декабря 1886 г. Миклухо-Маклай приступил к чтению лекций о своих путешествиях в здании Государственной думы. После прочтения четырех лекций он попросил редактора газеты «Новое время» А. С. Суворина поместить обстоятельную статью о его проекте основания русской колонии на Тихом океане в том номере газеты, где будет помещен отчет о его пятой лекции. 13 декабря 1886 г. в «Новом времени» была опубликована статья Миклухо-Маклая «О будущей русской колонизации в Тихом океане». На лекции Николай Николаевич выразил надежду, что его проект «рано или поздно осуществится. Я же,— сказал он,— никогда не отступлю от дела, за которое взялся. Да послужат эти слова ответом тем приблизительно 1800 лицам, изъявившим готовность и желание последовать за мною в

² После смерти Миклухо-Маклая эти деньги были выплачены его вдове Маргарет Миклухо-Маклай.

будущую русскую колонию в Тихом океане и которым я не имею возможности ответить иначе».

Надежды Миклухо-Маклая не оправдались. Еще 9 декабря 1886 г. Александр III утвердил заключение «Особого комитета» и «повелел отказать» путешественнику в его ходатайстве. Получив письмо Гирса от 18 декабря 1886 г. с сообщением об отказе, Николай Николаевич сразу попросил министра иностранных дел сделать распоряжение о выдаче ему «надлежащего документа» о соизволении Александра III поднять русский флаг на одном из островов Тихого океана, данного ему 23 апреля в Ливадии и подтвержденного 16 июля 1886 г. в Петербурге. «При возвращении моем на острова Тихого океана,—писал Миклухо-Маклай,—я найду возможным достигнуть острова, который я избрал, и устроиться на нем на постоянное жительство, почему, имея на то высочайшее соизволение и *будучи русским*, я не желал бы поднять на этом не занятом пока острове какой-либо другой флаг—как русский, что ни в коем случае не „может повлечь за собой дорогостоящих мероприятий“ со стороны русского правительства» [12, ф. 143, оп. 1, № 21, л. 26]. Наивные с политической точки зрения проекты и предложения Миклухо-Маклая имели благородную цель—оградить жителей Берега Маклая от захвата их территории европейскими державами.

Однако Гирс и его окружение не собирались выполнять обещаний и «соизволений» Александра III. Они видели в Миклухо-Маклае трибуну папуасов и борца против рабства и угнетения не только народов Океании, но и русского народа.

Незадолго до заседания «Особого комитета», в сентябре 1886 г., Миклухо-Маклай получил письмо от Л. Н. Толстого, которое резко отличалось от рассуждений высокопоставленных чиновников о деятельности путешественника. Впервые Л. Н. Толстой упомянул Миклухо-Маклая в своем сочинении «В чем моя вера?», опубликованном в 1884 г. в Москве и сразу запрещенном царской цензурой (оно вышло в свет в Париже в 1885 г.). Толстой писал, что Миклухо-Маклай «поселился среди самых зверских, как говорили, диких и его не только не убили, но полюбили его, покорились ему только потому, что он не боялся их, ничего не требовал от них и делал им добро» [38, с. 463]. В яснополянской библиотеке Толстого сохранилась статья Миклухо-Маклая о его втором пребывании на Берегу Маклая [14]. Возможно, что она была передана Толстому известной общественной деятельницей А. М. Калмыковой. 28 марта 1886 г. Толстой писал Калмыковой: «Труд Вашего путешественника со мной». В апреле 1886 г. Толстой сообщил В. Г. Черткову, что нужно напечатать статью о Миклухо-Маклае [40, с. 331].

Узнав, что Толстой заинтересовался «некоторыми эпизодами» его странствий, Миклухо-Маклай 19 сентября 1886 г. послал великому русскому писателю из Петербурга свое первое письмо, сообщив, что после возвращения в Россию, на пути

из Киева в Москву, хотел навестить его. Необходимость быть как можно раньше в Петербурге заставила Николая Николаевича отложить поездку в Ясную Поляну. 19 сентября 1886 г. Миклухо-Маклай послал Толстому две статьи о пребывании в Новой Гвинее, в ответ на которые писатель послал ему свое знаменитое письмо. Толстой благодарил Миклухо-Маклая за интересные брошюры, которые вызвали у него восхищение его путешествиями. «...Вы первый,— писал Толстой,— несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают» [39, с. 378].

1887 год был особенно тяжелым для Миклухо-Маклая. В начале февраля он выступил на общем собрании Географического общества и сообщил, что он должен по домашним обстоятельствам выехать в Сидней. Касаясь подготовки к печати первого тома описания своих путешествий, который был «почти что готов», он сказал: «Несмотря на то что я старался не терять времени, работа моя подвигается далеко не так быстро, как я ожидал, чем отчасти я обязан сильному нездоровью, которое не раз заставляло меня работать не так, как я желал». Николай Николаевич рассчитывал вернуться из Австралии в Петербург «приблизительно в мае месяце, чтобы посвятить лето и осень на продолжение и окончание» своих работ [15, с. 426]. Подробнее о причинах своего отъезда в Австралию Миклухо-Маклай написал старшему брату Сергею. «Я решил,— писал он,— перевезти жену и моих ребят на год или полтора в Европу, почему и еду в Сидней, где без меня мои очень важные зоологические, анатомические коллекции все пропадут» [25, с. 315].

В этом же письме Миклухо-Маклай подвел печальный итог своей многолетней борьбы за осуществление проекта Берега Маклая. «В деле относительно Берега Маклая,— писал Николай Николаевич,— я потерпел почти полное *фиаско*. Подобным же фиаско закончился поднятый мною вопрос об основании русской колонии на островах Тихого океана...» Накануне отъезда в Австралию Миклухо-Маклай передал в Этнографический музей Академии наук свои рукописи и рисунки. В архиве Академии наук сохранилась расписка сотрудника этого музея о том, что он 11 марта 1887 г. получил от Миклухо-Маклая для этого музея «3 жестянки с рукописями и рисунками, 1 небольшой кожаный чемодан с тем же, 1 большой портфель с бумагами и рисунками, 1 жестяную трубку с картами». 16 марта, перед самым отъездом в Австралию, путешественник передал в музей свой портрет и карту Малайского архипелага. Книги свои он отдал Петербургскому университету.

17 марта Миклухо-Маклай выехал из Петербурга. На пути в Одессу он остановился в Москве, где вел переговоры со своим

знакомым, бывшим дипломатическим чиновником русской миссии в Мессине Е. И. Барановским, по поводу своего проекта, который он хотел теперь осуществить уже не с помощью правительства, а при содействии частных лиц. 21 марта Николай Николаевич прибыл в Одессу, а неделю спустя был в Александрии, откуда на поезде доехал до Суэца. Из Суэца 30 марта 1887 г. на пароходе «Неккар» Миклухо-Маклай отправился в Австралию. Здоровье его не улучшалось. «Не без труда,— писал он,— и лишь при помощи одного из матросов взобрался я на палубу, так как боль в обоих плечах и руках не позволяла при держиваться за перила, да и вообще я едва держался на ногах от ревматизма» [16, с. 599].

В Австралии Миклухо-Маклай пробыл всего девять дней. Он торопился вернуться в Петербург. «Я не придерживался бы такой программы,— писал он,— если бы не считал мое возвращение в Европу для опубликования моих работ непременно долгом перед наукой» [26, с. 322]. На том же самом пароходе «Неккар» Миклухо-Маклай вместе с женой и двумя сыновьями отправился из Австралии в Европу. Морским путем они достигли Италии, откуда через Австрию в начале июля 1887 г. прибыли в Петербург. На этот раз путешественник доставил в Россию свою зоологическую и анатомическую коллекции, включавшие 43 человеческих черепа, более 100 черепов и скелетов животных и 32 различных препарата. Впоследствии эти экспонаты были переданы М. Н. Миклухо-Маклаем в Зоологический музей Академии наук. Опись их сохранилась в Архиве Географического общества [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 265—276].

Работу над вторым томом своего путешествия Миклухо-Маклай не смог начать даже в сентябре 1887 г., так как ему нужно было писать статью для газеты «Новое время» [16], в редакции которой он «взял перед 1-м числом 150 руб[лей], чтобы уплатить за квартиру, жалованье прислуге и т. д.» [27, с. 326].

10 сентября в «Петербургском листке» появилось первое сообщение о тяжелой болезни путешественника. Там было написано, что Миклухо-Маклай, «страдавший сильно с октября месяца прошлого года ревматизмом и невралгией, обратился за советом к профессору Кошлякову, который обнаружил у больного путешественника «хронический ревматизм, притом сильно запущенный».

Несмотря на болезнь, Миклухо-Маклай в конце 1887 г. подготовил к печати отрывок из дневника своего путешествия на острова Меланезии в 1879 г. [17]. 1 января 1888 г., посылая эту статью великому князю Николаю Николаевичу, Миклухо-Маклай писал, что он не надеется «так скоро быть в состоянии выбраться из 4-х стен; один день плохо,— писал он,— другой мне лучше, а затем опять скверно, иногда приходится *весь* день не двигаться с дивана... Не житей мне в этом климате!» [35, ф. 93, оп. 3, № 830, л. 1].

В феврале 1888 г. Миклухо-Маклай был помещен в клинику

Вилие. Известный путешественник и врач А. В. Елисеев 5(17) апреля 1888 г. писал, что Миклухо-Маклай пришел в клинику «уже со смертью в груди и без светлой надежды на возвращение. В клинике профессора Боткина,— писал он далее,— успокоился наконец неумолимый труженик и скиталец, которого вся жизнь была одним сплошным путешествием, для которого мир не казался великим, а Австралия была так же близкою, как для нас Тверь или Москва» [10, 05 (17).04.1888].

Вице-председатель Русского географического общества П. П. Семенов уже после смерти путешественника писал Александру III, что в 1886—1888 гг. в Петербурге Миклухо-Маклай жил «в крайней бедности». А Совет Географического общества «не считал возможным принять на себя какое-либо ходатайство за Маклая лишь потому, что он еще не справился с исполнением обязанностей, принятых на себя в 1882 г.» [1, ф. 1, 1881, оп. 1, № 25, л. 223], и не представил «полный манускрипт своего путешествия».

12(24) апреля 1888 г. Семенов представил совету Общества подготовленный к печати «покойным Н. Н. Миклухо-Маклаем первый том описания его путешествий». Этот том с дополнениями и биографией Николая Николаевича был издан Д. Н. Анучиным только после Великой Октябрьской социалистической революции (см. [28]).

Известный географ и картограф Н. В. Каульбарс, составивший по поручению совета Общества описание научных материалов Миклухо-Маклая, писал: «Судя по одному только оглавлению статей, нельзя не сознаться, что Николаю Николаевичу самому удалось обработать большую часть собранного им научного материала, что, следовательно, его долголетняя и многотрудная деятельность принесла пользу науке.

Нам остается только глубоко сожалеть,— писал далее Каульбарс,— что преждевременная кончина, последствия неумолимых трудов, при часто тяжелой обстановке, заставшая нашего почтенного сочлена в разгаре его деятельности, не дала ему возможности свести все это в одно единое и неразрывное целое. Имя и деятельность Николая Миклухо-Маклая навсегда послужат доблестным примером бесстрашия и полного самоотвержения русского путешественника в водах Тихого океана» [1, ф. 1, 1869, оп. 1, № 19, л. 231].

Литература

1. Архив Географического общества СССР.
2. В(акуловский) Н. Н. (Н. Н. В.). Н. Н. Миклухо-Маклай.— Русский курьер.
3. Вальская Б. А. Письма Н. Н. Миклухо-Маклая, направленные против захвата Германией Берега Маклая.— Известия Государственного географического общества. Л., 1946, т. 78, вып. 5—6.
4. Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая.— Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959.

5. Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии.— Австралия и Океания (история и современность). М., 1970.
6. Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г.— Страны и народы Востока. Вып. 13. М., 1972.
7. Вальская Б. А. Плавание Н. Н. Миклухо-Маклая на корвете «Скобелев» в 1883 г.— Страны и народы Востока. Вып. 24. М., 1982.
8. Вопрос, поднятый Н. Н. Миклухо-Маклаем.— Петербургский листок.
9. Е. Ч. У Н. Н. Миклухо-Маклая.— Петербургский листок.
10. Елисеев А. Памяти Н. Н. Миклухо-Маклая.— Новое время.
11. Житель [Дьяков А.]. К папуасам.— Новое время.
12. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР.
13. Миклухо-Маклай Н. Н. Берег Маклая в Новой Гвинее.— Новости и биржевая газета.
14. Миклухо-Маклай Н. Н. Второе пребывание на Берегу Маклая в Новой Гвинее (от июня 1876 по ноябрь 1877).— Известия Русского географического общества. 1880, т. 16, вып. II.
15. Миклухо-Маклай Н. Н. Выступление на общем собрании Русского географического общества в феврале 1887 г.— Собрание сочинений. Т. 4. М.—Л., 1953.
16. Миклухо-Маклай Н. Н. На несколько дней в Австралию (из путевых заметок 1887 г.).— Собрание сочинений. Т. 2, 1950.
17. Миклухо-Маклай Н. Н. Островок Андра (Из дневника 1879 г.).— Северный вестник. 1887, № 12; 1888, № 1.
18. Миклухо-Маклай Н. Н. Отчет члена-сотрудника Н. Н. Миклухо-Маклая о работах его за последние два года.— Собрание сочинений. Т. 3. Ч. 1, 1951.
19. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо М. Н. Миклухо-Маклаю 24 марта 1885 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
20. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо в редакцию газеты «Новое время» 25 июня 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
21. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо Н. К. Гирсу 9 августа 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
22. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо А. С. Суворину, ноябрь 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
23. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо президенту Академии наук Д. А. Толстому 27 ноября 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
24. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо академику Л. И. Шренку 5 декабря 1886 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
25. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо С. Н. Миклухо-Маклаю 4 марта 1887 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
26. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо неизвестному лицу 4 мая 1887 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
27. Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо М. Н. Миклухо-Маклаю 6 сентября 1887 г.— Собрание сочинений. Т. 4.
28. Миклухо-Маклай Н. Н. Путешествия. Т. 1. Путешествия в Новой Гвинее в 1871, 1872, 1874, 1876, 1877, 1880, 1883 гг. М., 1923.
29. Миклухо-Маклай Н. Н. Речь на открытии выставки коллекций в Большом конференц-зале Академии наук.— Петербургский листок.
30. Модестов В. И. В добрый час.— Новости и биржевая газета.
31. [Модестов В. И.] Русская колонизация в Австралии.— Новости и биржевая газета.
32. На выставке коллекций Н. Н. Миклухо-Маклая.— Петербургский листок.
33. Новое время.
34. О трудах г. Миклухи.— Петербургский листок.
35. Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР.
36. Русский инвалид. СПб.
37. [Скальковский К. А.] Ученое шарлатанство.— Новое время.
38. Толстой Л. Н. В чем моя вера?— Полное собрание сочинений. Т. 23. М., 1957.

39. Толстой Л. Н. Письмо Н. Н. Миклухо-Маклаю 25 сентября 1886 г.— Полное собрание сочинений. Т. 63. М., 1934.
40. Толстой Л. Н. Письмо В. Г. Черткову 3 апреля 1886 г.— Полное собрание сочинений. Т. 85. М., 1935.
41. Центральный Государственный архив военно-морского флота СССР.
42. Arrangement between Great Britain and Germany Relative to Their Respective Spheres Action in Positions of New Guinea. Presented to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. L., 1885, June.
43. Greenop F. S. Who Travels Alone. Sydney, 1944.
44. Mikloucho-Maclay N. N. To the President of the Russian Geographical Society. Reports of Anti-Slavery Society of London. L., 1878.
45. Mikloucho-Maclay N. N. The Russian Claim in New Guinea.— *Argus of Melbourne*.
46. Mikloucho-Maclay N. N. A Russian view of Germans in New Guinea.— *Sydney Morning Herald*.
47. Mikloucho-Maclay N. N. To the Editor of the «Herald».— *Sydney Morning Herald*.
48. Sentinella C. L. The Annexation of New Guinea and Death of Maclay. In the Book: Micloucho-Maclay. New Guinea Diaries 1871—1883. Translated from the Russian, with Biographical Comments by C. L. Sentinella. Madang, 1975.
49. Sydney Morning Herald.

М. П. Забродская

ПУТЕШЕСТВИЯ А. В. ЕЛИСЕЕВА ПО САХАРЕ (1881—1893 гг.)

Биография Александра Васильевича Елисеева — это описание его многочисленных путешествий [1; 2; 8; 12]. Крупнейший русский путешественник, А. В. Елисеев провел большую часть своей жизни или в непрерывных «странствиях по белу свету» — Европе, Азии и Африке, или, в перерыве между путешествиями, в обработке собранных материалов.

А. В. Елисеев родился в 1858 г. в Финляндии (в крепости Свеаборг) в семье армейского офицера. Еще будучи учеником Кронштадтской классической гимназии, в летние каникулы 1875 г. он совершает свою первую дальнюю экскурсию по маршруту Выборг — водопад Иматра — Ладожское озеро — р. Улео. Почти все поездки были предприняты им на собственные, исключительно скромные средства. Путешествуя в одиночку или с одним проводником, нередко неся на себе весь багаж, делая сотни верст пешком, подчас голодая, он не имел возможности заниматься исследованиями с помощью тяжеловесного инструментария и сбором объемных коллекций. Все, что Елисеев видел, замечал, чувствовал, он самым тщательным образом заносил в записную книжку. Свои наблюдения и выводы по возвращении он издавал в виде статей и отдельных капитальных трудов. Всего им было опубликовано свыше ста работ. В последний год своей жизни — 1895-й — А. В. Елисеев предпринимает поездку в Эфиопию, но подробный отчет об этом путешествии составить не успел: 22 мая он скончался.

Имя А. В. Елисеева особенно стало известно после его путешествий по Африке в 1881, 1883, 1884 и 1893 гг. Но вклад А. В. Елисеева в познание природы Африканского континента до сих пор не проанализирован, и данное сообщение имеет целью показать его роль в изучении природных особенностей величайшей пустыни мира — Сахары.

Восемнадцать лет Елисеев поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где слушал лекции по ботанике, химии, геологии таких выдающихся ученых, как А. Н. Бекетов, Д. И. Менделеев,

А. А. Иностранцев. По материальным соображениям он перешел в Медико-хирургическую академию, которую окончил в 1882 г., получив диплом врача.

Врачебная практика не раз помогала А. В. Елисееву в достижении целей путешествий. Слава врача шла впереди него и нередко обеспечивала хороший прием у местного населения, которому он бескорыстно оказывал медицинскую помощь. Врачебная практика, кроме того, давала ему неисчерпаемые возможности для антропологических наблюдений и выводов. А. В. Елисеев писал: «Ввиду того что главной моей специальностью помимо медицины была и есть антропология, я обращал тщательное внимание на различные антропологические и этнологические вопросы и по мере сил способствовал их выяснению» [7, т. 1, с. 8]. Однако анализ опубликованных работ А. В. Елисеева только под углом зрения его вклада в этнографию и антропологию был бы односторонним.

Обладея необыкновенным даром тонкого наблюдателя и знатока природы, А. В. Елисеев умел в художественной форме описать ее. Его поэтический гимн лесу, описание фиордов, природы пустыни и т. д. до сего времени не сходят со страниц хрестоматий по физической географии.

Но не только в этом большая заслуга русского путешественника, как чаще всего склонны считать большинство его исследователей. Так, в некоторых рецензиях на четырехтомный труд А. В. Елисеева «По белу свету» (первый том вышел в 1894 г., а последующие — уже после его смерти)¹ прежде всего отмечается «картинное описание природы» и ни слова не говорится о научных заслугах автора. Мало того, у некоторых рецензентов, особенно критически настроенных к описаниям А. В. Елисеева, говорится, что они не могут удовлетворить более или менее требовательного читателя [13, с. 71]. Такая оценка труда А. В. Елисеева несправедлива, как несправедливы обвинения в его адрес по поводу малой научной значимости его путешествий.

Описания его путешествий 80—90-х годов по Финляндии, Северной Африке, Передней Азии и Дальнему Востоку имеют большое научное значение и изобилуют не только географическими фактами, но и сохранившими до наших дней научный интерес обобщениями. Любознательность и тонкая наблюдательность неутомимого путешественника дали возможность собрать богатый материал для его будущего учебника по географии. В 1886 г. А. В. Елисеев издает такой учебник «Основания рациональной географии» для высших классов гимназии и педагогических курсов. Критикуя существующие учебники по географии, А. В. Елисеев отмечает, что они схоластичны, в них

¹ Труд А. В. Елисеева вышел в издательстве П. П. Сойкина с богатыми иллюстрациями художников В. П. Овсянникова, А. А. Писемского, В. П. Ризниченко, А. А. Чикина, Э. Н. Соколовского и др., но, к сожалению, малогеографичными [7].

«разбирается лишь отдельность частей, но не взаимная связь их». Жизнь земли как целого, «изыскание связей и взаимных отношений между различными органами земли» составляет суть землеведения, или «рациональной географии». Под «жизнью планеты» он понимает непрерывные изменения, происходящие на поверхности ее под действием всей «совокупности сил». При изложении материала он постоянно говорит о принципе взаимных связей «всех частей земли», которые, «подобно целому, имели начало, живут и изменяются, для того чтобы умереть в свой черед, уступив свое место новым формам и новым явлениям». В этом положительное значение взглядов А. В. Елисеева.

Но в отношении показа связей человека и природы А. В. Елисеев стоит на ошибочных позициях географического детерминизма. «Все изменения, физические и умственные, обуславливающие разнообразие человеческих типов, порождаются влиянием климата и среды, в которые поставлена та или другая группа людей», — пишет А. В. Елисеев [6, с. 209]. Этот же подход характерен для многих глав учебника, что снижает значение труда А. В. Елисеева с теоретико-методологической точки зрения.

Говоря «о внешних и внутренних органах земли» (первые, по А. В. Елисееву, это части береговой линии и очертания материка, вторые — рельеф, реки, озера и т. д.), он широко пользуется сравнительным методом. В учебнике встречаются многие интересные наблюдения, например: «Все великие пустыни мира — Сахара, Гоби, Аравийская, части Иранской входят в полосу земель, имеющих много общего как по рельефу, так и по развитию органического мира» [6, с. 48]. Правда, ряд его аналогий проведен в основном в духе О. Пешеля и А. Гюйо (см. [9]), т. е. на чисто внешних признаках — географическом протяжении, форме расчленения и т. д.

Теоретические представления А. В. Елисеева об «истинной сути географии» как о «взаимной связи отдельных частей» легли в основу его географических наблюдений во время путешествий, и прежде всего по Сахаре. Первое знакомство А. В. Елисеева с великой пустыней Африки состоялось в 1881 г., еще в студенческие годы, когда он совершил путешествие по долине Нила и посетил оазис Файюм. Во время путешествия 1883 г. А. В. Елисеев пересек полосу пустынь, простирающуюся между Нилом и берегом Красного моря. На пути от Кене до Эль-Кусейра он все внимание сосредоточил на геологических и геоморфологических особенностях занийских пустынь. Он отметил, что все горные массивы сложены кристаллическими породами — гнейсами, гранитами, сланцами — и усыяны обломками скал; между Нилом и берегом Красного моря нет настоящих «песчаных морей», а равнинность нарушается длинными сухими ложбинками — вади, не достигающими Красного моря.

Десятилетие спустя, в сентябре—ноябре 1893 г., А. В. Елисеев вновь побывал на берегах Нила, но это путешествие было

очень кратким: караван А. В. Елисеева прошел лишь несколько оазисов в низинах Ливийской пустыни, протягивающихся параллельно долине Нила. Елисеев предположил, что эти низины служили ложем каких-то прежних водотоков, орошавших Ливийскую пустыню, но не довел исследование до конца.

Наиболее длительное и результативное путешествие А. В. Елисеева по Сахаре началось 5 февраля 1884 г. из Триполи. Хотя основной целью этого путешествия было антропологическое исследование туарегов, однако по своим результатам оно вышло далеко за пределы решения чисто антропологических вопросов. Острый глаз наблюдателя и знатока природы позволил Елисееву сделать немало важных географических заключений.

Примкнув к большому каравану, шедшему в глубь Сахары, А. В. Елисеев пересек плоскогорье Хамада-эль-Хамра. Но хозяева каравана, испугавшись волнений в Северной Африке — отголосков известного национально-освободительного движения махдистов в Восточном Судане, повернули обратно к Триполи. Поэтому А. В. Елисеев вынужден был морем доехать до Туниса и отсюда пытался пробраться внутрь Сахары, по пути экспедиции полковника П. Флаттерса, убитого в 1881 г. туарегами. Русский путешественник продвигался через Южный Алжир, Константину, Батну, Бискру. Но, как пишет Елисеев, «путешествие Флаттерса имело характер серьезный и разведочный, а с точки зрения туарегов, даже политический, посягавший на их свободу и дорожку им волю. Совсем иначе путешествовал я, совершенно одинокий, без большого багажа, с одним ружьем за плечом и небольшою дорожною аптечкою, свободно помещавшийся со всем своим имуществом на одном верблюде» [7, т. 3, с. 194].

Уже на пути из Бискры в оазис Туггурт все чаще и чаще небольшие оазисы стали перемежаться с обширными участками настоящей пустыни. Путь в оазис Туггурт и от него в оазис Уаргла и дальше к цели путешествия — городу Гадамес — шел от оазиса к оазису и дал возможность познакомиться с географическими особенностями последних, с жизнью настоящей пустыни.

Материалы третьего тома сочинений А. В. Елисеева «По белу свету» и его сообщение на общем собрании Русского географического общества от 1 мая 1885 г. [5, с. 7] позволяют дать комплексную характеристику Северной Сахары. Эмблемой оазисов Сахары является финиковая пальма, под сенью которой растут всевозможные тропические и субтропические плодовые деревья, травянистые растения. В оазисах обитает до 100 видов птиц, а наличие рыб в ручьях оазисов А. В. Елисеев объясняет как «жалкий остаток» богатой речной фауны, которая была характерна для Сахары в ту пору, когда она имела более влажный климат. Об изменении климата Сахары в сторону нарастающей сухости свидетельствует наступление пусты-

ни на оазисы «не по столетиям, а по годам», ибо ирригационные сооружения в необитаемых местах показывают, что «они сделаны не человеком каменного века». Но А. В. Елисеев резко выступает против предположения, что Сахара представляла некогда огромное внутреннее море, и придерживается мнения, что «она никогда не была морским дном». Действительно, к середине XIX в. Сахару считали дном высохшего моря, и резкое выступление А. В. Елисеева против этого мнения говорит как о том, что он знал литературу того времени по географии Сахары, так и об умении делать важные выводы на основе непосредственно наблюдаемых фактов. Категорическое отрицание А. В. Елисеевым затопления морем территории Сахары является верным для ближайших к нам геологических периодов.

По А. В. Елисееву, в Сахаре выделяются три типа рельефа: первый — возвышенные плато (хамата) занимают большую часть Северной Сахары; второй — дюнные образования; третий — углубления, ложбины и вадии ледникового периода. Из названных трех типов рельефа А. В. Елисеев особенно подробно изучал дюнные образования, о которых он писал: «Много доселе я читал о дюнах Сахары, много я пересмотрел дюнных образований в разное время своей скитальческой жизни, но никогда не мог себе и представить, чтобы горы наносного песка, образующиеся, так сказать, на глазах, могли достигнуть такой ужасающей мощности и высоты» [7, т. 3, с. 386]. В вопросе об образовании дюн А. В. Елисеев не соглашается с мнением французского географа Дюверье, который утверждал, что дюны — те же скалы, лишь распавшиеся на составные части, причем изменились только их физический состав и форма, но не изменилось их топографическое и относительное положение. Изучение небольшой группы дюн у колодца Эль-Хамсира убедило А. В. Елисеева, что при образовании дюн действуют все факторы — рельеф, господствующие ветры, угол обсыпания песка, быстрота роста растительности, покрывающей пески, и т. д.

Кратковременное пребывание в оазисе Туггурт дало возможность сделать несколько точных заключений о резкой континентальности климата Сахары, о колебаниях температуры от $+7$ до $+50^{\circ}$ в тени.

Кроме того, русский путешественник изучал внимательно биогеографические особенности великой африканской пустыни. Он писал: «Флора пустыни оригинальна... Все растения Сахары сухи, кожисты, колючи, все формы приспособлены к тому, чтобы как можно более излучать тепла и менее поглощать его, весь организм их из всех сил старается по возможности удерживать в себе запас дорогой влаги и бороться с песками, которые засыпают его» [5, с. 19].

По возвращении в Петербург объемистая рукопись «Фауна Сахары» была сдана А. В. Елисеевым в Географическое общество [3]. А. В. Елисеев писал, что неверны представления о Сахаре «как о бесконечных песках, вечно опаляемых африканским

солнцем, где не растет ни одна травинка, где не только не живет человек, но даже не падает и капли дождя. А между тем Сахара, хотя и редко, но населена, она далеко не представляет одни сыпучие пески» [5, с. 18].

Как уже говорилось, особую популярность приобрели талантливые, художественно написанные очерки его о природе Сахары. Известный автор книг для чтения и хрестоматии по географии С. Меч писал в 1898 г.: «Я читал одно описание песчаной бури в Сахаре, верно передающее главные моменты бури и принадлежащее перу русского путешественника Елисеева» [11, с 154]. Знаменательно, что в одной из первых географических хрестоматий по Африке — А. Крубера, С. Григорьева, А. Баркова и С. Чефранова, — изданной в 1902 г. [1], из 73 статей 11 взято из сочинений А. В. Елисеева. При этом в очерке «Великая пустыня» в основном перепечатано сообщение А. В. Елисеева «Антропологическая экскурсия в Сахару через Триполи, Тунис и Алжир» (1885 г.), где дано полное, почти комплексное описание природы Сахары, а в отрывок «В Северной Сахаре» включено знаменитое описание самума, который наблюдал путешественник на пути из Гадамеса в Триполи. Любопытно, что оно вошло и в последнее, 1971 г. издание «Хрестоматии по физической географии...» Н. А. Гвоздецкого, Г. М. Игнатьева и Л. А. Михайловой [4]. Таким образом, А. В. Елисеев не только познакомил широкие круги русских читателей с природой великой пустыни, но уже в течение более 75 лет каждый школьник первые представления о ярких природных особенностях Сахары, о ее населении получает на основе путевых очерков путешественника.

Заслуги А. В. Елисеева как путешественника и антрополога были высоко оценены Русским географическим обществом, удостоившим его серебряной медали за сообщение о путешествии по Аравии и Сахаре, и Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, наградившим его Большой золотой медалью Общества.

Литература

1. Африка. Иллюстрированный географический сборник, составленный А. Крубером, С. Григорьевым, А. Барковым и С. Чефрановым. М., 1902.
2. Бабков И. И. По Африке. М., 1949.
3. Богданов А. А. Елисеев А. В. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии. М., 1889.
4. Гвоздецкий Н. А., Игнатьев Г. М., Михайлова Л. А. Хрестоматия по физической географии: Африка. Австралия. Океания. Антарктида, Америка. М., 1971.
5. Елисеев А. В. Антропологическая экскурсия в Сахару через Триполи, Тунис и Алжир. СПб., 1885.
6. Елисеев А. В. Основания рациональной географии (опыт изучения физиологии земного шара) для учеников высших классов гимназий и педагогических курсов. СПб., 1886.
7. Елисеев А. В. По белу свету. Т. 1—4. СПб., 1894—1898.

8. *Забродская М. П.* Русские путешественники по Африке. М., 1955.
9. *Забродская М. П.* Географические аналоги природных зон Африки на территории Евразии, Австралии и Южной Америки.— Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 56, 1967.
10. *Литвинов М.* Рецензия на книгу А. В. Елисеева «Основания рациональной географии». — Педагогический сборник. СПб., 1889, январь.
11. *Меч С.* Географические этюды. М., 1898.
12. *Мощанская В.* Путешествия А. Елисеева по белу свету. М., 1956.
13. Рецензия на книгу А. В. Елисеева «По белу свету». Т. 2. Естествознание и география, 1896.

В. П. Грицкевич

**АЛЕКСАНДР ХОДЗЬКО (1804—1891)
И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ИРАНИСТИКИ
И ТЮРКОЛОГИИ**

В изучении литературы и фольклора народов Каспийского побережья значительную роль в XIX в. сыграла деятельность востоковеда Александра Ходзько.

Биография А. Ходзько в отечественной литературе освещена недостаточно, а в немногочисленных работах, где есть упоминания о нем как об ориенталисте, встречаются неточности. Так, А. Ходзько называли «английским исследователем», а его очерки об Азербайджане, печатавшиеся в «Литературной газете», приписывали переводчику В. Романовичу¹. В заметки об А. Ходзько в двух дореволюционных русских и одном польском энциклопедических и биографических словарях вкрались опечатки, неточные датировки и определения [22, с. 384—385; 82, с. 381—382 и др.]. В одной из таких заметок, к примеру, сказано, будто бы А. Ходзько «служил русским консулом в Пруссии» [37, с. 475], тогда как он служил в Персии. Ошибки допущены и польским востоковедом Я. Рейхманом, посвятившим А. Ходзько статью и раздел в своей монографии [84, с. 353—355; 85, с. 252—261]. Некоторые авторы путают Александра Ходзько с его братом Юзефом (Иосифом) [20, с. 216; 28, с. 207; 29, с. 145].

Вклад, сделанный А. Ходзько в отечественное востоковедение, а также недостаточная изученность его биографии вызывают необходимость в освещении основных фактов его жизни и деятельности.

Родился Александр Ходзько 30 августа 1804 г. в имении Кривичи (ныне Мядельского района Минской области) в семье видного в Литве и Белоруссии общественного деятеля и писателя Яна Ходзько. Чтобы понять, в какой культурной среде рос и развивался будущий востоковед, уместно привести характеристику, которую дает национальной обстановке в тогдашней Литве и Белоруссии советский исследователь З. Я. Тальвир-

¹ Впервые внимание на это обратил азербайджанский литературовед М. З. Садыхов [23, с. 122; 24, с. 105].

ская: «Литовское и белорусское дворянство после Люблинской унии постепенно переняло польский язык, культуру и почти совсем отказалось от родной речи. Процесс полонизации, сдерживаемый слегка во времена Речи Посполитой в силу сохранения известной автономии Великого княжества Литовского, создавшей для белорусской и литовской шляхты стимул к сохранению своей обособленности, сделал колоссальный скачок в XIX в. Это было реакцией на насильственную русификацию, проводимую царизмом, и одним из следствий польских национально-освободительных движений того времени. Данный процесс происходил на глазах современников и далеко еще не был закончен. Оставалось еще немало представителей не только местной шляхты, но и помещиков, а тем более интеллигенции, которые, пользуясь польским языком как общепринятым, обиходным, тем не менее считали себя белоругами или литовцами... Ополяченные шляхтичи Литвы и Белоруссии, принимая активное участие в польском движении, в то же время не отказывались от своего литовского патриотизма, называли себя литвинами, а не поляками» [26, с. 6—7].

В свете этого становится понятным, почему на банкете парижских эмигрантов из Польши, Литвы, Белоруссии и с Украины в честь выхода в свет «Персидской грамматики» А. Ходзько (1852) один из выступавших отметил, что в ориенталисте «счастливо сочетаются три наиболее выдающиеся народности Польши — польская, литовская и русская» [80, с. 608]. Под «Польшей» традиционно подразумевалась Речь Посполитая до ее разделов в 1772—1795 гг., а она, как известно, включала в себя Польшу и часть Украины, а также Великое княжество Литовское, состоявшее из Литвы и Белоруссии, откуда родом был А. Ходзько. Под «русской народностью» подразумевались белорусы и украинцы, которых вплоть до Октябрьской революции соседние народы причисляли к русским.

А. Ходзько получил хорошее домашнее воспитание (см., например, [81, с. 12]), изучил несколько иностранных языков, а с 1816 г. учился в Вильно, в гимназии, под руководством педагога Томаша Зана, одного из организаторов полулегальных обществ молодежи Белоруссии и Литвы («лучистых», «филома-тов» и др.), которые представляли собой форму перехода от просветительской деятельности к организованной политической борьбе против царизма.

После окончания гимназии в 1820 г. А. Ходзько поступил на факультет словесных наук и свободных (или изящных) искусств Виленского университета. Большое влияние на него оказали лекции видных ученых того времени — И. Лелевеля (в дальнейшем — идеолога польского восстания 1830—1831 гг.), Г. Гродека, И. Даниловича. А. Ходзько был введен в круг близких единомышленников Т. Зана по полулегальным обществам и принимал активное участие в их деятельности. Он стал секретарем Голубого (филологического) союза филаретов.

Общества были разгромлены царскими властями. А. Ходзько, как и другие их члены (и в их числе его друг Адам Мицкевич), находился под следствием в заключении, но затем был оправдан. 16 апреля 1825 г. он закончил университет.

Еще в Вильно у А. Ходзько проявился интерес к культуре народов Востока. А. Ходзько получил известность как поэт, пропагандировавший в среде литературной молодежи идеалы романтизма, что нашло отражение в его тяготении к восточным мотивам. Поэты романтической школы интересовались и народным творчеством. Чтобы глубже изучить культуру Востока, А. Ходзько решил переехать в Петербург, в котором были сосредоточены лучшие востоковедческие силы России. 7 января 1827 г. Ходзько поступил на Учебное отделение живых языков при Азиатском департаменте министерства иностранных дел в Петербурге [2а, оп. 461/1, д. 870, л. 1об.]. Отделение готовило переводчиков восточных языков для русских миссий в Иране и Турции [16, с. 529—533].

В 1829 г. был издан сборник стихотворений и переводов А. Ходзько на польском языке [43]. В сборнике с полной силой проявился интерес поэта к Востоку. Наряду с переводами стихотворений А. С. Пушкина и В. А. Жуковского и песнями из сборника «Гузла» П. Мериме в антологию вошли новогреческие, персидские, башкирские, азербайджанские песни. Книга завершилась поэмой А. Ходзько «Дерар» по арабским мотивам.

В книге получил отражение и хорошо известный А. Ходзько по его этническому окружению в родных местах белорусский и литовский фольклор. В основе нескольких песен лежат сюжеты белорусского и литовского народного творчества. Сборник был переиздан в Познани в 1833 г. [50]. Б. Консиновский упоминает и о третьем его издании, вышедшем в свет в 1836 г. [77, с. 686].

На публикацию сборника 1829 г. откликнулась «Литературная газета», которую издавал А. А. Дельвиг при активном участии А. С. Пушкина [8, с. 38—39; 24, с. 95]. Поэма «Дерар» была переведена на русский язык и опубликована в 1839 г. [34].

1 января 1830 г. Ходзько был определен переводчиком в российскую миссию в Иране. К месту назначения он прибыл, проделав путь из Петербурга через Астрахань и Баку². Шесть путевых очерков Ходзько были помещены в петербургской газете «Tygodnik Petersburski» в 1830—1831 и 1833 гг. [44, с. 84—85; 45, с. 268—269; 46, с. 287—288; 47, с. 244—246; 48, с. 39; 49, с. 63—64], четыре из них (в русском переводе) — еще и в «Литературной газете» (1830—1831) [30—33; см. также 23, с. 122—124].

А. Ходзько занимал должности: переводчика при русском консульстве в Тебризе (с 26 марта 1832 г.), секретаря гене-

² Утверждение С. Корвина (Павловского), будто Ходзько ехал в Иран через Сирию, основано на недоразумении [78, с. 158].

рального консула там же (с 13 ноября 1833 г.), консула в Реште — административном центре провинции Гилян (с 14 августа 1834 г.) [2а, оп. 461/1, д. 870, л. 2об., оп. 464/3, д. 1846, л. 2. — Послужной список коллежского советника Ал. Ходзько, 1835 г.]. С пребыванием в Иране связан самый плодотворный период биографии А. Ходзько. Продолжая фольклористические и этнографические традиции, которыми отличались виленские общества, исследователь изучал страну, ее историю, быт, языки, культуру ее жителей.

29 апреля 1841 г. А. Ходзько выехал в отпуск для лечения «в Полуденную Европу» и провел его в Греции и Италии [2а, оп. 464/3, д. 1846, л. 2]. В 1842 г. он уволился с дипломатической службы и поселился в Париже [2а, л. 6]. Здесь А. Ходзько возобновил дружбу с А. Мицкевичем и помогал ему в 1849 г. издавать газету «*La Tribune des Peuples*», вокруг которой объединялись эмигранты из различных стран.

А. Ходзько не терял связей с Ираном. В 1857 г.³ иранское правительство по рекомендации политического деятеля Фаррух-хана Амин ад-Даула (при котором А. Ходзько был консультантом во время посещения Фаррух-ханом Франции в 1857—1858 гг. [75, с. 29]) поручило А. Ходзько контролировать учившихся в Париже 42 иранских юношей [88, с. 30]. Востоковед осуществлял это наблюдение до 1868 г. [83, с. 63]⁴.

В 1857 г. А. Ходзько тщетно пытался занять вакантное место преподавателя персидского языка в Парижской школе восточных языков [81, с. 62]⁵, но получил только место профессора по курсу славянских языков и литератур в университете «Коллеж де Франс» [42, с. 15]. Умер ученый 19 декабря 1891 г. в Нуази-де-Сек, под Парижем, и был похоронен на кладбище в городке Монморанси, неподалеку от Парижа.

Не претендуя на полноту исследования, мы попытаемся наметить основные направления работ А. Ходзько. Научное его наследие велико, но оно не подвергалось специальному изучению. Библиографические обзоры его работ [39, т. 7, с. 204—208, т. 9, с. 461; 40, с. 362—363; 76, с. 202—205] неполны.

В круг интересов А. Ходзько входили проблемы филологии, фольклористики, этнографии, религии, театра народов прикаспийских областей. Современник А. Ходзько — русский путешественник И. Ф. Бларамберг (которому А. Ходзько предоставил свои материалы для его «Статистического обозрения Персии» [6, с. 101—105, 115—122, 153—159, 205—231, 248, 287, 324—325]) подчеркивал, что А. Ходзько «в совершенстве знал литературу

³ Приводимая Я. Рейхманом датировка этого события — 1873 г. [85, с. 259] другими источниками не подтверждается.

⁴ Л. Плошевский считал, что Ходзько руководил обучением только семь лет [82, с. 391].

⁵ Л. Плошевский [82, с. 381] неточен, когда пишет, будто А. Ходзько в 1857 г. претендовал на должность преподавателя персидского языка в «Коллеж де Франс» после смерти лица, преподававшего там этот язык. На самом же деле эту должность занимал с 1847 по 1876 г. Ж. Моль [79, с. 388, 390].

этой страны, собрал много рукописей» [7, с. 168]. А. Ходзько широко применял метод полевых наблюдений и при описании жизни народов Каспийского побережья, что получило отражение в статье «Персидская музыка» [50, с. 64] и в предисловии к книге «Образцы народной поэзии Персии в приключениях и импровизациях Кер-оглы...» [51, с. 13—16]. Сбору материалов способствовали служебные и научные поездки исследователя по различным частям Ирана.

Представляют интерес путевые дневники путешествий А. Ходзько по этой стране в 1834 г. [55], в феврале и мае 1835 г. [36; 57, с. 280—308; 67]. Посещал А. Ходзько отдаленные от столицы провинции Мазандеран (1836 г.) [6, с. 153—159] и Хорасан (1833, 1834 гг.) [6, с. 205—231, 237, 248]. Нередко исследователь первым из европейцев проникал в отдельные районы Ирана. Так, И. Бларамберг писал о дороге из Нишапура до Шахруда в Хорасане, что «ни один европеец, кроме [господи]на Ходзько, не проходил вышеупомянутый путь» [6, с. 237, примеч.].

Собранные А. Ходзько рукописи и сделанные им на местах записи легли в основу большинства его позднейших научных публикаций, среди которых наибольший интерес представляют работы по языкознанию, фольклору, этнографии, театру, религии, а также комплексные описания отдельных территорий. А. Ходзько первым обратил внимание исследователей на не изучавшиеся до этого языки иранской группы: талышский, гиланский, мазандеранский [51, с. 453—592]⁶, на сулейманийский диалект курдского языка [69, с. 297—356]. Составленная востоковедом «Грамматика персидского языка» выдержала два издания — в 1852 и 1883 гг. [58; 71].

Большую известность получил сборник А. Ходзько «Specimens of the Popular Poetry of Persia (...)» (L., 1842). Он состоит из следующих разделов: 1. Предисловие. 2. Введение к «Кероглу»⁷. 3. Приключения и импровизации Кероглу. 4. Народные песни астраханских татар. 5. Три песни калмыков. 6. Туркменские песни. 7. Песни персидских тюрок. 8. Персидские песни. 9. Песни гиланцев и т. д. 10. То же рудбарских горцев. 11. То же талышей. 12. То же мазандеранцев. 13. Образцы текстов. 14. Девять персидских песен, аранжированных для фортепьяно (Антонием Контским⁸). К песням, помещенным в 14-м разделе («Кероглу», «Азербайджанский воздух» и др.), приложены ноты. В сборнике А. Ходзько опубликовал свои записи народного творчества азербайджанцев, туркмен, ногайцев, талышей, иранцев, гиланцев, мазандеранцев, калмыков. Прежде

⁶ На заслуги А. Ходзько в этом деле впервые обратил внимание его современник Н. В. Ханьков [29, с. 37]. Об этом см. также у В. Гайгера и Э. Куна [74, с. 525—581].

⁷ Кероглу — туркменский певец из рода теке, герой сказаний более чем десятка тюркоязычных народов Азии.

⁸ Антоний Контский — польский музыкант, гастролировавший по всей Европе, позднее основавший в Петербурге школу фортепьянной игры.

востоковеды изучали преимущественно придворную письменную литературу. А. Ходзько одним из первых востоковедов ввел фольклор названных выше народов в круг научных исследований.

Знание А. Ходзько тюркских и иранских языков, тесное общение с жителями Ирана содействовали тому, что исследователь осуществил адекватные переводы туркменской, азербайджанской, персидской и других образцов поэзии на европейские языки (см., например, [59—65]).

Большая часть фольклорных текстов, помещенных в лондонском сборнике, была переиздана и на других языках. «Приключения и импровизации Кероглу» были дважды переведены на французский язык (Жорж Санд [53] и Адольфом Брелье [68]), вышли отдельным изданием на немецком языке в переводе О. Вольфа [52], не говоря уже о русском переводе С. Пенна [21].

В переводе на французский язык в 1852 г. появились также разделы 4—9 и 11—12 лондонского сборника [51; 62]. Все это способствовало популяризации произведений устного творчества народов Каспийского побережья в Европе. Значительную часть лондонского сборника А. Ходзько составляли записанные им в Иранском Азербайджане «Приключения и импровизации Кероглу» [51; 62].

Романтические интересы А. Ходзько проявились и в его любви к народным песням, которые он перевел, и в их тематике. В образе Кероглу исследователь видел воплощение борьбы за права народа против угнетателей. В том, что о Кероглу долго сохранялись народные предания, А. Ходзько находил лишнее доказательство стремлений народов Востока к социальной справедливости.

Деятельность А. Ходзько как популяризатора азербайджанского фольклора, одним из первых познакомившего европейского читателя с эпосом «Кероглу», освещена в работах Б. А. Карыева [11], М. З. Садыхова [24] и др. Менее известны в литературе записи текстов туркменских песен и стихотворений, сделанные А. Ходзько в Нардине (Северный Хорасан) в 1833 г.

Первые два текста («Победа туркменов теке» и «Песнь Эмир-Гуна-хана после поражения под Моюном») посвящены разгрому туркменами курдов в 1782 г. Следующие три текста принадлежат поэту Караджаоглану. Шестой текст представляет собой песнь о походе иранского шаха Ага-Мохаммед-хана в 1796 г. против вождя курдов Мемиш-хана. Следующие три текста А. Ходзько озаглавил «Три песни туркмена Махтумкули» («Махтумкули — своей матери», «Мудрые мнения» и «Зимние воспоминания»). За ними следуют «Серджамская песнь», «Советы Кемине» и «Песнь Адына Дарагази» [51; 62].

Особое значение А. Ходзько придавал творчеству классика туркменской поэзии XVIII в. Махтумкули. Исследователь называл его наиболее популярным поэтом не только в Туркмении, но и в Хорасане. А. Ходзько дал краткую биографию Махтум-

кули и подчеркивал, что большую часть времени поэт посвящал философии и поэзии [51, с. 389—391; 62, с. 367—369]. Публикацию стихотворений Махтумкули исследователь предварил следующими словами: «Несколько последующих его стихотворений, которые мы должны представить нашим читателям, дадут подтверждение гениальности этого замечательного человека. Среди отличительных черт его поэзии — любовь к природе, столь редкая у поэтов Азии, и много философских размышлений о бренности земных дел» [62, с. 369].

И. Бларамберг сделал прозаический перевод на русский язык полученного им от Ходзько стихотворения Махтумкули «Мудрые мнения» и опубликовал его в приложении «Краткое обозрение Туркмении» к «Статистическому обозрению Персии» в 1853 г. [6, с. 324—325]: «Имамы, дервиши, казы (судьи), бедные и богатые! Слушайте, друзья мои! Пути счастья весьма извилисты. Молитва без веры не есть истинный путь! Лыстить — безумство. Подумайте об этом, друзья мои! Что есть тело наше? — караван-сарай, клетка! Что есть душа наша? Сокол с завязанными глазами. Вдохновение — истинный герой, жертвующий жизнью своею богу. Истинный человек — подающий подаяния бедному. Накормить голодного стоит путешествия к Мекке. Наружность, которою молодость так гордится, стареет и желтеет, нос изгибается, губы высыхают. Я, Мехдум-Кули, я презираю жизнь (букв. «я толкаю жизнь ногою»). Продолжительность мира только пять дней. Стоит ли для одного дня припасать на сто лет? Подумайте об этом, друзья мои!»

Публикация стихотворения Махтумкули, сделанная И. Бларамбергом, не привлекала внимания исследователей туркменской литературы, по всей вероятности, по той причине, что она была помещена в книге, посвященной не Туркмении, а Ирану. Ценность этой публикации заключается в том, что она появилась спустя двенадцать лет после первой публикации наследия поэта на европейском языке вообще и двадцатью годами ранее первой известной до этого времени публикации стихотворений Махтумкули в русском переводе, который осуществил Ф. Бакулин [4, с. 105—109].

Следовательно, благодаря работе А. Ходзько не только западноевропейские, но и русские читатели могли ознакомиться с поэтическим наследием великого туркменского поэта задолго до того, чем принято было считать.

А. Крымский в свое время отметил значение публикаций А. Ходзько в деле изучения и популяризации туркменской литературы [13, с. 395]. Б. А. Каррыев [10, с. 10], Р. Курбан [14, с. 3] и др. подчеркивали пионерскую роль исследователя в отношении популяризации стихотворений Махтумкули среди европейских читателей, а Р. Алиев [2, с. 11], А. Мередов [17, с. 143; 18, с. 25] отмечали его значение в деле популяризации поэзии туркменских поэтов Кемине и Караджаоглана. Однако о значении, которое сыграла передача А. Ходзько И. Бларамбергу

текста приведенного выше стихотворения Махтумкули, исследователи не писали.

Переводы А. Ходзько привлекали внимание к туркменской поэзии еще тогда, когда Туркмению от России и других европейских стран отделяли территории, недостаточно вовлеченные в орбиту широкого культурного обмена между Европой и Азией, и когда сведения о богатом духовном потенциале туркменского народа нередко поступали из враждебных ему кругов и содержали неверную информацию о нем.

Перу А. Ходзько принадлежит также изданное на французском языке и переведенное на русский язык подробное историко-географическое описание провинции Гилян, на южном побережье Каспийского моря [36; 56]. Эту работу отличает комплексный подход к изучению Гиляна [9, с. 135—138; 76]. Описание Гиляна Н. В. Ханыков назвал «великолепной, добросовестной и в высшей степени поучительной» работой, и в своей монографии по этнографии и антропологии Ирана он при характеристике гилянцев приводит их «этнографический портрет», который был сделан Ходзько [29, с. 111—112].

Среди собранных А. Ходзько материалов были рукописи, освещающие отдельные стороны религиозной жизни населения Ирана. В 1839 г. исследователь передал И. Бларамбергу редкую рукопись, переведенную им с персидского языка на французский, — «Кулсун-нене, или Как персидские женщины толкуют Коран» [7, с. 168—181; 41, с. 358—399]. В 1848 г. А. Ходзько издал персидский текст (с французским переводом и комментариями) записки иранского посла во Франции Мирзы Мохаммед Али-хана «Единобожие [секты] ваххабитов, объясненное ими самими» [54, с. 168—186]. Спустя четыре года исследователь опубликовал статью «Десатир, религиозный кодекс [секты] махабадийцев» [61], а затем — статью «Хасан Себбах и его сторонники — иранские легитимисты» [67].

Одним из первых исследователей А. Ходзько обратил внимание на персидские театральные представления «теазие» (см. [5, с. 11, 27, 67—68; 12, с. 51, 55—56; 27, с. 797—823; 38, с. 457; 86, с. XV, XX, XXVI; 87, с. 108—121]) и опубликовал пять текстов этих пьес [66; 70].

Востоковедческие работы А. Ходзько получили признание и высокую оценку его современников [6, с. 205—231, 237, 260; 7, с. 52—55, 168; 28, с. 65, 92; 29, с. 36, 111] и последующих исследователей Ирана и его культуры [72, с. 17, 266, 296, 327, 356, 367, 369; 73, с. 161, 162, 171, 174, 220, 223, 252]. Они отмечали пионерскую работу А. Ходзько по сбору фольклора прикаспийских народов.

Большинство работ А. Ходзько богато первичным материалом, собранным исследователем на местах его длительного пребывания в результате его постоянных контактов с местным населением. В этом основная ценность работ востоковеда. При оценке его деятельности не стоит забывать известной ленинской

формулировки о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали* нового сравнительно со своими предшественниками» [15, с. 178].

Для А. Ходзько характерен интерес к жизни, нравам и быту прикаспийских народов. В его работах проявлялись зачатки этнографического подхода к изучению этих народов. Длительное общение с ними позволило исследователю оставить, в частности, впечатляющую картину быта гилянцев. Среди его наблюдений встречаются интересные этнографические зарисовки, которые помогают воссоздать облик жизни народов Каспийского побережья в первой половине XIX столетия.

В работах А. Ходзько о прикаспийском регионе содержится немало сведений, которые не утратили и сейчас познавательного значения. Исследователь обращает внимание на изменения духовной и материальной жизни народов этого региона под воздействием объективных условий жизни. Он приводит примеры постоянного взаимодействия культур в процессе сосуществования различных народов. Понимая, что человечество едино, Ходзько проявлял уважение к культуре отдельных народов, обращал внимание на сдерживавшие прогресс социально-исторические факторы. Деятельность А. Ходзько способствовала формированию у современников гуманных представлений о народах Ближнего Востока. Его работы способствовали развитию фольклористики и этнографии народов прикаспийского региона.

Литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 8. Тифлис, 1881.
2. Алиев Р. Жизнь и творчество Кемине. Автореф. канд. дис. Аш., 1955.
- 2а. Архив внешней политики России (АВПР). ФДЛС и ХД (Личные дела чиновников, 1835—1844 гг.).
3. Аширов Н. Махтумкули — выдающийся классик туркменской литературы. — Махтумкули. Юбилейный сборник, посвященный 225-летию со дня рождения великого туркменского поэта. Аш., 1961.
4. Бакулин Ф. Песни у туркмен и поэт их Махдум-Кули. — Известия Кавказского отдела Имп. Русского географического общества. Тифлис, 1872, т. 1, № 3.
5. Бертельс Е. Э. Персидский театр. Л., 1924.
6. Бларамберг И. Статистическое обозрение Персии, составленное... в 1841 г. — Записки Имп. Русского географического общества. Кн. 7. СПб., 1853.
7. Бларамберг И. Воспоминания. М., 1978.
8. Гдт. [Рец. на:] Poezye Alexandra Chodzki. — Литературная газета. СПб., 1830, т. 1, № 5.
9. Грицкевич В. П. Переводчик дастана о Кер-оглы. — Литературный Азербайджан. Баку, 1972, № 2.
10. Карриев Б. А. Слово о Махтумкули. — Махтумкули. Избранное. Аш., 1960.
11. Карриев Б. А. Эпические сказания о Кер-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968.
12. Крымский А. Персский театр, звідкі він узявсь і як розвивавсь. Київ, 1925.
13. Крымский А. Тюркские литературы. — Энциклопедический словарь Т-ва Гранат. Т. 41к. СПб., [б. г.].

14. Курбан Р. Великий поэт-патриот Махтумкули. Автореф. канд. дис. Аш., 1965.
15. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма.— Полное собрание сочинений. Т. 2.
16. Материалы для истории факультета восточных языков. Т. 1. 1851—1864 гг. СПб., 1905.
17. Мередов А. Социально-политические взгляды туркменского поэта-сатирика Кемине.— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Т. 3. Аш., 1957.
18. Мередов А., Кичикулов Т. От составителей.— Махтумкули (Сборник статей о жизни и творчестве поэта). Аш., 1960.
19. Мередов А., Халмухамедов Ш. Слово, которому вечно жить.— Огонек. М., 1971, № 50.
20. Николайшвили Н. Г. Грузинская газета «Дрозба» о национально-освободительной борьбе польского народа.— Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974.
21. Пенн С. С. Кер-оглы, восточный поэт-наездник. Полное собрание его импровизаций, с присовокуплением его биографии.— Кавказ. [Тифлис], 1856, № 21, 24, 26—27, 30, 34, 36—42.
22. Р. М. Ходзько-Борейко А. Л.— Русский биографический словарь. [Т.] Фабер — Цявловский. СПб., 1901.
23. Садыхов М. З. Русские писатели об Азербайджане. Баку, 1970.
24. Садыхов М. З. Очерки русско-азербайджанско-польских литературных связей XIX века. Баку, 1975.
25. Соколова В. С., Грюнберг А. Л. История изучения бесписьменных иранских языков.— Очерки по изучению иранских языков. М., 1962.
26. Тальвирская З. Я. Некоторые вопросы общественного движения в Литве и Белоруссии в конце 50-х — начале 60-х годов и подпольная литература.— Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX в.). М., 1967.
27. Уманец С. Театр в Персии.— Исторический вестник. СПб., 1892, № 12.
28. Ханыков Н. [В.] Экспедиция в Хорасан. Под ред. Н. А. Халфина. М., 1975.
29. Ханыков Н. [В.] Записки по этнографии Персии. Под ред. В. В. Трубецкого. М., 1977.
30. [Ходзько А.] Несколько подробностей об индейцах астраханских.— Литературная газета. СПб., 1830, т. 1, № 27.
31. [Ходзько А.] Отрывки из письма путешествующего ориенталиста.— Литературная газета. СПб., 1830, т. 2, № 51.
32. [Ходзько А.] Путешествие. Самородные огни в Джоале. Индейский монастырь. Шестилетний импровизатор в Баке. Грязный вулкан.— Литературная газета. СПб., 1830, т. 2, № 57.
33. [Ходзько А.] Татарская сказка или толгав.— Литературная газета. СПб., 1831, т. 3, № 30.
34. Ходзько А. Дерар, восточная повесть в стихах. СПб., 1839.
35. Ходзько А. Поездка из Тегерана к Каспийским воротам.— Географические известия, издаваемые Русским географическим обществом. Вып. 4. СПб., 1850.
36. Ходзько А. Гилан, или Прикаспийские болота. Историческое и географическое описание страны, лежащей на южном берегу Каспийского моря. Пер. М. Ломизе.— Кавказ. [Тифлис], 1851, № 7, 8, 10, 11, 16, 18—21, 48—50.
37. Ходзько-Борейко — Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 73. СПб., 1903.
38. Bausani A. Persia religiosa da Zaratustra a Bahá' u'lláh. Milano, 1959.
39. Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut. Romantyzm. «A—J». Т. 7. [Warszawa], 1968, т. 9. [Warszawa], 1972.
40. Bibliografia polskich prac iranistycznych. Opracowała B. Majewska.— Historia literatury perskiej i tadżyckiej. Pod red. J. Rypki. Przekład z czeskiego. Warszawa, 1970.
41. Blaraberg I. von. Erinnerungen. Bd. 2. В., 1874.

42. *Bouchon-Brandely G.* Le Collège de France. P., 1873.
43. [Chodźko A.] Poezye Alexandra Chodźki. Pb., 1829.
44. Chodźko A. Kilka szczegółów o Indianach astrachańskich.—Tygodnik Petersburski. Pb., 1830, Cz. 1, № 11.
45. Chodźko A. Baku. Cholera morbus. Wieża dziewicza w Baku. Powieść o Arystotelesie i Platonie (Wyjątki z listu pisanego z Baku. 10 Lipca 1830 roku).—Tygodnik Petersburski. Pb., 1830, Cz. 2, № 30.
46. Chodźko A. Ogień samorodne w Dżoale. Kłasztor Indyjski. Sześćioletni improwizator w Baku. Wulkan błotniczy.—Tygodnik Petersburski. Pb., 1830, Cz. 2, № 35.
47. Chodźko A. Wyjątek z listu pisanego z Ardebilu. 29 Listopada 1830 r. Tolgawy.—Tygodnik Petersburski. Pb., 1831, Cz. 4, № 34.
48. Chodźko A. Widok Gilanu.—Tygodnik Petersburski. Pb., 1833, Cz. 7, № 6.
49. Chodźko A. Muzyka perska. Powieść Perska.—Tygodnik Petersburski. Pb., 1833, Cz. 7, № 10.
50. [Chodźko A.] Poezye Alexandra Chodźki. Poznań, 1833.
51. [Chodźko A.] Specimens of the Popular Poetry of Persia as Found in the Adventures and Improvisations of Kurroglou, the Bandit-minstrel of Northern Persia, and in the Songs of the People Inhabiting the Shores of the Caspian Sea. Orally Collected and Translated, with Philological and Historical Notes; by Alexander Chodsko, Esq. L., 1842.
52. Chodsko. Die Abenteuer und Gesänge Kōrroglous des Räubers und Dichters. Mit Einleitung bei O. L. B. Wolff. Jena, 1842.
53. [Chodźko A.] Les aventures et les improvisations de Kouroglou, recueillies en perse par M. Alexandre Chodsko (par George Sand).—La Revue indépendante. P., 1842, t. 6, 1 livr., c. 71—84, 3 livr., c. 405—438, t. 7, 3 livr., c. 558—577.
54. [Chodźko A.] La deisme des wahhabis expliqué par eux-mêmes. Mémoire extrait du manuscrit des voyages de Mirza-Mohamed-Ali-Khan, dernier ambassadeur de Perse en France, publié et traduit par M. Alexandre Chodsko.—Journal Asiatique. P., 1848, février.
55. [Chodźko A.] Souvenirs diplomatiques. Comment l'Angleterre et la Russie font leurs affaires en Asie. L'avènement au trône de Perse de Mohammed Chah le Kajar. Journal tenu sur les lieux en 1834.—La Tribune des Peuples. P., [1849], № 89, 90, 93, 94, 96—98, 101, 102. Edition phototypique. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963.
56. Chodsko A. Ghilan ou les marais Caspiens; description historiques et géographiques du pays qui borde au sud la Mer Caspienne.—Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques. Nouvelle série. P., 1849, t. 4, c. 257—271, 1850, t. 1, c. 193—215, 285—306, t. 2, c. 61—76, 200—209, t. 3, c. 63—93.
57. [Chodźko A.] Un excursion de Tehérân aux Pyles Caspiens (1835). Extrait des Voyages inédits de M. Alexandre Chodsko ancien consul de Russie à Recht.—Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques. Nouvelle série. T. 3. P., 1850.
58. Chodsko A. Grammaire Persane. P., 1852.
59. Chodsko A. Tolgaws ou chants populaires des Tatars d'Astrakhan.—Revue orientale et algérienne. P., 1852, t. 2, № 2.
60. Chodsko A. Trois chants Kalmouks.—Revue orientale et algérienne. P., 1852, t. 2, № 2.
61. Chodsko A. Le Décâtir code religieux des Mahabadiens.—Revue orientale et algérienne. P., 1852, t. 2, № 3.
62. Chodsko A. Chants populaires turkomans, traduit des dialectes turkoman et turk orientale.—Revue orientale et algérienne. P., 1852, t. 2, № 3.
63. Chodsko A. Chants populaires perso-turcs.—Revue orientale et algérienne. P., 1852, t. 2, № 4.
64. Chodsko A. Chants populaires de la Perse.—Revue orientale et algérienne. P., 1852, t. 3, № 2.
65. Chodsko A. Chants populaires des habitants des côtes méridionales de la Mer Caspienne. Dialectes Ghilek, Taliche et Mazenderani.—Revue orientale et algérienne. P., 1852, t. 3, № 4.

66. Chodźko A. Répertoire du théâtre persan (texte persan). Première livraison. Djungui chehâdet, le cantique du martyr, ou recueil des drames religieux que le persans du rite cheia font annuellement représenter dans le mois de Moharrem, Publiée pour la premier fois. P., 1852.
67. Chodźko A. Hasan Sebbah i jego zwolennicy legitymiści perscy.—Przegląd Poznański. Poznań, 1853, t. 16, poszyt 1—2.
68. Chodźko A. Aventures et improvisations de Kouroglu, héros populaire de la Perse septentrionale. Traduction d'Adolphe Breulieur. Revue et annotée par l'auteur, A. Chodźko.—Revue orientale et algérienne. P., 1853, t. 1, № 1—2.
69. Chodźko A. Etudes philologiques sur la langue Kurde (dialecte de Solimanie).—Journal Asiatique. Sér. V. P., 1857, avril-mai.
70. Chodźko A. Théâtre persan choix de teazies. P., 1878.
71. Chodźko A. Grammaire de la langue Persan. Ed. 2. P., 1883.
72. Curzon G. N. Persia and Persian Question. Vol. 1. L., 1892.
73. Gabriel A. Die Erforschung Persiens. Wien, 1852.
74. Geiger W., Kuhn E. Grundriss der iranischen Philologie. Bd. 1. Abt. 2. Strassburg, 1898—1901, Bd. 2. Strassburg, 1896—1904.
75. Gillet Damitte. A sa majesté Nasser-ed-Din roi des rois empereur du sublime état de l'Iran, très respectueuse épître, à l'occasion de l'heureuse mission de S. E. Ferrukh-Khan, ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire de la Perse près de S. M. Napoleon III en 1857—1858. Ed. 2. [P., 1859]
76. Grickevičius V. Dešimt keliu iš Vilniaus. Vilnius, 1972.
77. Kasinowski B. Aleksander Chodźko.—Tygodnik ilustrowany. Warszawa, 1904, № 36.
78. Korwin (Pawłowski) S. Stosunki Polski z Ziemią Świętą. Warszawa, 1958.
79. Lefranc A. Histoire du Collège de France. P., 1893.
80. Mickiewicz Wł. Uczta na cześć Aleksandra Chodźki.—Pamiętnik literacki. Warszawa, 1904, R. 3, Z. 3.
81. Pigoń S. Przyjaźń rozdarta. A. Chodźko i T. Zan w przededniu procesu filareckiego.—Pigoń S. Głosy z przed wieku. Szkice z dziejów procesu filareckiego. Wilno, 1924.
82. Płoszewski L. Chodźko Alexander.—Polski słownik biograficzny. T. 3. Kraków, 1937.
83. R. Necrologie: Alexandre-Edmond-Borejko Chodźko.—Bulletin Polonaise Littéraire, Scientifique et Artistique. P., 1892, № 55.
84. Reyhman J. Aleksander Chodźko, wielki orientalista polski.—Problemy. Warszawa, 1956, № 5.
85. Reyhman J. Podróżnicy polscy na Bliskim Wschodzie w XIX wieku. [Warszawa], 1972.
86. Rossi E., Bombacci A. Elenco di drammi religiosi Persiani. Vaticano, 1961.
87. Święcicki A. Najnowsze prace orientalistów polskich za granicą.—Ateneum. Kraków, 1879, R. 4, Z. 1.
88. Thieury J. Documents pour servir à l'histoire des relations entre la France et la Perse suivis des traites de commerce conclus entre ces deux pays. La Perse et la Normandie. Evreux, 1866.

С. Л. Милявская

**«БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ»
КАК ИСТОЧНИК ЗНАКОМСТВА РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ
С АФРИКОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Успех любой науки тесно связан с кропотливым трудом минувших поколений. Нельзя считать себя образованным специалистом в той или иной области знаний, не будучи знакомым с историей ее возникновения и развития. Давние традиции русской африканистики, формирование ее историографии мало исследованы. Изучение русской африканистики затруднено еще и тем, что она являлась неотъемлемой частью русского востоковедения и термин «африканистика как наука» не существовал долгое время.

Популяризации знаний об Африке способствовало прогрессивное направление в русском востоковедении, усилившееся в первой половине XIX в., когда Османская империя распространила свое влияние на страны Северной Африки и Леванта и заняла одно из центральных мест в международных отношениях.

Как правило, паломники в святые места Востока оставляли представляющие научный интерес записки, в которых содержались физико-географические, этнографические, исторические, а порой и экономические сведения о странах, народах Востока и Африки. Повышенный интерес к Востоку в начале XIX в. получил свое отражение в периодической печати: «Азиатский вестник», «Археологические известия и заметки», «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Вестник Императорского Русского географического общества», «Всемирный путешественник», «Географические известия, выдаваемые от Русского географического общества», «Журнал Министерства народного просвещения», «Журнал для чтения воспитанникам военных учебных заведений», «Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества», «Записки ученого комитета Главного морского штаба», «Землеведение», «Известия Имп. Русского географического общества», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Северный архив», «Сын Отечества». В этих журналах публиковались материалы по экономике, истории, культуре зарубежных стран, в том числе стран Востока и Африканского континента.

Несомненный интерес представляет журнал «Библиотека для чтения» — двухнедельный журнал, издаваемый П. Д. Боборыкиным и К^о с января 1834 по апрель 1865 г. в Петербурге. За 30 с небольшим лет вышли 384 книги. Для журнала были характерны научный подход к источникам, критический их анализ, уважение к точности фактов.

Любопытна история создания журнала «Библиотека для чтения». Его предшественником был сборник «Новоселье», вышедший из печати в начале 1833 г.; в нем публиковались стихи и проза А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Н. И. Гнедича, А. С. Хомякова, Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина, В. И. Даля. Особое внимание обратила на себя восточная повесть «Антарь» О. И. Сенковского, а также две его статьи — «Незнакомка» и «Большой выход у сатаны», — подписанные «Барон Брамбеус».

Успех сборника и роль Сенковского в его составлении побудили известного книгопродавца Смирдина основать «Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, составленный из литературных и ученых трудов», или, как кратко его называли, «Библиотека для чтения».

Вначале редакторами журнала были известный грамматик и литератор Н. И. Греч и ученый, ориенталист-филолог, археолог, критик О. И. Сенковский, в обязанности которого входил еще и подбор материала. Однако сотрудничество Греча с Сенковским было коротким, вскоре Сенковский остался один, а место Греча на титуле журнала занял баснописец И. А. Крылов (этим его участие в издании журнала и ограничивалось).

Всю редактуру и прочие хлопоты по журналу взял на себя Сенковский. Лишь в августе 1836 г. он гласно был признан редактором. Об этом было объявлено официально на страницах журнала: «Для отклонения неуместных догадок и толков считаем нужным сказать откровенно, что с самого начала существования этого журнала, как то почти всем известно, настоящим его редактором был всегда сам директор и общий с издателем владелец его О. И. Сенковский и что никто в свете, кроме г. Сенковского, не имел ни малейшего влияния на состав и содержание „Библиотеки для чтения“. Все ее недостатки, равно как и все достоинства, если такие были, должны быть приписаны ему одному» [49, с. LXXVII].

В начале издания «Библиотеки для чтения» у Сенковского было лишь два постоянных сотрудника (если сотрудниками можно назвать скромных переводчиков), и поэтому О. И. Сенковский как-то иронически заметил: «У меня было мало хлопот по журналу; я был и редактором, и сотрудником, и корректором, и подчас переводчиком» [49, с. LXXVII]. Действительно, «не проходила ни одна статья, — писал известный востоковед П. С. Савельев, — без вставок и поправок редактора, совершенно бескорыстно отданных под чужое имя и уже неотделимых от чужого труда, потому что Сенковский, подвизаясь в пользу

русского просвещения, заботился только о том, чтобы упростить и облегчить русским читателям трудные пути к науке...» [49, с. VIII].

Первый номер журнала, вышедший в канун нового, 1834 г., вызвал сенсацию среди русской читающей публики. В одной из газет того времени по этому поводу сообщалось, что у генерала Г. собралось многочисленное общество проводить старый год и встретить новый танцами. За четверть часа до полуночи — звонят: это принесли первый номер «Библиотеки для чтения», в котором была повесть барона Брамбеуса. «Она длинна, прочтем ее потом, а теперь надо взглянуть только, как она начинается. Нетерпеливая хозяйка разрезывает, или, вернее, рвет несколько страниц, читает первые слова, первые строки, первые страницы, внимательная толпа теснится вокруг нее, она читает, читает и останавливается тогда только, когда читать уже нечего и все кончено для героини. Тогда посреди энтузиазма, произведенного чтением, замечают, что целый час уже прошел с тех пор, как начался новый год, и никто не слышал, как он пробил» [52, с. 80—81].

«Библиотека для чтения» как по широкому диапазону охвата проблем, так и по содержанию изложенного материала, рассчитанного на массового читателя, производила сильное впечатление на читательскую публику первой половины XIX в.

Археолог, нумизмат, востоковед П. С. Савельев, подготовивший к печати Собрание сочинений О. И. Сенковского и составивший его автобиографию под названием «О жизни и трудах О. И. Сенковского», пишет: «„Библиотека для чтения“ с первой же книжки стала во главе русской журналистики в ряду замечательнейших европейских журналов по своим размерам, разнообразию содержания, талантам соучастников, искусству редакции, числу подписчиков и влиянию на читателей» [49, с. LXXII—LXXIII].

Назначение материала, публикуемого в журнале, объясняется в статье «Новая сравнительная наука древностей»: «Мы принимаемся за перо не с тем намерением, чтобы писать похвальное слово археологии или антиквариям, но чтобы показать новое направление, принятое в наше время Наукою древностей в Европе, и новую эпоху, которая для нее начинается» [24, с. 33]. Автором статьи, очевидно, был О. И. Сенковский, который стремился популяризировать новейшие открытия в мире.

«С помощью „Библиотеки для чтения“ Сенковский ввел в интеллектуальный обиход русского общества научные вопросы, которые были достоянием крайне узкого круга специалистов, и сделал это широко, талантливо, умело», — пишет В. А. Каверин в предисловии к книге «Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора „Библиотеки для чтения“». Здесь же В. А. Каверин называет О. Сенковского «классиком популяризации» [17, с. 5].

Круг интересов редактора востоковеда-арабиста О. Сен-

ковского не мог не наложить отпечаток на тематику журнала. Так, в первом томе «Библиотеки для чтения» публикуется перевод текста древнеегипетского папируса [29]. В нем сообщается: «Недавно нашли в гробнице род оторванного от Прибавлений к Мемфисским Академическим ведомостям лоскутка, на котором ученый и трудолюбивый Летрон прочитал Объявление о поимке людей, бежавших от своих господ за полтора века до Р. Х. Этот любопытный папирус заключает в себе множество редких сведений для Политической экономии древних Египтян, именно к определению настоящей цены египетских и греческих денег». И на других страницах журнала публиковались материалы по древней египтологии: записка Г. Био под названием «Астрономическое разыскание о хронологии египтян» [7], представленная Королевскому институту в Париже, о некоторых определениях древней астрономии, в частности весеннего равноденствия у египтян еще за 3285 юлианских годов р. х.; «Эскуриальская библиотека» — о судьбе 3 тыс. рукописей, принадлежавших марокканскому султану Мулай Зейдану, и других ценных арабских рукописей, уцелевших после сожжения библиотек во время изгнания арабов из Испании [61]; публикации об открытии в окрестностях Туниса фамильной гробницы со множеством пунических надписей с латинскими переводами [30]; «Надпись жреца элевсинских таинств, найденная в погребальных подземельях фараонов» [22]; «Римские надписи в Алжире» [48, с. 99—101], содержащие сведения по древней истории и археологии Алжира.

С культурой и экономикой древнего Египта знакомят нас статьи «Александрийская школа» [4] и «Фабрикация бумаги.— Древняя бумага. Папирус и пергамен.— Упадок египетских бумажных фабрик» [59].

На ряд книг и статей по истории искусства древнего Египта в «Библиотеке для чтения» помещались рецензии. Среди них рецензия на книгу «Топография Фив и общий взгляд на Египет». Ее автор Г. Вилькинсон прожил в этой стране 12 лет, изучал ее древние памятники. В журнале приводится его «Описание нескольких барельефных картин, покрывающих стены фиванских чертогов-гробниц фараоновых», объясняется их историческое значение: «Из картин вы узнаете множество египетской образованности: видите, например, что им известно было употребление насосов, клея и т. д.» [10].

Среди публикаций интересен документ о культурно-исторических связях России и стран Арабского Востока, документ, опубликованный арабистом-нумизматом П. С. Савельевым, «Странствование арабского патриарха Макария из Алеппа в Москву». Из предисловия к документу читатель узнает, что антиохийский патриарх Макарий вместе с Паисием, патриархом Александрии, был приглашен в Москву царем Алексеем Михайловичем. Во время путешествия их спутник, архидьякон Павел, родом из Алеппо, вел дневник, написанный по-арабски.

Один экземпляр этого документа Сенковский видел у знаменитого арабского ученого Арыды в Айн-Туре, где он и ознакомился с большей его частью. Айн-Тур — один из 85 монастырей католических маронитов к северу от Бейрута; здесь проживал ученейший из маронитов, считавшийся первым знатоком арабского и сирийского языков, восьмидесятилетний Антон Арыда, бывший профессор восточных языков в Вене и автор нескольких сочинений об арабском языке. Он был ректором Айн-Турской семинарии; среди его учеников был Франк Юсуф (Иосиф) Сенковский, будущий знаменитый барон Брамбеус, который брал уроки у маститого настоятеля. В ноябре 1820 г. Арыда скончался на руках своего любимого ученика [49, с. XXVII].

Вопреки традициям востоковедения XIX в., которое в основном занималось древней и средневековой историей Арабского Востока, в «Библиотеке для чтения» помещались также и материалы, отражающие культурно-исторические и экономические связи России с Африкой, например «Статистические исследования о хлебной торговле» [57], где сообщается, что усилилось «в 1847 году совместничество с Россиею со стороны Египта, Молдавии, Валахии и Леванта... по привозу пшеницы в порты Южной Европы...» [57].

Сведения об истории колонизации Южной Африки, жизни и быте ее народов содержатся в статьях «Африканские поселенцы» [6], «Новейшие сведения о кафрах» [26], «Народы Южной Африки» [23], в которой приводятся выдержки из книги Роберта Моффата [64]. В комментариях к выдержкам дается оценка этой книге: «Немногие описания новейших путешествий могут сравниться в занимательности с книгою, которую английский миссионер господин Роберт Моффат издал в Лондоне. Автор описывает свое долговременное пребывание, странствия и любопытные приключения у народов, которых земли и даже имена едва известны географии». Роберт Моффат — английский миссионер, который прожил десять лет среди бечуанов, составил грамматику и словарь их языка, жил среди готтентотов в конце XVIII — начале XIX в. Он с большой симпатией относился к народам Африки и осуждал жестокости европейских эмигрантов. «...Шайки поселенцев, — писал он, — вскоре захватили пожитки бедных готтентотов. Предприимчивые и жадные колонисты сначала ограбили стада этих дикарей, а потом обратили и их самих в неволю».

Журнал выступал с критикой колониальной политики европейских держав в Африке. Так, яркая картина колониальной политики Франции в Африке дана в статьях, озаглавленных «Последния путешествия французов» [34]. В них повествуется о французской колонизации Западной и Южной Африки начиная с XVII в. В одной из статей автор пишет: «Европейцы, поселившиеся в Сенегале, редко покидают эту гостеприимную страну. Надежда скорого легкого обогащения, независимый и покойный образ жизни, связи... с туземными женщинами... удерживают их».

живают почти всех европейцев». Европейские колонизаторы «не могли не возбудить в туземцах сильного сопротивления. Но что могли сделать нестройные толпы диких первобытных обитателей Мыса Доброй Надежды против беспрерывно возрастающей массы храбрых и свирепых эмигрантов, которых бедность, господствующая в то время в Голландии, и отмена Нантского эдикта во Франции заставили бежать в отдаленную страну Земного Шара?» [34].

На страницах журнала довольно ярко освещена колониальная политика Англии в Западной Африке. Ее формы и методы раскрываются перед нами в статьях «Королевское географическое общество» [18], «Последняя английская экспедиция к Нигеру» [35], «Просвещение внутренней Африки» [36]. В названных выше статьях повествуется, как, прикрываясь гуманными лозунгами «запрещения работорговли» и «просвещения», Великобритания проводила политику в интересах своих фабрикантов. «Всем известно усердие, с каким Великобритания,— пишет автор статьи „Просвещение внутренней Африки“,— старалась прекратить постыдный и жестокий торг неграми, с тех пор как собственные ее колонии перестали нуждаться в черных невольниках и Северная Америка отделилась от ее владений... Чтобы положить конец ему (т. е. «торгу неграми».— С. М.), Англия решилась переменить политику и вместо преследования торгующих обратиться к самому предмету торговли. Великобританское правительство построило три железных парохода и посылает их под начальством офицеров своего флота в реку Нигер. Цель экспедиции состоит в том, чтобы осмотреть места, откуда берутся невольники, и изыскать способы к просвещению тамошних жителей для искоренения у них бесчеловечного обычая продавать друг друга... Конечно,— пишет далее автор,— не отвергая искренности желания англичан принять решительные меры против невольничьей торговли, можно, однако же, быть вполне уверенным, что они тут же не забывают и своих фабрик, которые произведения найдут сбыт в Средней Африке» [36].

В статье «Последняя английская экспедиция к Нигеру» [35] сообщается: «Еще в 1791 году была основана колония в Сьерра-Леоне с тою же целью уничтожить постыдный торг людьми через распространение туземцам христианства и земледелия. Парламент основал на эту экспедицию огромную сумму денег...

В 1840 году некто Бокстон предложил как новое средство для уничтожения торговли неграми и для распространения просвещения в Африке основать несколько колоний во внутренних частях, которые обрабатывали бы удобные земли и старались бы показать туземцам, какие сокровища они могут получить от своей родной земли с помощью английских капиталов и искусства».

В сентябре 1827 г. англичанин Гольман больше месяца пробыл в Сьерра-Леоне и описал некоторые формы посреднической торговли [3]. Из его же заметок мы узнаем, как англичане

хотели при помощи взяток наладить отношения с буллами [2]. Буллами Гольман называет, очевидно, народ буллун, обитавший на побережье Атлантического океана, между Фритауном и границей с Либерией.

Варварский институт рабства и работорговли осуждался и в ряде других статей. Из статьи «Вывоз негров с Западного берега Африки» мы узнаем о работорговле, проводившейся под испанским и португальским флагами [11]. Статья перепечатана из «*Annuaire des Voyages et la Géographie*». Она содержит рассказ капитана французского флота и губернатора Сенегалии об ужасах работорговли: муж продавал жену, брат — сестер, а мать — детей.

Об институте рабства у народов Сенегала повествует статья «Горей, французская колония в Сенегале» [13]. О масштабах работорговли сообщается в статье «Королевское географическое общество» [18]: «Сорок шесть... кораблей (невольничьих. — С. М.) стояло у Бенинского берега и одиннадцать в одной Бенинской гавани».

Фиксируя внимание на огромных масштабах работорговли, автор анализирует факторы, потворствующие этому чудовищному институту истребления народов и превращения их в рабов, лишенных человеческих прав и родины. Одним из таких факторов он считает разрозненность и отсутствие сплоченности у африканских народов. Автор проводит мысль, что лучшим средством против европейских вторжений является африканское единство: «Общественность по берегам всей реки пришла в такое расстройство от торга невольниками, что главные места, как, например, Ибое, Атта, Фута, стараются только ловить друг у друга людей и продавать их испанским и американским контрабандистам, а для взаимной защиты не существует никакого союза».

Игнатий Пальма, который остался служить султану в Дар-фуре, в письме к своим друзьям в Триест сообщает об ужасах работорговли. «Я,— пишет Пальма,— только что кончил в товариществе будущего дарфурского султана мое последнее странствие... Я был зрителем газуэ, страшной охоты за невольниками, а надо видеть, чтобы представить себе все ее ужасы».

Много статей и заметок сообщают нам о политическом положении в странах Северной Африки. Так, представляет несомненный интерес статья «Проект Лейбница о завоевании Египта», в которой рассказывается о том, как в 1672 г. философ Лейбниц настоятельно рекомендовал Людовику XIV овладеть Египтом: «Там найдете Вы настоящий путь в Индию, отнимете Индийскую торговлю голландцев, упрочите могущество Франции в Леванте, обрадуете христианство, наполните мир удивлением» [37]; «Поход Наполеона в Египет» Н. Полевого [33], где публикуется, в частности, его переписка с Джеззар-пашой сирийским; сведения по экономике и этнографии Марокко, которые содержатся в опубликованных в журнале выдержках из

книги графа Джаворо Граберга (он жил шесть лет в столице Марокко в качестве консула Королевства шведского и сардинского), с комментариями членов Статистического общества Воронцова, Грейга, Конюшого [63]; общий очерк И. Крешнева «Алжирия» [19].

В «Библиотеке для чтения» публиковались статьи не только о колониальной экспансии европейских держав, но и о сопротивлении африканских народов, в частности о борьбе алжирского народа под руководством Абд аль-Кадера против французской колонизации. «История должна отвести значительное место этому человеку, который в продолжение пятнадцати лет занимал первый план в политике Франции и с такими ничтожными средствами умел удержаться против всех усилий огромного европейского государства», — отмечается в статье «Биография Абд эль-Кадера» [8]. В статье Пужула «Абд-эль-Кадер и Югурта» [38] дан обзор древней и новой истории Нумидии, рассказано о ее народных героях.

В статьях, посвященных Египту, характеризовалась деятельность Мухаммеда Али как преобразователя, превратившего Египет из провинции, подчиненной турецкому султану, в фактически независимое государство. В статье «Египет в 1833 году» [28] рассказывается о приходе к власти Мухаммеда Али и создании им регулярной армии и флота. Из кого же комплектовалась регулярная армия? Об этом мы узнаем из статьи «Охота за неграми в Кордофана» [31]. В ней сообщается об экспедиции, снаряженной Мухаммедом Али в 1820 г. для покорения Донголы, Сеннара и Кордофана. Пленных мужчин отправляли в Египет в регулярную армию, а женщин и детей продавали в рабство.

Помимо специальных экспедиций «с целью обращения в рабство черных народов» в статье сообщается о еще одном чудовищном промысле: «Есть турки, которые кроме гарема имеют на черном дворе своем еще сотню невольниц, соединенных с десятью неграми. Ежегодно эти женщины рожают по ребенку, который, достигнув двенадцатилетнего возраста, продается на рынке... Этот промысел производит ежегодно круглым счетом до двух тысяч невольников, с которых таможня паши берет пошлину и которые продаются на каирском рынке. И это еще не все. Как? спросите вы: что же может быть еще? Паша не довольствуется убийственными охотами и позволением позорного промысла, но налагает на всю страну такую огромную подать, что жители не в состоянии были бы уплатить, если бы Мехмед-Али не принимал монеты нового рода: живых людей... Вот результаты столь прославленной цивилизации».

С египетским пашой Мухаммедом Али, его социально-экономическими преобразованиями и армией нас знакомит публикация отрывков из записок арабиста Норова о его путешествиях по Египту и Нубии в 1834 и 1835 гг. [44]. Говоря о Мухаммеде Али, Норов писал, что он, Мухаммед Али, «презирает арабское

население Египта, его язык, дарования и способности... между тем как история и литература этого поколения, если бы он знал грамоте, убедили бы его положительно, что едва ли есть на Востоке народ остроумнее, способнее ко всему и даровитее аравитян... Самолюбие его чрезмерно... он думал, что он второй Наполеон... он презирает Египет, считая эту длинную и узкую полосу земли слишком недостойною себя. Константинопольский престол сильно прельщал его честолюбие; если бы не Россия, он, вероятно, добился бы своей цели, не трогаясь с места».

Публикация Норова сопровождалась критическими замечаниями рецензента, которым, по-видимому, был О. Сенковский. Это «одно из лучших путешествий по Египту, изданных в Европе в последнее десятилетие». Давая такую высокую оценку работе А. Норова, рецензент, очевидно О. И. Сенковский, вместе с тем критикует автора за то, что в некоторых случаях он излишне превозносит Мухаммеда Али. «Египетский паша,— пишет рецензент,— вместо того чтобы воскресить воинский дух и национальность угнетенных египтян, как сделал бы гениальный человек и преобразователь, заботящийся о будущих успехах страны, последовал той же варварской системе». По мнению рецензента, Мухаммед Али — восточный деспот, который руководствуется не столько государственными интересами, сколько личными, и смотрит на Египет как на свою собственность. Рецензент с большой симпатией относится к народу; восточный деспотизм он характеризует как уродливую форму правления.

Мухаммед Али создал плантации и мануфактуры, но создал ли он их «для Египта, для пользы его жителей? — спрашивает рецензент и отвечает: нисколько. Он завел все исключительно для себя, на своих землях... для умножения своих личных доходов. Египет обращен весь в его крепостное поместье, он объявил себя владельцем всех его земель и произведений; плоды трудов земледелия отдаются ему, и он предоставил одному себе право продавать их на внутренних и заграничных рынках по ценам, которые сам он определяет. Во всем Египте он один — сельский хозяин, мануфактурист и купец...»

Примерно такую же характеристику Мухаммеда Али мы находим в публикуемых выдержках из книги французского врача Гамона «Египет под управлением Мухаммеда Али» [62]. «Почва Египта, — пишет автор, — плодородна, жители промышленны, смышлены, покорны, храбры. Но все это подавлено жадностью паши, который выполняет свои планы ужасным варварством».

Журнал стремился не только довести до читателя новейшие открытия и исследования в Африке, но и рассказать им о жизни и быте народов страны, в которой им довелось побывать.

Чад, Томбукту, Судан, Эфиопия, Нубия, Египет, Мадагаскар, Занзибар, Ливия, Алжир, Тунис, Марокко, Конго, Золотой Берег, Дагомея, Сьерра-Леоне, Остров Горей, Острова Зеленого Мыса, Канарские острова — вот небольшой перечень стран,

с историей и бытом народов которых знакомят статьи, опубликованные в «Библиотеке для чтения». Это и публикации документов, и путевые очерки и записки, и воспоминания людей, побывавших в Африке, и рефераты и выдержки из зарубежных исследований и иностранной печати. Достоверность источников тщательно проверялась. Редактор журнала Сенковский сам более двух лет путешествовал по разным странам Востока и Африки. Он первым из русских путешественников проник в Нубию и Верхнюю Эфиопию. Тонкий наблюдатель, Сенковский подробно описал древние Фивы, политическое и социальное устройство фиванского общества, культуру и быт населения. На страницах «Библиотеки для чтения» публиковались отрывки из его записок «Эбсамбул. Нубийския сцены» [53].

Сенковский владел арабским (изъяснялся и на сирийском его диалекте) и турецким языками, на которых он говорил и писал «каллиграфически-щеголевато — прозой и стихами», как на своем родном языке. Шейх столичного города Дерры сказал Сенковскому: Москов — славный человек, и Московия по милости Пророка славная долина, но все-таки не то, что наша Нубия!»

В «Библиотеке для чтения» публиковались отрывки из книги «Путешествие во внутреннюю Африку Е. Ковалевского» [39]. Рецензент с большой теплотой представляет читателям журнала работу Е. П. Ковалевского, побывавшего в Египте, Абиссинии и Нубии: «Господин Ковалевский имеет особенную способность не только путешествовать, но и мастерски передавать другим свои наблюдения... — пишет рецензент. — Многие уже путешествовали по Африке, многие описали свои путешествия, но никто не писал так, как пишет господин Ковалевский. Одни странствовали по разным странам Африки для изучения ее в геологическом отношении, другие — в отношении царства животного и растительного, третьи — в этнографическом отношении, наконец, четвертые странствовали для изучения древних ее памятников. Словом, от Геродота до Коковцова Европа имеет тысячи томов об Африке, и, несмотря на то, Европа так еще мало знает эту часть света. Все описывали Африку для науки, но никто не описал ее для большинства читающей братии... таким-то описанием мы обязаны „Странствователю по суше и морям“».

В «Библиотеке для чтения» публиковалась «Поездка на Синай с приобщением отрывков об Египте и Святой Земле А. Уманца» [32]. В своих замечаниях к опубликованным отрывкам рецензент отмечает, что «путешествие господина Уманца, совершенное, собственно, для медицинской цели, в изданной им книге носит, подобно другим русским путешествиям в Западную Азию, характер благочестивого странствования к местам, освещенным преданиями религии, упоминая о прочем только как о случайностях пути и края». Рецензент упрекает автора в отсутствии наблюдательности по отношению к стране и ее населению.

Примерно те же претензии предъявляет рецензент и к книге «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты А. Рафаловича» [45].

Значительный интерес у читателей вызвали публикации отрывков из очерков о путешествиях по Востоку А. Сумарокова («Поездка в Магадор и Марокко») [58], Ивана Гончарова («Фрегат „Паллада“») [16], В. Диттеля («Очерк путешествия по Востоку с 1842 по 1845 г.») [14].

На страницах журнала печатались путевые записки, очерки и заметки, воспоминания не только русских путешественников, но и зарубежных. Редакторы журнала всегда уделяли внимание достоверности публикуемого материала. Нередко публикации сопровождалась комментариями.

Интересный материал по этнографии, географии и истории Эфиопии мы находим в публикации «Путешествие господ Комба и Тамизие по Абиссинии и землям Галла, Хоа и Ифат» [41]. В журнале сообщалось, что в составе коллекции, вывезенной немецким естествоиспытателем Г. Рюппелем из Абиссинии, были абиссинские рукописи, относящиеся ко II—III вв. н. э., и золотые монеты абиссинских государей [42].

Пастор Д. Тейермен и Дж. Беннет по поручению Лондонского общества миссионеров посетили ряд островов, в том числе и Мадагаскар. В их записках содержатся сведения по истории и этнографии этого острова [46]. Об истории и этнографии Мадагаскара мы узнаем также из записок французского лейтенанта Гарнере «Посольство в Мадагаскар» [12а].

На страницах журнала публиковалось сообщение о путешествии Фридриха Белоблоцкого через Египет в Момбасу, затем к Нилу для определения южных границ Нильской долины [27].

Интересны воспоминания Якова Араго о том, как он шел с караваном арабов в Марокко [5]. В его записках мы находим полезные сведения по географии и этнографии Сахары. Он же сообщает нам о неэквивалентной торговле, проводившейся между европейцами и сенегальцами: «Корабли привозили материи и пороки взамен слоновой кости, воску и золотого песку» [5].

На страницах «Библиотеки для чтения» сообщалось об экспедиции доктора Смита в Южную Африку, где он дошел до земли матабеле и посетил Мошиша, короля басуто [60]. Здесь же мы находим сообщения о плавании Базиля Галля около Мыса Доброй Надежды [12]; о путешествии шерифа Мухаммеда, туниского уроженца, в Судан [47], который отправился из Каира «во внутренность Африки», до десятого градуса широты, и возвратился через Фезан и наместничество Триполи на родину, в Тунис. В публикуемом документе содержатся сведения по этнографии и системе управления Дарфура.

Особое место на страницах журнала занимали рецензии, которые, как правило, носили деловой, дискуссионный или творческий характер. Нередко они дополняли или научно обоснованно оспаривали те или иные положения автора. Обычно опублико-

вался текст работы или отрывки из нее, далее следовал комментарий рецензента. Чаще всего им был сам Сенковский. В своих критических замечаниях рецензент всегда стремился довести до автора истинное, с его, рецензента, точки зрения, положение вещей и одновременно обратить внимание читателя на те места в работе, которые являются наиболее интересными и полезными для знакомства с историей и самим объектом исследования автора.

Так, например, рецензии Сенковского на «Путешествие по Египту и Нубии в 1834 и 1835 годах Авраама Норова», о которых мы говорили выше, по сути своей, носят характер самостоятельных статей по истории исследования древнего и современного Египта. То же можно сказать о рецензии на «Путешествие Г. Госкинса в Эфиопию» [40], где говорится об истории, этнографии, культуре государства Мероз. Рецензия не подписана, но знание истории и археологии Нубии, а также стиль рецензии дают возможность предположить, что ее автором является Сенковский.

Приведем некоторые отрывки из опубликованных рецензий: «Много веков протечет, пока истощится или устанет любопытство, возбуждаемое памятниками Египта, Нубии и Эфиопии. Непроницаемая завеса мрака скрывает еще от нас народы, которые их воздвигли». И далее: «Мы не можем также пройти молчанием путешествия Воддингтона и Генбери, рисунков архитектора Го, изысканий Росселини и Шамполиона о памятниках Нижней Нубии: мы признаем все заслуги, которые оказали они Археологии». А вот другая выдержка — из рецензии на записки путешественника Пюклер-Мускау: «Наблюдения князя Пюклер-Мускау поверхностные... Ни о состоянии Тунисского наместничества, ни о характере или обычаях его оседлых и кочующих жителей почти ничего не сказано: описание путешествия во внутренность страны состоит исключительно из ничтожных приключений с самим путешественником или с его лошадью. „Я и моя лошадь!“ — говорит его светлость на каждом шагу» [51].

Итак, давая общую оценку журналу, следует подчеркнуть, что он сыграл значительную роль в ознакомлении русской общественности с Африкой. Он не ограничивался констатацией фактов, а пользовался любой возможностью научно правильно донести до читателя веяния эпохи — то ли в науке, то ли в другой области. Широко, на высоком научном уровне, со ссылкой на авторитетные источники освещались в журнале следующие темы: «Древняя и средневековая история Африки»; «Культурно-исторические связи России и Африки»; «Европейская колонизация Африки»; «Борьба африканских народов против колониализма»; «Колониальная политика европейских держав»; «Рабство и работорговля»; «История, культура и быт африканских народов». Материал поступал из первых рук русских ученых, зарубежных путешественников и очевидцев, доброжелательно

относившихся к африканцам. Обработывался материал людьми, знавшими Африку.

Можно с уверенностью сказать, что «Библиотека для чтения», руководимая востоковедом-арабистом О. И. Сенковским и археологом-нумизматом П. С. Савельевым, внесла большой вклад в дело популяризации знаний об Африке, знакомство с ее историей, экономикой, культурой, а также политикой империалистических держав и борьбой африканских народов против колониализма.

«Библиотека для чтения» не только возбуждала живой интерес к делам общественным, социальным и политическим, но и мобилизовала общественное мнение вокруг ряда насущных вопросов современности. Излагая события, журнал пытался дать им оценку. В этом отношении журнал может служить источником для изучения отношения русской общественности первой половины XIX в. к народам Востока, в частности Африки, к ее истории и культуре.

Литература

1. А. Б. Посольство в Мадагаскар (Из записок французского лейтенанта Гарнере).— Библиотека для чтения (далее — БЧ). СПб., 1852, т. 116, ч. 1, отд. 7.
2. А. С. О том, как англичане учили африканский народ булламов брать взятки.— БЧ. 1834, т. 5, ч. 1, отд. 7.
3. А. С. Торговля в Сьерра-Леоне.— БЧ. 1834, т. 5, ч. 1, отд. 7.
4. Александрийская школа.— БЧ. 1842, т. 52, ч. 1—2, отд. 3.
5. Араго Яков. Пустыня. Из воспоминаний.— БЧ. 1849, т. 95, ч. 1—2, отд. 7, т. 96, ч. 1—2, отд. 7, т. 97, ч. 1, отд. 7.
6. Африканские поселенцы.— БЧ. 1834, т. 5, ч. 1, отд. 7.
7. Био. Астрономическое разыскание о хронологии египтян.— БЧ. 1834, т. 5, ч. 1, отд. 7.
8. Биография Абд эль-Кадера.— БЧ. 1848, т. 87, ч. 1, отд. 7.
9. Вилькинсон Г. Древние египетские картины.— БЧ. 1835, т. 10, ч. 1, отд. 7.
10. Вилькинсон Г. Топография Фив и общий взгляд на Египет.— БЧ. 1835, т. 10, ч. 1, отд. 7.
11. Вывоз негров с Западного берега Африки.— БЧ. 1845, т. 69, ч. 2, отд. 7.
12. Галль Базиль. Плавание около Мыса Доброй Надежды. Из записок Базиль Галля.— БЧ. 1834, т. 4, ч. 2, отд. 3.
- 12а. Гарнере. Посольство в Мадагаскар.— БЧ. 1852, т. 116, ч. 1, отд. 7.
13. Горняк, французская колония в Сенегале.— Жизнь белых и черных под экватором.— БЧ. 1845, т. 71, ч. 1, отд. 7.
14. Диттель В. Очерк путешествия по Востоку с 1842 по 1845 г.— БЧ. 1849, т. 95, ч. 1, отд. 1.
15. Египет под управлением Мехмеда-Али.— БЧ. 1843, т. 57, ч. 1, отд. 3.
16. И. Г. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия Ивана Гончарова в двух томах. СПб., 1854.— БЧ. 1858, т. 150, ч. 1—2, Отд. Литературная летопись.
17. Каверин В. А. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966.
18. Королевское географическое общество.— БЧ. 1834, т. 3, отд. 7.
19. Крешиев И. Алжирия.— БЧ. 1854, т. 128, ч. 2.
20. Михайлов М. М. Новейшие открытия в Африке.— Путешествия Барта, Ливингстона и Фогеля. Статья вторая.— БЧ. 1857, т. 144, ч. 1—2, отд. 3—4.
21. Михайлов М. М. Новейшие открытия в Африке доктора Ливингстона. Статья третья.— БЧ. 1858, т. 149, ч. 1—2, отд. 2.

22. Надпись жреца элевсинских таинств, найденная в погребальных подземельях фараонов.— БЧ. 1844, т. 62, ч. 2, отд. 7.
23. Народы Южной Африки.— БЧ. 1842, т. 55, ч. 2, отд. 3.
24. Новая сравнительная наука древностей.— БЧ. 1835, т. 12, ч. 1, отд. 3.
25. Новейшие известия о Мароккской империи.— БЧ. 1836, т. 16, ч. 2, отд. 7.
26. Новейшие сведения о кафрах.— БЧ. 1834, т. 3, ч. 2, отд. 7.
27. Новые ученые путешествия.— БЧ. 1849, т. 95, ч. 2, отд. 7.
28. Египет в 1833 году.— БЧ. 1834, т. 3, отд. 3.
29. Объявление о беглых людях от 10 июня 146 года до Р. Х.— БЧ. 1834, т. 1, отд. 7.
30. Открытие пунических надписей с латинскими переводами.— БЧ. 1843, т. 58, ч. 1, отд. 7.
31. Охота за неграми в Кордофани.— БЧ. 1844, т. 67, ч. 1—2, отд. 7.
32. Поездка на Синай с приобщением отрывков об Египте и Святой Земле А. Уманца. Ч. 1—2.— БЧ. 1850, т. 101, ч. 1, отд. 5.
33. Полевой Н. Поход Наполеона в Египет.— БЧ. 1844, т. 67, ч. 1—2, отд. 3.
34. Последние путешествия французов. Ст. 1—2.— БЧ. 1844, т. 62, ч. 1—2, отд. 3.
35. Последняя английская экспедиция к Нигеру.— БЧ. 1848, т. 88, ч. 2, отд. 7.
36. Просвещение внутренней Африки.— БЧ. 1841, т. 47, ч. 1, отд. 3.
37. Проект Лейбница о завоевании Египта.— БЧ. 1840, т. 39, ч. 2, отд. 7.
38. Пуэрта. Абд-эль-Кадер и Югурта.— БЧ. 1847, т. 80, ч. 2, отд. 7.
39. Путешествие во внутреннюю Африку Е. Ковалевского. Ч. 1—2. СПб., 1849.— БЧ. 1849, т. 95, ч. 1—2, отд. 5.
40. Путешествие Г. Госкина в Эфиопию.— БЧ. 1836, т. 17, ч. 2, отд. 3.
41. Путешествие господ Комба и Тамизие по Абиссинии и землям Галла, Хоа и Ифат.— БЧ. 1840, т. 40, ч. 1—2, отд. 3.
42. Путешествие доктора Рюппеля по Абиссинии.— БЧ. 1842, т. 52, ч. 1, отд. 3.
43. Путешествие Игнатия Пальма к верховьям Нила и в Кордофан. Письмо к друзьям в Триест.— БЧ. 1840, т. 40, ч. 1—2, отд. 7.
44. Путешествие по Египту и Нубии в 1834 и 1835 годах Авраама Норова, служащее дополнением к «Путешествию по Святой Земле». Ч. 1—2. СПб., 1840.— БЧ. 1840, т. 43, ч. 1, отд. 5.
45. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты А. Рафаловича.— БЧ. 1850, т. 101, ч. 2, отд. 5.
46. Путешествие Тейермена и Беннета.— БЧ. 1834, т. 2, отд. 3.
47. Путешествие шерифа Мухаммеда, Тунисского уроженца, в Судан.— БЧ. 1840, т. 42, ч. 1—2, отд. 7.
48. Римские надписи в Алжире.— БЧ. 1856, т. 137, ч. 2, отд. 7.
49. Савельев П. О жизни и трудах О. И. Сенковского.— *Сенковский О. И. Собрание сочинений*. СПб., 1858.
50. Савельев П. С. Странствование арабского патриарха Макария из Алепа в Москву. Публикация.— БЧ. 1836, т. 15, ч. 1—2, отд. 3.
51. Семилассо в Европе и Африке, или Князь Пюклер-Мускау.— БЧ. 1837, т. 22, ч. 1—2, отд. 2.
52. *Сенковская А. А. Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус). Биографические записки его жены*. СПб., 1858.
53. [*Сенковский О. И.*] *Барон Брамбеус*. Эбсамбул. Нубийския сцены.— БЧ. 1835, т. 8, ч. 2, отд. 1, т. 9, ч. 1.
54. *Сенковский О.* Путешествия А. С. Норова. I. Путешествие по Египту и Нубии.— II. Путешествие по Святой Земле в 1835 году.— III. Путешествие ко Семи Церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб., 1854 (Пять томов. Новое издание).— БЧ. 1855, т. 131, ч. 2, отд. 5.
55. *Сенковский О.* Путешествия А. С. Норова. I. Путешествие по Святой Земле в 1835 году. 3-е изд., доп. II. Путешествие по Египту и Нубии. 2-е изд. III. Путешествие ко Семи Церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. 2-е изд. СПб., 1854, пять частей.— БЧ. 1855, т. 129, ч. 2, отд. 5.
56. *Сенковский О. И.* Предисловие.— *Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса)*. Т. I. СПб., 1858.

57. Статистические исследования о хлебной торговле.— БЧ. 1848, т. 91, ч. 1, отд. 4.
58. *Сумароков А.* Поездка в Магадор и Марокко.— БЧ. 1860, т. 160, № 7, отд. Современная летопись.
59. Фабрикация бумаги.— Древняя бумага. Папирус и пергамен.— Упадок египетских бумажных фабрик...— БЧ. 1835, т. 11, ч. 2, отд. 4.
60. Экспедиция доктора Смита в Южную Африку.— БЧ. 1837, т. 22, ч. 1, отд. 7.
61. Эскуриальная библиотека.— БЧ. 1835, т. 10, ч. 2, отд. 7.
62. *Hamont.* L'Egypte sous Méhémet-Ali. P., 1843.— БЧ. 1843, т. 57, ч. 1, отд. 3.
63. *Graberg, Giacapo.* Specchio geografico-statistico dell'impero di Marokko, per conte Giacapo Graberg. Hemso, [б. г.].
64. *Robert Moffat.* Missionary Labours and scenas in Southern Afrika.— БЧ. 1884, т. 62, ч. 1—2, отд. 3.

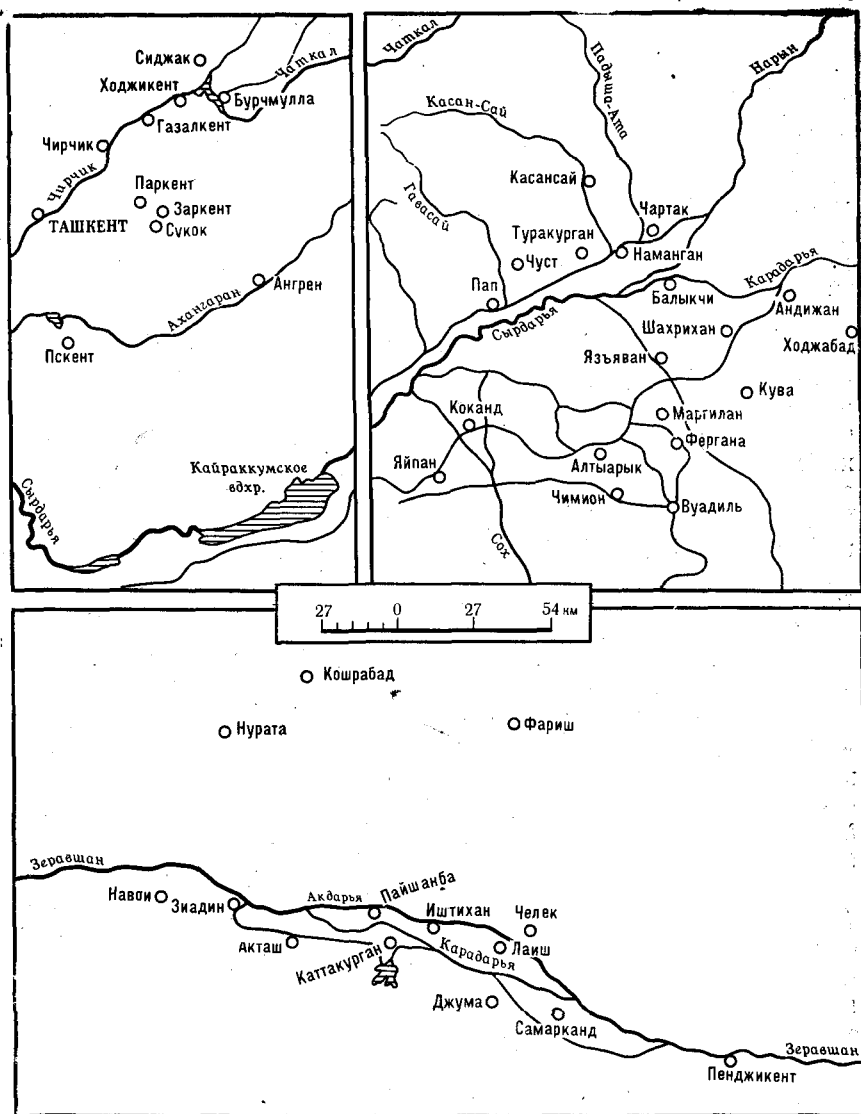
II. ЭТНОГРАФИЯ. КУЛЬТУРА. РЕЛИГИЯ

Р. Я. Рассудова

СЕМЕЙНЫЕ ГРУППЫ: ОДНА ИЗ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В ОРОШАЕМЫХ РАЙОНАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ (XIX — первая половина XX в.)

Семейные трудовые группы являлись одной из форм организации сельского оседлого населения в полевом и водном хозяйстве в пределах ирригационной магистрали второй или третьей степени (степень определялась в зависимости от величины водного источника). В данной статье рассматриваются сохранившиеся трудовые и родственные связи внутри различных семейных групп, а также соотношение этих групп в целом с другими общественными объединениями внутри сельских общин и селений.

Собранные автором полевые и литературные материалы относятся к Ферганской и Зеравшанской (в ее средней части) долинам и Ташкентскому оазису. В Зеравшанской долине оседлое население, представленное в основном таджиками, сосредоточивалось в городах и крупных селениях (Бухара, Самарканд, Каттакурбан, Лаиш, Иштихан, Дагбид и др.). В остальных местах расселялось тюркоязычное население, сохранявшее еще в начале XX в. свою родо-племенную организацию. Оно пришло сюда в разное время. Более ранние тюркские племена оказались малочисленными и разбросанными среди поздних тюркских же пришельцев — узбеков. Последние поселились, особенно после XVII—XVIII вв., компактно и заняли обширные территории: Мианкальское междуречье — кипчаки, хтай и кырки (на востоке); низовья Даргомского бассейна, Джамскую пустыню и Зи-адинский район — найманы, сарай, мангыты и др.; северную окраину Мианкаля (кишлаки Митан, Майбулак, Янбаши, Андак, Кошрабад) — джалаиры, бахрины, туркмены; к востоку от них — каракалпаки, южнее — кутчи. Арабы занимали два района — вокруг Самарканда и Каттакурбана (Чимбай, Бурана, Гурджи, Кара, Акташ, Калхат и т. д.) [1; 13; 20; 36].

Схематическая карта Ташкентского оазиса,
Ферганской и Зеравшанской долин

Среди таджиков и узбеков почти всюду расселена многочисленная группа ходжа, или карахан (караган)¹. В каждом кишлаке они занимали хотя бы небольшую его часть. Нередко в

¹ Караханы, или (реже) караганы, возможно, являлись отдаленными потомками тюрков, династии, известной в Средней Азии как Караханиды (X—XII вв.) [20, т. 1]. Слово «караган» («карахан») не следует смешивать с одним из обозначений семейно-родственной группы караган (см. примеч. 3).

крупных поселениях насчитывалось даже по несколько кварталов ходжа; существовали и целые селения, занятые ими (ферганский Пиникан). В основном ходжа сосредоточивались в Мианкальском междуречье (Суганчи, Дагбид, Лаиш, Дабуссия, Иштихан, Матрид), а также в Самарканде и его окрестностях (в Бухаре наличие их отмечено уже в IX в.) [8]. В целом по Самаркандской области, где кипчаки и хтаи были самыми многочисленными группами, ходжа преобладали над всеми родо-племенными объединениями, за исключением кипчаков [12; 32; 33; 36].

Оседлое население Ташкентского оазиса разделялось на ираноязычных таджиков и тюркоязычных сартов, последние в некоторых районах еще в начале XX в. говорили по-таджикски, и их считали таджиками (например, в Пскенте) [2, с. 154—158; 3]. Оба народа не имели родо-племенного деления. Среди них также жили ходжа (практически в каждом селении). В Ташкентском оазисе таджики, сарты, как и ходжа, селились вдоль рек Чирчик (Ташкент, Газалкент, Ходжикент, Сиджак, Нанай и др.) и Ангрэн (Унгут, Карахтай до Аблык), в предгорном Джетыкенте (Паркент, Сукок, Заркент и до Невича и Башкизилсая) [39].

В Ферганской долине таджики также сосредоточивались в предгорной (наманганской) окраине (Чадак, Гава, Чуст, Касансай), а в ряде районов (Гурумсарай, Пап, Чиндаул, Туракурман, Чартак) они селились вперемежку с сартами. Сарты же занимали в основном равнинную часть Ферганы (кокандские селения Катран, Бачкир, Бувайда, Янгикурман, Мазар, Кудаш, Яйпан, Охи, Сарыкурман, Нурсук и др.), а также окрестности Маргилана и Ферганы (Заркент, Арабмазар, Турбат, Яккакатул, Охи, Вуадиль). В этом районе (селения Хангыз, Чимион, Бурбалык, Риштан) жили и таджики. Сарты селились в восточной (андижанской) части Ферганы (селения Балыкчи, Кияли, Насриддинбек-чек, Ходжабад, Шахрихан и многие другие) [37]. В Фергане, как и в первых двух регионах, мы не встречали ни одного селения, где не было бы квартала ходжа или хотя бы несколько их семей. И в Фергане ходжа сосредоточивались в основном в западной части долины, в низовьях ирригационных систем, в крупных селениях и городах [32].

В литературе отсутствуют специальные работы о семейных группах. До настоящего времени внимание исследователей было обращено на одну форму семейных объединений — семейно-родственную группу, в которой главы (мужчины) отдельных семей состоят в кровном родстве, ведущемся по отцовской линии. Авторы отмечают в основном наличие этой группы в кишлаках и ее значение как одного из организационных подразделений населения и изредка — как объединения для совместной работы [14; 18; 19; 21; 22; 31; 34].

Полевые материалы, собранные нами в течение последних почти двадцати пяти лет, позволяют воссоздать взаимоотноше-

ния отдельных семей не только в процессе труда, но и в быту. Семейные объединения целиком и частично выступали в качестве самостоятельных организационных единиц; они были многофункциональны. Например, семейные группы складывались для выполнения различных хозяйственных работ (полевых, ирригационных, дорожных, строительных и др.), для проведения праздников, свадеб, при осуществлении религиозных, траурных обрядов. В зависимости от целей объединения, а также расположения жилищ (в селении или вне пределов его) основой образования семейных групп являлись родственные (с четким выделением родства по крови и свойству, по мужской или женской линии), половозрастные (в том числе и по личным симпатиям), территориальные связи. Каждая из этих групп имела свое название; последние различались по районам.

Предмет нашего анализа — семейные группы, составлявшие во время полевых и ирригационных работ. Эти группы различались по характеру связей между семьями и по числу семей в них. В одних районах главы семей таких трудовых групп являлись кровными родственниками; в других — родственниками лишь по свойству или чужаками. Число семейно-родственных групп зависело от величины селений и колебалось от трех до пяти, редко до семи.

Возникновение таких групп связывалось обычно с несколькими родными братьями, первыми поселившимися в данной местности. Впоследствии их стали почитать основателями селений и отдельных их частей и родоначальниками их жителей².

Одна семейно-родственная группа, вначале, естественно, малочисленная, селилась компактно. В зависимости от обстоятельств она выступала в различных ипостасях (как коллектив, распоряжавшийся землей, ирригационной системой, или трудовой коллектив и т. д.). О том, что компактное расселение было широко распространено, можно судить по отдельным сохранившимся признакам. Так, в кокандских селениях Катран, Бачкир, Кудаш, Яйпан, Охчи единица измерения воды называется *уруг су*, т. е. «одна родовая вода», или «вода рода» — группы кровных родственников. Единица же воды уруг су отпускается уже территориальной единице — кварталу, который населяют представители нескольких семейно-родственных групп.

Величина семейных трудовых групп (и их подразделений) определялась отраслью хозяйства, количеством воды в данном районе и даже в сезоне; учитывалась и обеспеченность рабочим скотом. Например, в Ташкенте (в селениях Карахтай, Унгут)

² Место захоронения основателя и его сыновей становилось кладбищем для жителей всего селения. О наличии и числе семейно-родственных групп можно было судить по «топографии» кладбищ. Примерно с 60-х годов распространяется порядковое захоронение, без учета семейно-родственной принадлежности покойного. Исключение делается для глубоких стариков и особо уважаемых людей, а также представителей хаджа; последние до сих пор хоронят умерших среди своей семейно-родственной группы и отдельно от других — особенно этнических — групп.

трудовое объединение составлялось из части разросшейся семейно-родственной группы караган³. Однако такая малая группа функционировала лишь при чистке общинных и особенно кишлачных водных магистралей. Подобные же семейные трудовые единицы — земельные и водные — существовали и в зервавшанских селениях (Чуянчи, Кадан, Пайшанба, Суганчи, Янбоши). Они функционировали, как и в ташкентских селениях, при чистке оросительных систем, при обработке полевых культур. Действия таких групп ограничивались пределами своего селения или поля. Для работ, которые надо было вести вне селения, в чужих краях, трудовые группы составлялись чаще всего из неродственных семей.

При этом еще раз подчеркиваем, что во всех выявленных нами трудовых и иных единицах семейно-родственные группы представлялись в них лишь частично. В полном составе они собирались при выборах администрации (селений и своей волости). В материальном обеспечении брачующихся сторон и создании новой супружеской пары стороны также опирались на помощь всей семейно-родственной группы, т. е. и в этом случае она выступала как цельная единица.

Семейно-родственные группы обозначались различными терминами, что записано и от этнолингвистической среды, и от территории ее распространения, и от времени их бытования в данном регионе. В литературе встречаются следующие термины *каум*, *уруг*, *туп*, или *топ*, отмеченные почти всюду в Средней Азии; *тойфа*, существовавший среди туркмен, белуджей и горных таджиков, употреблявших и термин *кында* [14; 17; 19; 21; 41]; *коше*, выявленный среди каракалпаков, в низовье Амударьи [18, с. 80—82]; *элат*, *джамоа* [34]. В рассматриваемых регионах термин «топ» был распространен всюду; нередко также употреблялись термины «уруг», «каум». В ангренских селениях (от Унгута до Аблыка) нами обнаружен упомянутый выше термин «караган» (в 1970 г.).

Сопоставление литературных, словарных и наших полевых материалов показывает, что при пользовании указанными терминами необходима большая осторожность, ибо все они являются многозначными и со временем изменяющимися. Некоторые из этих терминов (уруг, тойфа, каум) кроме понятия «семейно-родственная группа» обозначали род, племя или территориальную общину (джамоа) и даже целый народ (элат) или отдельный класс народа, маленькие династии царей (тойфа). Терминами «джамоа», «коше», «элат», «топ» могли называть также и административные единицы — волость, страну и деревню, лагерь, объединение, мирской сход. Приведенные термины, обозна-

³ Караган значит «относящийся к чему-либо или кому-либо», «смотрящий»; термин происходит от слова «карамок» [42, с. 658]. По своему значению он идентичен слову «уруг» — «семя, род» [42, с. 513]. Материалы о распределении земель и воды, организации труда сырдарьинских земледельцев имеются в работе Н. Д. Дингельштеда [16].

чавшие семейно-родственные группы, постепенно приобретали новое значение, отражая классовую или территориальную общность, но не родственную. Среди древних оседлых земледельцев высокоразвитых для своего времени районов, каким являлась, например, Ферганская долина в XIX—XX вв. [20], потеря значения родственных связей произошла в большей мере, чем среди недавно осевших пришельцев и тем более кочевников [25].

Рассмотренные нами семейно-родственные группы, как в целом, так и части их, являвшиеся трудовыми единицами, не выступали как хозяйственная единица; они не влияли на распределение доходов семей; потребление было не групповое, а семейное. Различные же формы родственных связей между отдельными семьями, их взаимная помощь не нарушали экономической и правовой сущности отдельной семьи, не превращали всю группу в форму семьи, как это иногда утверждается в литературе, например в [21].

Определением «семейно-родственная группа» мы не можем пользоваться безоговорочно. Судя по материалам, общины включали не только родственные семьи, но и чужих, пришлых поселенцев. Это отмечено и в далеких изолированных районах периферии, в горных районах и особенно в крупных долинах, для которых было характерно смешение различных народов, племенных и этнических групп как среди кочевого населения, так и среди оседлого [14; 15; 22; 38]. Невозможность повсеместного применения определения «семейно-родственные группы» подтверждают, как будет видно, и наши полевые материалы. Следует добавить — и это для нас весьма существенно, — что семейные объединения, даже если главы семей в них и происходили от одного предка, представляли только часть семейно-родственных групп общины. Кроме того, данные семейные группы являлись основой организации труда в полеводстве (всюду) и при ирригационных работах (в некоторых районах). В семейных трудовых группах хозяйственные и организационные интересы вытесняли и заменяли родственные связи (Ташкентский оазис); более того, эти интересы вызывали и изменчивость состава семейных групп (Ферганская долина).

Семейные трудовые группы как определенная единица являлись одной из общественных организаций общины; они функционировали наряду со всеми другими общинными организациями — семейно-родственными группами, мужскими и женскими объединениями, квартальными, профессиональными (нередко выходившими за пределы общины и всего селения), религиозными общностями. Семейные группы всюду сохранялись трудовой единицей в полеводстве. Однако во всех трех регионах они различались по организационной структуре (например, наличие — отсутствие глав групп), по формам труда (специализация труда или общий труд на семейных наделах), по характеру родственных связей, по постоянству состава и т. д. Группы семей,

составлявшиеся на основе требований организации хозяйства и труда в них, нередко основывались также на общности территории поселения этих семей или их наделов в большом земельном массиве общины и даже всего селения.

Семейные группы как трудовые организационные единицы не только общины в целом, но и отдельных ее частей довольно четко выступали во всех трех указанных регионах. В средней Зеравшанской долине местным наименованием этой организации являлся довольно широко известный термин «топ», или «туп», — группа, сборище, собрание [6; 7, с. 383; 11; 19]. Однако среди населения бытовал и другой термин — «кош». В литературе это слово до настоящего времени понимается лишь как мера земли, которую могла «вспахать пара волов за сезон», причем размер ее неправильно исчисляли в 50 танапов (в этом районе танап равнялся четверти десятины; десятина — немногим более 1 га)⁴. В действительности же под термином «кош» подразумевались два понятия: мера земли, площадь которой равнялась от 20 до 24 танапам посевов (от 5 до 6 десятин), и объединение семей, имеющее общую площадь всех пашен не более 50 танапов (т. е. 10—12 десятин).

Кош в 50 танапов, называвшийся *катта кош* («большой кош») в западной части долины или *топ* в восточной, — это семейная группа; она одновременно служила и мерой водной единицы [11]. Числу кошей, или топов, в кишлаках соответствовало и число единиц воды. Но количество воды, отпускавшейся одному кошу, или топу, соответствовало не 50 танапам пашни, а действительно вспаханной и возделанной весной площади посевов (влияло также количество ее в источнике). Последняя же по местной агротехнике достигала в лучшем случае двух третей пашни, обычно же равнялась половине [31].

В условиях орошаемого земледелия значение имело не только количество выделенной воды, но и время пользования ею. В низовьях оросительных магистралей в отличие от их верховьев, более обеспеченных водой, а также в засушливые годы, как правило, полученную группой семей воду не делили между семьями-хозяйствами в соответствии с размером их земель, а полностью направляли на один или несколько соседних участков разных хозяйств (все эти конкретные условия не влияли на принцип раздела воды по группам). В результате направления большого количества воды в одно и то же место достигалось быстрое течение даже малого количества воды и сокращение сроков полива, поэтому крестьяне успевали оросить свои участки.

Сохранению единства каждой такой семейной группы и в дальнейшем в течение хозяйственного года или другого, более длительного периода содействовали способы орошения, количе-

⁴ В данном значении «кош» употреблен впервые Л. Н. Соболевым [35, с. 389]. Впоследствии этот термин ряд исследователей использовали применительно к другим районам [40]. Правильную величину коша как земельной (посевной) меры дал В. Л. Вяткин [13].

ство и режим поступления воды. Вода обуславливала размеры площадей и выбор возделывавшихся культур, их соотношение и урожайность (учитывались также — и не в последнюю очередь — требования рынка). Так как режим вегетации самих растений и их агротехника были весьма отличными друг от друга, то правильное использование земли определялось уже не только водой, но и возделывавшимися культурами, требовавшими определенной затраты труда и времени, а также соответствующей формы организации работ.

Размеры семейных групп отличались в разные хронологические периоды и по разным районам и даже по отдельным частям ирригационных систем, имевших свое направление земледе- лия. Для определения размеров кошей (топов) необходимо сопоставить их число с количеством семей (или хозяйств), селений или же земельных и водных единиц. Для этой цели мы предлагаем таблицу, выполненную нами на основе статистических данных о сельских обществах, составлявшихся из нескольких селений, об их хозяйствах и кошах как земельных единицах (напоминаем, площадь коша достигала 50 танавов пашни, или 12 десятин). Используемые сведения относятся к двум годам последней четверти XIX в., периода завершения земельно-пашных работ, проводившихся царской администрацией в крае и приведших к значительным правовым и социальным изменениям в жизни местного населения⁵.

Семейные трудовые группы (кош, топ) в низовье
р. Даргом (Ангорский тюмень)*

Сельское общество	Число хозяйств в обществе, 1872 г.	Число хозяйств в селении		Число кошей в селении	Число хозяйств в кошах	
		1872 г.	1900 г.		1872 г.	1900 г.
Джагалбайли	150	50	80	17	3	3,6
Туртайгир	103	20,3	59,2	8,2	2,37	7,2
Заалик	102	20,4	67,2	9,8	2,4	7
Хаузак	99	23	105,5	9	2,5	11,8
Уклан	51	8,5	40,1	4	12,7	60,2

* Составлено по: [6; 9; 10; 11; 31; 35]. Тюмень — административная единица.

⁵ Исчисление населения в прошлом давалось в различных единицах. Помимо «душ обоого пола» употреблялись понятия «семья», «кибитка», «двор», «хозяйство» и «домохозяйство». Однако эти термины не везде и не всегда были идентичны. Землю также измеряли в самых различных местных мерах: то количеством высевавшихся семян (батман, чайрак, пуд), то кошами, т. е. нормой пахоты рабочего скота за весенний сезон посева пшеницы (на Зеравшане) или за день (в Фергане), то общей площадью пашен одной семейной (трудовой) группы, то единицами воды и т. д. Все эти меры различались не только по долинам, но и в их пределах в зависимости от видов земель, вы-

Судя по таблице, величина кошей как семейных трудовых единиц постоянно увеличивалась в соответствии с изменением числа хозяйств, а число кошей оставалось неизменным. Степень увеличения числа хозяйств была обратно пропорциональна числу хозяйств в 1872 г. — исходном году, взятом для сравнения. Так, в наиболее крупном сельском обществе, в Джагалбайли (150 хозяйств), число хозяйств в 1900 г. возросло всего в 1,6 раза, а в небольшом Укланском обществе (51 хозяйство) — почти в 5 раз.

Могло быть несколько причин увеличения числа хозяйств, следовательно, и размеров селений (число селений за этот же период не изменилось), а в них — семейных групп. Сопоставляя прежние статистические данные с нашими полевыми этнографическими материалами, можно сказать, что увеличение числа хозяйств было связано с общей тенденцией распада большесемейных хозяйств на мелкие самостоятельные единицы (разделялись братья, сыновья отделялись от родителей, причем младший, как правило, оставался в отцовском домохозяйстве). Резкое ускорение темпа распада больших хозяйств на мелкие именно на рубеже XIX—XX вв., несомненно, было связано с завершением земельно-податных работ в Туркестане. Результатом их явилось утверждение новых форм землевладения, налогообложения (денежного), форм труда и т. д. Эти обстоятельства, в свою очередь, обусловили развитие товарного хозяйства, учащение распродажи земель и уход людей в торгово-промышленные центры. Число хозяйств могло увеличиваться и вследствие естественного роста населения и, наконец, переселения из других мест (последнее так часто и широко практиковалось в ханское время, что сложился специальный термин *ак уйли*) [5, с. 23—24; 13; 44, с. 198—199].

Величина селений и семейных групп (кошей) определялась числом хозяйств и общей постоянной земельной площадью, не изменявшейся, как и число селений. По традиции считали, что и количество кошей неизменно. В действительности не только количество семей в кошах было различно, но и число кошей в одном селении не было постоянным. В соответствии с изменением числа хозяйств изменялся (увеличивался) численный состав и кошей. Например, в Хаузакском обществе (99 хозяйств) крестьяне одного селения разделялись на девять кошей, каждый из которых включал от двух-трех до одиннадцати семей-хозяйств; в Хуртайгирских (100 хозяйств) кошах было объединено до семи хозяйств. Мы можем здесь говорить лишь о средней величине кошей. Если сельские общества рассматривать в зависимости от их расположения на ирригационных магистралях, а последние — в зависимости от их близости к одному из крупнейших центров Зеравшана, к Самарканду, то довольно ясно видно, что численный состав кошей возрастает по мере приближения к сот и уклонов рельефа. Они требуют особого исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

торговому центру и к верховьям водных магистралей. В этом же направлении увеличивалось и социальное неравенство в землевладении и распад больших семей-хозяйств [6; 10; 11].

Семейные группы по структуре и формам своей организации и жизнедеятельности не были одинаковы во всей долине. В западных районах — Хатырчи — Пайшанбе, по северному побережью р. Акдарьи и далее к востоку, в Джизакском уезде, — члены коша, или топа, жили по соседству друг с другом, дома их располагались в кишлаках рядом (в разных дворах или даже в одном общем дворе). Поливные земли их также находились по соседству не только на одном канале (кишлячном), но и часто в одном массиве, к которому отходил от кишлячного канала специальный оросительный отводок, называвшийся *кош арык* или *топ арык*.

Между членами таких групп существовали весьма тесные связи, особенно четко проявлявшиеся в полевом хозяйстве. К этому принуждала, как мы уже отмечали, и ограниченность воды, и очередность пользования ею, влиявшие на выбор культур и их соотношение. Единовременность полевых работ, с одной стороны, недостаток рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, а также и рабочих рук — с другой, и, наконец, необходимость осуществления некоторых работ в кратчайший срок, как того требовали агротехника и режим поступления воды, — все это заставляло крестьян объединяться для выполнения полевых работ в течение всего хозяйственного года. Совместные работы согласовывались с главой группы и производились по его указанию на отдельных участках-наделах крестьян по очереди, известной из года в год и определявшейся наличием воды для орошения и вегетационными режимами возделывавшихся культур. В период работы людей кормил хозяин надела. В Зеравшанской долине такая взаимная помощь называлась *хашар*, в Фергане — *альгоу* (она имела здесь некоторые особенности).

В западных районах Зеравшана семейные группы кош, или топ, чаще всего состояли из родственников по крови различной степени близости к своему предку. Для всех членов этих групп были характерны соседское единство и компактность полевых наделов. Каждый кош, или топ, имел своего руководителя — *кошбоши* — организатора полевых работ, ответственного за членов этой группы перед различными представителями водной администрации. Внутри самой сельской общины кошбоши выступал от своей группы перед *элликбоши* — выборным главой всей общины.

В восточной части Мианкаля (Янгикурган, Дагбид и др.) и на южной окраине Зеравшана (от р. Даргом до селения Калхат) семейные группы назывались термином «топ» [44, с. 128]. Термин же «катта кош» («большой кош»), обозначавший группу семей-хозяйств с общей площадью 50 танапов, здесь уже не сохранился в памяти крестьян и даже старых мирабов, являвшихся нашими информаторами (в 1960 г.). В этой группе районов

под понятием «кош» подразумевалась уже только мера воды, необходимая для орошения площади посевов, которую могла вспахать пара волов за весенний период, что, как мы отмечали выше, равнялось и здесь 20—24 танапам. Информаторы точно помнили и количество единиц воды, также называвшихся кошом, причитавшегося на даргатах той или иной общине *караказан*, или *казаншерик*⁶.

Точность сведений наших информаторов, как и исчезновение старого названия именно семейной группы, подтверждается цифровыми данными из ранних списков населенных мест (1872—1873 гг.). В них приводится число кошей земли, которое совпадает с числом кошей воды наших информаторов. Таким образом, на основе этих совпадающих сведений мы точно можем говорить о семейных группах.

В отличие от кошей западных районов Зеравшанской долины топы — семейные группы Восточного Зеравшана — не являлись столь четкой организацией. Состав группы регламентировала только вода, направлявшаяся в различные части общинных полей в течение определенного времени. Наделы отдельных хозяйств группы и здесь располагались в поле компактно. Однако сами члены в кишлаках проживали иногда и не по соседству; они часто не являлись родственниками, объединенными единством происхождения. Эта группа не имела выборного главы. Совместные работы членов таких групп назывались уже не хашар, что имело оттенок добровольной помощи, оказывавшейся по мере возможности, а альгоу. Последнее означало строго обязательные трудовые отношения, должны быть выполненными в том же хозяйственном году [29]. Помимо семейных групп коллективная трудовая взаимопомощь крестьян осуществлялась и в пределах сельской общины; в основе этой организации лежала не семейная группа, а членство в данной общине, и именно эта форма труда продолжала называться хашаром [29].

Семейные группы топы в восточной части Мианкальского двуречья отличались некоторой особенностью по сравнению с топами южной окраины долины и с кошами северо-западной ее части. Объясняется это положение тем, что в Восточном Мианкале сохранялись некоторые моменты общинного землепользования и сегооборота [43; 44, с. 50—83].

В этом районе все пахотные земли общины разделялись на три массива, каждый из которых в течение трех лет сохранял определенное хозяйственное назначение. Один массив целиком оставался под паром, другой в это время засевали только рисом, третий занимали под так называемые сухие культуры — зерновые, технические и т. д. Чередование культур на массивах осуществлялось через три года в определенной очередности.

⁶ Этими терминами называли сельскую общину (также и по северному побережью Акдары) и общественный котел (в Западном Мианкале, Пастдаргоме, Чашмаобе), которым пользовались все четыре кишлака, составлявшие одну соседскую общину [7; 27; 28; 30; 44].

В каждом из трех массивов крестьяне имели свои постоянные наделы и обязаны были возделывать одинаковые культуры. В результате этого земли одного хозяйства были разбросаны минимум в трех отдаленных местах. Так как на массивах наделы чаще всего принадлежали нескольким крестьянам, то и число семейных групп здесь было больше и состав семей-хозяйств в них был различен. Иными словами, крестьянин работал в составе разных семейных групп, т. е. одновременно состоял в трех топах.

Единая организация труда, а также родственные отношения и нередко даже родо-племенная принадлежность членов этих групп обуславливали и другие формы контакта и взаимной поддержки. Семейная группа (топ, кош) выступала не только формой организации труда в полеводстве. Если эта трудовая группа состояла из ближайших кровных родственников, то она оказывала наибольшую помощь своему члену при различных семейных торжествах или в горе. Если же ее состав был смешанным, то роль семейной группы ограничивалась производственной организацией; материальную же поддержку при различных обрядах оказывала семейно-родственная группа. Так, в кишлаке Араб (под Самаркандом) на свадьбе, устраиваемой арабом, гостей обслуживали не члены общины, в которой он состоял, а его родственники (арабы), приехавшие, может быть, впервые из далекой Кашкадарьи на эту свадьбу. Причем обслуживаемые арабами гости являлись не только членами различных кишлаков, общины или других семейных групп, но и соседями (например, найманы) устроителя свадьбы, ибо они были представителями разных родо-племенных объединений.

Семейные группы существовали и в Ташкентском оазисе, и в Ферганской долине. Среди таджикского и узбекского населения верховьев Чирчика, в предгорных кишлаках Джетыкента (Ташкентский оазис) эти группы назывались *даха*, т. е. десятка, и *чек*, *чак*, а в Ангерском бассейне — чаще всего *топ*. В Ферганской долине последний термин также был распространен широко; лишь на северной окраине долины, от Намангана до Чадака, употреблялся термин «даха».

В одном из чирчикских селений Ташкентского оазиса, в старом Ходжикенте, находившемся прежде на правом берегу реки, даха являлась частью семейно-родственной группы, как и зеравшанский кош. Она же была и водной единицей, по которой определяли количество мер воды. При весеннем утверждении очередности поливов жребий на воду разыгрывали не между отдельными хозяйствами, а между группами даха [28].

Семейные группы даха объединяли по десять семей, во главе их стоял *дахбоши*. Земли каждой группы сосредоточивались в одном месте. Рядом располагались участки еще нескольких родственных между собой семейных групп даха. Если получение воды целой даха зависело от жребия, то внутри ее полив семейных наделов определялся в зависимости от расположения их от-

носителем канала; пуск воды начинался с верхних или нижних земель. Срок поливов земель у даха был одинаков. Это обстоятельство дает возможность предполагать и о равенстве общей площади посевов у даха, так же как и площади у коша и топа Зеравшана. В ходжикентских даха, как и в зеравшанских кошах, между семьями существовала постоянная взаимопомощь в полевых работах. Они участвовали, и в первую очередь, в семейных обрядах, оказывая материальную помощь. Но в этом случае они выступали как часть семейно-родственной единицы.

Члены семейных групп даха нередко жили в разных частях селения и даже квартала, т. е. они не являлись соседями по месту жительства. Здесь необходимо отличать рассматриваемую нами водную и организационную группу от территориальной части общины, называвшейся также даха. В кишлачных даха, что соответствовало кварталам-общинам Ходжикента, соседствовавшие семьи часто не находились в родстве по отцовской линии.

Квартальная группа даха-община, состоявшая не только из родственников по отцу, также выступала одной организационной единицей, но не в полевых работах, а при сборах диких фруктов и орехов в лесных рощах; последние распределялись ежегодно по жребью между кварталами, населенными членами даха всего Ходжикента. Наибольшая и самая различная организационная (не материальная) помощь при свадебных обрядах, на похоронах также осуществлялась членами квартала-даха, а они, по общему мнению, в прошлом соответствовали и семейно-родственной группе.

Нанай, Сиджак, верхние селения по р. Чирчик (выше находится лишь Пскем), также разделялись на даха; рядом селились ближайшие родственники — *хешо*. Они постоянно оказывали друг другу поддержку в домашних делах, семейных торжествах, на похоронах. Здесь также именно квартальная семейная даха являлась той единицей, которая собирала лесные фрукты и орехи в рощах вокруг *ка'ла* — так назывались в прошлом многие селения в верховьях Чирчика. Эти рощи ежегодно перераспределялись в *кала* между всеми кварталами-даха по жребью.

Поливная вода в Нанайе не переделялась, ее по очереди отпускали по даха на огородно-садовые земли, имевшиеся около домов. Полевые земли (*дала*), орошаемые естественно, находились далеко в горах. Наделы отдельных хозяйств располагались там независимо от соседства крестьян в селении, тем не менее взаимная помощь в полевых работах существовала и здесь; она оказывалась крестьянами друг другу постоянно, причем независимо от места жительства в селении и от расположения их земель. Это были временные объединения. Состав их не оставался постоянным в разные годы и даже в течение одного года, что зависело и от вида работ, и от изменявшегося экономического положения.

Семейные группы под названием топ, или чак, существовали

и в селениях предгорного района между реками Чирчик и Ангрен, в бывшей Джетыкентской волости (ныне переименованной в Паркентский район Ташкентской области). Термин «чак» больше употреблялся в Паркенте и Заркенте и некоторых других селениях, где наряду с частным землевладением сохранялись и общинные переделывшиеся пашни (поливные и неполивные); в остальных кишлаках семейные группы назывались чаще всего топ.

Группы чак состояли в основном из родственников, особенно в Заркенте, а в других, окраинных селениях они не всегда имели единое происхождение. И в кишлаках не все члены этих групп проживали по соседству. В результате такого положения чак иногда не совпадал ни с даха, частью квартала-общины, ни с уруг, семейно-родственной группой. Численность чак в одном селении была одинаковой, но она различалась по селениям, что обуславливалось и величиной последних, и размером возделывавшихся площадей. В чаках насчитывалось от 8 до 12 семей.

В рассматриваемом районе чак являлся самой мелкой единицей, между которыми распределялись общинные пахотные земли. Однако группа чак, получив по жребии землю, внутри себя не делила ее на отдельные участки, если это были *лолами*, т. е. естественно орошаемые. В противном случае распределялись земли между семьями; тогда размер участков отдельных семей зависел от вкладывавшихся ими средств (рабочего скота и т. д.). Или разделяли землю поровну между всеми, ведя впоследствии взаимные расчеты из урожая или других средств. Или, наконец, оставляя землю общей, делили только урожай между всеми членами группы, но не поровну, а в соответствии с их положением, с вложенными средствами и т. д.

Участки общинных земель, расположенные в разных местах, отличались своим качеством (плодородием, формой границ, уклоном и т. д.). Поэтому переделам подвергались все земли, причем сначала между территориальными частями селений, а затем между различными группами населения, в частности семейными группами топ, или чак. Кроме того, отдельные общинные земли отличались и своими размерами. Поэтому в разных массивах чакам доставались участки разной величины. Однако общая площадь участков каждого чака одного селения была одинаковой.

Группа чак, получив по жребии свои участки в разных массивах, не делила их между своими семьями. Глава чака распределял только различные виды труда, и вся группа на своих участках работала как один коллектив. В соответствии с таким положением урожай распределялся поровну между всеми членами.

При устройстве различных семейных торжеств нередко чак-овая группа частично или даже в полном составе участвовала в них. Организационной единицей выступали родственная группа

уруг и территориальное объединение махалла в Самаркандской области, или даха в Ташкентской, т. е. квартал-община.

Топы селения Карахтай, расположенного на Ангрене Ташкентского оазиса, состояли из разного числа родственных (различной степени) и неродственных семей. Здесь под топами подразумевали такую группу семей, которая объединялась для взаимной помощи в полевых работах на наделах каждой семьи. Объединения создавались с учетом компактности расположения земельных наделов, для которых отпускалась определенная мера воды. Взаимная помощь в полевых работах осуществлялась в пределах топа, имевшего земли в одном месте. Однако совместные работы по очистке ирригационных магистралей общин распределялись водной администрацией не по топам, а по караганам, т. е. по группам, состоявшим только из родственников, связанных хорошо известным им одним дредком (по мужской линии).

Семьи одного топа (а также и карагана) не занимали какую-либо одну определенную часть селения Карахтай, они расселялись по всему кварталу, члены же карагана жили в разных кварталах-общинах. В организации свадебных церемоний и материальной помощи главную роль играли члены своего карагана, или уруга, а в обслуживании гостей на свадьбе, приглашенных из других кварталов или общин, на похоронах — соседи данного квартала, т. е. общины.

Аналогичное распределение обязанностей между семейно-родственными группами отмечалось и в крупном селении Пскенте, или Бискате, как его называло само население: роль топов здесь также ограничивалась взаимной помощью в период полевых работ. На чистке общих магистралей ни топ, ни карахтайская семейно-родственная группа караган не являлись трудовой единицей, таковой считался коллектив водопользователей данного массива. В осуществлении свадебных обрядов материальную помощь оказывала семейно-родственная группа, а организационную — соседи по кварталу. Помимо них в полевых работах жениху помогал мужской союз *ульфат*, создававшийся в Бискате на основе взаимных симпатий членов.

В первой половине XIX в. топы широко отмечены в Ферганской долине, что нашло отражение даже в официальных земельных документах. По-видимому, топы представляли довольно определенную организацию в общине. Из ханских документов явствует, что в топы различного численного состава входили большей частью родственные семьи, хотя среди них отмечаются, по-видимому, и чужие (во всяком случае, родственные связи их остаются неизвестными). Эти семейные группы имели своего главу — *топбоши*, представлявшего их перед местной администрацией, а в давние времена даже перед ханскими чиновниками. На основании документов мы не можем сказать, как осуществлялся труд на землях: помогали ли члены топа каждому хозяину на его участке, или различные виды труда осуществлялись

отдельными специалистами по всем наделам. Однако ясно, что здесь также существовала единовременность полевых работ и ими руководил глава топа⁷.

Судя по собранным нами материалам, освещающим последнее столетие, члены каждого топа в кишлаке жили по соседству друг с другом. Из этого можно предполагать, что в более раннее, ханское время были сильны не только родственные связи, но и территориальное единство членов семейных групп.

Однако к концу XIX в. и особенно, по-видимому, в XX в. трудовое единство и даже родственные связи в топах, как в целом, так и в общине, подверглись значительному ослаблению. Большинство топов состояло из неродственных семей; компактность же проживания членов топов в кишлаках сохранялась до последнего времени. В XX в., по-видимому, даже увеличилось и участие отдельных семей в совместной работе. Основанием для этого предположения служат не только сохранение прежних условий водопользования, низкий уровень техники и нехватка рабочей силы, необходимой единовременно и на короткий срок, но также вытеснение зерновых и расширение площадей под пропашными культурами, в особенности под такой технической культурой, как хлопчатник [4; 23; 24].

Эти поздние объединения создавались для выполнения одного определенного вида труда; для других работ могли объединяться частично и другие семьи. При этом изменялся не только состав группы, но и число участников «помочей». Кроме того, *каждый крестьянин сам организовывал общественную работу на своем участке по мере своих надобностей и возможностей, без содействия какого-нибудь руководителя топа, главы производственной единицы.*

Совместный труд членов семейных групп имел характер взаимного долга, который необходимо было компенсировать обязательно в определенный срок и в идентичной форме. Упомянутая здесь форма помощи крестьян (хашар) сохранялась в строительстве домов (при возведении стен и обмазывании крыш), и оказывалась она большей частью родственниками, независимо от их места жительства в общине [30].

Различные семейные и общественные обряды совершались не семейной трудовой единицей, а кварталом-общиной, и в нем выделялась в первую очередь родственная группа топ, занимавшая определенную часть квартала.

⁷ Переводчик и комментатор документов Кокандского ханства А. Л. Троичкая на основании существовавшего в топах коллективного труда сравнивает топы с объединениями *пайкалами* низовьев Кашкадарьинского бассейна [41]. Действительно, взаимопомощь семей отмечалась всюду: была она и в Кашкадарье [26], и не только в низовьях, но и в ее верховьях, где нами зафиксировано объединение труда даже у издольщиков. Однако кашкадарьинские пайкалы, как и джетыкентские чаки, не могут быть поставлены в один ряд с топами, особенно с ферганскими XIX в., ибо последние представляли собой уже весьма ослабленные, иногда почти незаметные следы коллективизма в сельской общине.

Семейные группы, стабильность которых в различных районах была неодинакова и которые поэтому представляли множество форм, характеризовались и рядом общих черт. Так, ни одна из групп не имела экономического единства, «общего котла», собственного, как известно, одной семье; группа в целом не являлась податной единицей (налог брали с различных видов урожая, складывавшегося на току, — *хирман*). Во всех районах и при всех условиях, каким бы термином ни называли семейные группы, главной целью их образования оставались интересы земледельческого производства, стремление рациональнее использовать имевшиеся у крестьян средства производства (воду, землю и рабочую силу). Семейные группы выступали как водные единицы и как одна из форм организации труда в сельских общинах.

Такие группы как форма организации труда определенное время сохранялись и в общественном производстве колхозов в виде полевых звеньев в бригадах, особенно в хлопководческих, что объяснялось большой трудоемкостью этой отрасли земледелия, требовавшей или техники, или соответствующей организации труда [44].

В зависимости от размеров земельных площадей и численности состава полеводческой бригады размеры звеньев и их количество бывали разными; кроме того, на эти показатели влияли также перестройка колхозного производства, изменения структуры земледелия (а именно расширение хлопковых площадей) и внедрение техники.

Но каковыми бы ни были звенья и размеры обрабатываемых ими земель, принцип образования звеньев оставался неизменным: для возделывания определенной площади составлялся коллектив из нескольких объединенных семей. В одних таких коллективах семьи находились в родстве друг с другом (как по отцовской линии, так и по свойству), в других же нередко были и чужие.

Это явление было настолько естественным, сохранившимся и в колхозный период в общественном производстве, что, желая особенно хорошо и точно объяснить и охарактеризовать до-революционный кош в Зеравшане, наши информаторы из разных районов говорили: «Кош — это то же самое, что теперь называется звеном».

И действительно, в 1952—1960 гг. два определения семейных групп: старое — «кош» и новое «звено» были совершенно идентичны. В первые годы существования колхозов, примерно в 30—40-е годы, звенья состояли из тех колхозников, которые в прошлом входили в кош. Они и работали на прежних «своих» землях, но теперь обобществленных; сохранялся и старый порядок очередности как поливов отдельных участков, обрабатываемых звеном, так и сельскохозяйственных работ на них. Если кошбоши в прошлом был хорошим и опытным земледельцем, а большая часть их таковой и была, то его оставляли в своей группе

в качестве звеньевых. Наконец, звенья в течение года работали только на своих участках.

Однако по мере развития техники и оснащения ею колхозного производства постепенно изменялась роль звеньев как организационной единицы. Одна из первых перемен, вызванная неравномерностью механизации труда, заключалась в том, что звенья обрабатывали помимо своих земель участки других звеньев, причем сначала только в пределах своей бригады, а затем их перебрасывали по всем колхозным землям (этот вид помощи назывался *ёрдам*, но употреблялся и старый термин — *хашар*, оба термина означают буквально «помощь»). Эти переброски все учащались и расширялись, что в конце концов к середине 50-х годов привело к несоответствию между формой организации труда и правильностью учета и оплаты его.

Одновременно с этим изменялся и состав звеньев. Во-первых, увеличивалось не только число неродственных семей в них, но появлялись даже «инородные» семьи, которые относились к другой этнической группе и даже иной национальности. Во-вторых, и это особенно важно, в связи с увеличением и развитием техники, расширением агрономического обслуживания общественного земледелия, специализации труда и другими причинами в звеньях оставалось работать все меньшее число членов семей. Некоторые из них уходили в другие отрасли хозяйства или в управленческо-обслуживающий аппарат или даже в другие колхозы и на промышленные предприятия, на учебу.

Таким образом, к концу 50-х годов звенья в отличие от прежних кошей, или топов, и чаксов уже нельзя было считать даже семейной группой, ибо членами их выступали не семьи в целом, как это было в прошлом, а лишь отдельные люди — трудящиеся колхозники⁸.

Все изложенные наши полевые материалы о семейных группах, отмеченных нами именно среди оседлых земледельцев в разных природных условиях и при различном направлении полевого хозяйства, позволяют показать наличие и повсеместное распространение семейных групп в районах орошаемого земледелия. Мы не можем согласиться с утверждением, имеющимся в литературе, о несвойственности этой формы организации оседлому населению [21].

Однако значение полевых материалов не исчерпывается выявлением семейных трудовых групп в рассматриваемых долинах.

⁸ Современные полевые звенья в колхозном хозяйстве отличаются весьма большим многообразием и по своей структуре, и по содержанию. Они отличаются также и от звеньев первых лет образования колхозов, и тем более от старых производственных единиц — от кошей, чаксов и топов. Поздние звенья представляют собой чрезвычайно сложное и интересное явление с точки зрения и новых форм организации труда, и связи их со старыми традициями и с семейно-родственными, этническими отношениями. Они требуют специального и весьма тщательного изучения. Однако это не является задачей данной работы.

Они также показывают различную роль семейных групп в разных районах, многообразие и изменение их содержания. Суммируя изложенные материалы о соотношении значений семейно-родственных и семейных трудовых групп, мы можем сделать следующие выводы.

В районах орошаемого земледелия уже на рубеже XIX—XX вв. семейно-родственные группы, являвшиеся основой сельской общины, потеряли свое первоначальное значение трудовых и территориальных единиц. Процесс разложения генеалогических родственных отношений происходил в первую очередь в области производственной деятельности, а именно в полеводческой отрасли земледелия. Этот процесс в какой-то мере соответствовал степени исчезновения родо-племенного деления, отражавшего, в свою очередь, степень оседлости населения различных регионов.

Семейно-родственные группы не сохранили территориального единства и из основы сельской общины превратились в одну из организационных единиц селений. В качестве определенной общественной единицы семейно-родственные группы повсеместно имели значение лишь в некоторых вопросах управления и быта, семейных и религиозных обрядов, где в ряде случаев также учитывались уже территориальные, соседские связи.

Роль отдельной трудовой единицы вместо семейно-родственных групп выполняли семейные группы. Основой их образования всюду являлись уже не родственные связи, а компактность земельных наделов отдельных семей-хозяйств при обязательной общности орошения. Выявленные же различия определялись характером родственных связей между семьями, степенью организационной оформленности и устойчивости этих групп.

Семейные трудовые группы можно разделить на три вида, соответствовавшие в основном трем регионам.

Для зеравианских семейных групп как наиболее сохранивших генеалогические связи были характерны единство места поселения семей, постоянство состава, сохранение организационной формы, специализация труда внутри группы и применение его на всем общем массиве группы.

В ташкентских трудовых группах семьи, как правило, не являлись соседями в общине, а если ими и были, то входили в различные трудовые группы. Организационное оформление и постоянство состава групп здесь также сохранялись. При этом одни семейные трудовые группы, будучи частью семейно-родственной генеалогической группы, не сохранили единства поселения; другие сохраняли общность земельного массива, где, однако, общий труд осуществлялся по наделам.

В Фергане семейные трудовые группы характеризовались отсутствием генеалогической связи между главами семей, нарушением единства и поселения, и обрабатываемых участков, изменчивостью состава, организационной неформальностью, строгой обязательностью и эквивалентностью расчетов за труд

(осуществлявшийся к тому же на индивидуальных наделах и в том же году).

Таким образом, три вида семейных трудовых групп показывают, как последовательно на фоне распада родственных связей шел процесс постепенного подчинения родственных отношений территориально-экономическим. Соответственно этому изменялся и характер труда: от труда общинного к групповому, семейно-родственному (с тенденцией изживания родственных связей) и, наконец, к индивидуальному, т. е. семейному и индивидуальному труду.

Литература

1. Абдураимов М. А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве. Т. 2. Таш., 1970.
2. Андреев М. С. Из этнографии таджиков.— Таджикистан. Сборник статей под ред. Н. Л. Корженевского. Таш., 1925.
3. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана.— Сочинения. Т. 3. М., 1965.
4. Батраков В. С. Характерные черты сельского хозяйства Ферганской долины в период Кокандского ханства.— Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. 62, Таш., 1955.
5. Бикжанова М. А. Семья в колхозах Узбекистана. Таш., 1959.
6. Благовещенский В. П. Ишим-Аксацкая волость. Данные экономического исследования волости в 1893—94 гг.— Справочная книжка Самаркандской области (далее — СКСО). Вып. 4. Самарканд, 1896.
7. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869.
8. Веселовский Н. Дагбид.— Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб., 1887.
9. Вирский М. Статистические сведения о Зеравшанском округе за 1872 г.— Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 4. СПб., 1876.
10. Вирский М. Землевладения и повинности в Самаркандском уезде.— СКСО. Вып. 7, 1902.
11. Вирский Н. М. Очерк Яны-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области по данным поземельно-податных работ.— СКСО. Вып. 10, 1912.
12. Вяткин В. Л. Шейхи Джуйбари.— В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш., 1927.
13. Вяткин В. Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803 гг.).— Известия Средне-Азиатского отделения РГО. Т. 18. Таш., 1928.
14. Гафферберг Э. Г. Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969.
15. Губаева С. С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX — начале XX в. Таш., 1983.
16. Дингельштедт Н. Д. Опыт изучения ирригации Туркестанского края.— Сыр-Дарьинская область. Т. 1. СПб., 1893, т. 2, 1895.
17. Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русайкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства.— Труды Института этнографии АН СССР. Н. сер. Т. 24. М.— Л., 1954.
18. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков.— Труды Института этнографии АН СССР. Н. сер. Т. 9. М.— Л., 1950.
19. Задыхина К. Л. Некоторые вопросы изучения этнического состава УзССР.— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Т. 37. М., 1962.
20. История народов Узбекистана. Т. 1—2. Таш., 1955, 1957.
21. Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969.

22. Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев.— Труды Института этнографии АН СССР. Т. 3. Вып. 1. М.—Л., 1940.
23. Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг. Вып. 2. Самарканд, 1925.
24. Обзор Ферганской области за 1891 г.—Новый Маргелан, 1896.
25. Плоских В. М. Очерки патриархально-феодалных отношений в южной Киргизии (50—70-е годы XIX в.). Фрунзе, 1968.
26. Полозов В. А. Узбекское общинное землепользование в Ширабадской долине и Каршинской степи УзССР.— Народное хозяйство Средней Азии. Таш., 1925, № 7.
27. Рассудова Р. Я. Следы общинно-военной организации у узбеков.— Советская этнография (далее — СЭ). М., 1966, № 5.
28. Рассудова Р. Я. К вопросу общинных отношений в Ташкентском оазисе.— Полевые исследования 1970 г. М., 1971.
29. Рассудова Р. Я. Формы организации труда в некоторых орошаемых районах Средней Азии.— Труды Института этнографии АН СССР. Т. 97. Л., 1971.
30. Рассудова Р. Я. Сельская община в низовьях Пастдаргома.— Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973.
31. Рассудова Р. Я. Значение термина «кош» в сельскохозяйственных районах Средней Азии (начало XIX — конец XX в.).— СЭ, 1974, № 6.
32. Рассудова Р. Я. Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии.— Ономастика Средней Азии. М., 1978.
33. Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре.— Советское востоковедение. Т. 5. М.—Л., 1948.
34. Снесарев Г. П. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма.— СЭ. 1957, № 2.
35. Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе.— Записки Имп. Русского географического общества по Отделению статистики (далее — ЗИРГО). Т. 4. СПб., 1874.
36. Статистические материалы по Самаркандской области за 1887—1888 гг. Самарканд, 1889.
37. Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. Скобелево, 1909, прил.
38. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душ., 1966.
39. Терентьев М. А. Статистические очерки Среднеазиатской России.— ЗИРГО. По отделению статистики. Т. 4. СПб., 1874.
40. Троицкая А. Л. «Заповедники»-курук Кокандского хана Худояра.— Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 3. Л., 1955.
41. Троицкая А. Л. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. М., 1969.
42. Узбекско-русский словарь. Таш., 1941.
43. Чертов В. И. Дагбитская волость. Данные экономического исследования.— СКСО. Вып. 4, 1896.
44. Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969.

Robertson

С. А. Маретина

**РОЛЬ ПРИРОДНОГО
И СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ
В ЭКОСИСТЕМАХ ГОРНЫХ НАРОДОВ
ЮЖНОЙ АЗИИ**

Научное исследование конкретного этноса, в том числе социально-экономических, политических и прочих условий его существования, требует рассматривать народ в контексте географической и этнической среды, в которой он обитает, ибо каждый народ множеством нитей связан и с природной средой, и с другими этносами, что в совокупности и составляет его экологическое окружение. Между этническими и природными компонентами существует тесное взаимодействие, прямая и обратная связь, выражающаяся в ряде этнографических особенностей.

Среди многообразных форм географического ландшафта горный ландшафт относится к числу наиболее активных, воздействие которых на формирование общественно-экономической структуры этноса особенно ощутимо. Такие черты, как дробность этнического состава, консерватизм культуры, многообразие ее местных вариантов, социально-экономическая отсталость, свойственны не только горцам Южной Азии, но и большинству обитателей гор во всех регионах земного шара. К этому следует добавить специфику исторического развития: у всех горных этносов наблюдается замедленная эволюция социальных и политических форм, которые лишь в редких случаях дают начало крупным региональным этническим объединениям государственного типа; а если это и происходит, то главным образом как отклик на развитие в соседних, равнинных районах.

Для обитателей горных областей Южной Азии влияние географической среды проявляется уже в том, что сам термин «горные народы» стал выразителем не только географического их местоположения, но и уровня их этнического и социально-экономического развития. Горные народы Индии образуют особую группу, которую обозначают термином «адиваси» — букв. «первонаселенники». Они остались за пределами сословно-кастовой системы и индуизма, составляя племенную периферию развитого классового общества Индии.

Горы — не просто сложные для жизни и хозяйственной де-

тельности природные условия, но и барьер, разделяющий народы, что имеет особое значение для их судеб. Именно географическая изоляция определила отставание общественного развития горцев, оторванных от, по выражению исследователя индийских племен С. Фукса, «стимулирующих контактов» [13, с. 51]. Сами индийские ученые (С. Синха, Т. Наик и др.) считают изоляцию одним из определяющих признаков племени. Так, пишет Сураджит Синха, «племя идеально определяется по признаку его изоляции от сети социальных отношений и культурных связей с центрами цивилизации» [21, с. 3].

Изолированные на своей племенной территории, горные этносы вынуждены вести стабильное существование, будучи ограничены самой природой от внешних контактов и сколько-нибудь далеких переселений. Этнос на протяжении многих веков своего неторопливого существования адаптируется к природным условиям, от которых он еще не отделен усовершенствованной техникой и технологией и сложной системой надстроечных общественных институтов. В результате образуются стойкие экосистемы, стабильность которых поддерживается круговой зависимостью: особенности ландшафта способствуют отставанию этноса, а более низкий уровень развития последнего усиливает его зависимость от среды.

Взаимоотношения этноса и природного окружения регулируются путем адаптации. В экологических исследованиях понятие адаптации выступает на первый план: отношения этноса со средой — это и есть адаптация этноса к среде. По словам советского философа Э. С. Маркаряна, изучающего экологические связи с позиций философской науки, понятие «адаптация» выражает «фундаментальное свойство самоорганизации систем». Суть адаптации, пишет он, «в способности системы приводить себя в соответствие с изменяющимися условиями путем самокоррекции по принципу обратной связи» [6, с. 96]. Адаптация этноса к среде происходит, как правило, через общественное производство, через хозяйство, являющееся посредником между средой и общественной структурой народа, структурой, которая развивается по своим внутренним общественным законам, но реагирует на все перемены в производственной базе и условиях географической среды.

Для изолированных племенных общностей хозяйственная адаптация основывается на примитивных технике и технологии, которым соответствует и определенный тип общественной структуры. «Они поддерживают эгалитарную систему, ведомую целиком бесписьменной этнической традицией», — отмечает С. Синха [21, с. 2]. Вместе с тем экологическая адаптация на любом историческом уровне имеет не только техническую, но и социальную сторону. Люди взаимодействуют с природой с целью ее хозяйственного использования не просто как сумма индивидов, а как коллектив, связанный определенными общественными отношениями, как некий единый социальный организм. В зависимости

от того, каков этот социальный организм, человек осваивает природу по-разному. И в пределах одной ландшафтной зоны в зависимости от уровня общественного развития населяющих ее этносов можно наблюдать разные формы хозяйства [1, с. 248]. Для горных районов это и собирательство, и охота (доземледельческие, непроемляющие формы хозяйства), и подсечно-огневое земледелие, и террасное. Круг хозяйственных вариантов, естественно, ограничен возможностями природной среды.

Каковы бы ни были формы хозяйства, практикуемые в лесах южноазиатских гор, все они могут нормально функционировать в условиях экологического равновесия с окружающей средой. При стабильности социальной системы и географической среды (а то и другое в горных условиях до нарушения изоляции изменялось крайне замедленно) сложившаяся система хозяйства превращается в устойчивую традицию и приобретает силу инерции, сохраняясь и при переселениях на новые территории (но с сходной географией) [6, с. 90].

Экологическое равновесие обычно существует, когда нет чрезвычайных обстоятельств, нарушающих его, например при отсутствии давления извне, при постоянном оптимальном демографическом уровне, при поддержании сохранности среды, служащей объектом человеческой деятельности. Когда же естественный баланс «человек — среда» нарушается, возникает необходимость в новом приспособлении хозяйства к изменившимся условиям, в реадaptации этноса. Пример тому — ситуация у горных народов Северо-Восточной Индии: на поросших лесом горных склонах естественным типом хозяйства было подсечно-огневое земледелие, для функционирования которого необходимым условием (наряду с чисто географическими факторами, например достаточным количеством естественных осадков) является избыточное по сравнению с постоянными формами земледелия количество обрабатываемой земли на душу населения. Это условие связано с неоседлым характером хозяйства: каждый участок находится под обработкой не более двух лет, затем его оставляют, и он зарастает лесом. Снова участок расчищается под посев не ранее чем через 12—15 лет [5, с. 46]. При соблюдении сроков отдыха земли система подсечно-огневого земледелия может практиковаться, не затрагивая целостности природной среды: общество и географический ландшафт находятся в состоянии экологического равновесия.

Хозяйственная адаптация к среде очень многообразна и характерна уже для охотничье-собирательской стадии. У всех народов, у которых богатство природной флоры и фауны дает широкий простор охоте и собирательству, наблюдаются сезонные вариации экономической деятельности. Если при подсечно-огневом земледелии регулярная смена участков призвана сохранить плодородие почвы, то у собирателей и лесных охотников (например, бирхоров из Центральной Индии [9, с. 385], кадаров из Южной Индии [4, с. 118] и др.) перемещение из одного

леса в другой по более или менее определенному временному циклу призвано защитить их естественные ресурсы.

Но с нарушением оптимальных сроков — обычно это вызвано численным ростом населения и уменьшением количества земли — меняются сроки отдыха земли и качество вторичного леса, что, в свою очередь, сказывается на урожае. С дальнейшим ростом народонаселения сроки отдыха земли с каждым новым циклом неизбежно продолжают сокращаться. Таким образом, подсечно-огневое земледелие, рожденное определенной средой, перестает соответствовать этой среде. Возникает необходимость установления нового равновесия, которое связано с изменением способов и формы хозяйства, с переходом к террасному и другим видам постоянного земледелия [7, с. 161—162].

С возрастанием технической оснащенности, особенно с переходом к индустриальному обществу, происходит разрыв, иногда необратимый, первоначального единства человека и среды, общества и природы. Однако природная среда является лишь одним из компонентов того экологического окружения, к которому должен адаптироваться каждый конкретный этнос. Многие проблемы, стоящие перед этносами, не связаны с ландшафтом, но вытекают из взаимоотношений этноса с другими социальными организмами. Видный исследователь племенных структур М. Салинс писал: «К дискуссии об адаптации племен к природе я бы прибавил другую, не менее продолжительную, касающуюся отношений племен к сосуществующим обществам». К сожалению, добавляет Салинс, «эта отрасль экологических исследований оказалась в небрежении» [20, с. 44]. Контакты с этносами являются, таким образом, другой стороной экологического окружения, и эта вторая сторона не менее важна, чем первая. В подобном утверждении нет противоречия, хотя выше мы специально подчеркивали изолированность как специфическую черту горных народов. Изоляция практически никогда не бывает абсолютной. Можно на всем земном шаре насчитать единицы действительно отрезанных от всяких контактов этносов — это аборигены Австралии, часть андаманцев и папуасов, а также истребленные колонизаторами тасманийцы. Дело в том, что на континентах при всей труднодоступности лесных дебрей или горных массивов у их обитателей всегда существовали контакты разной интенсивности как с другими горными племенами, так и с населением прилежащих равнин. «За малыми исключениями, племенное население везде находится в контакте с окружающими, зачастую очень отличными от них народами, и это вовлечение в международную сферу оказывает воздействие на местную племенную организацию», — пишет М. Салинс [20, с. 44].

Изоляция вытекала в первую очередь из несовпадения условий жизни в горах и на равнине, что исключало взаимопроникновение этносов разных ландшафтных зон. Не было средств для подавления или преодоления этой несовместимости; они появились лишь с конца прошлого века. Этнопсихологические

причины в большей степени, чем чисто физическая затрудненность общения, отдаляли народы гор от других народов региона. Уже сам факт проживания племен в горных районах свидетельствует о том, что эти этносы испытывали давление со стороны более сильных групп, — как иначе объяснить их уход в неудобные горные дебри?

В специальной этнографической литературе этнические партнеры имеют различные определения: «этническое окружение» (иногда говорят «этническая среда»), «культурное окружение», «социальное окружение» [16, с. 140]. Нам кажется предпочтительным последний вариант, точнее, «этносоциальное окружение», поскольку собственно этнический фактор при контакте этносов не является определяющим; например, в ряде областей Центральной и Южной Индии и горные народности, и население равнин принадлежат к одной этнолингвистической группе. Именно социальная часть, наиболее значимая из комплекса культурных — в широком смысле этого понятия — факторов (особенно для горных народов), именно социальные различия определяют взаимоотношения горных и равнинных народов.

Таким образом, для любого этноса существуют две экологические сферы, которые эксплуатирует данный этнос: естественная (окружающий ландшафт, в нашем случае — горные леса) и этносоциальная (окружающее крестьянство, соседние племена). Причем важна и степень активности этих групп, их заинтересованность (или отсутствие такой заинтересованности) во взаимном общении.

Как же соотносятся эти две среды — природная и социальная? Как происходит адаптация этноса не только к природе, но и к другим этносам? Как сказывается этносоциальное окружение на адаптации к природному, и наоборот? Материал показывает, что между этими двумя родами связей существует определенная зависимость: чем больше изолирован народ от воздействия других человеческих коллективов, тем явственнее выступает его зависимость от природной среды — основной сферы, с которой связаны его жизненные интересы.

Однако это не значит, что с развитием внешних контактов природная среда теряет свое значение. Это в какой-то мере справедливо лишь для высшего — индустриального — уровня развития, когда человек создает новую среду — среду культурную, искусственную, отчасти заменяющую природную (при понимании культуры как того, что создано человеком в процессе его коллективной и индивидуальной деятельности, в отличие от того, что рождено природой [2, с. 44—45]). Хотя новая среда не может быть полностью свободной от условий естественного окружения, она сама занимает по отношению к последнему настолько активную позицию, что нередко приводит естественный природный мир на грань катастрофы.

Изолированные этносы, стоящие на разных этапах развития, по мере усиления внешних контактов усложняют формы экс-

плуатации природного окружения; эти формы, становясь многообразнее, продолжают играть важную роль, поскольку все та же естественная среда остается источником — хотя уже и не единственным — существования. Общая тенденция у горных народов — уменьшение географической изоляции, увеличение этнической гетерогенности, усложнение социального взаимодействия. В результате всех этих процессов весьма усложняются отношения с естественной средой.

Формы взаимодействия горного народа с другими этносами можно при всем их многообразии свести к двум основным типам: первый — когда контактируют народы, принадлежащие к одной экосистеме, второй — когда взаимодействуют этносы, относящиеся к разным экосистемам (в нашем случае — горной и равнинной).

Действительно, в рамках одной экологической системы обычно живут этносы, адаптированные к ней. Как показывают многие материалы, эта адаптация не всегда идентична: уже на стадии присваивающего хозяйства в одних и тех же условиях отдельные этнические общности подчас по-разному используют возможности, предоставляемые им природой [1, с. 249]. Живя в аналогичных условиях, отдельные, даже родственные этносы делают различные акценты на тех или иных сторонах хозяйственной деятельности; например, одни племена более искусны в ткачестве, другие — в кузнечном деле, одни выращивают хлопчатник, другие в аналогичных условиях сажают только продовольственные культуры. Это приводит к развитию отношений обмена недостающими продуктами, причем обмен, в свою очередь, порождает усиление специализированной хозяйственной адаптации, что способствует его дальнейшему расширению.

Но взаимоотношения природной и этносоциальной среды наиболее непосредственно проявляются при том способе адаптации к природе, который определяют как «экологическая ниша» — термин культурной антропологии, получивший в последние годы широкое распространение в этнографии, куда он перешел из сферы естественных наук. Экологическая ниша в биологии — это ресурсы, за счет которых «кормится» живой организм. Для этнографии это часть ландшафтной зоны (или подзоны), которую эксплуатирует конкретный этнос. Естественная среда обычно щедрее людских потребностей, один этнос не в состоянии полностью ее освоить, поэтому происходит стихийное распределение территории конкретной природной зоны между рядом этносов, которые развивают в ней свои специфические варианты хозяйственной деятельности. Экологическая ниша — это и пример, когда социальный и природный факторы вступают в самое непосредственное соприкосновение; это и способ адаптации к природе и друг к другу с целью более полного использования естественных ресурсов; это и действенное средство исключения соперничества при сосуществовании в одном регионе разных этносов.

Экологическая ниша как принцип сосуществования встречается у многих народов. Так, южноиндийские палайяны, охотники и собиратели, не трогают крупную дичь в своих лесах, так как им достаточно мелкой, которую они способны добывать с помощью имеющихся у них простейших орудий. Крупная дичь остается другим, более развитым охотникам, ибо они используют более усовершенствованными орудиями лова [9, с. 414]. Регионы, имеющие экологические ниши, обладают преимуществом перед районами с однородной экономикой, так как в них, во-первых, происходит более полное использование ресурсов; во-вторых, эта система стимулирует общественное разделение труда и вытекающий из него обмен продуктами. Весьма наглядный пример экологической ниши приводит американский этнограф Ф. Барт, рассматривающий разделение одной зоны между тремя этническими группами района Сват в Пакистане [8, с. 1079—1089].

Сват — высокогорный район, занимающий территорию долин рек Сват и Инд. Населяют его три этнические группы: патханы — оседлые земледельцы, кохистанцы — земледельцы и скотоводы и гуджары — скотоводы-кочевники. Из этих групп кохистанцы были древними обитателями территории, волны патханов, по словам Барта, появились здесь между 1000—1600 гг., а гуджары — не ранее чем четыреста лет назад.

Патханы — народ со сложным, многокастовым обществом. У них много профессиональных групп, которые обмениваются между собой специализированными услугами. Земледельцы должны производить в избытке сельскохозяйственные продукты, чтобы платить ремесленникам за их изделия. Подобная зависимость сказалась на расселении патханов: их территория доходит до определенного экологического порога, выше которого они не поднимаются, поскольку лишь в пределах этой территории они могут выращивать необходимые им два урожая в год. Почвенно-климатическая граница остановила продвижение патханов.

Для кохистанцев, тоже являющихся земледельцами, такого порога не существует. Они занимаются плужным земледелием, но в следующей вертикальной зоне, разбивая на склонах гор узкие, искусственно орошаемые террасы. На той высоте, где они живут, климат более суровый, чем у патханов, и можно получить лишь один урожай. Но в отличие от экономики патханов экономика кохистанцев опирается как на земледелие, так и на скотоводство. Таким образом, имея, по выражению Барта, «две стрелы в своем луке» [8, с. 1082], кохистанцы могут получать средства к жизни и в более высокогорных, неприютных для патханов районах.

Для кохистанцев их штат Сват — единый ареал, который прежде, до прихода патханов, они занимали весь; их экономика может функционировать в пределах всего штата. Для патханов в штате две вертикальные зоны, и разделяющую их линию они не могут пересечь. Таким образом, патханы и кохистанцы зани-

мают два самостоятельных культурных ареала, в которых отчетливо видимо соответствие между культурными и природными явлениями: патханы живут в широких горных долинах с жарким климатом и кустарниковой растительностью, кохистанцы — в высокогорных областях с суровым климатом и хвойной растительностью.

Гуджары, проживающие в районах расселения и патханов и кохистанцев, практикуют две модели экономики — отгонное скотоводство и кочевое скотоводство. Но на территории патханов гуджары живут повсеместно, а на кохистанской — только в западной половине. Это объясняется тем, что между гуджарами и патханами установились разные по форме симбиотические связи. В многокастовое общество патханов гуджары включаются в качестве специализированной профессиональной касты пастухов. Социально они интегрированы в общину на положении зависимых (клиентов). Гуджары пасут патханские стада в принадлежащих патханам горах, используемых последними только как источники для добывания топлива. За выпас скота гуджары получают от патханов определенную плату. Вокруг своих летних лагерей гуджары засевают поля. Так произошло потому, что патханы, политически господствуя на территориях, охватывающих и склоны гор, не могут их эффективно использовать экономически: оставалась незанятой экологическая ниша. До прихода патханов эту нишу заполняли кохистанцы — им тоже нужны были пастбища; пришедшие патханы, оттеснив кохистанцев, сами не заняли эту нишу, и ее постепенно заполнили гуджары.

Интересно, что две группы — кохистанцы и гуджары — эксплуатируют одни и те же ресурсы, занимают одну нишу и при этом между ними нет соперничества. Причина такого мирного симбиоза — различие географических условий их территорий: восточная часть — долины Инда и его притоков — более низкая, западная — долина Свата — имеет более высокий рельеф. Эта разница отражается на хозяйстве: кохистанцы, пришедшие раньше гуджаров, осели в более низкой и, следовательно, более мягкой по климату долине Инда, где поддерживают свое существование круглый год, сохраняя в том числе и свои стада (зимой — с помощью земледелия и зимних кормов). Долина Свата, с более суровыми условиями, была занята позднее пришедшими гуджарами.

Если оказывается, что разные этнические группы могут полностью эксплуатировать одни и те же ниши, то этнос более сильный в экономическом и военном отношении в конечном счете вытеснит более слабый. Если более слабая группа лучше приспособлена к тому, чтобы использовать окраинное окружение, т. е. ее уровень экологической адаптации достаточно высок, группы могут сосуществовать в одном районе, как, например, кохистанцы и гуджары.

Этнографические материалы по Южной Азии показывают,

что ситуация обычно складывается так, что автохтонное население занимает наиболее удобные для него зоны. При приселении других этнических групп могут быть различные варианты — в зависимости от соотношения хозяйственного и политического потенциалов. Если пришельцы смогут использовать не занятые аборигенами земли, то территории каждой из групп становятся равноценными экологическими нишами. Если же пришельцы вытеснят хозяев, то дальнейшее зависит от того, смогут ли аборигены использовать те земли, которые до сих пор оставались незанятыми. При невозможности освоить новые земли экологической ниши не возникает, просто происходит вытеснение одного этноса другим.

Нами приведен пример экологической ниши в наиболее чистом виде. Бывают примеры экологических сообществ этносов, занимающих соседние ландшафтные зоны и по-разному эксплуатирующих их. Но мы не можем в этом случае говорить об экологической нише, аналогичной описанной выше, поскольку речь идет не о подразделениях единой природной зоны, а о соседних зонах. Такова ситуация с двумя народами из пригималайского района Ассама Аруначал — апа-тани и дафла. Здесь наблюдается резкий топографический контраст: среди крутых горных склонов, перерезанных обрывистыми ущельями, имеется удивительный оазис, совершенно отличный от окружающего ландшафта: это правильной формы овальная долина, окруженная поросшими лесом горами. Вся долина покрыта террасами орошаемых рисовых полей. Пожалуй, мало найдется мест, где бы так наглядно можно было наблюдать непосредственную связь природной среды с социальной структурой населяющего ее народа: высокоразвитое цивилизованное общество рисоводов апа-тани в корне отлично от полукочевых, примитивных подсечно-огневых земледельцев дафла. Как пишет исследователь апа-тани, известный этнограф К. фон Фюрер-Хаймендорф, «цивилизация апа-тани развивалась как ответ на специфические природные особенности долины апа-тани, и нет сомнения, что она не могла бы обрести свою настоящую форму ни в одной другой части района Субансири» [14, с. 4].

Если говорить о степени использования естественных ресурсов, то апа-тани сделали буквально чудеса в своей замкнутой долине: осушив болота и проведя искусственную ирригацию, они превратили долину в море рисовых полей, среди которых возвышаются отдельные сосны, рощи бамбука и фруктовых деревьев. Поскольку долина оказалась лучше всего приспособленной именно для производства высококачественного риса, апа-тани и адаптировались здесь в качестве рисоводов. Остальные продукты они приобретают путем обмена, в частности у своих соседей — дафла [14, с. 47].

Дафла, населяющие поросшие лесом и открытые травянистые горные склоны, в меньшей степени являются мотыжными земледельцами, чем скотоводами, так как обширные горные про-

странства, не обработанные под поля, служат прекрасными пастбищами для крупного и мелкого рогатого скота. Кроме продукции животноводства апа-тани получают от дафла и ряд других продуктов, например хлопок, поскольку сами апа-тани считают выгоднее выращивать на своих полях рис и не оставлять их под хлопчатник. Апа-тани и дафла образуют своего рода симбиотическое сообщество, основанное на взаимовыгодном экономическом обмене. В этом обмене апа-тани являются постоянной стороной — из поколения в поколение они остаются в своей долине, а их соседи ведут неоседлый образ жизни и периодически меняются; но кто бы ни оказывался соседом апа-тани — дафла, мири или кто-либо другой, все они однотипно адаптируются к горным условиям и поддерживают те же традиции обмена с апа-тани, в котором именно апа-тани являются инициативной стороной.

Апа-тани и их соседи — это пример этносов, максимально приспособленных к своей экологической среде, но полного использования ресурсов этой среды здесь не происходит: окружающие долину горные склоны остаются свободной нишей — сами апа-тани используют их только как охотничьи угодья, для выпаса они слишком удалены от полей. Главное же, они не нужны апа-тани, но пока не нашлось народа, который занял бы эту нишу, ведь у дафла или мири достаточно своей свободной территории в предгорьях Гималаев.

Если в описанных выше вариантах взаимодействий контактирующие группы принадлежат к одной экосистеме, то в других случаях взаимодействуют этносы из разных экосистем — это второй тип социальных связей этноса. Горные этносы испытывают усиливающееся в последние десятилетия давление со стороны равнинных народов, находящихся, как правило, на иной стадии развития, принадлежащих к иному хозяйственно-культурному типу. Приобщаясь к эксплуатации своих горных соседей, через которых они получают доступ к богатствам горных лесов, они остаются в рамках своей экологической системы. Отношение к горной среде у контактирующих этносов оказывается неоднозначным: для горцев она остается местом жительства и основным источником всех жизненных благ, для равнинного народа та же среда является чужой территорией, забота о сохранности природного ландшафта волнует его в значительно меньшей степени, ведь эта среда для него — лишь источник дополнительного дохода. В результате эксплуатация среды при участии чужих этносов приобретает хищнический характер. Более того, поскольку горные племена должны были адаптироваться к новой, чуждой для них социально-экономической системе их равнинных партнеров, то изменилось в какой-то степени и их отношение к родному для них ландшафту: оно стало менее бережным и более прагматичным.

Горные народы во все времена так или иначе ощущали присутствие равнинных соседей. Ведь и сами племена являлись

периферийными только при условии наличия развитых цивилизаций. Факт сосуществования племен с развитыми классовыми обществами отличает, в частности, современные изолированные племена, даже находящиеся на неолитической стадии, от наших далеких предков эпохи неолита. Между горными и равнинными этносами, притом что их разделял труднопроходимый экологический и культурный барьер, существовали определенные отношения — и непосредственно с самими земледельческими общинами, и с государствами на равнинах. Княжества и царства, возникавшие у больших народов Южной Азии, периодически предъявляли свои права на находившиеся в их пределах или по соседству горные территории. Население этих политических систем говорило на разных языках — не только в буквальном, но и в переносном смысле, системы были практически трудносовместимы [12, с. 5].

Непосредственная экспроприация земли в прошлом не была распространенным явлением: непривычные для жителей равнин лесистые склоны не привлекали равнинных правителей, а земельная проблема у земледельцев равнин еще не была настолько остра, чтобы ощущалась нужда в этих неудобных землях. Так что деспотические правители недавних времен не так дерзко рвались к земле горцев, как позже это делали просвещенные европейские колонизаторы, которые требовали уплаты налогов, узаконения — чаще всего номинального — прав на те или иные горные земли. Горцы сопротивлялись, неприязненность взаимоотношений гор и равнин становилась еще ощутимее.

Что касается трудящегося населения обеих зон, то оно было связано чаще всего довольно эпизодическими обменными отношениями, хотя иногда эти отношения носили упорядоченный характер. Так, существовали своеобразные симбиотические сообщества у ряда племен южноиндийских собирателей с оседлыми соседями (у паракхия [19, с. 111], бирхоров [22, с. 178] и некоторых других). Однако такого рода сообщества получают широкое распространение, как правило, позже, после нарушения изоляции горных районов. В целом же в период, когда между горами и равнинами пролегал труднопреодолимый экономический и этносоциальный барьер, контакты между населением этих зон оставались случайными и несистематическими и не сказывались сколько-нибудь заметно на экологической ситуации в горах.

Картина в корне меняется, когда приходит конец многовековой изоляции горных районов. Это было связано с развитием капиталистического хозяйства, экспансия которого, хотя и запоздалая, к концу прошлого столетия захватила и периферийные горные районы южноазиатских стран. В этот период повсеместно наблюдается интенсификация эксплуатации естественных богатств континента. Горным районам было суждено сыграть видную роль в промышленном развитии стран: они оказались важнейшим источником минеральных ресурсов, топлива (дре-

весные богатства); горные склоны были крайне благоприятным местом для плантаций чая и ряда других культур. Развитие промышленности требовало налаженных коммуникаций — стала расти сеть дорог. Барьер, отделявший в течение долгих столетий горный мир от равнин, был разрушен, горные народы оказались лицом к лицу с новым укладом: произошло соприкосновение обществ доземледельческих и раннеземледельческих с современными капиталистическими нациями [3, с. 3—5]. Между горными и равнинными этносами устанавливаются уже не эпизодические, а постоянные экономические отношения. Происходит это в разных формах — через непосредственное участие в новых для горцев видах хозяйства, через обмен и пр.

Важно отметить, что потребности капиталистического развития не считаются ни с экологией, ни с местными традициями культуры и хозяйства. Как отмечает советский этнограф Ю. В. Бромлей, в сфере традиционной хозяйственной деятельности у народов есть свои сложившиеся нормы, которые призваны обеспечивать экологическое равновесие [1, с. 255]. Действительно, к таким нормам относится не только стремление соблюдать необходимые сроки севооборота, порядок смены сельскохозяйственных культур, имеющий целью сохранить плодородие почвы, но и охотничьи табу на отдельные виды птиц и зверей и растений, которым угрожает исчезновение.

Как уже отмечалось, в новых для данного народа отраслях хозяйства подобные ценностные ориентации, как правило, отсутствуют. Поэтому особенно важно обратить внимание на экологические последствия распространения на территории обитания горных народов нетрадиционных, новых для них видов хозяйственной деятельности. Прибавим к этому, что представителями индустриального общества оказались на первых порах не просто жители равнин, а чиновники колониальной администрации, меньше всего заботившиеся о сохранности природы страны, которая для них являлась только источником ценного сырья. Они не считались с интересами горцев: лесные законы, запрещавшие вырубку леса, нанесли удар хозяйственной системе горных обитателей (подсечно-огневое земледелие); вместе с тем интенсивная рубка леса для промышленных нужд лишала земледельцев и собирателей их естественной базы.

После свержения английского господства национальные правители пытаются как-то регулировать отношение этносов со средой. Но экономические процессы необратимы: горные районы уже втянуты в экономическую жизнь страны, и труднее исправить сделанное, чем с самого начала контролировать формы эксплуатации среды.

Каковы же наиболее обычные для горных районов Южной Азии формы взаимодействия народов, принадлежащих к разным экосистемам? Этот вопрос, имеющий актуальное значение для определения путей развития племен, привлекал внимание индийских исследователей и общественных деятелей. Мы хотим со-

слаться на одного из видных этнографов, Боза, который приводит следующие альтернативы, возникающие перед горцами при давлении со стороны (и при росте численности самих горцев): 1) переход в новые поселения, где есть возможность продолжать старую систему земледелия; 2) специализация культур (выращивание выгодных коммерческих культур); 3) переход (где возможно) к орошаемому земледелию; 4) проживание на старом месте, но работа по найму на орошаемых полях; 5) миграция в отдаленные места (на плантации, в промышленные центры); 6) поиск работы на фермах и в городах во время рабочего сезона [10, с. 3].

В тех вариантах взаимодействий, которые будут приведены ниже, мы хотим обратить внимание не только на перемену в хозяйстве горцев в новых условиях, но и на то, как это сказывается на природной среде. Взаимодействие с этносоциальным окружением может происходить и в условиях экспроприации со стороны жителей равнин той или иной части горной территории, и при сохранении этой территории во владении местных жителей — в любом случае природа испытывает на себе последствия отмеченных процессов.

В одном случае жители равнин физически наступают на горную территорию и изымают для своих нужд землю, оттесняя местные племена в глубинные, труднодоступные районы, где они занимаются своим традиционным хозяйством. По существу, они продолжают ту же стратегию отступления, которая в незапамятные времена привела их в горы под давлением более сильных этносов. Примером такой ситуации может служить наступление тамиллов в погоне за лесом на территории лесных собирателей — палийянов (Южная Индия) [9, с. 441]. Палийяны постепенно отступают все дальше в глубь леса. Тамиллов лес привлекает поначалу как источник топлива, следующий шаг по пути его освоения — превращение лесных территорий в плантации (в последнем случае плантации становятся местом непосредственных контактов разных этносов). Пока в рассматриваемом районе это еще не произошло, палийяны просто отходят, что позволяет им делать и наличие глубинных лесных территорий, не освоенных другими народами, и их собственная, свойственная собирателям мобильность — они мобильнее, чем земледельцы, в большей степени самообеспечиваются экономически и социально. Но тактика отступления — явление временное, есть предел для отступления, определяемый природной средой. При отходе в удаленные лесные районы народ продолжает жить в привычных для него условиях и сохраняет до поры до времени традиционные занятия, не возникает необходимость в новой адаптации к среде. Равнинный этнос подключается к эксплуатации изъятной горной территории, но не через посредство местных племен, а своими силами.

Во втором случае происходит вытеснение аборигенов из их традиционной хозяйственной системы. Подобная ситуация часто

складывается как следующий шаг после описанной выше, когда племена под давлением равнинного населения некуда отступать. По мере расширения площади изъятого у племен леса и интенсификации его эксплуатации (устройство плантаций и пр.) племена лишаются возможности продолжать свой прежний образ жизни в привычной ландшафтной зоне, они оказываются вынужденными в той или иной форме участвовать в чуждой для них системе хозяйства наступающих на них равнинных соседей. Последствия этих перемен для природной среды оказываются весьма значительными: во-первых, меняется сам ландшафт в результате сведения лесов под плантации; во-вторых, меняется форма эксплуатации горных земель, поскольку переселенцы с равнин стоят на ином уровне развития хозяйства. К этой новой форме эксплуатации земли приобщаются и сами горцы, которые уже не имеют возможности продолжать свою традиционную хозяйственную деятельность.

Такова драматическая участь многих горных народов Бихара, мотыжных земледельцев (им труднее переселяться в пределах леса, чем собирателям). В Бихаре рано стала развиваться промышленность, поэтому населяющие его племена оказались раньше и сильнее других горных народов затронуты новыми веяниями. По мере экспроприации земли под фабрики, шахты, дороги земледельцы лишались своей экономической базы. Они оказывались перед проблемой поиска средств к существованию. Часть горцев была переселена правительством в основанные для них колонии, на расстояние нескольких миль от промышленных районов. Выброшенные в мир урбано-индустриальной цивилизации, племена переживают сложный период хозяйственной переориентации и социальной дезинтеграции. Наименее адаптировавшиеся к новым условиям семьи горцев, оставшиеся без земли, ищут неземледельческих заработков. Развивается так называемый «индустриальный нomaдизм» [22, с. 178—179].

В середине прошлого века началось наступление зажиточной верхушки бенгальских и ассамских земледельцев на землю санталов (Центральная Индия). Многие санталы были согнаны со своих участков. Оторванные от родной среды, они были вынуждены адаптироваться к новому социальному окружению: многие из них стали работать на плантациях в качестве кули, немалая часть пауперизировалась, что приводило к потере места на земле. Обезземеливание вело к нomaдизму («вторичный нomaдизм») [11, с. 6]. Гонимые Центральной Индией пополняют ряды рабочих-угольщиков [17, с. 13]. Даже отдельные народы Северо-Восточной Индии, которые дольше других не выходили за рамки своих традиционных занятий, стали заниматься отходными работами на стройках и плантациях.

Трагическим примером полной пауперизации ряда племен (джуанг, корава, каллары, лодха и др.) является их переход в разряд «преступных» племен. Лишенные нормальных условий существования, они не смогли приспособиться к чужакам-при-

шельцам, имели с ними враждебные столкновения и, утратив собственную хозяйственную базу, не сумели обрести новую [22, с. 53]. Это результат отчуждения племени от естественной среды, неспособности адаптироваться к новой социальной среде.

И в первом и во втором случае племена физически лишались своих средств существования, т. е. земли. Однако далеко не во всех районах происходила экспроприация племенной земли, но перемены захватили и их. Как только устанавливаются контакты горных этносов с равнинными, немедленно получают развитие обменные отношения, через которые ранее изолированные племена втягиваются в орбиту товарной экономики. Поскольку основной статьей обмена для горцев являются те продукты леса и предметы их труда, которые выше котируются на индийском рынке, эксплуатация леса принимает специализированный характер и становится ориентированной на внешний обмен. Особенно интенсивно этот процесс идет у наименее развитых народов — доземледельческих собирателей и охотников, которые очень активно и часто без отбора воспринимают (в первую очередь через обмен) новые для них предметы и символы культуры. Эти племена продолжают жить в своем естественном ареале и остаются бродячими собирателями и охотниками. Но меняется состав собирательства — в него входят теперь не предметы непосредственного потребления, а наиболее ценимые на рынке продукты, в обмен на которые племена приобретают жизненно необходимые продукты питания и предметы быта — то, что раньше добывалось ими в родном лесу (например, южноиндийских кадаров) [4, с. 116]. В результате принципиально меняется отношение таких племен к их естественному окружению: форма эксплуатации — собирательство — сохраняется, но, поскольку меняется состав собираемых лесных богатств, эксплуатируются другие компоненты того же ландшафта.

Главное же, естественная среда, т. е. лес, перестает быть единственным источником всех жизненных благ племени: он остается полем его деятельности, но появляется и другой важный источник существования — этносоциальное окружение племени, а именно тот равнинный этнос, с которым собиратели втянуты в обменные отношения. Социальное окружение становится вторым, столь же жизненно необходимым компонентом, как и географическая среда. Если раньше горные собиратели могли довольствоваться тем, что им давала природа, то теперь без своих новых этнических партнеров они не могут существовать. Очень важно отметить, что теперешняя зависимость кадаров, бирхоров и других лесных собирателей от леса — не пережиток прошлого, а новая адаптация к природе, дополненная адаптацией к иноэтническому социальному окружению — равнинному крестьянству.

Любопытно, что при установлении постоянных взаимовыгодных контактов с равниной у горных племен подчас наблюдается процесс, обратный описанному выше отступлению в глубь лесов:

племена из глубин леса перемещаются в пограничные с равнинной участки, чтобы не потерять обменные связи. У бирхоров, кадаров и других собирателей эти связи все больше укрепляются, эпизодических походов из глубин леса на равнины становится недостаточно, отсюда — переселение в районы, расположенные ближе к оседлому населению [11, с. 4—5].

Более высокие по уровню развития, обладающие стабильными институтами, горные земледельцы в большей степени, чем собиратели, сохраняют свою хозяйственную самостоятельность. Но адаптация к потребностям обмена характерна и для них. Они также оказываются нацеленными на обмен, что находит выражение в развитии специализированных посадок коммерческих культур, которые у ряда народов имеют тенденцию превратиться в монокультуры. У большинства же племен часть урожая рассчитана на внутреннее потребление, а часть — на продажу, последняя доля постепенно растет. Например, в Мадхья-Прадеше для себя сажают маис, просо, на продажу — пшеницу и некоторые масличные культуры, у кхаси из Мегхалаи коммерческими культурами являются апельсины и картофель, для собственного потребления сеют рис, просо и т. д. [18, с. 98].

В этом случае у земледельцев, как и у собирателей, имеет место вторичная адаптация к своему естественному окружению — введение новых культур, которые пользуются спросом на рынках равнин, требует новых приемов земледелия, нового подхода к земле, к ее орошению и удобрению. В результате развития налаженного регулярного обмена (вместо прежнего эпизодического) создаются своего рода симбиотические сообщества горных собирателей и земледельцев с их равнинными соседями. В таких сообществах заинтересованы обе стороны, но жизненно важными эти связи являются прежде всего для горцев, которые теперь не могут без них существовать. Определение своего места в экономике региона (а тем самым и в экономике страны в целом) помогает горцам выжить в меняющихся экологических и политических условиях. В качестве примера реадаптации в очень сложном природном окружении можно привести шерпов, населяющих Восточные Гималаи. В этом негостеприимном районе, непригодном для земледелия, добывание средств к существованию требует сложного приспособления к среде. Раньше шерпы занимались перегонами скота, были посредниками в торговле с Тибетом. Когда Тибет стал китайской территорией, шерпам пришлось заново осваивать свой район: они стали обслуживать горные экспедиции, став в этой области монополистами. Вряд ли они сумели бы выжить, если бы не посредническая роль, поскольку их экологическая среда не допускает концентрации производственных процессов в одном месте и требует постоянного передвижения [15, с. 73]. Другой пример симбиотического сообщества с равнинными соседями — отлов и приручение бхилами диких слонов для князьков с равнины — древний промысел, который позволял им просуществовать в те месяцы,

когда они не могли прокормить себя с помощью традиционного хозяйства (земледелия).

При утрате части естественных ресурсов (это происходит либо когда та или иная группа изымает часть экологической ниши, о чем говорилось выше, либо в результате внутренних причин, например сведения лесов в ходе деятельности людей, роста численности населения и т. д.) некоторые народы или отдельные их группы переходят к новой для них системе хозяйства. Так, с уменьшением годных под обработку лесных площадей имеет место вынужденный переход от экстенсивного подсечно-огневого земледелия к интенсивному орошаемому земледелию: террасному — на горных склонах, долинному — там, где это позволяет рельеф. Народ остается, таким образом, на своей территории, но ее эксплуатация меняет характер. Сама хозяйственная переориентация этноса вызвана изменением ландшафта: с сокращением площадей, занятых под подсечно-огневые поля, интенсифицировалось их использование, т. е. сокращались сроки отдыха земли между двухлетними циклами ее обработки, что имело следствием постепенное обезлесение горных склонов. Изменение природной среды требует реадaptации, введения новых форм земледелия; процесс этот трудный для не подготовленных ни технологически, ни психологически к подобным переменам горцев. Переход к новым формам земледелия влечет за собой достаточно быстрое изменение и всей социальной структуры народа — переход от эгалитарной общинно-родовой структуры к обществу стратифицированному, в котором получают развитие процессы индивидуализации земельной собственности и развития имущественного неравенства.

Если смена системы земледелия, как бы непроста она ни была, получила развитие у большинства горных земледельцев, то хозяйственная переориентация лесных собирателей в границах их этнических территорий оказалась значительно сложнее. Уже в процессе наступления на южноиндийские горы (начало нашего века) колониальное правительство пыталось перевести в оседлое состояние некоторые племена собирателей и охотников (бирхоров, кадаров, ченчу и др.). Правительство Индийской Республики отводит для них специальные земли, основывает земледельческие колонии. Однако эта новая форма эксплуатации лесных земель дается племенам с трудом и далеко не всегда имеет успех. Например, попытка посадить на землю кочевых пандарамов из Кералы не привела к цели: несмотря на устроенные для них постоянные поселения, они продолжают вести полукочевой образ жизни.

Переход от экстенсивных к интенсивным формам земледелия, от собирательства к оседлому хозяйству — это новая адаптация племен к своей природной среде, новый подход к использованию ее ресурсов. Параллельно происходит адаптация к этносоциальному окружению, т. е. восприятие системы хозяйства равнинных соседей. Плужное земледелие обычно заимству-

ется теми племенными группами, которые живут на стыке ландшафтных зон — на небольшой высоте, у подножия гор, где происходит непосредственное соприкосновение двух типов культур.

Мы привели лишь наиболее характерные варианты взаимоотношений горных народов с их природным и этносоциальным окружением. Число примеров можно умножать бесконечно: фактически, каждое племя по-своему отвечает на меняющиеся условия существования и на давление других этнических групп. Как показывают материалы, там, где горный этнос имеет возможность сохранить (полностью или частично) свою территорию, т. е. свою экологическую зону, можно видеть различные формы адаптации и реадaptации к ней, зависящие, в частности, и от отношений с окружающими народами. Там же, где горные народы оказываются отторгнутыми от своей территории, имеют место уход племени, растворение его или пауперизация.

Литература

1. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
2. Малайско-полинезийские исследования. Сб. статей памяти акад. А. А. Губера. М., 1977.
3. Маретина С. А. Общины горных народов Индии и население равнин: социально-экономические последствия контактов. IX МКАЭН, 1973. М., 1973.
4. Маретина С. А. Социальная организация кадаров.— Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих общинах. Л., 1972.
5. Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.
6. Природа и общество. М., 1968.
7. Пуляркин В. А. Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран. Анализ исторического опыта Южной Азии. М., 1976.
8. Barth F. Ecologic Relationship of Ethnic Groups in Swat, North Pakistan.— American Anthropologist. Menasha, 1956, vol. 58, № 6.
9. Bicchieri M. G. [ed.]. Hunters and Gatherers Today. N. Y., 1972.
10. Bose N. K. Change in Tribal Cultures Before and After Independence.— Man in India. Delhi, 1964, vol. 44, № 1.
11. Bose N. K. Some Observations on Nomadic Castes in India.— Man in India. 1956, vol. 36, № 1.
12. Burling R. Hill Farms and Paddy Fields. Englewood Cliffs, 1965.
13. Fuchs S. The Aboriginal Tribes of India. N. Y., 1973.
14. Fürer-Haimendorf Ch. The Apa-Tanis and Their Neighbours. L., 1962.
15. Fürer-Haimendorf Ch. Himalayan Traders. Life in Highland Nepal. L., 1975.
16. Hardesty D. L. Ecological Anthropology. N. Y., 1977.
17. Naik T. B. [ed.]. The Changing Tribes of Madhya Pradesh. Indore, 1961.
18. Nakane Ch. Garo and Khasi. P., 1967.
19. Prasad Rumakant. A Study in Cultural Ecology and Tribal Dynamics. Wien, 1978.
20. Sahlins M. D. Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968.
21. Sinha Surajit. Tribes and Indian Civilization. A Perspective.— Man in India. 1980, vol. 60, № 1—2.
22. The Tribal People of India. New Delhi, 1975.

Е. А. Крейнович

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ У НИВХОВ В 1927—1928 гг.¹

Коллективный лов рыбы — пережиток неолитической традиции

Охотское побережье острова Сахалин. Селение Чайво. 1 декабря 1927 г.

Поверхность залива уже несколько дней как замерзла, но снег еще не выпал. Лед залива прозрачен, как стекло. От мороза, что ли, поверхность его усеялась как бы звездами — точками с отходящими от них тонкими трещинками. Кажется, будто звезды окунулись в залив, но не успели выбраться из него и вмерзли в лед, преградивший им выход в небо. Лед залива удивительно красив. Выхожу на его звездную поверхность. Кажется, будто идешь по небу. У берега на мелких местах видны водоросли. Иногда подо льдом проносятся рыба. Когда отдаюсь от берега, возникает ощущение пучины. Вот-вот, кажется, лед проломится и погрузишься в бездну. При появлении этого ощущения ухожу на сушу.

Нивхи готовятся к поездке на реку Оси, впадающую в Чайвинский залив. Предстоит лов рыбы, именуемый лэрд (≈ лэрнт), что в переводе на русский означает 'играть', 'игра'.

В каждом жилище, мужчины которого собирались ехать на промысел, заранее готовили студень, называемый 'мос'. Для отъезжающих его наливают в небольшие чаши, деревянные и эмалированные, где он и застывает. Нивхи кладут их в нарты. Многие из них брали с собой по большой полосе дели от невода.

3 декабря. На рассвете нивхи выехали из селения и направились к северу. Выхало много нарт. Я ехал с Кельмом в одной нарте. Длинная ленточка из собачьих упряжек двигалась по направлению к острову Агиво. Из небольшой деревушки того

¹ Автор длительное время исследовал культуру и быт нивхов, собрав большой материал. Дневниковые записи, приводимые здесь (как и многие другие оставшиеся в рукописи), предназначались для его монографии «Нивх-гу», изданной Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1978 г., из-за ограничения объема книги они не вошли в нее. — Ред.

же названия к нам присоединилось несколько нарт с нивхами. Оттуда снова поехали на север. Ледяная поверхность залива казалась серой. Над нами было такое же серое, холодное, зимнее небо. Вокруг — ни души.

Через несколько часов приехали к месту лова — устью реки Оси. На левом берегу, недалеко от него, стоял небольшой домик. В нём жил старик Тугут, прекрасный сказитель, вместе со своей женой, дочерью лет пяти и сыном двух лет. Нивхи переехали поближе к его жилью на левый берег. Нарты с собаками привязали тут же среди деревьев.

Из нарт прежде всего извлекли полосы неводной дели и растелили их по льду реки. Затем изготовили из дерева «иглы» и занялись шиванием полос в один невод. Этим занимались старики. Молодые же взяли топоры и отправились в лес. Они ушли рубить песты (увск). Пест длиной примерно 150 см изготовляли из тонкого ствола дерева. Вверху песта делали «ручку» — утоньшение, чтобы его удобнее было охватить рукой. Кроме того, заготовили еще две «терки» (мамар), вырубив каждую из ствола дерева вместе с основанием сука. К сукам накрепко привязали по длинному шесту. Назначение «терок» стало ясным лишь в конце рыбной ловли.

К возвращению молодых нивхов из лесу старики закончили шитье невода и посадили его на две длинные веревки. Они свернули его и положили на нарту.

Когда подготовка орудия лова была закончена, наступил момент для совершения религиозного обряда, который, по-видимому, должен был обеспечить удачность промысла. Нивхи взяли с нарт свои чашки со студнем и направились к устью реки. Там они остановились. Один из них продолбил пешней во льду лунку и очистил ее ото льда. Затем нивхи стали вырезать ножами куски студня из своих чашек и кидать их в лунку. При этом они впервые позволили себе шутить, и смысл их шуток сводился к одному: «Вот мы, мол, тебя кормим, так ты уж, пожалуйста, рыбу нам дай». В это время старик Моклей сказал мне: «Настука, ты тоже дай ему что-нибудь»². Он глубоко верил в существование духа реки и потому просил меня об этом. Я вынул из своей заплечной сумки пшеничный сухарь и положил его в лунку. Если бы я этого не сделал, то оскорбил бы Моклея и нивхов, относившихся ко мне как к своему человеку. Пешней и руками они заталкивали свои угощения под лед, чтобы их унесло течением.

Когда кормление духа-хозяина реки было закончено, нивхи вышли на берег и направились в лес, подальше от воды. Там, возле одного кедрового стланика, они вырыли в земле ямку, и каждый молча положил в нее по куску студня. Затем ямку зарыли песком. Так было произведено кормление духа земли:

² В разговорах между собой нивхи называли меня настун-т' ан'ги — 'начальник сказок', 'сказочный начальник'. Лишь один старик Моклей ласково называл меня настук — 'сказочник'.

миф-арнт — 'кормление земли'. К участию в ней Моклей меня уже не привлекал.

Узнав, что на реке Оси, по представлениям нивхов, живет дух-хозяин речки, я спросил у них, есть ли такие же духи-хозяева и на других речках. Нивхи ответили утвердительно. На реке Их, называемой по-русски Вал, сказали они, живет 'ыз' — 'хозяин речки'. Весной он очищает реку ото льда. Идя ли, плавая ли под водой, он разбивает лед. Некоторые его даже видели. Говорят, что он похож на нерпу.

Так нивхи на каждом шагу погружали меня в мир своих анимистических представлений, который был миром их душ. Все, что совершалось на реке Оси, производилось тихо, молча, словно какое-то таинство.

Угостив духов-хозяев местности, примирив их с собой и испросив у них таким образом позволение на право промысла на их территории, нивхи отправились на лед. Там поперек реки, на равных расстояниях друг от друга, они продолбили пять лунок: две — возле берегов и три — посередине реки. Лунка возле берега, на котором остановились нивхи, была сделана шире других. Потом нивхи отошли на несколько шагов вверх по течению реки и на самой ее середине, на некотором расстоянии друг от друга, выдолбили две лунки и выше их — еще две такие же лунки. Затем они отошли вниз по течению реки и ниже продолбленных пяти лунок выдолбили еще две небольшие лунки. Они располагались уже не посередине реки, а ближе к берегу, к первой большой лунке.

После этого стали протаскивать невод под лед реки. При помощи длинной жерди от лунки к лунке проталкивали под лед концы веревок, на которые был посажен невод. Около каждой лунки становился нивх и удерживал веревки невода, чтобы его не относило течением. Когда веревки были протянуты сквозь последнюю лунку, находившуюся на противоположном берегу, нивхи протянули подо льдом весь невод поперек всей реки, точно вдоль пяти лунок. Теперь нужно было расправить невод подо льдом. Для этого в каждую из пяти лунок под верхнюю веревку невода подсунули по две палки, которые расположили на каждой лунке крестом. Таким образом верхняя веревка невода была удержана у льда. К нижней же веревке невода крепко привязали концы длинных жердей, по одной жерди на лунку. Затем жерди были опущены в реку и воткнуты в неглубокое дно реки. Тогда течением воды невод отнесло вниз, и он расправился подо льдом в виде мешка. Когда это произошло, сквозь две лунки, находившиеся внизу по течению, невод подтащили вверх. Потом сквозь его ячейки просунули по тонкой веточке, которые удерживали невод у льда. Так был расправлен невод.

Нивхи строжайшим образом соблюдали здесь свои табу. Так как жены Тана и Пнаргуна были беременны, то им не разрешалось спускаться к реке. Они в течение всего лова находились на берегу и занимались хозяйственными делами: поддер-

живали огонь костров, которые они разложили, и кипятили воду для чая. Если бы нивх поранил палец и из него потекла бы кровь, то и ему было бы запрещено выходить на реку и прикасаться к неводу. Если бы он замазал невод кровью, то это, по представлению нивхов, явилось бы грехом.

Возле невода, протянутого сквозь лунки, остались одни старики. Более молодые нивхи взяли по песту и по берегу направились вверх по реке. Так как песты были тяжелы для меня, то я, ничего худого не думая, сказал, что возьму топор и буду колотить об лед обухом. Нивхи закричали: Ујахра! ('Грех!'). Поняв, что нарушил бы этим их верования, я выбрал пест полегче и пошел вместе с нивхами вверх по берегу реки.

Шли молча. Молчал и я, чтобы ненароком не нарушить их обычаев. Шли примерно в течение часа. Дойдя, очевидно, до известного им места, нивхи остановились, молча вышли на лед, повернулись лицом к устью и цепочкой растянулись поперек реки. Я находился в их строю и ждал, что они станут делать. Они сделали один шаг вперед и, подняв песты, одновременно ударили ими об лед. При этом они издали крик такой силы, что от неожиданности я вздрогнул. После этого они сделали еще пять-шесть шагов вперед, снова ударили пестами об лед и снова закричали. Некоторые из них кричали: кла-вур п'рыгуя, 'ил дна' — 'заставь подняться'. Я во всем подражал им, дабы не нарушить правил лова. Оказывается, я не должен был глядеть назад и озираться по сторонам. Надо было смотреть только вперед, через определенное число шагов поднять песты, ударять ими об лед и кричать. Одновременные удары 15—16 пестов об лед реки звучали, словно выстрелы. Они, конечно, вместе с криками нивхов пугали рыбу, и та в страхе убегала от них вниз по течению реки, где ее ждал невод. Прорваться вверх по течению сквозь могучие удары пестов она ни за что не отважилась бы.

Так шли мы по льду первозданной, необжитой, кроме нивхов, неведомой реки, ударяли по ней пестами и кричали. Рыба, пугаемая непрерывными ударами и криками, естественно, мчалась вниз по течению, туда, где ее ждал невод. Никого и ничего живого вокруг нас не было. Только лес стоял по обе стороны реки, молчал и будто дивился беснованию пришельцев, издававших истошные вопли и стучавших по льду реки. Как заведенные механизмы, шли мы по льду реки, колотили о него и кричали.

Возмущение нивхов моей попыткой ударять по льду обухом топора, т. е. железом, свидетельствует, что рыбная ловля была изобретена еще тогда, когда предки нивхов не знали железа и по религиозной традиции они и теперь не допускали его присутствия в ловле. Это был коллективный лов рыбы, созданный еще в каменном веке, по крайней мере в неолите. Для его осуществления не требовалось железа — ни гарпунов, ни крючков. Единственный кусочек железа, который нивхи надевали на пешню, мог быть в каменном веке заменен костью или камнем.

Итак, сегодня мне посчастливилось опуститься куда-то в глубь неолита.

Когда мы приближались к старикам, сидевшим возле невода, у меня уже не было сил ни кричать, ни стучать об лед.

Вдруг двое нивхов бросили свои песты, подбежали к жердям с привязанными к ним «терками», быстро опустили их в две верхние лунки и стали взбаламучивать ими песок на дне реки, чтобы помешать перепуганной рыбе прорваться вверх. Затем они быстро вытащили жерди с «терками», мгновенно подбежали к двум лункам, находившимся ниже, и снова стали взбаламучивать дно реки. В это время тонкие веточки, которыми удерживался невод в двух нижних лунках, проломились. Это означало, что рыба скопилась в неводе и под ее тяжестью веточки сломались. Тогда все пять жердей, которыми нижняя веревка невода была прикреплена к дну реки, были подняты вверх до самых лунок. Все это произошло мгновенно. Таким образом, согнанная сверху рыба оказалась в мешке, протянутом поперек реки.

Примечательно, что старики, сидевшие у лунок, даже не пошевелились и тогда, когда нивхи, шедшие по течению реки, взбаламучивали дно реки и вытаскивали вверх жерди, которыми невод был прикреплен ко дну. Оказывается, им запрещалось даже смотреть вверх по течению реки, т. е. в ту сторону, откуда приближались с пестами нивхи. Они могли лишь смотреть либо вниз, на лед реки, либо в сторону берега. Нарушение этих установлений могло якобы неблагоприятно сказаться на лове рыбы.

Затем невод с рыбой надо было продвинуть по направлению к большой лунке, находившейся возле берега. Возле каждой лунки встали по два нивха. Один удерживал верхнюю веревку невода, а другой — нижнюю. Постепенно, от лунки к лунке передвигали они невод в направлении к берегу, к крайней просторной лунке. Когда противоположный край невода был вытасчен из нее, рыба оказалась в мешке, образованном неводом, края которого находились на льду.

После этого рыбу стали вычерпывать на лед. Все это делалось бесшумно, молча. Глядя на обилие красноперки, форели и кумжи, которых вычерпывали, я сказал: «Рыбы много», но тут же услышал, как Мсклей и Кельм строго сказали мне: «Так не говори». Я понял, что опять нарушил что-то в обряде ловли. Оказывается, такие слова произносить нельзя. Услышав, что нивхи наловили много рыбы, дух-хозяин реки может рассердиться на нивхов, и тогда рыба может исчезнуть из невода. Мало того, я узнал, что во время лова рыбы способом лэрнт ее нельзя называть настоящими именами, а надо употреблять имена условные. Так, красноперку вместо масксо ('маленькая рыба') надо называть словом млы́авр — букв. 'не имеющая нижнего плавника млы', который у других рыб располагается под брюшком, у анального отверстия, вместо л'о́ймың ('форель') надо говорить шафтамлаң ('многопятнистая') и т. д.

Так нивхи старались скрыть от духа-хозяина реки свои действия и намерения. Они глубоко верили в то, что всё вокруг понимает их речь и неосторожное слово может нанести вред промыслу, — анимизм пронизывал всю процедуру лова.

Добытые красноперка и форель нанизывались сквозь жабры на прутья. Прут с нанизанной на нем рыбой называется кор. Коры делились между всеми участниками лова поровну. Крупные кумжи делили поштучно³.

В жилище сказителя Тугута было очень дымно, и работать с ним оказалось невозможно. Кроме того, он был не в духе. В этом году в Чайво утонули четверо нивхов. Поэтому он никому не разрешал готовить пищу на своем очаге. Нивхи готовили себе еду на кострах, разведенных и поддерживаемых Танок и Пнаргуном. Вместе с ними на берегу пил чай и я. Нивхи ели строганину из красноперки и форели. Они сдирали со свежемороженой рыбы кожу, раскалывали ее вдоль хребта и полученные боковинки рыбы строгали тоненькими пластинками, отправляя их в рот. Они предложили мне отведать строганины из красноперки и форели. Это было очень нежное и вкусное кушанье.

Кормить собак свежепойманной на реке Оси рыбой нельзя. «Рыба рассердится, и тогда ничего не поймает». Поэтому нивхи собирали рыбные объедки, чтобы скормить их собакам, когда закончится лов и они уедут с реки.

Во втором лове рыбы я не принимал участия. Когда невод был вытащен, он оказался совсем пустым. Нивх Кыйон с недоумением сказал: «Почему рыбы нет? Однако ууынт ('грех') сделали. Рыба сердает». Естественно предположение, что за таким выражением таится противоположное представление: когда «рыба не сердает», а относится к нивхам-рыболовам хорошо, с симпатией, то она идет в их невод. Ведь все в мире живо и обладает эмоциями людей.

Легенды о талисманах, приносящих удачу в охотничьих промыслах

Для охотника каменного века удача на охоте была самым большим счастьем. Она приносила ему и его близким пищу. Между тем действительность показывала, что один охотник всегда приходил с добычей, а другой — нет, несмотря на то что у них одинаковое оружие и одинаковые руки. Естественно, возникал вопрос, чем объяснить это обстоятельство. Вокруг размышлений об удаче и неудаче в охотничьих промыслах выросло множество фантастических легенд. В некоторых из них рассказывается о том, что медведица полюбила охотника и из любви к

³ Нивхам, привезшим с собой полосы неводной дели, выделялись как будто бы чуть большие доли. Однако в моих записях вопрос этот остался неуточненным.

нему посылала ему добычу. Возникло представление о том, что из чувства симпатии к охотнику животное сознательно идет на его орудия лова, чтобы побывать у него в «гостях», где ему преподнесут угощения, а череп обмажут вкусной кашей и украсят белоснежными стружками, воткнутыми в его носовые отверстия. Вместе с тем всоображением древних охотников стали создаваться легенды о талисманах — предметах, обладание которыми приносило охотнику удачу в охотничьих промыслах.

Самыми древними представляются нам легенды о таинственно достающихся охотнику когтях животных, приносивших ему удачу в охоте на тех животных, чьи когти у него оказались. Из представлений всех народов, живущих и живших охотой, известно, что часто они отождествляют часть с целым, что если обладать частью животного или человека, то можно воздействовать на данное животное или данного человека. В истоке своем это рассуждение, лишенное логики, в действительности имеет логическую основу. Если обратиться к технике изготовления орудий в каменном веке, то нетрудно понять, что кусок кремня сохранял свойства всего кремня, от которого он был отколот, что кусок каменного скребла или каменного ножа сохранял свойства целого орудия. Однако, будучи перенесено из области каменной индустрии в область животного организма, это верное наблюдение породило заблуждение, ибо кусок организма не сохраняет свойств целого. Тем не менее подобное заблуждение прошло сквозь сотни тысячелетий, сохранившись в различных вариантах у тех современных народов, которые живут еще в условиях отсталого охотничьего быта.

Со времени знакомства людей с драгоценными металлами последние стали символом высшего счастья и богатства. Тогда же у нивхов возникли легенды о талисманах из драгоценных металлов, достающихся счастливцу загадочным образом и приносящих ему богатство и счастье.

Талисманы могут быть различными. Так, нивх Тавъюн из селения Коль в 1931 г. показал мне предмет, который он был готов считать своим талисманом. Это, по его представлению, был точильный камень, о который птица скопа (ч'фэнь) точит свои когти; ими она выхватывает из вод рек, озер, морей живую рыбу. В действительности же его талисман представлял собой великолепно вышлифованное овальное неолитическое грузило для сети или невода с отверстием в одном его конце. По словам Тавъюна, этот талисман утратил свою силу потому, что его увидели люди. Скрытая от людских глаз, находка могла бы стать талисманом, приносящим удачу. Когда и как выработалось у людей отрицательное с точки зрения этических норм представление, что нужно от других что-то затаить, чтобы быть счастливым, трудно сказать. Возможно, это очень древнее представление, связанное с попытками утаить от других еду, чтобы самому быть сытым. В 1927 г. большую помощь в этом отношении оказали сказитель Шызыун и нивх Очи на Сахалине, а

на Амуре — сказитель Кайдык, которым приношу свою благодарность, хотя никого из них уже нет в живых.

Некоторые из сообщений о талисманах, приводимых ниже, я слышал от нивхов в разное время и в разных местах их обитания.

Талисман по-нивхски называется *хиур* (от *хиунт* — ‘убить медведя’, *хиула-н’ивн* — ‘человек, удачливый в промыслах’). Первоначально это слово, вероятно, означало ‘убиватель’ (*хиу* — основа, *-р* — суффикс со значением имени деятеля, орудия действия). Ниже мы приводим сообщения сказителя Шызыуна, записанные на нивхском языке. Должен отметить, что, когда выяснялось что-либо новое из быта нивхов, я стремился зафиксировать это на нивхском языке, чтобы не допустить в изложении каких-либо искажений. Перевод сообщений Шызыуна приближен к подлиннику. Перехожу к их изложению.

1. В древнее время, когда нивхи в лес ходили, соболиные когти находили. Если не их, то лисьи когти, беличьи когти, выдры когти, зайцев когти находили. Ну а если не их, то снявшиеся копыта кабарги лежащими, если видели, брали. Нивх, взяв это, инау — ритуальные стружки — строгал, заворачивал в них, в свое селение притаскивал. Возле священного помоста у медвежьего амбара хорошо прятал, чтобы дождь не замочил. Потом кормление духов гор делал. После этого нивх охотиться шел. Какие когти он находил, те звери, будто сами себя притаскивая (притаскиваясь), шли к нему. Он их убивал, ими богател. Если талисман сильный, то нивх девять лет зверей убивал: Если не столь сильный, то шесть лет зверя убивал. Если слабее талисман — то три года. После этого он как прежде убивал добычу, так и убивал (т. е. ничего лишнего ему уже не выпадало).

2. В давнее время, когда нивх по лесу ходил и медвежьи когти, бывало, увидит, то он в свое селение их приносил, ритуальные стружки (инау) строгал, в них заворачивал. Горным духам собаку в дар убивал. Потом по прошествии примерно одного месяца шел в то место, по которому ходил, кормление производил, чтобы с богом (*к’ыс* — ‘удача’, ‘счастье’, ‘бог’) примириться. После этого, когда в лес ходил, хоть близко пойдет, медведя увидев, убивал.

На следующий год медведь, для того чтобы свои когти забрать, будто бы сам себя притаскивал к нему, а он убивал. Так шесть полных лет, эти когти держа, их талисманом считая, множество медведей убивал. Когда шесть лет проходило, он инау делал, вместе с когтями выбрасывал. Если по прошествии шести лет держать эти когти, то медведь задирает человека.

Так рассказывают.

3. В давние времена один нивх пошел в лес ставить петли на соболей. Сидя на бревне, переложеном через речку, он вверх по реке посмотрел. Сверху вниз по реке голый ребенок вброд спускался. По мелкому месту идя, «глубоко, глубоко» — так говорил. По глубокому месту идя, «мелко, мелко» — так го-

ворил. Так он вниз спускался. Когда он к нивху близко подошел, нивх, глубокое место выбрав, в нем пребывал (т. е. в него опустился).

Этот ребенок, хотя он был голым, нес на себе пояс. Так он спускался вниз. В глубокое место когда спустился, упал. Течение его понесло. Тогда нивх его пояс схватил, оторвал, посмотрел... [а] мальчика не стало. Только пояс один в руках его остался. На поясе сумочки висели. Одну сумочку когда открыл, в ней человеческие ногти были. Он эту сумочку бросил. Когда другую открыл, в ней звериные когти, соболиные когти лежали. Эту сумочку он взял.

Друг за другим сумочки открывал, смотрел: медвежьи когти лежат, беличьи когти лежат, лисьи когти лежат, выдры когти лежат — разные когти, все есть. Это взяв, понес, в медвежий амбар положил. Инау настрогав, в них завернул. Это талисманом считал. Очень богато жил.

4. Нивх в лес пошел. Горный человек (дух) навстречу ему шел. На его поясе много сумочек навешано было. Горный человек с нашим нивхом бороться хотел. Нивх отказался. Горный человек насильно с ним бороться стал. Наш нивх, его за пояс схватив, потянул, порвал. Нивх рассердился, не хотел бороться. Тогда горный человек его отпустил, свой пояс стал просить. Наш нивх рассердился, сказал, что это не его пояс. Тогда горный человек, бедствуя, без своего пояса ушел. На этом поясе (в сумочках) разные когти были. Этим нивх разбогател.

«Вы не думайте,— сказал мне Шызныун,— что горный человек его повалить не мог. Для горного человека нивха повалить — это грех. Он свой пояс принес только для того, чтобы отдать его нивху. Обманным путем заставил его бороться, чтобы он его пояс оторвал и взял».

5. Бывает так, что на медвежьей тропе дерево нависает. Медведь под этим деревом, просовываясь, проходит. Медвежья шерсть на это дерево налипала, становилась подобной кулаку. Нивх должен был эту шерсть взять, инау настрогать, завернуть ее в стружки, на помост у медвежьего амбара положить. После этого нивх три полных года медведей убивал. Во множестве убивал. Будто сами медведи перед ним появлялись. Когда три года проходило, этот талисман переставал быть талисманом (свою силу терял). Так нивхи рассказывают.

6. Если пойти в то место, где находится множество змей, то они, свернувшись кольцами, друг на друге лежат. Тогда нивх должен раздеться, снять обувь, снять наколенники и, ступив в дыру, образованную свернувшимися змеями, стоять. Страшно становится. Тогда змеи о его голень трутся и все уходят. После этого он поднимает свою ногу и берет немного земли с того места, на котором стоял. Порвав свою рубашку, завертывает в нее землю. Инау настрогав, обертывает ими землю. Это талисманом считая, богатеет.

7. Если нивх увидит, как неожиданно треснуло небо, то он

должен мгновенно упасть и мгновенно схватить рукой то, что под нее попадется. Он должен успеть встать, пока небо не сомкнулось. То, что он своей рукой захватил, он должен принести, хоть в рубашку завернуть, хоть в инау завернуть, и положить. После того как он так сделает, собак (в дар) убивает. Четное количество убивает. Потом инау с колокольчиками делает. Духам кидает, духов кормит. Когда так сделает, разбогатеет.

8. Если с неба спускается колокольчик и нивх сорвет его и возьмет в качестве талисмана, то он разбогатеет. Но разве каждый знает, как его нужно оторвать? Если руками пытаться его оторвать, то руки прилипнут к колокольчику и колокольчик вместе с человеком в небо поднимется. Так нивхи пропадали. Если с неба колокольчик спустится и крепким деревом по нему ударить, то он не оторвется, но если гнилушкой по нему ударить, то тогда он оторвется. Поэтому нивх должен гнилым деревом по нему бить, взять его, в инау завернуть и на дно ящика положить. Его талисманом считая, разбогатеет.

9. Небесная цепь — самая тонкая — в ладонь шириной бывает. Широкая — в одну четверть шириной. В длину — в рост человека. Когда серебряную цепь увидишь, свою шубу или халат надо снять, постелить. Когда палкой по цепи ударишь, она рассыпается, в одежду падает. Серебро падает, одежду полностью заполняет. Тогда нивх это заворачивает, берет, этим богатеет.

10. Когда с неба спускается паук, то привязь его толстая, блестящая, серебру подобно блестит. Толщина его привязи — как тонкая веревка. Паук большой, по величине одинаков с раковиной, подобной руке. Самый маленький паук равен голове большой трубки для курения. Тогда надо подойти, ударить, сбить его. Но когда идут его взять, он оказывается чрезвычайно пятнистым. Трус, испугавшись, взять его не может. Только человек с крепким сердцем его берет. На дно своего ящика прячет. Потом образцы шелка, какой только он желает, в ящик кладет. Когда наступает ночь, в ящике раздается множество звуков. Когда звуки прекращаются, нивх ящик открывает. В нем оказывается множество шелка, подобного образцам. Нивх, эти шелка взяв, богатеет. Паук лишь различные шелка делает. Таким паучьим талисманом богатеют. Так люди сказывают.

11. Нивх, имеющий счастье, может увидеть жабу, имеющую серебряные рога. Тогда нивх должен снять свою обувь и положить ее впереди жабы. Он заставляет ее перескочить через обувь, она прыгает, но серебряные рожки не падают. Тогда он должен снять наколенники и положить перед ней. Она перескакивает через них, но рожки еще не падают. Тогда нивх должен снять трусы, положить перед ней. Она прыгает, но рожки не падают. Тогда нивх пояс снимает, кладет перед ней, она прыгает, но рожки не падают. Тогда он рубашку снимает, кладет перед ней, но рожки не падают. Тогда он шапку снимает, кладет перед ней, она прыгает, но рожки не падают. Тогда он берет пал-

ку, ударяет по рожкам и сбивает их. Это талисманом взяв, богатеет.

«Теперь я вам объясню,— сказал мне Шызыун,— почему так получается. Если рожки опадут, когда она прыгнет через обувь, то нивх, не успев начать богатеть, умрет. Если рожки опадут, когда она прыгнет через наколенники, то он едва только начнет богатеть, а уж умрет. Если рожки опадут, когда она прыгнет через трусы, и он возьмет их, то он до половины срока своей жизни доживет, разбогатеет и умрет. Если рожки опадут, когда она прыгнет через его пояс, и он их возьмет, чуть больше половины жизни проживет, разбогатеет и умрет. Если рожки опадут, когда она прыгнет через рубашку, и он их возьмет, то до пожилого возраста доживет, разбогатеет и умрет. Если же рожки опадут, когда он шапку положит, и он их возьмет, то, до старости дожив, разбогатеет и умрет. Но если он положит шапку и рожки не упадут, но он собьет их палкой и возьмет, тогда он, до глубочайшей старости дожив, разбогатеет и, не будучи уже в силах носить себя, умрет».

Флорун сказал, что если зимой вдали от реки найти на снегу живую трепещущую форель или кумжу, то рыбину надо взять и спрятать. Она принесет удачу во всем.

В этих нереальных построениях ощущается фантазия охотника, истосковавшегося по удаче. Однако какова реальная основа возникновения идеи о талисмане? Как и когда родилась вера в то, что необычный предмет может принести удачу в охоте? Ответить на этот вопрос трудно. Автор, несмотря на довольно обширный этнографический материал, не имеет еще удовлетворительной концепции, объясняющей подобное явление.

Легенда о единоборстве духа гор и леса с духом моря

Ниже мы приводим легенду о нивхе, который стал добычливым в лесной охоте и богатым вследствие того, что женой его стала горная женщина-дух, которую ему дали в знак благодарности горные люди-духи за то, что он помог одолеть сивуча — их злого духа. Однако сказитель Шызыун из селения Чирунвд (чир-хунвнт — 'новая жизнь') рассказал нам в 1957 г. легенду совершенно в ином плане, желая ознакомить нас с преданием о единоборстве горных духов с морскими духами в образе медведя и сивуча. Шызыун предпослал этой легенде такое предисловие, записанное нами на нивхском языке:

«Еще до того как это случилось, о чем я тебе расскажу, нивхи по берегу моря ходили, тропу битвы видели, но ничего не понимали. На тропе битвы морские водоросли разбросанными видели, но ничего не понимали, еловые ветви разорванные и разбросанные видели, но ничего не понимали. Лишь после того как случилось то, о чем я тебе расскажу, нивхи, увидев тропу бит-

вы, узнают: гора [дух горы] победила 'ли', море [дух моря] победило 'ли'. Вот эта легенда.

Давным-давно, в древние времена, один нивх в лес пошел и заблудился. С тех пор до наших дней нивхи о единоборстве между горами [духами гор и лесов] и морем [духами моря] узнали. Это случилось так.

Один нивх в лес пошел. Охотясь, заблудился. Кружил по лесу. Где селение его находится, не знал. Вот бедствовать стал. Однако, зайца увидев, убил его, съел. Едва живой опять блуждать стал. Кружился, кружился по лесу. Вот уже смерть подходит. Тогда одного оленя увидел, убил его, ел. Возле оленя находясь, мясо его ел. Вот зима настала. Еда кончилась.

Тогда он сон увидел. Одного человека увидел. Этот человек ему сказал: „О бедный нивх! Ты почему в мое селение идти не хочешь? Я на тебя гляжу, тебя жалею“. Тогда наш товарищ⁴ спросил: „Где твое селение находится? Я не знаю“. Человек сказал: „В середине той горы мое селение. Завтра, как встанешь, поднимись в гору. До середины как дойдешь, там в горе просторное отверстие. Когда ты его увидишь, в отверстие войди. Войдя, жилища увидишь. Тридцать жилищ будет, тридцать амбаров будет. Когда пойдешь, то в самом конце одно только большое жилище будет. К нему иди. Я к тебе навстречу выйду. Ты меня, конечно, узнаешь“.

Наш товарищ проснулся. Никого нет. „Почему такой сон приснился? Возможно, какое-то счастье мне во сне явилось“. Так раздумывая, побрел. На эту гору стал подниматься. Прямо к середине горы шел. Снег глубокий. Измучившись, до середины горы поднялся. Там зияло большое отверстие. В него вошел.

Когда вошел, увидел: светло, трава зеленеет, селение прекраснейшее. Действительно, тридцать жилищ имеется, тридцать амбаров имеется. Действительно, в самом крайнем конце селения большое жилище имеется. К этому жилищу прямо пошел. Когда к жилищу подошел, из него человек вышел. Наш товарищ взглянул: приснившийся ему человек вышел. Вышедши, нашего товарища увидев, улыбнулся. „Ты пришел?“ — сказал он. Наш товарищ ответил: „Да, я пришел. По счастью, в нивхское селение пришел“. Хозяин селения сказал: „Вместе войдем!“ Нашего товарища ввел, прямо к почетной наре повел, посадил, еду приготовил, нашего товарища кормил, вместе с ним ел.

В том жилище старик один, старуха одна, четыре женщины были. Хозяин жилища жену имел, на задней наре находилась. Он к нашему товарищу обращался, разговаривал, смеялся. О чем же еще им было разговаривать, кроме, как о блужданиях нашего товарища, о том, что он память потерял.

Потом хозяин сказал: „Бедняга, устал, утомился, спать, верно, хочешь. Завтра-то ведь обратно не пойдешь! Весной лишь

⁴ Словосочетанием «наш товарищ» во всех фольклорных произведениях нивхов именуется герой повествования.

обратно вернешься! Еще долго мы друг против друга находясь, разговаривать сможем! Поэтому, товарищ, усни!" Наш товарищ уснул. Досыта спал. Встал.

Это селение ночи не ведало (не знало). Он вышел, посмотрел, удивившись, подумал: „О! Земля красивая! Снаружи ветер дует, снег падает, зима, а здесь-то что такое? В стороне нашего селения зима полная. Сюда же вошел — лето в полном разгаре". Покрутился, поглядел, вошел. Хозяин жилища спросил: „Ну как? Ты вышел, на мое селение поглядел? Плохое ли оно, красивое ли?" Наш товарищ спросил: „Твое селение зиму ведает (знает) ли?" Хозяин ответил: „Нет, зимы не знает. Дождя не знает. Вот такое это селение. Я — курц (горный дух, бог, человек)" ⁵.

Помолчав немного, он продолжал: „Я лишь этот год своих товарищей еще увижу. В будущем году разве их увижу? Пока я живу, я над своими товарищами начальник. Вот проживу, но скоро человеком не буду. Таков закон. Мы, горные люди-духи, временами злому духу дозволяем себя убить". Наш товарищ спросил: „Что же это за злой дух?" Тогда горный дух сказал: „Морской злой дух. Мы о вас 'голые люди', 'в нижней земле живущие люди' — так говорим. Морские люди, о вас разговаривая, 'людьми, живущими на сухой земле' — так называют. Морской дух (бог) — тоже человек. Но приходит такое время, и мы его злым духом считаем. У духов гор и духов моря, когда время подходит, есть закон — воевать. Если горный человек победит — морского человека убивает. Если морской человек победит — горного человека убивает. Таков закон. Раз закон таков, то что же поделаешь? Но когда бы мы ни воевали, мы, горные люди, слабыми оказываемся, никогда не побеждаем".

Наш товарищ подумал: „Одинаковый со мной человек! Такой могучий! Почему же страшится? Я, нижней земли человек, тоже могучим себя считаю. Поэтому своему другу помогу". Наш товарищ сказал: „Плохо! Когда пора придет, вместе с хозяином жилища пойду туда. Издали хотя бы посмотрю на [вашу] битву".

Они друг друга полюбили. Куда бы ни пошли, вместе ходили. Так долго жили. Однажды хозяин жилища сказал: „Теперь в стороне вашей земли весна наступает. С этого дня шесть дней пройдет, я пойду, воевать буду. Это день смерти будет" — так сказал.

Вот несколько дней пожил. „Товарищ, сегодняшний день — день моего спуска [с горы]. Давай вместе спустимся. Ты в свое селение иди, а я пойду сражаться. Обратно вряд ли вернусь".

Наш товарищ приготовился, свое оружие взял, вместе с горным человеком пошел. Сквозь отверстие, через которое он

⁵ Слово 'курц' нивхи переводят словом 'бог', но в легенде, рассказанной Шызынуном, этим словом именуется и «главный» дух гор, и «главный» дух моря. Так что это слово оказывается многозначным.

входил, вышли. Действительно, весна настала. Тогда горный человек нашему товарищу сказал: „Товарищ, я тебя на своей спине понесу“. Он шкуру медведя, [снятую чулком], поднял, влез в нее. Вот пребольшущим медведем стал. Никогда нивхи не видели в лесу медведя, равного этому. Удивительно большой. Тогда наш товарищ на его спину взобрался, сел. Медведь побежал, нашего товарища понес. К берегу моря когда спустились, наш товарищ, конечно, свою землю узнал. Медведь возле его селения остановился. Наш товарищ слез с него. Вдруг медведь затрясся. Наш товарищ в море посмотрел: большущий сивуч (јајн) к берегу плыл, кричал, шумел. В лесу лишь [его] звук кул-гул эхом отдавался. Медведь встал, идти даже не может. Тогда наш товарищ медведя спросил: „С этим ли ты будешь сражаться?“ Медведь головой только закивал: „Да, мол“ (а вымолвить не в силах). Тогда наш товарищ сказал: „Да это же сивуч! Мы его едим. Что я его бояться буду? Это нами убиваемый и съдаемый зверь. У нас, у нивхов, имеется закон — есть род сивучей“. Наш товарищ сказал: „Ты спокойно сиди, я вместо тебя сражаться буду“.

Свое копые взяв, спустился. Когда сивуч [к берегу] поднялся, на кремнистый песок выполз, наш товарищ подошел, своим копыем его кольнув, убил. Убив, [в гору] поднялся, сказал: „Такой, что ли, ваш злой дух? Мы-то его зверем считаем, его мясо едим. Такси это зверь“. Так сказав, спустился, сивуча разрезал, огонь зажег, сивуча мясо поджарил, своего медведя покормить хотел, но медведь отказался. Наш товарищ же ел, говорил: „Это хорошо, ешь! Всегда, когда вы сражаетесь, то победы не знаете. А я тебе скажу, что отныне вы тоже побеждать будете, несомненно, если убивающего вас злого духа есть будете“. Тогда медведь свою шкуру с себя стащил, вместе с нашим товарищем ел. Мясо, конечно, вкусное. Много ел. Горный человек нашему товарищу сказал: „Я тебя отблагодарить хочу. Давай вместе со мной в мое селение пойдем“. Наш товарищ сказал: „Зачем [ты меня благодаришь]? Я тебе благодарен. Вот я погибал и твоим счастьем жив остался. Теперь-то здесь я все знаю. Мое селение близко. А это хотя и твой злой дух, но мы его убиваем, потому я его и убил. Зачем же ты меня благодаришь?“ Хотя он так говорил, но его друг настоятельно хотел нашего товарища в свое селение увести. Тогда наш товарищ согласился вместе с ним пойти. Его друг [медвежью] шкуру поднял, в нее влез — опять медведем стал. Наш товарищ на его спину сел, пошли. Вот в середину горы вошли, в селение пришли, прямо к своему жилищу пошли. Наш товарищ слез. Его друг медвежью шкуру снял. Вместе в жилище вошли. Горные люди нашего товарища благодарили.

Его друг новости рассказывал: „А я-то полагал, что сильнее меня людей нет, но этот наш товарищ нашего злого духа злым духом даже не считает. Посмеиваясь, к нему спустился, воевал. Смеясь, оборонялся и скоро его убил. Его мясо ел. Меня кор-

мить хотел, но я отказался. Тогда насильно заставил меня есть. Я ел, мясо сладкое. Я ел его больше, чем любое другое мясо, и досыта наелся. Наш товарищ сказал, что если поест мясо своего злого духа, то горные люди и морские люди, когда сражаться будут, то один, то другой побеждать будут. Я поэтому ел⁶.

После этого наш товарищ несколько дней у них жил. Потом хозяин жилища сказал: „Товарищ, теперь я тебя обратно отправлю“. Наш товарищ обрадовался, по своему селению соскучился. После этого снаружи одну прекрасную женщину ввели, нашему товарищу ее дали. Это была сестра хозяина жилища. Тогда наш товарищ собрался, свое оружие взял, вместе со своей женой вышли. Обратно когда спускались, то его жена впереди шла, а он позади⁶. Так спускались. В свое селение пришли, жили. [С тех пор], хоть каким бы он ни был лесной зверь — и медведи, и олени, и лоси — самые разнообразные звери, и маленькие и большие, все сами приходили в его сени, а он их убивал. Вот так они богато жили».

Нам, жителям современных городов, трудно представить себе, чтобы человек не только был бы в состоянии так олицетворять животных, но и мог глубоко верить в это олицетворение, как верил в него Шыңцыун. Он ходил по помещению и с воодушевлением рассказывал мне о единоборстве духов гор и лесов и моря. Он делился со мной своей верой, своими сокровенными думами об одушевляемой им природе, будучи уверен в том, что я его пойму. В этом сказывались еще воспоминания обо мне старых нивхов, с которыми я длительно общался в 20-е годы.

В подтверждение истинности легенды о единоборстве духов гор и лесов и моря он рассказал мне еще следующее.

«Не очень давно вечером нивх один шел в селение Сакран⁷. Вдруг он увидел: одна черная нерпа разновидности пы, то ныряя, то показываясь, плыла прямо к берегу. В это же время с горы спускался прошлогодний медведь. Медведь к краю берега спустился, а нерпа к линии воды у берега подплыла. Нерпа громким голосом закричала. Прошлогодний медведь тоже громким голосом зарычал. Потом нерпа обратно в море поплыла, а медведь обратно в горы ушел. Нивх догадался: это были хин — послы от духов гор и леса и духов моря. Он понял, что между горами и морем будет битва. Тогда он спрятался, ждал, смотрел. Через некоторое время с моря большой сивуч (јајн) один с громким криком к берегу плыл. С гор же медведь один также с громким криком вниз спускался. Деревья все, траву всю сплошь валил, так спускался. Сивуч, большие волны поднимая, на волнах этих [вместе с волнами] к берегу плыл. Потом нивх их битву наблюдал.

Медведь стал сдавать. Тогда нивх вышел, помог медведю

⁶ Вероятно, в быту нивхов женщина должна идти позади мужчины, в связи с чем тут подчеркивается, что отношения были иные.

⁷ Находилось на побережье Татарского пролива, южнее селения Пиляво.

сивуча убить. За это медведь девять раз подряд нивху поклонился. Отсюда в гору поднимаясь, в левую сторону двадцать раз оглядываясь, на нивха смотрел. В правую сторону тридцать раз оглядываясь, на нивха смотрел. Потом поднялся в гору, скрылся.

Нивхи сивуча взяли, ели. Его голову аккуратно в море опустили. Трех собак в дар морю [духам моря] принесли. Различные инау настрогали. Каждый свое инау в море бросил. После этого в течение пятидесяти лет разных зверей, с гор приходящих, убивали, богато жили. Также со стороны моря нивхи и рыбу и зверя, которые будто бы сами себя притаскивали, убивали и ели⁸. Нивхи пятьдесят лет голода не знали. Юколы сушили мало, но она как бы сама вырастала, и они ее ели. Вот так они и жили.

С тех пор до этого времени нивхи битвы между морем и горами не видели. Однако совсем недавно мы такой битве нечаянно помешали.

Нивхи на мысу Моси (Мосинский мыс) сидели, нерпу подстерегали. В это время [нерпа] ('посол с моря') поднималась к берегу и [медведь] ('посол с гор') спускался. Они еще не успели на берег выйти, как нивх Поврјон, не видя горного посла, выстрелил в морского посла и убил его. Когда медведь с гор спустился, нивхи его увидели, к нему пошли. Но он между камнями скрылся. Куда исчез — не знаю. Когда они к местности Пајыркотан поднялись, то древнюю деревянную табуированную чашку с простреленным дном увидели. Старики сказывали, что это морской посол, которого Поврјон убил, в такую чашку превратился. Нас много тогда было: Урьям, и Тетутин, и Лиусан, и Каруин, и я, и еще другие нивхи в это время на мысу находились. Все видели, удивлялись. Так было», — закончил свое повествование Шызңуун.

Итак, случайного совпадения двух обстоятельств — нерпы, плывущей к берегу, и медведя, спускающегося с гор туда же, — было вполне достаточно, чтобы при анимистическом мировоззрении превратить эту случайность в источник грандиозного олицетворения жизни природы.

На Охотском побережье Сахалина мне пришлось слышать отголоски такой легенды.

Нивхинка Палгук слышала от стариков рассказ о том, что огромный сивуч как-то дополз до берлоги медведя и частью своей длинной шеи закрыл берлогу медведя. Шея у сивуча длинная и волбсатая (?). Медведь укусил сивуча за волосы, но сивуч извернулся, схватил медведя за затылок и загрыз его. Когда он полз обратно к морю, нивх заметил его и убил. Духи гор были благодарны нивху и за это позволили ему убить много медведей.

⁸ Предел фантазии древнего охотника об удаче состоял, видимо, в том, чтобы животные сами приходили к нему, предлагая себя убить.

От нивхов я слышал, что медведи нападают иногда на нерп, выползающих на берег, и загрызают их. Подобные случаи и послужили, по-видимому, основой создания этих легенд. Примечательно в легендах то, что человек выступает в них как существо, стоящее по отваге и мудрости выше духов гор и моря.

Для нас рассказанные легенды выглядят сказками, но для нивхов они таковыми не являются. Для того чтобы понять эти легенды, необходимо самому ощутить сущность анимистического мировоззрения и превратиться на время в анимиста.

Л. Л. Гуревич

**ОБ АРХИТЕКТУРЕ МУСУЛЬМАНСКИХ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ПЕНДЖИКЕНТА
(Таджикистан)**

На восточной окраине современного Пенджикента, в ограде кладбища Кабристони Калон (Большое кладбище), возвышаются три мазара¹ местных ишанов (духовных наставников мусульман), построенные в XIX — начале XX в. Это постройки айванного² типа из дерева и глины, прямоугольные, почти квадратные в плане, имеющие по три глухих стены и раскрытые в четвертую сторону широкими одноколонными порталами. Облик мазаров поражает цельностью и тектонической образностью. Все внимание зрителя концентрируется на колонне портала, несущей тяжесть деревянного бруса архитрава, балок и толстой глинобитной кровли, немного выступающей из плоскости портала П-образным навесом. Архаический облик трех мазаров воскрешает в памяти образы древних святилищ Эгейского Средиземноморья. Особенно поражает изображение мазар Ишони Хофиз, портал которого включает треугольник сквозного фронтона под двускатной кровлей. Как появилась такая форма в местной архитектурной традиции?

Для традиционной строительной техники монументальных сооружений Средней Азии характерны плоские кровли, и появление фронтонов в этой традиции невозможно³. Правда, двускатные кровли известны в легких постройках торговых помещений конца XIX — начала XX в., целые ряды которых можно видеть на дореволюционных фотографиях старого Самарканда. Скорее всего их форма была заимствована у русского населения Средней Азии во второй половине XIX в. Однако вряд ли такое новшество могло распространиться на строительство мусульманских мазаров. Возможно, двускатная кровля появилась на

¹ Мазар (здесь букв. «мавзолей») — слово арабского происхождения, означающее «место паломничества».

² Айван — помещение, раскрытое в одну сторону, в данном случае одноколонный портик в антах.

³ Исключение составляет сугубо местный вариант двускатного перекрытия жилищ локайцев в Южном Таджикистане, описанный В. Л. Ворониной [8, с. 138—141, рис. 1, 2].

Верхнем Зеравшане (регионе, в который входит Пенджикент) независимо от внешних влияний.

Судя по конфигурации территории кладбища, самым старым был небольшой участок, прилепившийся к дороге. Здесь построен мазар Ишони Хофиз, имеющий фронтон. Мазары Джаншейх Бобо и Хушофиз находятся на территории, занятой погребениями позже, на значительном удалении от дороги, там же расположен мазар Халифа Хасан — купольное сооружение из жженого кирпича, являющееся местом погребения праведника, жившего в XIX в. и прославившегося сооружением каналов в окрестностях Пенджикента. Этот мазар возведен в 1873 г. [1, с. 165].

Расположение трех айванных мазаров дает основание считать, что мазар Ишони Хофиз — самый старый среди трех дерево-сырцовых мазаров кладбища. Он единственный из них не сориентирован порталом в сторону Самарканда, признаваемую мусульманами Пенджикента как кыбла — направление к Мекке, принимаемое во время молитвы. Только в этом мазаре есть стационарное устройство для возжигания ритуального огня под глинобитным сводиком, что является свидетельством пережитков домусульманского культа. Эти особенности повышают интерес к вопросам времени возникновения и формообразования мазара⁴.

Мазар Ишони Хофиз считается могилой ишана Ходжа Хофиз Бобо (хофиз — чтец Корана), одного из родственников ишана Шерсавор (Оседлавший льва), жившего в горном кишлаке Рават, в верховьях Зеравшана. Местные жители считают, что мазару около 200 лет⁵. Мазар представляет собой квадратную в плане (650×650 см); раскрытую портиком на север постройку (рис. I, 1). Максимальная высота внутреннего пространства, перекрытого двускатной кровлей, — 240 см, минимальная — 165 см. Каркас стен состоит из ортогональной решетки перевязанных врубками брусьев прямоугольного сечения около 20×20 см, дополненной круглыми подкосами диаметром от 10 до 13 см, промежутки между которыми заполнены сырцовым кирпичом, комками глины и замазаны глиняным раствором. Кровля — из наклонных круглых балочек диаметром 10—13 см, на них прутья, рогожи и глиняно-земляное покрытие. Коньковое бревно диаметром 29 см в передней части отесано до бруса сечением 26×19 см, который лежит на архитраве портала, выступая торцом на 34 см из его лицевой плоскости. Это бревно подпирают три внутренних столба — круглый, вмазанный в заднюю

⁴ Сведения о времени постройки мазаров и о захоронениях были получены путем опроса местного населения, в котором принял участие филолог-иранист И. М. Стеблин-Каменский. Сотрудниками Пенджикентской археологической экспедиции — архитектором Н. П. Егоровой, студентами-архитекторами С. П. Гасюк и А. Е. Ильиным, студентами-историками И. Л. Кызласовым и В. Г. Шкодой — под руководством автора настоящей статьи в 1971 и 1972 гг. были произведены архитектурные обмеры трех мазаров, позволившие составить чертежи и описание памятников. (Пользуясь возможностью выразить признательность участникам работ за помощь в сборе материала.)

⁵ Судя по состоянию конструкций, возраст мазара преувеличен.

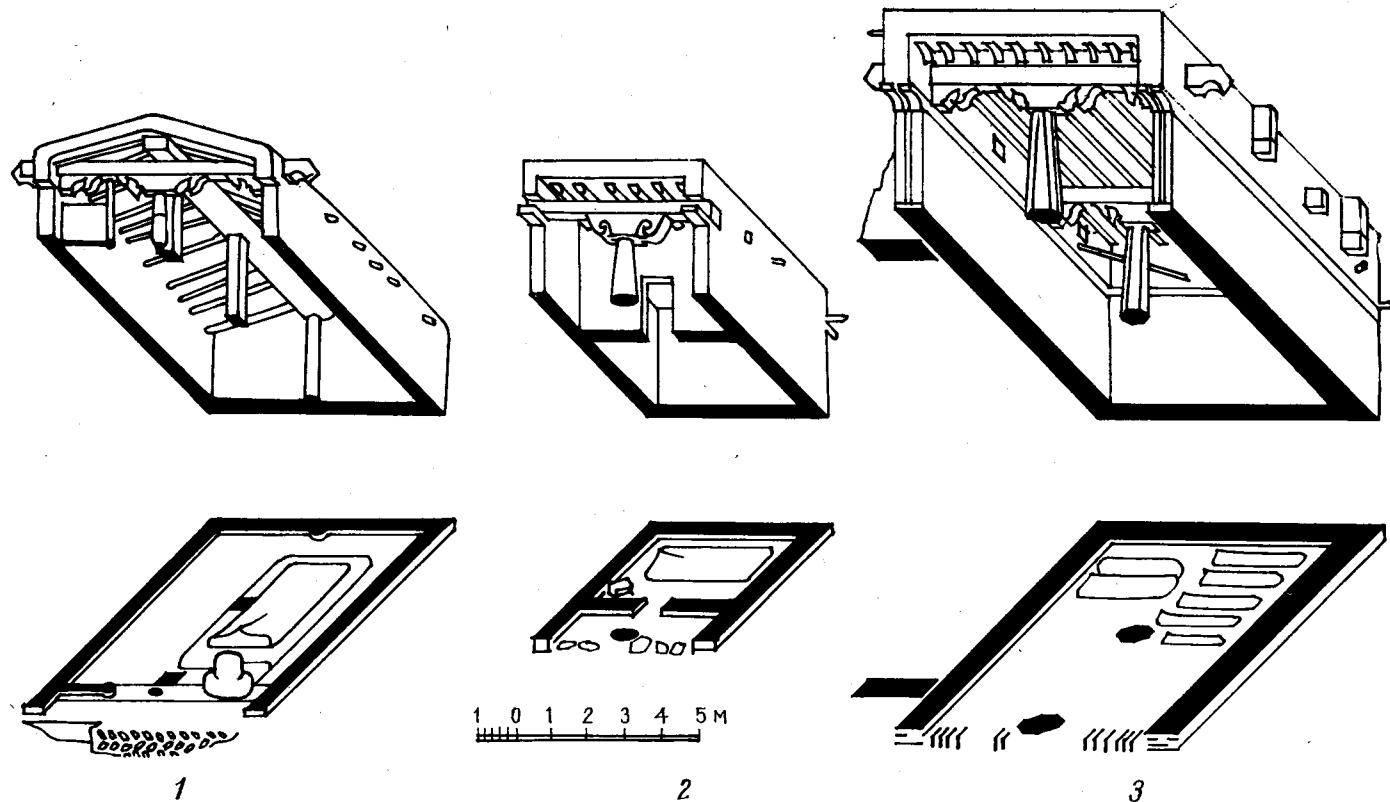

Рис. 1. Мазары кладбища Кабристони Калон в Пенджикенте. Аксонометрия
1 — мазар Ишони Хофиз; 2 — мазар Джаншейх Бобо; 3 — мазар Хушофиз

стену, восьмигранный в центре мазара и прямоугольного сечения, приставленный сзади вплотную к резной колонне портала.

Маленькая деревянная база колонны закреплена в пороговом бруске портала. Диаметр шейки основания ствола — 10 см, выше — резная полусфера деги (от слова дег — котел), переходящая в оконтуренные глубокой резьбой фигуры фестонов мадохил, сливающиеся вверх в сплошную поверхность слабо-выраженного конуса нижней трети колонны. Над нею узкий (5 см) поясок резных арочек, выше которых ствол восьмигранный. Диаметр деги и пояска арочек — 20 см, арочки и грани еле заметно нависают над конической частью ствола. Высота колонны от шейки основания до подбалки — 159 см. На ствол опирается резная подбалка формы яккамадохил сечением 20×20 см, длиной 175 см. Вместе с двумя подбалками-кронштейнами того же сечения и рисунка, укрепленными в боковых стенах, длиной по 83 см она несет брус архитрава сечением 20×20 см, который протыкает боковые стены с выносом резных торцов на 33—35 см за боковые стены. По данным А. К. Писарчик, форма подбалок, представленная здесь, была принята в постройках Самарканда лишь до 80-х годов XIX в. и является «довольно точным датирующим признаком» [19, с. 102].

Торцы боковых стен и фас цоколя, сложенного из крупной гальки, на 30 см выступают вперед из плоскости ордерной конструкции; торцы брусев верхней обвязки каркаса стен и покоящийся на них двускатный торец кровли выдвинуты еще на 10 см. Восточная сторона проема портала заслонена дерево-сырцовою перегородкой, подведенной под архитрав. Против открытой западной части цоколь расширен на 35 см.

Низкое сырцово-глинобитное надгробие расположено вдоль линии внутренних столбов и захватывает своим расширившимся при ремонтах восточным краем основания двух из них. Габариты надгробия в плане — 480×250 см, максимальная высота — 86 см. С севера от надгробия, под архитравом, расположено сырцово-глиняное круглое двухступенчатое устройство для ритуального огня и воскурений — чирагдон, или шамдон; топочная ниша его обращена к надгробию, с которым оно соединено низкой (11 см) платформочкой. Общая высота чирагдона — 57 см, диаметр ступеней — 67 и 39 см.

Мазар Джианшейх Бобо, или Бобо Охун (д), — могила ишана Ходжа Охун (д) Бобо (охунд — духовное звание, учитель) (рис. 1, 2). О времени его постройки не удалось узнать ничего определенного. Эта прямоугольная в плане (483×440 см) дерево-сырцовая постройка высотой 280 см имеет внутреннее помещение (414×313 см в плане) с надгробием (размеры $190 \times 97 \times 50$ см) и одноколонный портик-айван глубиной 140 см, обращенный на запад⁶. Плоское перекрытие из круглых балок диамет-

⁶ В отличие от мазара Ишони Хофиз здесь композиционная ось совпадает с функциональной, так как мусульмане совершают поклонение могиле, стоя спиной к кыбле — в данном случае к западу.

ром в среднем 13—15 см и настила из круглых жердей диаметром 5—7 см с обычным глинобитным покрытием опирается на верхнюю обвязку деревянного каркаса стен (сечение брусев в среднем 15×15 см) и на архитрав портика, выступая за него консолями балок на 26—30 см. Поперечное сечение архитрава — 20×20 см. Опираясь на боковые стены, он не выступает за внешние грани постройки. Высота ствола ограненной колонны — 187 см, диаметр — 30 см внизу, 24 см сверху. Над ней подбалка с рельефными рогообразными волутами, высота подбалки — 30 см, ширина — 133 см, глубина — 34 см. Она врезана в архитрав на 5—7 см. П-образный козырек над портиком, начинающийся от консолей брусев верхней обвязки каркаса стен, выходит за фасадную плоскость архитрава на 26—30 см (рис. 1, 2).

Из портика во внутреннее помещение ведет низкая дверь, расположенная на оси постройки, прямо напротив колонны. В северо-западном углу помещения устроен очажок из трех жженных кирпичей.

Мазар Хушофиз (Хуш Хофиз), или Бобо Хофиз, или Ходжа Шейх Бобо, построен, по рассказам старожилов, в 1911 г., в нем похоронены семь братьев Шейх Бобо, мюриды халифа Хасана. Из трех айванных мазаров он самый большой и капитальный (внешние размеры $850 \times 700 \times 385$ см), порталом ориентирован на запад (рис. 1, 3). Конструкция стен каркасная: двойная решетка из деревянных брусев сечением 15×15 см с промежуток 13 см, толщина стен — 46 см. Заполнение из жженого кирпича размером $23 \times 23 \times 4$ см, из такого же кирпича сложены цоколь и верхняя бескаркасная часть стен, в которую были уложены концы четырех прогонов сечением 28×28 см. Два из них — лицевой, образующий архитрав портала, и третий от фасада — опираются кроме стен на колонны в середине пролета; второй и четвертый не имеют промежуточных опор. Для разгрузки длинных пролетов эти прогоны были удлинены с каждой стороны на 30 см, и образовавшиеся консоли нагружены кирпичной кладкой, образующей прямоугольный выступ в кирпичной стене до самого верха. В дальнейшем пролетные части второго и четвертого прогонов были ликвидированы, от них остались только консоли.

Фасадная колонна восьмигранная, диаметром от 28 смверху до 40 см внизу, высотой 240 см. Над нею резная подбалка формы кушмадохил длиной 205 см, высотой 30 см, врезанная на 2 см в архитрав. Ей соответствуют два кронштейна той же формы высотой 27 см, выступающие из боковых стен. Архитрав проходит сквозь боковые стены и выступает фигурными консолями на 50—59 см за боковые стены. Конструкция внутренней колонны и прогона над ней аналогична, только вынос консолей составляет 30 см. По прогонам уложены балки прямоугольного поперечного сечения 25×17 см, выходящие на фасад резными консолями; промежутки между ними забраны деревянными щитками в одной плоскости с вертикальными (внешней и внут-

ренней) поверхностями архитрава. Следы подобных щитков и над третьим прогоном. По опросным сведениям, щитки были установлены лишь во время третьего ремонта мазара. Для укрепления двух задних углов стен в кирпичную кладку вставлены два горизонтальных бревна диаметром по 15 см и длиной по 2 м, по диагонали соединяющие стены мазара. Покрытие мазара состоит из круглых жердей (или прямоугольного сечения брусьев — над консолями балок по фасаду) и обычного глинобитно-земляного покрытия с бортиком из жженого кирпича по периметру высотой 30—35 см. Общая высота кирпичной кладки над каркасом стен — 120 см. На фасаде эта стена, выдвинутая вперед на 30—40 см, повисает на резных консолях верхнего пояса каркаса стен, образуя боковые стенки козырька над порталом. Фасад архитрава глубже этого козырька на 62 см. Покосившаяся северная стена подперта снаружи доходящим до основания кронштейнов контрфорсом из жженого кирпича.

Внутри мазара семь надгробий: два — в северной половине, пять — в южной.

При сопоставлении три мазара выглядят как последовательные фазы развития одного архитектурного типа — одноколонного портика с архитравом и козырьком над ним. Это развитие можно усмотреть в повышении четкости и сложности построения внутреннего пространства — от локатого пещерообразного в мазаре Ишони Хофиз к геометрически строгому в мазаре Хушофиз, в увеличении внутреннего пространства, в усложнении структуры, приводящем к противоречивости, выразившейся в расположении колонны портика и двери внутреннего помещения на одной оси, в мазаре Джаншейх Бобо. Двускатное перекрытие заменяется массивным плоским. Каркас стен упорядочивается. Изменяется соотношение главной колонны и архитрава. В наиболее архаичном мазаре Ишони Хофиз вершина фронтона и торец подконькового бруса фиксируют положение и значимость колонны, а наклон крыши подчеркивает размах архитрава. Вместе торец бруса, архитрав и колонна образуют крест, доминирующий в облике портала. В мазаре Хушофиз выделяется Т-образное сопряжение колонны и архитрава, подчеркнутое выносом козырька. В мазаре Джаншейх Бобо архитрав теряет значимость, а колонна, наоборот, ее приобретает благодаря массивности и пластичности. Козырек достигает максимального выноса.

Смена структурных состояний архитектурного типа, наблюдаемая в мазарах, прослеживается в виде более протяженных последовательностей в подробно изученных древних архитектурных традициях Средиземноморья. В обобщенном виде они представлены нами на рис. II, где пронумерованные вертикальные оси обозначают универсальные структурные состояния архитектурного типа, а помеченные буквами ряды — региональные архитектурные традиции. Располагаем ли мы достаточным материалом для составления среднеазиатской линии развития?

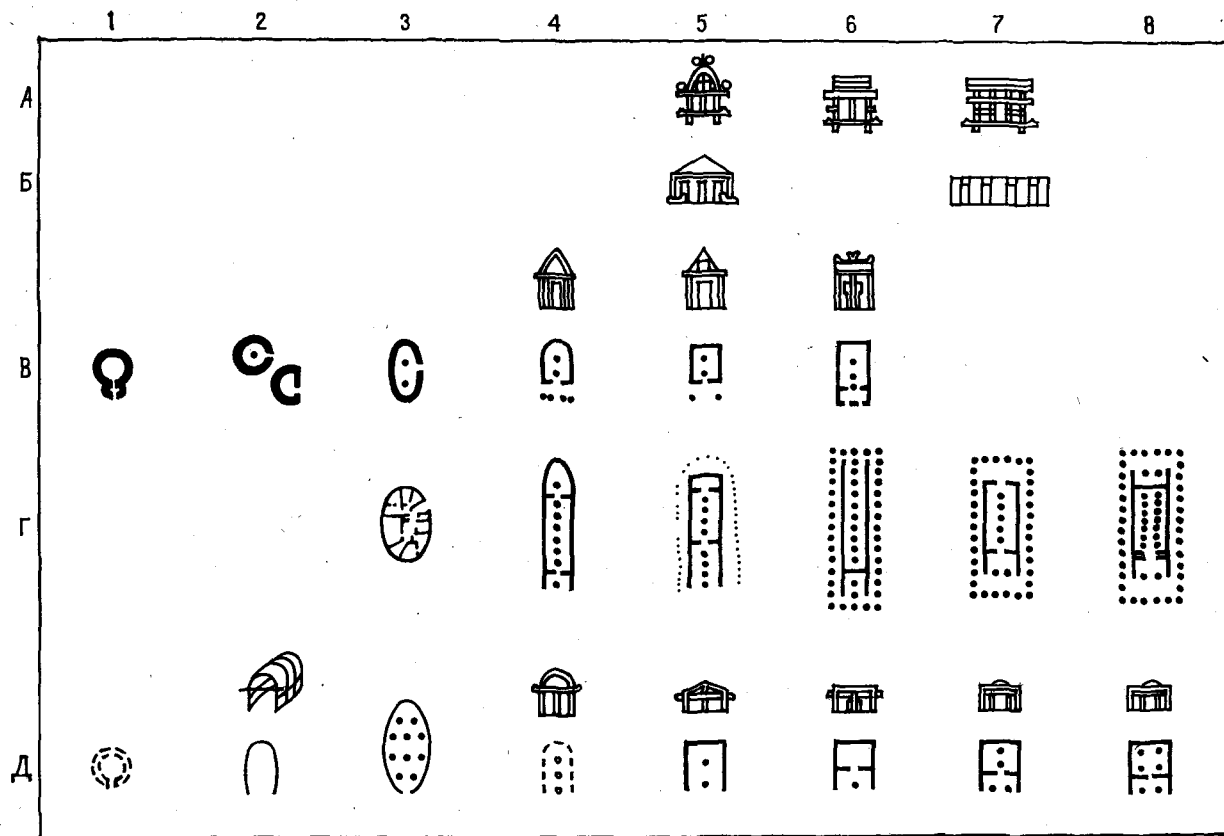

Рис. 11

Рис. II. Схема развития сооружений с портиками. Схемы памятников даны в произвольных масштабах.

А — скальные гробницы Ликии, VII—V вв. до н. э. (Малая Азия):

А5 — в Мире [4, рис. 45; 9, табл. 112—2];

А6 — в Пинаре [4, рис. 46, 1];

А7 — в Феллосе [4, рис. 44; 9, табл. 112—4].

Б — скальные гробницы Пафлагонии (Малая Азия):

Б5 — в Гамбаркайя, конец VIII в. до н. э. [9, табл. 111—1,2];

Б7 — в Ассаркейкайя [9, табл. 111—4].

В, Г — в архитектуре Эгейского мира и древней Греции.

В — простые (однокамерные с портиком) сооружения:

В1 — толоас с Мегазе (Крит), рубеж IV и III тысячелетий до н. э. [13, с. 167, рис. 4];

В2, 3 — жилища эпохи ранней бронзы [34, с. 23—40, табл. 36, 37, 39, 40];

В4 — Перахора, храм Геры Акрайи, вторая половина VIII в. до н. э. [15, с. 20, рис. 2];

В5 — Дрерос (Крит), храм VIII в. до н. э. [15, с. 26, рис. 6], Агрос, Герайон, храм, вторая половина VIII в. до н. э. [15, с. 20, рис. 2];

В6 — Приния, храм А, конец VIII в. до н. э. [15, с. 26, рис. 7].

Г — сложные (многокамерные) сооружения:

Г3 — Хаманици (Крит), овальный дом, рубеж III и II тысячелетий до н. э. [13, с. 168, рис. 3];

Г4 — Фермос, мегарон А, конец II — начало I тысячелетия до н. э. [15, с. 19, рис. 1];

Г5 — Фермос, мегарон Б, X в. до н. э. [15, с. 19, рис. 1];

Г6 — Фермос, храм Аполлона, VII в. до н. э. [15, с. 56, рис. 1];

Г7 — Локры, храм, конец VI в. до н. э. [15, с. 101, рис. 62];

Г8 — Посейдония, II храм Геры, V в. до н. э. [15, с. 169—173, рис. 36].

Д — в архитектуре Средней Азии:

Д1 — примитивные жилища каменного века;

Д2 — пастушеская хижина каппа, бытующая и в наше время;

Д3 — Заман-баба, жилище эпохи бронзы, первая половина II тысячелетия до н. э. [3, с. 86—87];

Д4 — гипотетическая форма апсидальной постройки (эпохи раннего железа?);

Д5 — Пенджикент, мазар Ишони Хофиз, XIX в.;

Д6 — Пенджикент, мазар Джаншейх Бобо, XX в.;

Д7 — один из типов современного припамирского жилого дома;

Д8 — наиболее распространенный тип современного припамирского жилого дома.

В архитектуре Средней Азии неизвестны другие, кроме мазара Ишони Хофиз, примеры фронтона с архитравом. Одноколонные айваны распространены ныне лишь в жилой застройке отдельных городов — Хивы⁷, Шахрисябза, Карши [7, с. 11, 52] — и в жилище памирских народов, сохраняющем некоторые черты доисламской архитектуры. Прежде они были распространены шире и входили в сооружения общественного назначения. Многие старые мазары верховьев Зеравшана являются одноколонными айванами [6, с. 216] или имеют одноколонный портал [16, с. 7, рис. 45, 46]. Свидетельством существования одноколонных портиков в раннем средневековье служат изображения портала монументального здания в живописи VI объекта древнего Пе-

⁷ В Хиве одноколонные айваны включены также в композицию дворцовых зданий и квартальных мечетей.

нджикента [24, табл. XIII и XV], одноколонных портиков на оссуариях, домашних очажках и заслонках из раннесредневекового Самарканда [20; 21; 23]. Айван с колонной на центральной оси был, видимо, и во дворце правителя раннесредневековой Бухары, построенном, по преданию, «наподобие созвездия Большой Медведицы, на семи каменных столбах» [17, с. 34]. Осевое положение колонны в проходных портиках и порталах противоречило их назначению, и с повышением функциональной значимости сооружений одноколонные портики вытеснялись портиками с четным числом опор. Подобная эволюция формы портика происходила в древнейшей и античной архитектуре Средиземноморья.

Наиболее ранние мегаронные постройки эгейского мира (рис. II, В5, В6, Г4, Г5) имели ряд столбов по длинной оси и одноколонный портик. Примером могут служить мегароны Элевсина [13, с. 163—167, рис. 1—3]. В сооружениях времени Большого дворца на Крите одноколонные портики оформляли важнейшие пространства парадных проходов и святилищ, например во дворце в Като Закро (XVII—XVI вв. до н. э.) [34, табл. 70, рис. 155], дворце в Фесте (XX—XVI вв. до н. э.), Кносском дворце (начало II тысячелетия — XV в. до н. э.) [13, с. 167, 186, рис. 12, 13, 18, 25]. То же можно заметить и в архитектуре материковой Греции, например во дворце в Пилосе (до XII в. до н. э.) [13, рис. 29] и мегаронах А (рис. II, Г4; конец II — начало I тысячелетия до н. э.) и В в Фермосе (рис. II, Г5; X в. до н. э.) [15, с. 19, рис. I]. В дальнейшем одноколонный портик стал противоречить осевому положению входа. Это видно на примере храма А в Принии (рис. II, В6) (конец VII в. до н. э.) [15, с. 26—27, рис. 7], по пространственной структуре аналогичного мазару Джияншейх Бобо. В середине I тысячелетия до н. э. одноколонные портики с нечетным числом колонн единичны. К ним относятся I храм Геры в Посейдонии (540 г. до н. э.), храм А в Локрах (VI в. до н. э.), храм в Помпеях [15, с. 100—105, рис. 59, 62], сооруженные на периферии расселения греков, где новшества усваивались позднее, чем в метрополии, и два апсидальных здания булеутерия в Олимпии (VI в. до н. э.), архаичная форма которых сохранялась, по-видимому, как реликвия [15, с. 154, рис. 19].

Аналоги айванных построек представляют собой и скальные гробницы Фригии, Пафлагонии и Ликии, воспроизводящие, судя по деталям, форму дерево-сырцовых построек. На их примере можно проследить развитие не только плана, но и конструкции портика. На ранних этапах осевой пилон портика, архитрав и импост, несущий конек кровли, образуют крест, вписанный в раму фронтона и антов. Переход к плоскому перекрытию предшествует переходу к четному числу опор. Это хорошо видно при сопоставлении гробниц в Мире и в Пинаре (рис. II, А5 и А6) [4, с. 252, рис. 43—46; 9, с. 137, 139, табл. 110—112].

Высокая степень изученности архитектуры эгейского мира

позволяет последовательно рассмотреть и ранние этапы эволюции портиковых построек на богатом археологическом материале. Исследование С. Синоса [34] дает возможность проследить происхождение мегарона с четырехстолпным залом и двухколонным портиком от мегарона с рядом столбов на длинной оси и одноколонным портиком. Последний происходит от апсидной постройки, состоящей из двух-трех помещений с рядом столбов на длинной оси и одноколонным портиком, апсидная постройка — от овальной с рядом столбов или без них, овальная — от круглой. Портал появляется на фасаде как обнаженный срез куполообразного или двускатного перекрытия овального здания. Для укрепления этого конструктивно ослабленного среза ставится горизонтальный поперечный брус, соединяющий стены у основания перекрытия и центральный столб. Чем крупнее постройка, чем шире проем портика, тем массивнее должен быть брус — прототип архитрава. Ему придавали особенное, магическое значение, называя тем же словом, что и храм. „Templum“ означает и здание, посвященное богу, и брус, поперечно положенный в здании» [2, с. 283]. Появившийся на фасаде столб, поперечный брус и фронтоны принимают на себя повышенную смысловую нагрузку, так как первые представляют входящему постройку. Видимо, значимость композиции портала и предопределила формирование ордера, увязавшего в единую систему элементы тектонического, пластического и символического осмысления стоечно-балочной конструкции.

Процесс последовательного перехода от круглых построек к развитым портиковым не был единым в пространстве и времени. По Синосу, он доходит до развитых форм мегарона уже в неолите [34, с. 3—22, табл. 1, 4, 12, 15, 16, 19, 21, 22], но в эпоху ранней бронзы снова начинают с овальных и апсидных форм [34, с. 23—40, табл. 36, 37, 39, 40]. Овальные формы создаются одновременно с Большим Кносским дворцом с его развитыми прямоугольными формами [34, с. 41—72, табл. 41, 43]. В Лерне апсидные постройки средней бронзы перекрывают остатки монументальных прямоугольных зданий эпохи ранней бронзы [34, табл. 35], однако в других памятниках эпохи средней бронзы происходит сложение регулярных прямоугольных форм [34, табл. 77, 81, 86]. В период правления микенских царей можно видеть переход от одноколонных портиков мегаронов [34, табл. 89, 91, 99] к двухколонным [34, табл. 92, 98, 101], но существуют и апсидные постройки [34, табл. 87, 88]. В так называемый геометрический период вновь прослеживается эволюция от овальных форм до мегарона с двухколонным портиком [30, с. 123, 133; 34, табл. 108, 109, 111, 112]. В VI в. до н. э. в Элладе уже перешли к портикам с четным числом опор, а в южно-итальянских колониях возводили капитальные, в дорическом ордере храмы с колонной на оси входа.

На универсальность этапов смены форм построек указал Генрих Дреруп [30, с. 128—133, табл. VI а—с]. Число примеров

можно увеличить за счет других архитектурных традиций. Древнейшие египетские постройки — овалы и апсиды [28, с. 40—42, рис. 2, 3]. В архитектуре древней Армении также можно проследить эволюцию форм сооружения от круглой и овальной [18, с. 253, рис. 1] к апсидной [18, с. 266, рис. 28]. Любопытно, что форма и даже размер помещения и стен апсидных построек — древнегреческого храма Геры Акрайи в Перакхоре (IX в. до н. э.) [30, рис. 24] и древнеиндийской чайты в Брахмагири (III в. до н. э.) [14, с. 404, рис. 28] — в точности совпадают: архитектурная логика развития пространственных форм универсальна. Эта универсальность делает логичным предположение, что среднеазиатским сооружениям с одноколонным портиком должны были предшествовать овалы и апсиды постройки.

В традиционном быту современного населения горных районов Средней Азии, в том числе и у таджиков верховьев Зеравшана, до сих пор широко распространена овальная пастушеская хижина каппа. Составляя вместе с тюркскими и монгольскими юртами один класс легких переносных построек, она существенно отличается от них конструкцией. Древняя монгольская юрта и все ее производные сохраняют форму перекрытия конического шалаша [10, с. 88—92]. Юрта древних тюрков, как и все виды тюркских юрт, сохраняет форму перекрытия сферического шалаша [12, с. 22—23]. Каппа всегда овальной формы, с входом на длинной оси. Как и в карлукской (тюркской) юрте, ее каркас образуется пересечением деревянных дуг и не имеет дверной коробки. Но если полусфера карлукской юрты образована вертикальными арками, поставленными в двух взаимно перпендикулярных направлениях, то удлиненная форма каппа всегда образована параллельными вертикальными арками, пересекаемыми параллельными горизонтальными дугами [12, с. 21]. Своеобразие конструкции и преимущественное распространение у таджикского населения дали основание Б. Х. Кармышевой для предположения о том, что каппа сохранила форму жилищ древних ираноязычных кочевников [12, с. 22].

Овальные жилища каркасной конструкции, открытые раскопками в Средней Азии, относятся к эпохам камня, бронзы и раннего железа. Уже в неолите Приаралья это крупные постройки с промежуточными опорами перекрытия [27, с. 68]. Жилище эпохи бронзы (первая половина II тысячелетия до н. э.) в низовьях Зеравшана, площадью около 170 кв. м, со многими очагами внутри, имело несколько рядов внутренних опор, двойной каркас ограждения, покрытый тростником и обмазанный глиной, вход находился на длинной оси овала (рис. II, ДЗ) [3, с. 86—87]. Среди жилищ чустской культуры эпохи бронзы в Фергане есть и овальные полуземлянки [26, с. 44]. Круглые и овальные каркасные постройки эпохи раннего железа (VII—VI вв. до н. э.) в левобережном Хорезме, площадью примерно до 100 кв. м, также заглубленные, имели деревянный каркас —

либо двойной (плетень?), либо похожий на частокол [5, с. 531—532]. Эти древние формы связаны с каппа генетически, как ближайшие звенья одной цепи, но неясно, какие из них старше. Возможно, от неуклюжего овального дома начались две линии развития архитектурных форм: линия создания облегченных построек привела к каппа, линия усложнения стационарного жилища — к прямоугольным формам. Но возможно и другое: если в соответствии с предположением Б. Х. Кармышевой каппа была жилищем пришельцев-кочевников, то стационарные крупные овальные жилища создали их преемники, сохраняя каппа как переносное сооружение в дополнение к стационарному. Этот более вероятный вариант эволюции представлен на рис. II как переход между позициями Д2 и Д3. Но и в этом случае сама каппа, видимо, пришла на смену круглым и овальным примитивным жилищам.

Сохранился след первого структурного усложнения каппа в процессе перехода к более капитальным формам. Это горизонтальный шест, укрепляемый поперек входа для подвески потолка. Он усиливает конструкцию арочного проема и в этой функции близок к архитраву архаических сооружений с одноколонным портиком.

Между древними овальными постройками с неупорядоченной системой внутренних опор и двускатными строениями с одноколонными портиками (типа мазара Ишони Хофиз) неизвестно лишь одно промежуточное звено — апсидальная постройка под покатой (двускатной) кровлей (рис. II, Д 4), по структуре аналогичная мегарону А в Фермосе (рис. II, Г 4). Таковой в Средней Азии не обнаружено, но она должна была быть создана преемниками строителей овальных жилищ и, возможно, еще будет открыта археологами.

Косвенным свидетельством наличия такого архитектурного типа в среднеазиатской традиции могут служить изображения арочного одноколонного портала в раннесредневековой живописи и на вещах.

В стенной росписи Пенджикента (объект VI, пом. 13) изображено сырцово-пахсовое здание, в нем два арочных проема — входа на первом и айвана на втором этаже [24, табл. XIII, XV]. Полуциркулярные части обоих проемов забраны декоративными щитами, прямоугольные — окомтурены деревянными рамами. Рама айвана разделена на две половины колонной с базой и подбалкой, нижняя часть проемов закрыта деревянной решеткой. От основания архивольта входного портала отходят во внешнюю сторону два завитка. Ворота города в росписи «пещеры с камином» в Кызыле (Восточный Туркестан) имеют одноколонный проем с колонной посередине подпирающей архивольт [31, табл. 53]. Одноколонный портал, часто изображавшийся на согдийских оссуариях, нередко представлен в виде арочного проема, полукруглая часть которого орнаментально оформляется [20, с. 13, рис. 9]. Форма портала может быть

объяснена спецификой устройства арочных проемов в массивных сырцово-пахсовых стенах, с деревянной дверной коробкой и полукруглым щитом заполнения арки. Однако не находит объяснения одна устойчивая деталь — завитки, отходящие от основания архитрава.

В изображении здания на блюде из Берлинского музея завитки арочного одноколонного портала похожи на листья между двумя побегами [32, с. 75—85], отделяющиеся от основания архивольта. На одном из оссуариев VI—VII вв. от центрального архивольта аркады, изображенной на лицевой стенке, также отходят два волютообразных завитка [23, рис. 22—1]. В данном случае горизонтального бруса в основании арки нет, однако четко различаются фактуры архивольта, завитка и вертикального обрамления проема. Аналогичные завитки можно видеть на изображении замка в другой пенджикентской росписи, но только здесь они начинаются вертикальными полосами, примыкающими к пятam архивольта над деревянной рамой портала.

Описанные выше завитки отходят от арочного контура портала в месте его пересечения верхним горизонтальным брусом прямоугольной рамы (аналогичным архитраву в ордерной системе) и выглядят как декоративно обработанные консоли этого бруса. Возможно, оформление порталов монументальных сырцово-пахсовых зданий первоначально воспроизводило деревянную конструкцию фасада каркасных апсидальных построек, подобно тому как в классической архитектуре древней Греции формы каменного ордера повторяли деревянный прототип. Поэтому образец был забыт, а направление и форма консолей искажены.

Воспроизведение фигурных консолей деревянных прогонов известно в каменной архитектуре древней Индии (волюты на консолях ворот-торана ступы в Санчи I в. до н. э. — I в. н. э.) [14, с. 401, рис. 24—25] и Средиземноморья. В скальных гробницах в Мирае второй трети I тысячелетия до н. э. (Ликия) воспроизводятся деревянные постройки, где места пересечения архитрава с контуром портала оформлены цилиндрами (торцы бревен?), очень психожими на волютообразный завиток консоли (рис. II, A5).

О значении, придаваемом одноколонному portalу в ранне-средневековом Согде, можно судить по его изображениям на оссуариях, домашних очажках и заслонках из Самарканда. На некоторых оссуариях в середине лицевой стенки изображен одноколонный портал, прямоугольный или с декоративным полукругом над проемом. Он помещался или на фоне аркады на колоннах, или между двумя орнаментальными кругами, похожими на колеса с восемью спицами (символы светил?), обрамленными двойными изогнутыми листьями [23, с. 77—79, 84—86, рис. 21-1, 22-1, 27-2].

Портик с одной колонной, похожей на дерево, и двумя восьмилепестковыми розетками, помещенными в проемах слева и

справа от колонны, изображен на терракотовой заслонке [23, с. 86, рис. 27-1]. Одноколонный портал или одна колонна нередко изображались в середине внутренней поверхности цилиндров терракотовых домашних очажков Афрасиаба, бытование которых относят к IX—XII вв. [21, с. 228—231]. На двухъярусном очажке из раскопок 1966 г. верхний цилиндр несет изображение одноколонного портала, с каждой стороны от него композиция с деревом в круге из перлов и две пятилопастные арки. В центре нижнего цилиндра прямоугольная панель, разбитая пополам вертикальной линией перлов, по бокам панели две колонны, слева и справа от них в прямоугольных рамках композиции из креста в круге перлов [21, с. 212—214, рис. 2]. В других очажках, с одной или двумя колонками в середине, боковые части цилиндра занимают симметричные изображения орнаментированных кругов, двух пар павлинов, кувшинообразных фигур с птичьими головками, похожих на завязь граната [21, с. 221, рис. 1]. Во всех описанных примерах колонки выполнены высоким рельефом, почти круглые и вынесены перед поверхностью цилиндра. Не означает ли это, что цилиндрическая топка очажков изображает помещение с колонной, расположенной напротив входа, или с двумя колонками в центре? При этом вход может быть или изображен в глубине, или обозначен проемом между лицевыми стенками очажка. Такое предположение перекликается с выводом Л. И. Ремпеля об изображении «дома огня» на лицевых плоскостях очажков [22, с. 27—30; 23, с. 126]. Если создатели очажков стремились изобразить некое помещение, они могли пытаться сделать это и на плоскости и в объеме.

Обращает на себя внимание единство композиционной схемы лицевой стенки оссуариев и развертки цилиндров очажков: в центре одноколонный портал, одна или две колонки, по бокам две симметричные фигуры. Это можно было бы считать проявлением композиционного автоматизма, если бы вещи не обладали столь разной геометрией. Композиция нижней части здания на блюде из Берлинского музея очень близка к той же схеме: по сторонам от одноколонного портала два дерева, около каждого из них две фигуры, похожие на бутон или на завязь плода [32, с. 78—83, табл. 237]. Здесь композиционная иерархия на порядок выше, но во главе ее, как и в других примерах, колонна портала. На оссуариях, которые хронологически предшествуют очажкам, изображался лишь одноколонный портал. Возможно, идеальное представление о пространстве, изображаемом на рассматриваемых предметах, в доарабское время связывалось с одной центральной колонной и лишь между IX и XII вв. стало ассоциироваться с двухколонным портиком или внутренним помещением.

Композиция с порталом или колонной (колоннами) на оси включает элементы, символизирующие светила и огонь: колеса или розетки, фигуры павлинов или павлиньи крылья. Отмечая сходство облика колонок на очажках с деревом, Г. В. Григорьев

предлагал видеть в очажках изображение райского сада — фирдауса, а в симметрично повторяющихся фигурах — символы четырех стихий [11, с. 136—138]. Центральная колонна, похожая на дерево, могла обозначать на терракотах и в постройках вертикальную мировую ось. Соответствия такой трактовке одноколонного портика прослеживаются в остатках культовых сооружений с одноколонными порталами в верховьях Зеравшана, датированных IX—XI вв. [6, с. 219], т. е. современных очажкам. Резные кронштейны на стволах колонн из Курута и Урметана [6, с. 212, 214, табл. 12, 15] трактованы как побеги на стволе дерева, подобно изображениям колонны — дерева на очажках [23, с. 176, рис. 77-1]. Резные капитель и подбалки колонны из Оббурдона, по местному преданию перенесенные из языческого здания, покрыты стилизованными изображениями змей, рыб, птиц, драконов и, возможно, быков [6, с. 210—211, 216, табл. 10, 11], капитель колонны из Курута — изображениями рыб и, возможно, птичьих головок [6, с. 212, табл. 13]. На импосте, капители и стволе колонны из Урметана изображения головы петуха, совы и рыбы переплетаются с растительным орнаментом [6, с. 213—214, табл. 15, 16]. Изображения существ на колонне соответствуют четырем стихиям — огню, воде, земле и воздуху, а на подбалках, возможно, и четырем странам света. Образ вертикальной оси, соединяющей ярусы стихий в единое целое, получивший в литературе название древа жизни, нашел отражение в декоре очажков. На их лицевых плоскостях встречается изображение растения с диском (символом светила?) на вершине, с симметричными ветвями, прорастающими в виде птиц и рога-тых животных (коров?), над которыми парят два симметричных сенмурва, т. е. собакоптицы [21, с. 211, рис. 1].

Глиняные рельефы, сохранившиеся, как и резное дерево, в мазаре Мавлоно Мухаммед Али в Сангистане от утраченной постройки, включали орнаментальные круги со свастиками [16, с. 8, рис. 59], в сочетании с центральной колонной составлявшие композицию, подобную разверткам стенок оссуариев и цилиндрических поверхностей очажков. Одноколонный портик с изображением пары розеток на задней стене до сих пор бытует в жилище памирцев.

Видимо, значение одноколонного портика в культуре ранне-средневекового Согда было связано с космогонической образностью сакрализованных пространств: пространства портала обиталища умершего, изображаемого оссуарием; пространства цилиндрической топки домашнего очажка с центральной колонкой или парой колонок; внутреннего пространства культового сооружения с центральной колонной, означающей мировую ось.

Зооморфная символика деревянного ордера, позволяющая видеть в сооружениях верховьев Зеравшана космогонические композиции, языческая по своей сути, дошла до нас лишь в памятниках периода господства ислама. Однако архитектурный образ сложился гораздо раньше — он отражен и в мазденстских

оссуариях, и в доисламской живописи. На формирование центральной древообразной колонны, возможно, оказали влияние два мировых дерева, составляющие основу манихейской космогонии, известной в Средней Азии и Восточном Туркестане уже в первые века распространения учения. Один из фрагментов манихейских текстов из Турфана, датируемых V—VII вв., воспринимается как описание изображений на самаркандских терракотах:

Светлое солнце и полная сияющая луна
Светят и сияют из-за ствола того дерева,
Утренние птицы там радостно напевают,
Поют голубь, павлин разно[цветный]...

[33; цит. по 18а, с. 191].

Вернемся к пенджикентским мазарам. Видимо, их строителям была неизвестна архаическая символика мирового дерева и одноколонного портика. Древние образы неисчерпаемого сосуда, запечатленного в форме основания деги колонны одного мазара, и барана, обозначенного волютообразными рогами подбалки другого мазара, вероятно, воспринимались ими как эстетическая норма архитектуры, окружающей их в повседневном быту (баран, правда, мог служить знаком клановой принадлежности усопшего).

Первый из айванных мазаров — Ишони Хофиз — был скорее всего поспешно возведен над могилой близ дороги. Конкретные обстоятельства строительной ситуации — нехватка качественных материалов и отсутствие высококвалифицированных строителей — вызвали снижение структурного уровня, произвольный возврат к давно пройденному этапу эволюции архитектурного типа. Руководствуясь здравым смыслом, соорудили скатную кровлю, так как постоянного ухода за мазаром не предполагалось, а плоская кровля его требует. Пришлось укрепить двускатный портал мощным горизонтальным брусом, его консоли потребовали минимума декоративного оформления — вот и сложился архаичный облик постройки. Колонна портала, выполненная в обычном для того времени стиле деревянного ордера, явно не соответствовала тектонической мощи лапидарного фасада.

При более капитальном строительстве мазара Хушофиз был учтен опыт предыдущего. Возвели надежную плоскую, с кирпичным бортиком кровлю, появился ряд балок, выраженных на фасаде формами, аналогичными триглифам и метопам, и толстая, сужающаяся вверх колонна, зрительно уравновешивающая тяжесть архитрава, балок и козырька кровли. В мазаре Джианшейх Бобо была усилена не только колонна, но и подбалка, а объемная схема усложнена созданием внутреннего помещения усыпальницы. Уравновешенная тектоника усилила воздействие пространственной композиции. Разделенные гармонично развитыми колонной и подбалкой, два проема айвана, как два глаза, пристально смотрят на мир, но для зрителя внутреннее прост-

ранство скрыто, а вход загорожен колонной. Облик мазара впечатляет ясно выраженной метафорой загадки.

За короткий срок на трех мазарах была «проиграна» эволюция архитектурного типа, совершавшаяся некогда в течение веков. С постройкой первого мазара включился универсальный механизм формообразования, с неизбежностью обязывающий в каждом новом сооружении реализовать максимум структурных возможностей, заложенных в данном архитектурном типе. Если бы на кладбище Кабристони Калон пришлось построить еще один айванный мазар, его возвели бы с двухколонным портиком и помещением усыпальницы с внутренними опорами.

Литература

1. *Арандаренко (Арендаренко) Г. А.* Досуги в Туркестане. 1874—1889. СПб., 1889.
2. *Архитектура античного мира. Материалы и документы по истории архитектуры.* М., 1940.
3. *Аскаров А.* Поселение Заман-баба.— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 93. М., 1963.
4. *Брайцева О. И.* Архитектура Фригии, Лидии, Пафлагонии, Ликии и Кари.— Всеобщая история архитектуры (ВИА). Т. 1. М., 1970.
5. *Вайнберг Б. И.* Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме.— Археологические открытия 1971 г. М., 1972.
6. *Воронина В. Л.* Резное дерево Зеравшанской долины.— Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции. Т. 1. М.—Л., 1950 (Материалы и исследования по археологии, № 15).
7. *Воронина В. Л.* Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.
8. *Воронина В. Л.* Заметки о народной архитектуре Южного Таджикистана.— Советская этнография (СЭ). М., 1957, № 1.
9. Всеобщая история архитектуры. Т. 1. Архитектура древнего мира. М., 1944.
10. *Гафферберг Э. Г.* Хазарейская юрта ханаи хырга (к вопросу об истории кочевого жилища).— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР. XIV. Л., 1953.
11. *Григорьев Г. В.* Тус-тупи.— Искусство. М., 1937, № 1.
12. *Кармышева Б. Х.* Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана.— Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Вып. 10—11. Сталинабад, 1956.
13. *Кауфман С. А.* Архитектура Эгейского (Крито-Микенского) мира.— ВИА. Т. 1.
14. *Короцкая А. А.* Архитектура Индии.— ВИА. Т. 1.
15. *Маркузон В. Ф.* Архитектура древней Греции.— ВИА. Т. 2. М., 1973.
16. *Мухтаров А.* Резьба по дереву в долине Зарафшана (Альбом средневековых орнаментов). М., 1966.
17. *Наршахи М.* История Бухары. Таш., 1897.
18. *Оганисян К. Л.* Архитектура Урарту.— ВИА. Т. 1.
- 18а. *Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960.
19. *Писарчик А. К.* Народная архитектура Самарканда XIX—XX вв. Душ., 1974.
20. *Пугаченкова Г. А.* Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах.— Труды Института истории и археологии АН УзССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Т. 2. Таш., 1950.
21. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Самаркандские очажки.— Из истории искусства великого города. Таш., 1972.
22. *Ремпель Л. И.* Изображение «дома огня» на двух терракотовых плитках

- с Афрасиаба.— Доклады Академии наук Таджикской ССР. Вып. 9. Сталинабад, 1953.
23. *Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Таш., 1961.
 24. Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959.
 25. *Смирнова О. И.* Археологические разведки в бассейне Зарафшана в 1947 г.— Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции. Т. 1.
 26. *Спришевский В. И.* Чустское поселение эпохи бронзы.— СЭ. 1954, № 4.
 27. *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
 28. *Флиттнер Н. Д., Ходжаш С. И.* Архитектура додинастического периода (V—IV тысячелетий до н. э.).— ВИА, Т. 1.
 29. *Якубовский А. Ю.* Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг.— Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции. Т. 1.
 30. *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. Gottingen, 1969.
 31. *Le Coq A.* Bilderatlas sur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasien. B., 1925.
 32. *Pope A. U.* Sasanian Garden Palace.— Art bulletin. N. Y., 1933, vol. 15, № 1.
 33. *Salemann C.* Manichaeische studien. I Die mittelpersischen texte.— Записки Имп. Академии наук. VIII serie. По историко-филологическому отделению. СПб., 1908, т. 8, № 10.
 34. *Sinos S.* Die vorklassischen hausformen in der Agäis. Mainz am Rhein, 1971.

О. И. Смирнова

ДВУГОРБЫЙ ВЕРБЛЮД НА СОГДИЙСКИХ МОНЕТАХ¹

Бронзовые согдийские монеты, в том числе и тюрко-согдийские, постепенно накопившиеся в руках исследователей, обращают на себя внимание разнообразием типовых сюжетов и элементов, которые с трудом поддаются интерпретации. Предназначенная для торговых нужд местного рынка бронзовая монета оказывается вместе с тем как бы представителем своего города, его лицом и получает соответствующее оформление. В качестве новых местных монетных типов избираются преимущественно головы городских божеств — покровителей городских общин, их милостивых, реже — грозных охранителей (ср. скр. *šapta* и *krodha*), или изображения священных животных, всегда агрессивных и гневных, очевидно, как и городские божества, выступавших в роли своеобразных городских оберегов — грозных охранителей города, его стражей.

Как те, так и другие изображения занимают лицевую сторону монет и воспроизводят преимущественно главных городских кумиров, фигуры которых находились в городских храмах или стояли на площадях. Об этом убедительно свидетельствуют параллели, обнаруживаемые среди среднеазиатских терракотовых статуэток, других археологических, а также письменных источников.

Изображения разъяренных животных скорее всего воспроизвели городскую эмблему, своеобразный герб города, принятый общиной в качестве монетного типа. В пользу последнего предположения свидетельствуют повторные возвращения к одним и тем же животным в нумизматике среднеазиатских городов раннего средневековья. Главными животными, прочно занявшими в согдийской нумизматике свое место, наиболее, так

¹ При подготовке этой статьи к печати, осуществлявшейся уже после смерти О. И. Смирновой, не могли быть использованы — по не зависящим от автора причинам — иллюстрации, приложенные к тексту. Вместо них в текст введены сноски на издания, в которых воспроизведены аналогичные монеты; эти работы в списке литературы взяты в угловые скобки. Несколько страниц публикуемой статьи были включены О. И. Смирновой в ее работу «Сводный каталог согдийских монет. Бронза» (М., 1981, с. 28—30). Редакторы сборника благодарны доктору исторических наук Е. В. Зеймалю за помощь при подготовке статьи к печати. — *Примеч. ред.*

сказать, популярными, оказались лев (в разных трактовках), двугорбый верблюд, гневно ржущий конь и готовый к схватке олень, изображения которых наносились не только на монеты (становясь при этом самостоятельным их типом), но и на щиты знати в качестве геральдических символов, а также использовались как печати (в том числе частные и городские штампы).

Монеты с изображением двугорбого верблюда в согдийской нумизматике занимают особое место, являясь разновременными представителями двух ее основных нумизматических регионов — восточного и западного, в основном последнего, т. е. Бухарского оазиса, точнее, западной его части, ныне почти безжизненной пустыни, в середине которой сохранились остатки единственного города этого района — Варахши и древнейшего дворца правителей оазиса.

Согдийские монеты, лицевую сторону которых составляет изображение двугорбого верблюда, представлены двумя основными группами. Различные типы монет обеих групп отличаются оборотными сторонами (реверсами). На реверсах монет поздней группы находятся только надписи [8а, с. 312—313, табл. XXXIV, № 1366—1373], предшествующей — жертвенники раннесасанидского типа, иногда в сопровождении согдийской легенды [4а, с. 205, табл. V, 14, 15], но чаще без надписей [6а, рис. 20]. На монетах поздней группы [8а, табл. LXXVI, № 1366—1373] надписи выполнены полукурсивным восточносогдийским письмом (согдо-самаркандским), на монетах другой — ранней — раздельным западносогдийским (согдо-бухарским), представляющим особую линию развития арамейского письма в Средней Азии (в пределах Бухарского оазиса).

Обе монетные группы известны сравнительно давно по музейным собраниям, а в настоящее время они составляют значительную часть находок из Бухарского оазиса, в частности из Варахши и ее скруги. Их находки в Восточном Согде значительно реже и представлены исключительно монетами поздней группы, т. е. второй по времени. Монет предшествующей группы, более ранней, с изображением верблюда и жертвенника вне пределов Западного Согда пока найдено не было, в то время как только в Варахше и ее окрестностях их зарегистрировано около 50 экземпляров (раскопки В. А. Шишкина). Но только две из них оказались с надписями.

На одном из двух типов монет восточносогдийского круга, наиболее многочисленных, надпись, занимающая аверс, состоит из слова, допускающего вариант чтения *p'g* — «объемная мера», то же, что греческое *χόρος* — «вместилище чего-либо». Надписи на них, содержащие согдийскую кальку титула тюркского верховного правителя, не оставляют сомнения в их принадлежности. На других монетах той же группы надпись, содержащая имя божества благоденствия (или удачи) Фарнбага (согд. *fr̥n b̥g*), обрамляет квадратный картуш в центре аверса. Характерный для них квадратный картуш в виде рамки с оття-

нутыми углами оказался таким же, как на тюрко-согдийских монетах Бухарского оазиса конца VII — начала VIII в., и сблизает их по типу и по времени с последними.

Рельефное изображение верблюда на монетах поздней группы передано несколько схематично, в особенности на монетах круга тюрко-согдийских, на которых животное обращено головой вправо. Но, несмотря на схематичность рисунка, очевидно, что животное изображено в разъяренном состоянии, а не мирно вышагивающим, голова его высоко вскинута, хвост с характерной заканчивающей его кисточкой круто задран. Изображение двугорбого верблюда, но гораздо более реалистически переданное, представлено на аверсе монет западной (ранней) группы Бухарского оазиса, и оно, очевидно, воспроизводится на позднейших монетах, т. е. на монетах Восточного Согда, но уже в упрощенном виде.

Выполненное в совершенно иной технике изображение верблюда на западносогдийских монетах (бухарских) предельно живо передает образ агрессивного, расвирепевшего животного с закинутой головой и круто вскинутым в гнев хвостом, густая и длинная шерсть свисает космами с его шеи. Поле оборотной стороны таких монет занимают варианты позднесогдийских жертвенников в виде колонки (или колонок) на двух- или трехступенчатой базе и такой же капителью, расширяющейся сверху, с пылающим на ней огнем. Большая часть таких монет надписей не имеет. Только на двух из них с обеих сторон жертвенника нанесены надписи согдо-бухарским письмом, определяющие их принадлежность. Надпись зеркальная, содержит вариант титула главы народа, уже известный нам по другим монетам оазиса.

Систематические находки таких монет на городище Варахши, и только на нем, и неоднократно встречающийся на других монетах того же круга в качестве дополнительного элемента монетного типа знак) = (позволили в свое время археологу В. А. Шишкину отнести с достаточной вероятностью всю группу в целом к Бухарскому оазису; содержание надписей на двух монетах теперь определяет бесспорную их принадлежность бухарским владыкам. По мнению В. А. Шишкина, эта группа, монеты которой связаны друг с другом изображением раннесасанидского жертвенника, близка к предшествующей по времени группе монет парфянского круга [9, с. 67]. Двухступенчатый жертвенник, изображенный на оборотной стороне анэпиграфных монет (т. е. монет без надписей), как считает тот же исследователь, по форме сходен с жертвенником на раннесасанидских монетах из Шапура (240—272) и до Нарсе включительно (293—302), тогда как другой — трехступенчатый — воспроизводит жертвенник, появляющийся на монетах Сасанидов позже, начиная с монет Пероза (457—484).

Это наблюдение позволяет хотя бы относительно датировать монеты и отнести те из них, на оборотной стороне которых на-

ходится двухступенчатый жертвенник, к наиболее ранним. В дальнейшем трехступенчатый жертвенник, заменивший собой двухступенчатый, уступает место надписям другим письмом (согдо-самаркандским), и создается новый тип монет с изображением двугорбого верблюда — эпиграфический. Изображение животного теряет, в свою очередь, такие реалистические черты, как, скажем, пряди шерсти, свисающие вдоль шеи. Еще более упрощенно и до некоторой степени искаженно передан тот же двугорбый верблюд, обращенный влево на монетах тюрко-согдийского круга.

Постоянно повторяющееся изображение двугорбого верблюда на монетах и других предметах говорит о том, что на бухарских монетах оно должно было воспроизводить гневный облик божественного животного, выступающего в качестве грозного охранителя и защитника города. В таком случае изображение верблюда являлось оберегом города, восходящим, быть может, к древнему тотему, и одновременно служило гербом города.

Предлагаемое объяснение изображений двугорбого верблюда на монетах подтверждается и тем, что этот мотив широко использовался в геральдической символике. Одно из изображений на щитке бронзового перстня из эрмитажной коллекции (отделение Средней Азии), найденного на Пенджикентском городище (Согд), почти идентично помещенному на согдийских монетах². Аналогичное изображение верблюда, идущего влево, имеется на щитке бронзовой печати с ручкой в виде двух конских (?) голов из известной коллекции Кастальского³; такое же находилось на печатке, оттиск которой сохранился на внутренней стороне венчика хума, обнаруженного среди фрагментов керамики из городища Мунчак-тепе, в Южном Таджикистане (Северная Бактрия)⁴. Особенно много таких изображений среди печатей в разных коллекциях, поступивших в свое время в Эрмитаж из Восточного Туркестана⁵. О том же говорит известное упоминание в китайских источниках соответствующего времени престола бухарского правителя «в виде верблюда»; престол этот имел, очевидно, форму, сходную с другими зооморфными средне- и центральноазиатскими престолами, опорами для которых, судя по сохранившимся изображениям, служили фигуры разных зверей и животных, превратившихся, по мнению

² Перстень (пол. шифр ТП-56-III—57) опубликован А. М. Беленицким [1, с. 96, 101, рис. 8]. Еще один бронзовый перстень, ложный (ТП-63-XVI—37), с изображением подобного верблюда, найден на том же городище в 1963 г.; он упомянут В. И. Распоповой [6, с. 154].

³ Гос. Эрмитаж, отд. Ср. Азии, шифр ГЛ-614.

⁴ Находку на Мунчак-тепе венчика хума с оттиском перстня опубликовал М. М. Дьяконов [3, с. 266; воспроизведение оттиска см. на обложке тома].

⁵ На круглом щитке одной из таких бронзовых печатей находится изображение двугорбого верблюда, идущего влево, — такое же, как на некоторых согдийских монетах (Гос. Эрмитаж, отд. Ср. Азии, шифр ГЛ-1194. Не опубликован).

В. А. Шишкина, в геральдические символы правителей. И действительно, на этих престолах изображены, по сути дела, правители, восседающие каждый на своем животном, т. е. так же, как иногда изображались на своих животных сами боги [5, с. 112, 113, рис. 57; ср. также с. 111, рис. 56]. Именно таким оказался открытый В. А. Шишкиным в росписи тронного зала Варахши престол бухарских владык, ножками которому служили золотые грифоны с верблюдами головами [9, с. 159 и табл. XV].

Связь образа верблюда с мифологией известна. В Авесте, священной книге древних ираноязычных народов, верблюд выступает в качестве одного из зооморфных воплощений божества войны и победы Варатрагны (Веретрагны). Иллюстрацией к характеристике этого животного, данной ему в Авесте, как «бешено брыкающегося, лохматой шерстью людей одевающего», может смело служить его изображение на бухарских монетах, живо обрисовывающее рассвирепевшего, косматого верблюда, густая длинная шерсть которого свисает прядями с шеи.

Нет сомнения, что образ агрессивного, разъяренного верблюда составлял один из главных и устойчивых монетных типов в нумизматике Западного Согда в частности и в Средней Азии в целом, а равно, как известно, и за пределами последней — в Центральной Азии. Это лишний раз свидетельствует о немалом значении, которое имел верблюд в хозяйственной жизни страны и соответственно в ее мифологии [11]. Само его изображение на монетах можно толковать вне зависимости от типов их оборотной стороны как животное воплощение бога войны Варатрагны, т. е. именно так, как его поясняет Авеста. Храм этому божеству, как известно, стоял в Кеше, о чем говорят происходившие в храме моления, во время которых совершались жертвоприношения. Храм тому же божеству согласно жреческой традиции находился в древнем Самарканде — Мараканде античных авторов [10, с. 8].

Храма, посвященного ему, в пределах Бухарского оазиса неизвестно. Автор предполагает, что бронзовые или деревянные изображения двугорбого верблюда должны были стоять в общественных местах Бухары. Устойчивость изображения двугорбого верблюда на бухарских монетах, престол в виде такого же верблюда у бухарских владельцев поддерживают такое предположение и делают его более чем вероятным. Так, согласно известным сообщениям арабских географов, на самаркандской городской площади были поставлены деревянные скульптуры вздыбленных животных, в том числе и верблюдов. По словам Ибн Хордадбега, животные «стоят друг против друга, будто состязаясь и желая вступить в бой» (см. [7, с. 106]). В этой же связи особое значение приобретает находка в окрестностях Самарканда отлитой из бронзы ноги верблюда от большого, почти в натуральную величину, его изображения [9, с. 201]. Где оно было установлено, точно неизвестно, но в том, что такое изображение стояло в Самарканде или его окрестностях, сомневаться не при-

ходится. То был грозный представитель Варатрагны — охранитель города. О бронзовой фигуре вздыбленного коня, стоявшей до начала VIII в. напротив зороастрийского храма на Амударье, сообщают китайские источники (см. [7, с. 104]).

В древнетюркских текстах упоминается название бактрийского, т. е. двугорбого, верблюда-самца «из породы *titir* (?)» [2, с. 564]. В тюркском эпосе сохранились следы почитания последнего, в особенности черного верблюда. Его название, как известно, входит компонентом в имена правителей династии Караханидов, первый представитель которых именовался Бугра Кара хакан (Черный хакан). Имя Бугра-хан носил один из правителей той же династии в Восточном Туркестане, другой — Сутук Бугра-хан и т. д. Но такие имена существовали и ранее. Так, в VII—VIII вв. в Средней Азии, т. е. примерно в то время, когда на согдийских монетах еще наносилось изображение этого животного, князьки Уструшаны носили аналогичные имена, которые нам удалось восстановить по китайским и арабским источникам. Имя одного из них было Черный Бугра (кит. Гэлапуло; др.-кит. Кала-букла), другого — *Sutuk* (?) *Buḡa* (кит. Судупуло; др.-кит. *Suo-tuo b'uk-lâ*) [8, с. 282]. О первом из них см. [9, с. 282].

Языковая принадлежность слова «бугра» неизвестна⁶. Одно очевидно: в тюркских текстах бугра — двугорбый верблюд-самец — является составной частью имен собственных, причем этот термин обозначает верблюда не в обычном состоянии, а распаленного, разбрызгивающего белую пену, яростного самца-производителя, готового к битве [2, с. 120, 564], именно такого, как он изображен на бухарских монетах. Разъяренного верблюда-самца, вероятно, имеет в виду Авеста, описывая одну из зооморфных ипостасей бога войны Варатрагны. Таким представляло себе, очевидно, грозного слугу божества войны население Согды в далеком прошлом.

Был ли нумизматический прототип у сюжета верблюда на бухарских монетах — вопрос особый. Наиболее близки к нему изображения двугорбого верблюда, идущего вправо, на одной из групп монет Каджула Кадфиза, первого кушанского царя, послужившие, в свою очередь, прототипом для так называемых «сино-кхароштийских» монет с верблюдом [4, с. 113, табл., рис. 1 и 2, с. 115, рис. 3 и 4]. Дальнейшее тщательное изучение тех и других позволит, очевидно, дать окончательный ответ на вопрос о значении изображения верблюда. Сами же по себе бронзовые бухарские монеты, как и ряд других согдийских мо-

⁶ Тюркское «кара» в титулатуре Караханидов обычно трактуется как «мощественный», а также «великий», что, исходя из основного значения слова, труднообъяснимо. В этой связи заслуживают внимания два названия магических камней у древних тюрков, один из которых именовался *qaḡa taš* — «черный камень», или камень, связанный с Кайваном (т. е. с Сатурном) [2, с. 422, *qaḡa* 1], а второй, отражающий связь с Юпитером, назывался *qaḡa kuš* — «черная птица» [2, с. 424].

нет, представляют не изученный еще чудесный памятник микроискусства народов Средней Азии⁷.

Литература

1. Беленицкий А. М. О раскопках городища древнего Пенджикента в 1956 г.—Археологические работы в Таджикистане. Вып. IV. Сталинабад, 1959.
2. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
3. Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигара (Кобадан) (1950—1951 гг.).—Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II. 1948—1950 гг. М.—Л., 1953.
4. Зеймаль Е. В. «Сино-кхароштийские» монеты.—Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971.
- <4а. Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксаны по нумизматическим данным.—Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.>
5. Раппопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
6. Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. М., 1980.
- <6а. Ремпель Л. И. Фрагменты бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши (к вопросу о природе согдийского искусства).—Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.>
7. Смирнова О. И. Места домусульманских культов в Средней Азии.—Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971.
8. Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
- <8а. Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.>
9. Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
10. A Catalogue of the Provincial Capitals of Erānšahr: Pahlavi Texte, Version and Commentary by I. Markwart. Roma, 1931.
11. Roux Jean-Paul. Le chameau en Asie Central, son nom son élevage — sa place dans la mythologie.—Central Asiatic Journal. The Hague — Wiesbaden, 1959, vol. 5, № 1.

⁷ Некоторые дополнительные сведения источников, опущенные автором, см. [6а, с. 95—102].

Т. Н. Бенфугаль (Трифонова)

**ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ
БЕРБЕРСКИХ ЖЕНЩИН ИЗ ОРЕСА
(Алжир)**

Алжирское ювелирное искусство имеет древние традиции. Являясь в основе своей берберским, оно сохраняло из века в век символический смысл декоративных мотивов и используемых материалов, технические навыки и орнаментальные приемы, связанные со всем ансамблем берберского искусства и ремесла и уходящие своими корнями в далекие эпохи неолита и бронзового века [1]. В истории Алжира переплелись как арабо-мусульманские традиции, начало которых относится ко второй половине VII в., так и доарабские и домусульманские, в том числе и берберские. Конкретный материал народного искусства, среди которого особое место занимает искусство ювелирное, подтверждает это. Именно поэтому выставка алжирских украшений, состоявшаяся в г. Алжире в начале 1981 г., имела большой успех [3].

Сохраняемые на протяжении столетий берберские художественные традиции подвергались и внешним влияниям. Финикийцы и римляне, византийцы и арабы, мавры и турки оставили в них заметный след. Традиционное ювелирное искусство обогащалось новыми декоративными мотивами — растительными и геометрическими, новой техникой отделки — филигрань, эмаль, зернь. Сложное взаимодействие орнаментальных мотивов и приемов, которые обнаруживаются у многих племен и которые полностью определяются природой локальной эстетической концепции, породило оригинальное ювелирное искусство, связанное общим стилем, но одновременно разнообразное и многовариантное.

Морские раковины, зубы и когти диких животных, коралл и янтарь, сохранив весь свой символический контекст, являются и в настоящее время неотъемлемой частью многих украшений. Для берберского искусства издавна характерны такие мотивы, как змея — символ вечности, рука и глаз — символы защитные, рыба — символ плодovitости. Они продолжают оставаться самыми популярными и в современном искусстве, в том числе и в ювелирном.

В ансамбль алжирских ювелирных украшений входит несколько комплексов [3]. Среди них можно выделить комплекс ювелирных украшений Большой Кабилии, отличающийся оригинальностью благодаря цветным эмалям, характерным только для этого района; украшения туарегов Хоггара и Тассилин, близкие по традиции ювелирному искусству Нигерии и Мали; комплексы украшений М'заба, Улад-Наила, Джебель-Амура и других районов, а также украшения из Ореса, соединяющие в себе архаизм старых, традиционных украшений с легкостью орнаментальных мотивов украшений более современных. Эти последние мы и рассмотрим.

Орес — горный массив на северо-востоке Алжира, населенный берберами-шауия [2; 13]. Ювелирное производство с давних времен было одним из наиболее развитых в Оrese ремесел. И сейчас трудно найти женщину-шауия, у которой не было бы полного набора украшений — обязательных (семь-восемь) наручных браслетов, нескольких ожерелий, серег, височных украшений и брошей-застежек. Объясняется это не только необычной привязанностью к украшениям, как таковым, но и рядом других причин, связанных с полифункциональностью ювелирных украшений для берберов-шауия.

До настоящего времени в Оrese сохранилась магическая функция украшений. Несмотря на то что символический смысл многих используемых материалов и орнаментальных мотивов забылся, вера в профилактическую, защитную функцию некоторых из них в народном сознании продолжает до сих пор держаться [12].

Не менее важная функция ювелирных изделий — экономическая. Украшения — единственное, чем женщина владеет безраздельно. Благодаря им, как бы ни была женщина экономически зависима, она чувствует себя относительно свободной, ибо всегда может в трудные для нее дни превратить свои украшения в деньги. Ювелирные украшения являются также способом социального самоутверждения женщины. Они свидетельствуют о ее богатстве, говорят о степени любви к ней мужа.

Оресские, как и все алжирские, украшения для сельских женщин делаются из серебра. Для изготовления некоторых браслетов, а также талисманов употребляют рог различных видов животных. Во многих старых украшениях присутствует коралл. Современные же изделия почти все украшены цветными стеклышками.

Самая распространенная техника — литье. Оресские ювелиры изготавливают в технике литья массивные серьги, нагрудные застежки, а также отдельные декоративные элементы, которые затем напаиваются на изделие. Многие броши, подвески, браслеты изготавливаются посредствомковки.

Широко используется филигрань, в искусстве которой оресские ювелиры достигли высокого уровня мастерства, а также гравировка, зернь, узорная просечка. Одна из самых характер-

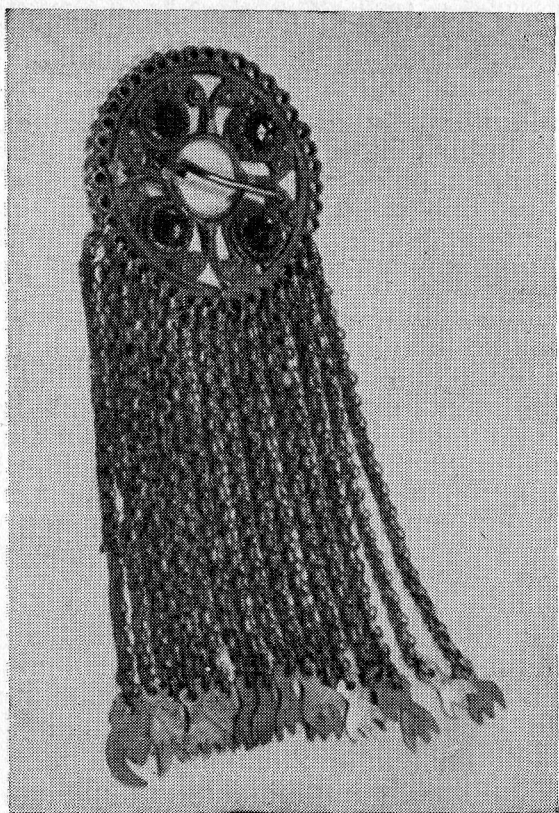

Рис. 1. Брошь амессак

ных особенностей ювелирных изделий Ореса — наличие цепочек, их обилием отличаются нагрудные украшения.

Наиболее распространенные декоративные мотивы — розетки с фестончатым краем, выпуклые литые орнаменты, имитирующие зернь; для ножных браслетов и коробок для амулетов — гравированный или чеканный геометрический и цветочный узор. Подвески обычно из скрученной проволоки и маленьких серебряных пластинок в форме руки, полумесяца, подобия «язычков», прикрепленных чаще всего к концам свободно свисающих цепочек.

Оресские украшения, бытующие в настоящее время, — это богатый и разнообразный набор изделий; в него входят старые традиционные украшения, как правило, массивные и с большим количеством элементов из коралла, украшения старой, традиционной формы, но модернизированные (облегченные и уменьшенные в размерах), а также украшения современной формы, но сохранившие общий стиль и орнаментальные осо-

бенности, присущие традиционному ювелирному искусству Ореса в целом. Следующее ниже описание основано на традиционном разделении украшений на головные, нагрудные, поясные, для рук и ног; некоторые из них играют роль амулетов.

Головные украшения. Разнообразие и характерные особенности головных оресских украшений в значительной степени определяются спецификой головного убора оресских женщин. Он представляет собой набор сложенных в полосы шарфов разных цветов, покрывающих голову и проходящих под подбородком, поверх которых наматывается тюрбан из белой или черной ткани. Так как тюрбан закрывает часть лба, то почти отсутствуют налобные украшения, но зато много брошей и подвесок, прикалываемых к тюрбану, велико количество височных и височно-подбородных украшений, а также серег.

Амессак (рис. 1) — современная круглая ажурная брошь диаметром 4,5—5 см, с отверстием в центре до 1 см, застегивающаяся с помощью булавки. Цепочки, прикрепленные к нижней части броши, кончаются маленькими серебряными пластинками в виде стилизованной руки («рука Фатимы» — дочери Мухаммеда). Техника исполнения броши — литье с последующей просечкой, филигрань и зернь. Носят амессак либо прикрепленным к тюрбану, либо в качестве нагрудного украшения.

Танеаст (рис. 2) — общее название височных украшений, которые могут быть разной формы — треугольной, круглой, прямоугольной и т. д. — и выполненными в технике литья, либо с имитацией филигрانی и зерни, либо с последующей просечкой и добавлением филигрانی и зерни. Танеаст носят обычно в паре и прикрепляют к тюрбану у висков.

Селсела — подбородное украшение, состоящее из цепочек. Оно бывает двух типов. Первый представляет собой набор цепочек с прикрепленными к ним монетами. Второй же состоит из двух частей, каждая из которых образована из 10—12 параллельных цепочек, прикрепленных одним концом к основанию ажурного треугольника, другим — к узкой планке, украшенной, в свою очередь, короткими цепочками, оканчивающимися бусинами кораллов и маленькими серебряными пластинами разной формы. Селсела прикрепляют на уровне виска с двух сторон тюрбана с помощью крючка, припаянного к вершине треугольника, а затем соединяют двумя или тремя цепочками, идущими от одной планки к другой и проходящими под подбородком.

Хорса — общее название серег, которые в Оре-се представляют собой проволочное кольцо диаметром от 6 до 10 см. В зависимости от орнаментального украшения хорса носит разные названия:

чушана (рис. 3) — разомкнутое кольцо диаметром 9—10 см, на него нанизаны полые конусы и шарики из серебра. В центре нижней части кольца горизонтально прикреплен цилиндр с выпуклым основанием, к которому подвешены короткие цепочки. Чушана — старинные серьги, в настоящее время их больше не

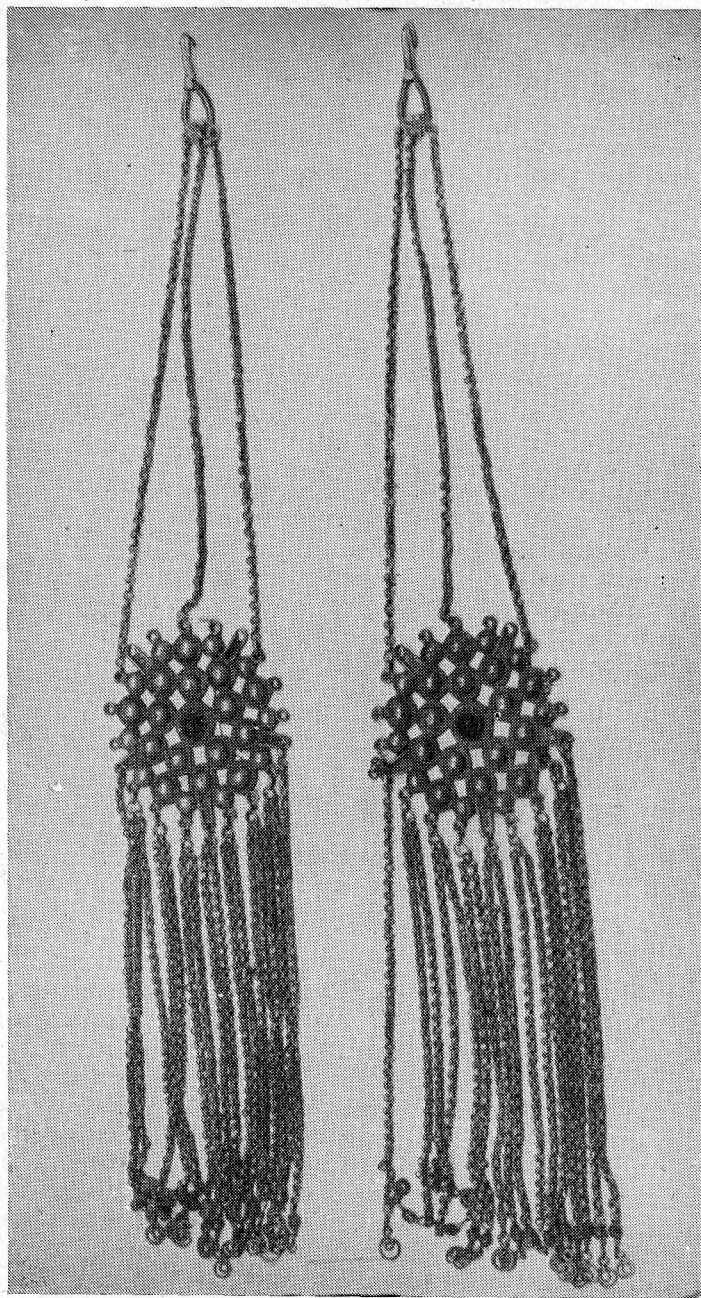

Рис. 2. Височное украшение танеаст

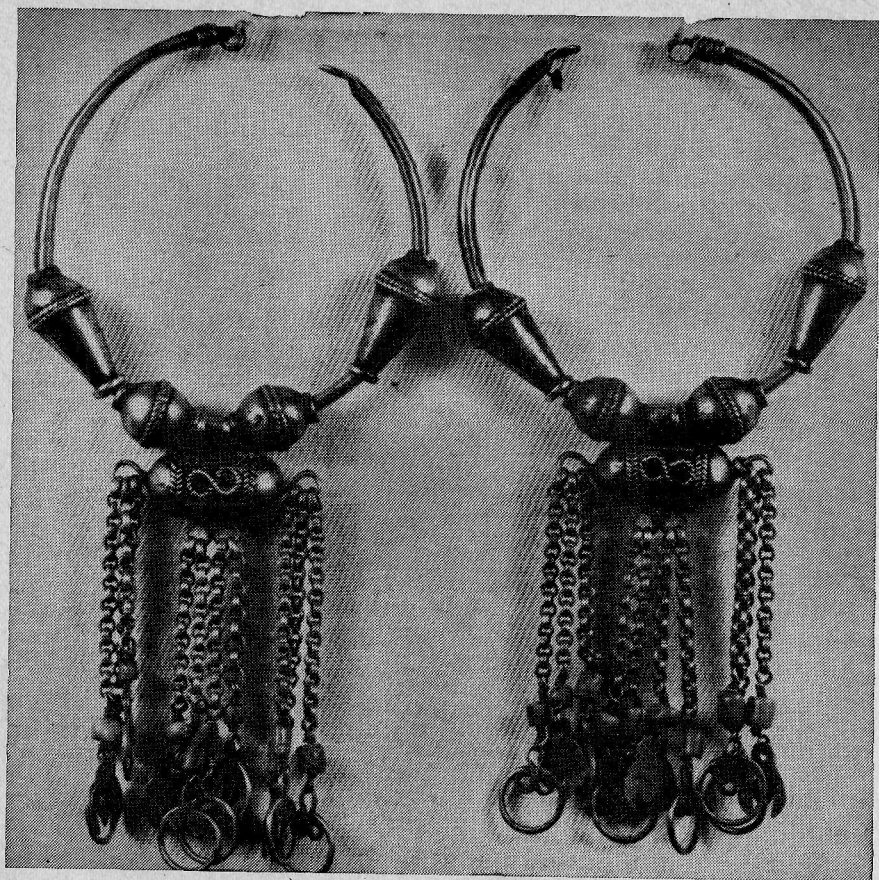

Рис. 3. Серьги чушана

делают. Увидеть такие серьги можно редко — обычно на пожилых женщинах. Носят их из-за большого веса продетыми в верхушку уха и привязывая иногда для облегчения веса к танаесту;

тимшерефт (рис. 4) — разомкнутое кольцо диаметром 9—10 см, нижняя половина которого выполнена в технике литья и украшена маленькими треугольниками, покрытыми зернью и украшенными с внутренней и внешней стороны кольца выступами в виде зубьев пилы, расположенными основанием к основанию. Тимшерефт может быть дополнительно украшен другими ажурными элементами, припаянными к внутренней части кольца. В настоящее время тимшерефт указанного диаметра почти не носят. Сохраняя традиционный мотив и технику, ювелиры делают эти серьги меньшего размера. Уменьшенный тимшерефт носят в мочке уха;

хорса-бель-куба (рис. 5) — относительно современная модель

серег. Представляет собой кольцо диаметром 6—7 см, к которому припаяны полый филигранный конус, украшенный цветными камнями; в месте соединения кольца иногда прикрепляются разнообразные бусины и резные камешки.

Нагрудные украшения.

Часть нагрудных украшений кроме роли декоративной имеет и утилитарное значение. Речь идет о застежках-фибулах *ахлалет* или *абзим*, которыми закрепляют на груди *эль-хафа* — традиционную одежду берберок Ореса в виде накинутой на плечи и свободно падающей сзади прямоугольной накидки. Абзим популярен у всех женщин Северной Африки. Это застежка, представляющая собой толстую иглу, через стержень которой пропущено кольцо. К тупому концу иглы припаяна декоративная ажурная пластинка треугольной или закругленной формы. В Оресе абзим выполняется, как правило, в технике литья с последующей просечкой. Носят такие застежки в виде пары, спереди, чуть ниже плеча, соединяя их иногда цепочкой.

Застежки абзим могут входить в состав большого нагрудного украшения *геран* (рис. 6). Оно состоит из двух круглых фибул абзим, украшенных филигранью, зернью и цветными камнями и соединенных между собой обычно двумя цепочками из полых металлических бусин, к которым прикреплено несколько круглых медальонов, выполненных в такой же технике, что и абзим. К нижней части застежек и медальонов (а иногда и к соединяющим их цепочкам) прикреплены подвески (до 60—70) в виде длинных цепочек, кончающихся серебряными пластинами в форме стилизованной «руки Фатимы».

Шеркет (рис. 7) — общее название ожерелий. Оресские ожерелья бывают либо в виде тонкого браслета, охватывающего спереди шею, украшенного филигранью и цветными камнями и соединенного двойной цепочкой, либо в виде пяти-шести маленьких фестончатых медальонов, также украшенных в центре

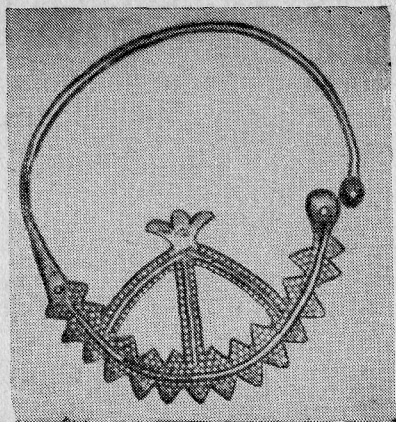

Рис. 4. Серьга тимшерефт

Рис. 5. Серьга хорса-бель-куба

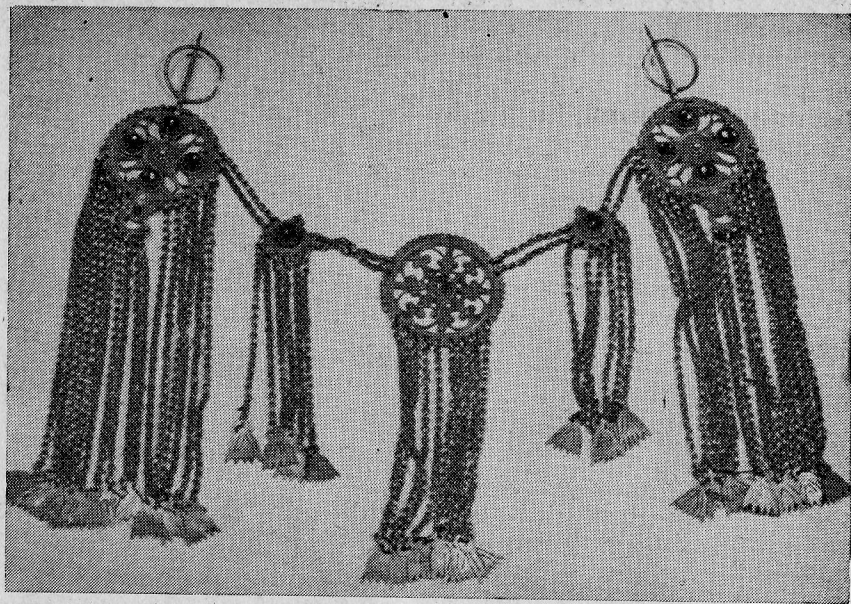

Рис. 6. Нагрудное украшение геран

цветными камнями и соединенных между собой. Ожерелья обоих типов украшаются подвесками в виде цепочек (40 и более), которые заканчиваются «рукой Фатимы».

Одно из самых старинных оресских украшений — ожерелье *скаб*. Оно состоит из серебряных полых элементов в виде конусов и шариков, кораллов и бусин треугольной формы (сделанных из гемхи — особой ароматической пасты), попеременно нанизанных. Центр ожерелья украшен большой подвеской в форме руки. Скаб в прежние времена — одно из основных свадебных украшений.

К числу нагрудных украшений относится амулет *харс*: это серебряная прямоугольная плоская коробочка со сторонами 6 и 8 см, в которую, как правило, вложены тексты из Корана. Обе стороны коробочки украшены геометрической и растительной гравировкой или чеканкой. Носят *харс* парами: соединенные цепочками, их прикрепляют с помощью фибулы абзим.

Поясные украшения. Пояс — украшение, ставшее особенно популярным в последние годы. Делают его из круглых ажурных пластин, соединенных между собой.

Украшения для рук и ног. Браслеты *амкиас* (рис. 8) — украшение, особенно популярное у женщин Ореса. Носят их по семь-восемь на каждой руке. Предпочтение отдают браслетам узким (шириной около 1 см), украшенным зернью, чередующей-

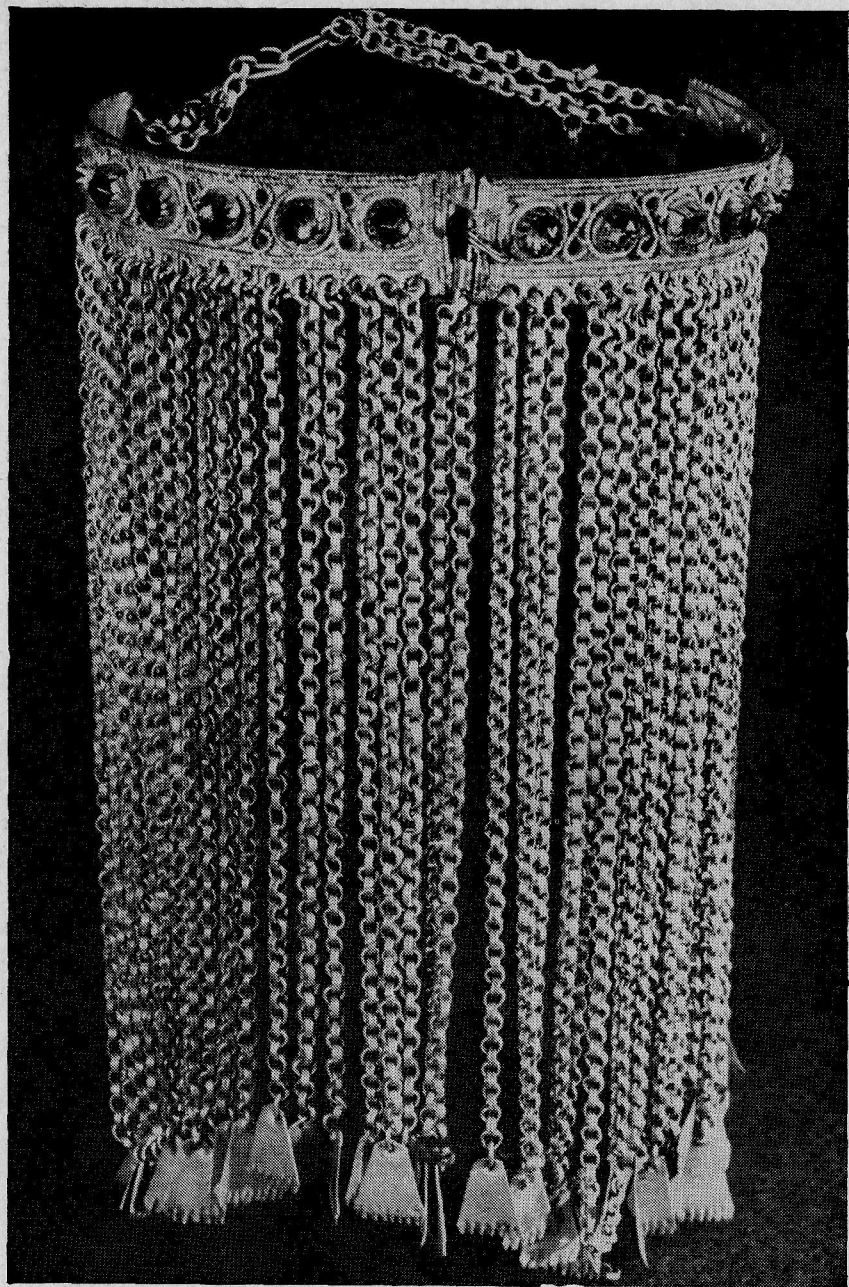

Рис. 7. Ожерелье шеркет

Рис. 8. Браслеты амкиас

ся с красными и зелеными камнями. Менее распространены прорезные браслеты шириной от 2 до 3 см. Все браслеты застегиваются с помощью вертикально продевающегося стерженька.

На юге Ореса женщины носят браслет старинного фасона под названием *дах*, или *суар* (рис. 9). Это браслет шириной 5—6 см, со слегка согнутыми краями, украшенный маленькими короткими выступами в виде цилиндров, припаянных перпендикулярно к поверхности браслета.

Браслеты для ног *ахелхал*, очень популярные у женщин Востока, в Оресе бывают двух типов. Первый представляет собой широкий браслет (шириной 7—8 см), украшенный либо цветочными и геометрическими гравировками, либо ажурными просечными узорами. Застегивается с помощью стержня. Второй тип — литое несомкнутое кольцо, украшенное на концах ромбиками, кубиками или стилизованными головками змеи.

Украшения-амулеты. Как правило, выяснение характерных особенностей украшений заставляет выходить за пределы чисто художественного и технического анализа и прибегать к анализу историческому, этнографическому и религиоведческому. В применении к традиционным украшениям речь идет о комплексе взглядов, представлений, обычаев, которые составляют основу народной культуры и так или иначе определяют все ее проявления, в том числе ремесло и искусство. Дальнейшие поиски истоков тех или иных форм, орнаментальных мотивов и используемых материалов нередко приводят нас в другие страны и давние эпохи.

Одним из истоков, определяющих характерные особенности традиционных украшений, являются суеверия. Именно с ними в оресских украшениях связан почти каждый декоративный мотив, каждый используемый материал. Для женщин-шауия украшения — это целый мир символов со скрытыми от непосвященных значениями, которые нередко определяют популярность и устойчивость того или иного украшения или его элемента.

Еще в 1930 г. французский исследователь М.-Д. Сэнтив дал классификацию всех оресских украшений-амулетов, объединив их

в три группы [14]. Мы полагаем, что эта классификация справедлива и сегодня. Рассмотрим их.

1. Амулеты-украшения, сам материал которых обладает, согласно традиционным представлениям, магической силой: это части растений или животных, камни, раковины. Одним из самых распространенных материалов в производстве алжирских украшений является коралл [6]. В Оресе он используется для инкрустации браслетов для ног и некоторых серег, а также — в виде бусин и палочек — для украшения подвесок и ожерелья скаб. Согласно традиционным представлениям, коралл выполняет защитную функцию: сохраняет от сглаза; в случае, если он имеет форму палочки (фаллический символ), он способствует плодovitости.

Рис. 9. Браслет дах, или суар

Красные и зеленые прозрачные камни, имитирующие рубин и изумруд, присутствуют почти во всех украшениях шауия и связаны в народных представлениях с магическими свойствами, с давних времен приписываемыми этим драгоценным камням. Считается, что красный рубин укрепляет сердце, а зеленый изумруд лечит от укуса змеи [8].

Из раковин в оресских украшениях встречается каури (подробнее см. [10]). Она входит иногда в состав ожерелья скаб. Использование этой раковины в качестве амулета имеет долгую историю, что подтверждается находками на территории Алжира просверленных каури [5], относящихся к палеолитическим и неолитическим временам. Каури приписывается двойная функция — защитная, предохраняющая от дурного глаза, а также способствующая плодovitости.

Из растительных амулетов особую популярность имеет как в Оресе, так и по всему Алжиру гвоздика. Она входит в состав ожерелий и используется либо в своем естественном виде как элемент украшения, либо входит в особую ароматическую пасту гемха, из которой делают бусины треугольной формы для ожерелья скаб. Как отмечено выше, скаб — одно из основных свадебных украшений, поэтому считалось, что сильный запах гемхи на протяжении многих лет будет привлекать любовь мужа.

Когда-то рецепт приготовления пасты был очень сложным и предусматривал много компонентов, среди них *анбас* — секрет кашалота с очень сильным запахом, *кмери* — плод дерева, вывозимого из Индии. Ныне гемха изготавливается из толченой гвоздики с добавлением других ароматических веществ: шафрана, мускуса, розовой воды [11]. Но и этот упрощенный рецепт

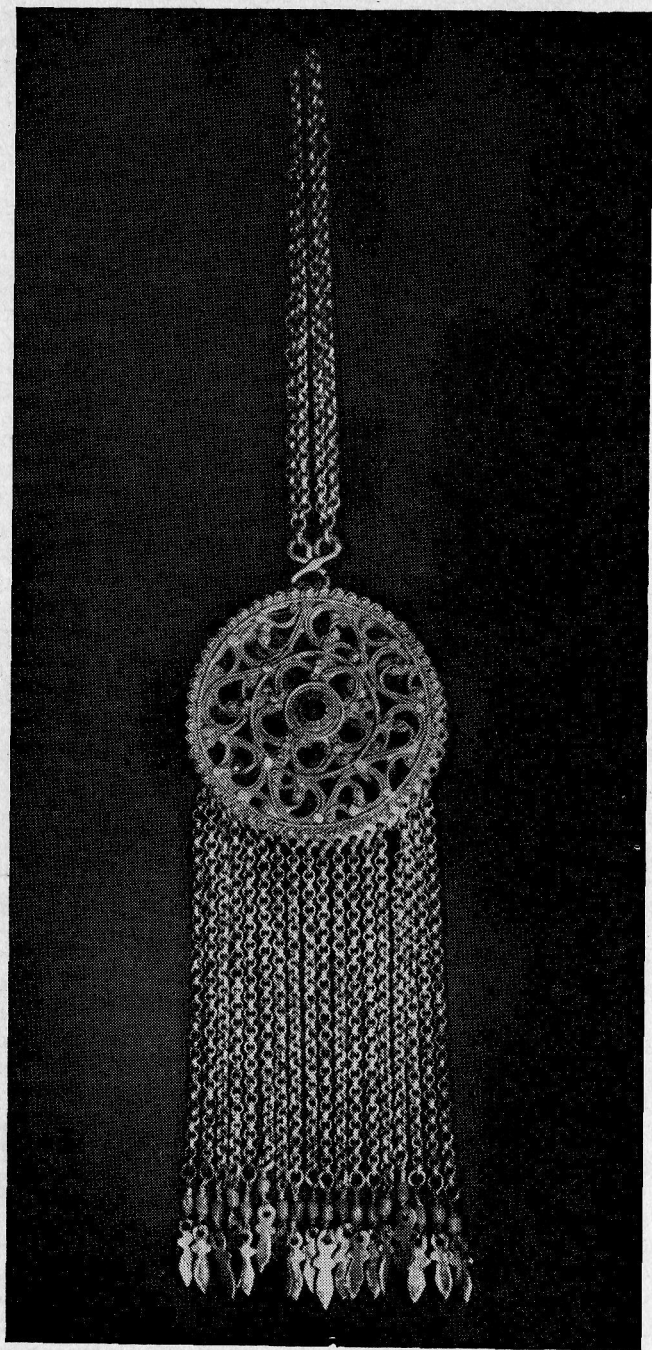

Рис. 10. Футляр для зеркала

темхи сейчас забывается. Только некоторые женщины на юге Ореса умеют готовить ее.

В оресских амулетах-украшениях отражена вера в сакральную силу некоторых животных, птиц, пресмыкающихся и т. д. Перья, когти, рога, зубы животных издавна наделялись магическими свойствами. Первоначальный смысл амулетов сегодня забыт; народная память удержала лишь представление о том, что амулеты полезны для того, кто их носит.

Популярным амулетом до недавнего времени был зуб собаки: в этом амулете видели залог верности. В Оресе его носили оправленным в серебро [9]. Высушенную лапку дикобраза, также оправленную в серебро, и сейчас нередко носят кормящие матери, чтобы иметь в изобилии молоко. Рог барана, бывший прежде амулетом, превратился в настоящее время в предмет утилитарного назначения — табакерку, которую женщины иногда носят на шее (в основном же это мужской предмет, также носимый на шее). Некоторые изделия — подвески, браслеты — делают из рога газели или буйвола.

Амулетом, известным своими магическими свойствами во многих регионах, является зеркало [9]. В Оресе оно использовалось в любовной магии: юноша дарил круглое зеркальце с написанными на обратной стороне сакральными формулами понравившейся девушке. Девушка носила такое зеркальце на шее, вкладывая его иногда в специальный серебряный футляр. В настоящее время зеркальце уже не носят, сохранился в употреблении только футляр, который играет теперь исключительно декоративную функцию. Он представляет собой круглую плоскую коробочку, украшенную либо филигранью, либо чеканным узором и дополненную подвесками из цепочек (рис. 10). Иногда в такую коробочку кладут монеты.

2. К этой группе амулетов-украшений относятся такие, которым приписываются свойства изобразительной магии. Как правило, это декоративные мотивы, составляющие основу филигранного, гравированного, чеканного и просечного узора, а также украшения или детали украшений, сама форма которых воспроизводит те или иные магические символы. Среди многочисленных орнаментальных мотивов, используемых ювелирами Ореса и отражающих растительный, животный и астральный культ, остановимся на самых распространенных и популярных.

Рука (хамса). Пожалуй, ни один амулет в Алжире не сравнится по популярности с изображением руки [7]. Рука — символ очень древний, восходящий еще к ливийско-берберской эпохе, о чем свидетельствуют изображения руки на фресках Тассили. Этот символ был известен в древнем Египте, Карфагене. Впоследствии он был воспринят мусульманами как символ общности верующих. Народная традиция приписывает руке защитную функцию. До сих пор в Марокко, Алжире, Тунисе и некоторых других странах считается, что самым эффективным средством

против дурного глаза является рука: достаточно вытянуть руку и сказать «хамса фи аник», т. е. «пять в твой глаз», как дурное влияние будет парализовано. Чтобы обеспечить себя постоянной защитой от сглаза, нужно носить амулет в форме руки. В Оресе такой амулет входит в качестве центрального орнаментального мотива в ожерелье скаб, а также в виде маленьких серебряных пластинок украшает многочисленные подвески из цепочек (см. рис. 1, 3, 6, 7).

Рыба. Изображение рыбы мы находим во многих алжирских ювелирных изделиях [4]. В Оресе это чаще всего подвески, маленькие брошки, а также орнаментальный узор, изображающий рыб на фибулах и серьгах. Почитание рыб восходит к очень ранним формам религиозных воззрений. Так, на территории Северной Африки найдены палеолитические гравюры, изображающие рыб. В пуническую эпоху финикийцы почитали бога с хвостом рыбы. Особенно большое распространение этот символ получил с возникновением христианства. Почитание рыбы было, очевидно, связано с присущими ей свойствами — плодovitостью, подвижностью и др. В настоящее время первоначальное значение этого символа забыто и изображение рыбы воспринимается как отводящее несчастье.

Змея. Первые находки ювелирных украшений с этим символом на территории Алжира относятся к эпохе бронзы [4]. Браслеты и кольца, найденные в местах мегалитических захоронений, оканчиваются змеиными головками. В настоящее время этот мотив особенно популярен в Оресе. Он присутствует во многих оресских легендах; стилизованное изображение змеи в виде зигзагообразной линии встречается в орнаменте многих ремесленных изделий: на гончарных и тканых, на медной посуде. В ювелирных украшениях мотив змеи присутствует главным образом в виде змеиных головок, завершающих кольцо браслетов для ног, застежек, серег.

Полумесяц. Этот древний астральный символ был известен всему семитскому Востоку. Позже он был воспринят арабами и стал идентифицироваться с исламом. Огромное место этот символ занял у турок, и возможно, что под их влиянием он распространился в алжирских украшениях [13]. В Оресе маленькие серебряные пластинки в виде полумесяца украшают подвески.

Голубь, павлин. Уже упомянутые нами представления о сакральной силе птиц отражаются в символическом орнаменте оресских украшений — в некоторых подвесках (подвеска «язык птицы»), а также в составе чеканного и просечного узоров.

3. К третьей группе амулетов-украшений относятся те, которым приписывается магия текста или букв. Это особая группа, требующая специального исследования, в первую очередь со стороны анализа текста и знаков, а не со стороны формы, техники, материала.

Как и украшения других районов, украшения Ореса претерпевают в настоящее время заметную эволюцию. Общая модернизация жизни, технический прогресс, влияние городской моды, а также ряд причин экономического характера приводят к изменению традиционного ансамбля оресских украшений: меняются используемые материалы, ювелирные изделия становятся легкими и миниатюрными, исчезают некоторые типы традиционных украшений.

Меняются и условия работы местных ювелиров: на смену маленьким сельским мастерским приходят большие ателье городского типа, созданные Национальным обществом традиционного искусства, с новыми техническими, экономическими и организационными возможностями. В качестве примера можно привести ювелирное объединение, открывшееся в 1976 г. в дуаре (маленький городок) Тифелфет, в самом центре горного Ореса. Это объединение насчитывает 20 ювелиров, прошедших трехгодичную подготовку. Продукция, выпускаемая этим объединением, предназначена для продажи в специальных магазинах, расположенных в наиболее крупных городах Ореса.

Конечно, новые производственные формы влекут за собой изменение самой продукции. Продолжая опираться на локальные технические традиции, используя популярную издавна филигрань, ювелиры, работающие в объединениях, производят продукцию современную, рассчитанную на современного покупателя. Позитивный сам по себе факт открытия таких мастерских, содействующий отчасти трудоустройству местного населения и возрождению когда-то процветающего ремесла, нередко оборачивается и негативной стороной, ибо модернизированная массовая продукция приводит к исчезновению последних очагов традиционного ювелирного производства. Эта проблема, которая стоит не только перед ювелирами Ореса, а перед мастерами всего Алжира и — шире — перед традиционным искусством в любом районе земного шара, еще ждет своего разрешения. Пока же традиционные украшения являются предметом гордости женщин-шауия.

Литература

1. Лот А. В поисках фресок Тассили. 2-е изд. М., 1978.
2. Народы Африки (сер. «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1954.
3. Benfoughal T. Bijoux algériens: histoire des styles et des techniques. Alger, 1981.
4. Camps G. Monuments et rites funéraires protohistoriques. P., 1961.
5. Camps G., Fabrer H. Parures des temps préhistoriques en Afrique du Nord.— Libica. Alger, 1960, № 8.
6. Champault D., Langle M. Notes sur l'emploi de quelques matériaux d'origine marine en Afrique du Nord.— l'Ethnographie. P., 1963—1965, № 58—59.
7. Champault D., Verbrugge A.-R. La main. Ses figurations au Magreb et au Levant.— Catalogue du Musée de l'Homme. P., 1965.
8. Eudel P. L'orfèvrerie algérienne et tunisienne. Alger, 1902.

9. *Gaudry M.* La femme chaouia de l'Aures. P., 1929.
10. *Gobert E.-G.* La pudendum magique et le problème des cauris.— *Revue africaine*. Alger, 1951, № 95.
11. *Govert E.-G.* Tunis et les parfumes.— *Revue africaine*. Alger, 1961, № 105, 1962, № 106.
12. *Grangé E.* Les bijoux de l'Aures et leur symbolique.— *Algéria*, 1961, № 60.
13. *Marçais G.* Les bijoux musulmans de l'Afrique du Nord. Alger, 1958, № 15.
14. *Saintyves M.-D.* Amulettes et talismans. Les amulettes et leur valeur magique.— *Revue anthropologique*. P., 1930.
15. *Tamzali F.* L'ambre gris à 3000 ans.— *El Djezaïr*. Alger, 1970, № 15.

М. Ф. Чигринский

О ВЕРОВАНИЯХ АБОРИГЕНОВ ТАЙВАНЯ¹

Аборигены Тайваня индонезийского происхождения известны под собирательным наименованием гаошань — «горцы». Они подразделяются на две группы племен: пинпу — жители равнины и собственно гаошань — обитатели горных районов [26, с. 2], о жизни которых известно немного, особенно об их духовной культуре, в частности верованиях.

В литературных источниках имеются сведения о верованиях пинпу, имевших непосредственные контакты с иностранцами начиная с VII в. н. э. [15, с. 209—220]. Ныне пинпу почти полностью забыли родной язык и обычаи, восприняли у китайцев почти весь комплекс религиозных и этнических представлений. Любопытно, что в языке одного из племен пинпу, фаворланг, до сих пор сохранилось несколько голландских слов, связанных с христианством, хотя свою традиционную религию фаворланг уже не помнят [36, с. 51]. В числе последних, кто сообщал о докитайских верованиях и ритуалах пинпу, был российский путешественник П. Ибис, побывавший у них в 1875 г. Он посетил две молельни пинпу и зарисовал их внутреннее убранство [16, с. 62; 37, с. 23].

Если о духовной жизни туземцев равнинной части Тайваня накоплен определенный материал, то этого нельзя сказать о племенах горных гаошань, к которым относятся: атаялы, цоу, бунун, ами, сайсят, паюма, пайваны, рукай, а также ями, проживающие на островах Хуантоу (Ботель Тобаго) и Ланьюй (Малый Ботель Тобаго). Вплоть до конца XIX в. все перечисленные племена почти не имели контактов с иностранцами, не допускали к себе миссионеров, купцов, путешественников. Поскольку туземцы отнюдь не безосновательно считали каждого чужеземца врагом, его, как правило, убивали. Отсюда та скудость данных о жизни аборигенов вообще, которая так характерна для литературных источников, вплоть до конца XIX в. Только этим можно объяснить следующее заключение уже

¹ Данная работа является завершением цикла статей автора об изучении тайваньских аборигенов и их верований [15; 17; а также 14; 16; 18].

упоминавшегося П. Ибиса: «Дикари не имеют религиозных представлений. Думают только о еде» [37, с. 170].

Между тем изоляция гаошаньских племен в труднодоступных горных районах Тайваня, их воинственность и свободолюбие способствовали сохранению в течение долгого времени национальной независимости и культуры. Именно поэтому они, по словам японского исследователя Мабути Тоити, «практически не попали под влияние таких великих цивилизаций, как индийская, арабская, европейская и даже китайская... сохранив свою культуру, родственную индонезийской» [40, с. 11]. Вследствие такого исторического развития у гаошань до сих пор продолжают существовать традиционные верования, изучение которых представляет несомненный интерес. Ранние сведения по данному вопросу стали появляться в литературе с начала XX в. Одним из первых упоминал о верованиях аборигенов Тайваня канадский миссионер Георг Лесли Маккей, писавший об анимистических верованиях и культе предков у аборигенов [41, с. 258—259].

Г. Л. Маккей, однако, не сообщил, у каких племен он побывал, что затрудняет использование приводимых им материалов. Значительно больше информации содержится в трудах японских ученых Тории Рюдзю, Иссии Синдзи, Саяма Юкити совместно с Ониси Ёсихаса, а также в коллективной монографии «Сборник преданий аборигенов Тайваня» [27, с. 97—99; 28, с. 518—519; 38, с. 14—15, 17—19; 23; 21, с. 12—15, 34—36, 108—136]. Последнее исследование, изданное в 1935 г., до сих пор не потеряло научного значения. Кроме указанных трудов много данных по верованиям племени паюма содержится в сравнительно недавней работе западногерманского этнографа Доминика Шрёдера [42, с. 267—293]. Духовную жизнь туземных племен Тайваня изучал и американский исследователь Райли Феррелл [36, с. 34, 37, 44, 49, 53—54]. Более подробные сведения по верованиям аборигенов Тайваня можно найти в тайбэйском журнале «Каогу жэньлэй сюэкань» и в книге этнографов Хэ Лянькуя и Вэй Хуэйлинь, посвященных обычаям тайваньских горцев [29, ч. 2, с. 4, 65—80]. Последняя работа явилась результатом обследования ее авторами всех гаошаньских племен и глубокого анализа собранного ими этнографического материала. Пытаясь познакомить китайского читателя с чуждыми ему представлениями, Хэ Лянькуй и Вэй Хуэйлинь прибегли к новым иероглифическим конструкциям, до тех пор не применявшимся ни в китайской, ни в японской литературе [18, с. 80—81]. Вместе с тем им не удалось четко дифференцировать такие религиозные понятия, как духи, души, что, естественно, затрудняет понимание действительной картины духовной жизни гаошань.

Судя по имеющимся данным, для аборигенов Тайваня характерны верования, соответствующие различным уровням развития, специфике культуры и традициям первобытнообщинного строя. По мнению исследователей, среди туземных племен рас-

пространена вера в *мана* — сверхъестественную, бесконечную, невидимую силу², заполняющую всю вселенную [20, с. 42, 65]. Мана воплощается в духах, отдельных предметах, животных, людях. Все они могут быть носителями мана [8, с. 37]. Мана проявляется в практической деятельности людей. Хэ Лянькуй и Вэй Хуэйлинь обозначили веру в мана одним термином *манаизм*, *фаньлинчунбай*, т. е. буквально поклонение всеобъемлющему духу [18, с. 81]³.

Наряду с манаизмом для всех туземных племен Тайваня характерна вера в духов, названная этнографами Хэ Лянькуем и его женой Вэй Хуэйлинь спиритизмом — *цзинлинчунбай*, т. е. поклонение духам [18, с. 80]. Данное понятие применяется указанными авторами достаточно широко и распространяется на анимизм, фетишизм, тотемизм.

Говоря о манаизме как одной из важнейших черт верований гаошань, следует заметить, что вера в мана сохраняется в наиболее чистом виде у ями, атаял и рукой. Ями верят, что всю вселенную напсляет бесформенный, лишенный телесной оболочки *буламсам*. Р. Торни сравнивал его с силой, указывающей небесный путь — *тэндо*, т. е. путь неба, законы неба, а затем определил его как «небесный путь добродетели и справедливости» [18, с. 81; 27, с. 99]. Буламсама боятся все. Буламсамом клянутся. Если кто-нибудь нарушит клятву или совершит проступок, то буламсам его непременно накажет. По мнению Торни, «этот небесный путь, рок, судьба отражает нравственные каноны, защищающие самым решительным образом их (ями.— М. Ч.) общественное устройство» (см. [27, с. 99]).

Аналогом буламсама у атаял является *утех* (*утух*) — не имеющая формы, начала и конца сверхъестественная сила, содержащаяся во всех предметах и явлениях, духах, включая обычно неназываемые души мертвых. «Их религиозные заботы,— по словам Р. Феррелла,— сводятся к коллективному задабриванию утех» [36, с. 31]. У рукой распространена вера в *айтитина* [21, с. 12; 24, с. 29], которая заполняет весь мир, воплощается в духах и человеческих душах.

Верования ями, атаял, рукой считаются наиболее примитивными [20, с. 4; 29, ч. 2, с. 65]. У них слабее всего развиты космогонические представления⁴. У ями и атаял отсутствует всякая изобразительная символика. Отсюда замечание Торни о том, что для ями «с религиозной точки зрения божества никакого значе-

² Первым ввел в научный оборот термин «мана» Р. Кодрингтон, давший его подробное описание на меланезийском материале. Наряду с пространством объяснением он кратко квалифицировал мана как понятие бесконечности у меланезийцев (см. [8, с. 17; 9, с. 463—464; 18, с. 85]).

³ Л. С. Васильев считает, что понятие «мана» соответствует древнекитайская категория *дэ* [2, с. 161]. Тайбэйские этнографы, однако, применили другое иероглифическое сочетание, где иероглиф *лин* имеет два значения — «душа» и «энергия», — что соответствует понятию «мана» [18, с. 80].

⁴ Их верования легче всего сравнить с верованиями ифугао на Филиппинах [6, с. 95].

ния не имеют. У них нет никаких культовых изображений» [28, с. 97]. У рукой теистическими символами служат орех бетеля, особый вид бамбука *тсикеси*, а также маленький глиняный сосуд. После второй мировой войны они — возможно, под влиянием соседей — стали пользоваться в ритуальных целях обрезками железа, сделав определенный шаг к фетишизму [24, с. 32].

Хотя о верованиях цоу и бунун не сложилось определенного мнения, но большинство исследователей считают, что религиозное мировоззрение этих племен и паюма, проживающих у Тайдуна, стоит на более высокой ступени развития. У цоу и бунун также существует вера в мана. На языке цоу понятие «мана» обозначается словом *хицуу*, а на бунунском — *хайто*. Тайдунские паюма называют мана *вириа*, что дословно означает «сверхъестественный всемогущий дух» [21, с. 12; 29, ч. 2, с. 65; 24, с. 30]. Однако главными персонажами пантеона этих племен являются божества, соединяющие в себе функции духов-творцов и духов-хозяев: Хамо и Нивенэ у цоу, Лианкармин у бунун, Пагэтао у тайдунских паюма [25, с. 29; 36, с. 34, 37]. Согласно легенде цоу, Хамо поднял небо над землей, изогнул его в виде сферы, на которой разместил светила, а затем, смирив солнце, поднялся на него. Оттуда он может сойти на землю [36, с. 37]. Р. Феррелл указывает, что имя Хамо означает «творец». Обычно оно табуируется, и обращаться к Хамо по имени можно только во время церемоний, связанных с охотой за головами. Цоу считают, что перед такого рода охотой Хамо спускается по священной смоковнице и посаженным около нее орхидеям на обрядовую территорию к сидящим там воинам. По поверьям цоу, тело Хамо излучает солнечный свет.

Если Хамо — мужское божество, то Нивенэ — женское. Это бестелесный, бесформенный дух, ассоциируемый с луной. Из листьев деревьев Нивенэ создала людей, научила их сельскому хозяйству и полезным ремеслам. Наряду с Хамо и Нивенэ особо почитается Акее Мамсой (Великий дед) — хозяин земли, дух-хранитель живых существ [36, с. 37].

О верованиях бунун нет подробной информации. Известно, что наряду с Лианкармином они поклоняются духу луны и неба *Деханину*. Однако неясно, персонифицированы ли они. Тайдунские паюма исповедуют три религии: христианство (католицизм, лютеранство), ханьскую, традиционную. По отрывочным данным трудно охарактеризовать их племенные верования. Известно только, что паюма из Тайдуна верят, что Пагэтао, подобно Хамо у цоу, Лианкармину у бунун, эманерирует излучение, которое нельзя ни видеть, ни осязать [25, с. 81]. Что касается верований этих племен, то при всем их различии (ярко выраженные элементы солярного культа у цоу, селенного у бунун) у них есть определенная тенденция к политеизму. Вера в мана играет второстепенную роль. Черты политеизма заметны в верованиях ами, пайванов, рукой, паюма из Катиполя. Ами, предки которых, по мнению Р. Торин и Т. Мабути [28, с. 515; 40, с. 91],

переселились на Тайвань с Каролинских островов, имеют самые развитые космогонические представления [35, с. 231; 36, с. 53].

Неизвестно, насколько сохранились в первоначальном виде традиционные верования ами, принявших в начале XX в. синтоизм, в 1945 г. — религию ханьцев, а в 1954 г. — христианство. Мана у ами называется *кавас*. Этим термином обозначаются все сверхъестественные существа, боги, духи, а также само понятие религии. Например, по-амэйски синтоизм — *кавас но нипун*, т. е. религия японцев, *кавас но тайван* — религия ханьцев [21, с. 12; 25, с. 81; 32, с. 60; 36, с. 53]. Наряду с *кавас* большую роль в религиозной жизни ами играют персонифицированные духи, изображение которых делается из камня. Особым почетом пользуются Малагосо, или Малагинай (Старец), — покровитель мужчин [28, с. 515] и Орал — дух дождя [21, с. 27; 32, с. 60].

Верования пайванов и рукай имеют много общего. У этих племен сложился институт наследственных вождей, что и отразилось в их духовной жизни. Вера в мана (*тсимас* у пайванов, *пулуну* у рукай) играет второстепенную роль по сравнению с солярным культом. У пайванов два бога солнца — Като и Накомати. Като — покровитель охотников, а Накомати — земледельцев. Когда пайваны были охотниками, они особенно почитали Като. С переходом к земледелию ведущую роль в пантеоне пайванов стал играть Накомати [43, с. 81]. По поверьям пайванов, солнце, опустившись на вершину горы, снесло два яйца — белое и красное⁵. Из одного появился мужчина, из другого — женщина, ставшие предками вождей. Предки рядовых общинников вылупились из яиц, снесенных большим зеленым змеем [38, с. 2; 43, с. 82]. Рукай верят, что солнце снесло яйцо в кувшин, где его прокусила большая змея. Оттуда вышли девочка и мальчик — предки вождей [23, с. 144; 24, с. 32]. По другой версии, яйца, лежавшие в кувшине, были оплодотворены лучами солнца [26, с. 272; 36, с. 44].

Развитие политеизма у пайванов и рукай отразилось и в религиозной символике, особенно развитой у пайванов. В отличие от большинства гаошань пайваны делают в основном из дерева изображения божеств, а также вырезают их на каменных стенах своих жилищ [26, с. 113].

По своим верованиям паума из общины Катиполь резко отличаются от своих соплеменников, проживающих в районе Тайдуна. Наряду с верой в мана (*бироа*) они имеют пантеон, возглавляемый творцом (*паровай*) по имени Дхемовай. Дхемовай сотворил небо, землю, воду. Он распоряжается жизнью и смертью людей, а также духами. «Живет Дхемовай на северной стороне небосклона. Никто не представляет себе его внешнего вида. Помощник Дхемовай — всевидящее небесное божество Каитсан восседает на солнце, которое рассказывает ему обо

⁵ Поверья об исходе из яйца существуют, в частности, и в Индокитае [12, с. 41; 13, с. 62—73].

всем происходящем на земле. Каитсан, в свою очередь, передает эти сведения Дхемовая, а тот решает, кого из людей оставить жить, а кого умертвить» [42, с. 258]. Духом-хозяином и одновременно покровителем четырех сторон света, земли, гор, моря, зверей, птиц является Миалакоп, которого Д. Шрёдер называет богом [42, с. 258]. Во время молитв имена Дхемовая, Каитсана, Миалакопа строго табуируются. Молящиеся могут только перечислять в превосходной степени их титулы и культовые функции, не называя имен. Чем больше упоминается титулов, тем лучше будет услышана молитва [42, с. 258].

Анимизм, основной чертой которого является вера в одушевленность всего сущего, включая веру в существование душ живых людей и духов умерших, широко распространен у всех аборигенов Тайваня. Разумеется, представления о душах у гаошань не совпадают с представлениями народов развитых классовых обществ. Поэтому нами это понятие используется условно. Незрелость представлений о душе у аборигенов Тайваня сказалась в терминологии; например, они обозначают весь сонм живых и мертвых духов тем же термином, что и мана. Лишь ями называют всех духов единым обобщающим названием — *анито*. У народностей висайя на Филиппинах так называют духов предков [27, с. 98]. Представление о количестве душ в человеке варьирует от одной (у атаялы) до восьми (у сайсят). Цоу, ами, рукой, бунун полагают, что у живого человека две души — добрая и злая: добрая — в правой половине тела, злая — в левой [29, ч. 2, с. 66]. По мнению паюма из Катиполя, у человека три души: — одна в голове, две — в плечах. Сайсят верят в существование у человека восьми душ. Имеется предположение о том, что вера во множественность душ у большинства гаошань ассоциируется с представлениями о деятельности отдельных органов человеческого организма, как это имеет место, например, у некоторых народов нашего Севера [10, с. 31—34; 22, с. 69]. Так, ями считают, что у человека несколько анито: главная душа в голове, остальные — в суставах. Атаялы представляют себе душу в виде птицы, называя ее, как и мана, утех. Любопытно, что по-атайальски «глаза» и «аорта» — тоже утех [14, с. 25]. Возможно, атаялы считают, что глаза и аорта тоже имеют свои души, либо связывают их функции с жизнью человеческой души.

У всех туземных племен смерть означает превращение души живого человека в душу мертвого. Души умерших опасны, ибо забирают с собой души живых. Поэтому ями и ами хоронят покойника в сидячем положении и связывают его веревками. Ями водружают над могилой большой камень, чтобы защитить себя от духа умершего [27, с. 68, 101—102], никогда не приближаются к местам захоронений, обходят трупы, не пользуются вещами скончавшегося сородича. Опасаясь, что дух умершего может проникнуть в жилище, на ночь плотно закрывают дверь. Ночью ями не выходят в одиночку из дома — боятся роковой встречи с духом мертвеца. На лодках ями устанавливают две

мачты с парусами. Они уверены, что это позволит, во-первых, отогнать духи умерших, во-вторых, развить максимальную скорость и уйти от них. Чтобы защититься от духов смерти или болезни, около жилища втыкают копьё [27, с. 99]. Ями уверяют, что злобные духи скончавшихся сородичей улетают на небо, где превращаются в звезды — *матоно-аните* (глаза души). Сайсят верят, что души людей (*азум*) превращаются после смерти в восемь злых духов *хофун*. Они витают над мертвым телом, подстерегая живых. Поэтому сайсят, как и ями, боятся покойников.

По поверьям цоу, ами, рукой, бунун, пайванов, душа человека после смерти превращается в тень. Такие представления существуют и у некоторых других народов, например у батаков в Индонезии. Это отразилось и в языках перечисленных гаошаньских племен. Тень и душа умершего обозначаются у них одним и тем же словом [26, с. 215; 21, с. 12].

Души, по мнению паюма, рукой, цоу, бунун, делятся на хороших и плохих. К первой категории относятся души умерших своей смертью, ко второй — погибших от голода или убитых [20, с. 78; 24, с. 32; 38, с. 15; 43, с. 72]. Если первых ожидает рай — продолжение земной жизни, то вторые попадают в ад, становятся демонами, и их надо опасаться⁶. Попав в рай и очистившись, хорошие души могут реинкарнироваться в души хороших людей. Плохие так и остаются злыми духами. У ами и паюма из Катиполя существуют понятия о перерождении душ, возникшие, по мнению Д. Шрёдера, независимо от буддизма [42, с. 268]. Ами полагают, что прежде всего предназначаются для нового рождения души тех, кто чтит предков и сохраняет потомство. Плохие души захватывает Калиакс — дух человека, умершего насильственной смертью. Он сбрасывает их со скалы, и злые духи, разлетевшись, кидаются на людей [32, с. 60]. Катипольские паюма также считают, что место плохих душ в аду. Хорошие души спускаются в подземный мир, а затем поднимаются в небесный рай, охраняемый живущим на севере Дхевомаем. Души вождей и шаманов попадают туда сразу. Души остальных создатель очищает для нового рождения [20, с. 39; 25, с. 19; 42, с. 268].

Вообще в верованиях гаошань отражается социальная структура того или иного племени. Пайваны думают, что души хороших людей попадают в мир теней *салем*, находящийся на вершине горы Даушань — самой высокой точке юга Тайваня. Они продолжают здесь жить по законам существующей у пайванов иерархии [26, с. 272; 38, с. 14; 43, с. 82]. Возглавляя мир теней души вождей. Аналогичная картина у рукой. Атаялы общины Меликоан, по словам Иссии Синдзи, полагают, что души умерших долетают до своеобразного чистилища — небесного моста *хангооутух*⁷. Отсюда души лучших людей — самых храбрых охотников за головами и искусных ткачих — следуют в рай, на

⁶ Разумеется, понятия «рай» и «ад» в данном случае условны.

⁷ На атаальском языке таким же словом обозначается радуга. Возможно, у атаялы радуга ассоциируется с небесным мостом [38, с. 15].

вершину пика Цзяобаньшань, где продолжают земную жизнь. Души остальных попадают под мост, в грязный ад [38, с. 15].

Другая сторона анимизма — вера в добрых и злых духов природы и жизни человека. К первым относятся духи плодородия, деторождения, охоты на животных и за человеческими головами, рыбной ловли и т. д.; ко вторым — духи болезней, эпидемий, стихийных бедствий. Кроме злых духов гаошань верят в целый сонм привидений-призраков. Они водятся в лесах, на горах, в реках, озерах. Встреча с привидениями приводит к тяжким недугам или к гибели [29, ч. 2, с. 66—68]. Добрым духам молятся, приносят жертвы, просят их о защите, об удаче, злым — посылают проклятия. Больше всего духов (тридцать три) у ами, меньше — у ями, бунун, цоу [29, ч. 2, с. 32, 69—70]. Все духи природы одновременно покровительствуют человеческой деятельности: дух гор является духом охоты, дух воды — духом рыбной ловли и т. д. Иногда один дух, например Аки Мамеой у цоу, совмещает несколько функций [29, ч. 2, с. 75]. В отдельных случаях дуалистические представления о происхождении предметов и явлений переносятся на мир духов. Так, паюма из Катиполя считают мужского духа Тававатава и женского Пуроакх творцами морских животных, а также родоначальниками и покровителями китайцев, японцев, европейцев.

У всех туземных племен, кроме ями и атаялы, существует культ предков. Слабее всего он развит у цоу и больше всего распространен у паюма, сайсят, рукай, пайванов. Причем у некоторых гаошаньских племен существует не только культ предков каждого человека, но и культ племенных предков, как у цоу и ами, или групповых, как у сайсят. Интересно, что сайсят считают своими предками пигмеев и поклоняются их духу Паслторан [29, ч. 2, с. 73]. У рукай и пайванов наряду с культом индивидуальных предков развит культ предков вождей. Церемонии, связанные с культом предков, совершаются с различной периодичностью: у цоу — раз в году, у пайванов в одних общинах — раз в три года, в других — раз в пять лет. У некоторых племен значительно чаще. Большинство гаошань не имеют ни храмов предков, ни их изображений. Однако у пайванов, паюма и рукай есть храмы предков вождей. Кроме того, у пайванов существуют таблички с условными изображениями предков [20, с. 77; 22, с. 1—2]. Вэй Хуэйлинь считает, что храм предков объединяет туземцев [20, с. 77].

У гаошань распространен культ предков растений, в частности проса и риса — злаков, играющих решающую роль в хозяйственной жизни аборигенов. У пайванов, рукай, ами, бунун, паюма, сайсят, цоу это прежде всего культ предков проса, хотя у ами и паюма есть еще культ предков риса. У атаялы культ предков риса является доминирующим. Туземцы обращаются к духам предков злаков накануне посевной с просьбой об урожае, а после уборочной — с благодарностью за урожай. Культ предков проса и риса сливается с культом плодородия. Это отрази-

лось в многочисленных ритуальных праздниках духов предков проса и риса.

Так, пайваны отмечают двадцать праздников в честь духа предков проса [43, с. 82]. С культом плодородия связаны и предания о сверхъестественном происхождении злаковых. У пайванов распространено несколько преданий о появлении проса. По одной версии, зерно проса бросили на землю духи, по другой — его принесли с неба брат и сестра. Согласно бунунскому преданию, дух проса бросил на землю тыкву с зерном. Ами рассказывают о женском божестве, принесшем в тыкве просо и рис. Паюма связывают появление проса с женщиной, доставшей просо на острове Хуантоуй и спрятавшей его во влагище. Среди атаялов распространено предание о птицах, которые приносили рис предкам, пострадавшим от потопа [15, с. 180—182; 23, с. 30; 40, с. 88—95].

Кульмифических и полумифических героев широко распространены среди аборигенов. У ами таким является Коакли, женившийся когда-то на яванке. От этого брака, по преданию, произошли малайцы. Тот же герой якобы дал голландцам алфавит. Его тело от рождения было покрыто непонятными знаками. Голландцы убили его, сняли кожу, а обнаруженные на ней изображения использовали для составления алфавита [35, с. 253—254].

Среди гаошань распространён тотемизм. Бунун считают, что произошли от навозного жука, атаялы и сайсят — от бамбука и скалы, ями и паюма — от бамбука [29, с. 42, 144—146]. Многие туземцы обозначают своих высших духов тотемными знаками. По поверьям цоу, тотемный знак Хамо — медведь, а у Аки Мамеой два тотема — змея и леопард [36, с. 37]. Мифы и предания индонезийцев Тайваня содержат интересные сведения об их тотемических представлениях [15, с. 181]. Тотемизм отразился и в отдельных мотивах татуировки [31, с. 7—10].

Фетишизм у горцев Тайваня имеет также многообразные формы. Атаялы, пайваны обожествляют горы и солнце, цоу — орхидеи, смоковницу, ями — океан, паюма — скалы, определенного сорта траву, якобы вызывающую дождь. Все племена наделяют сверхъестественными свойствами некоторые породы птиц, змей и животных, а также небесные светила, в первую очередь солнце и луну [29, ч. 2, с. 65].

У гаошань существуют и различные виды магии. Исследователи отмечали широкое распространение запретительной магии — табу. Туземцы, по замечанию Д. Шрёдера, «живут в клетке из запретов и табу» [42, с. 291].

У всех племен имеются следующие запреты: нельзя смотреть на землю, на тигровую горную кошку, на покойника, на место смерти, на затмение солнца и луны, на солнечную корону и гало луны, сморкаться, чихать, есть головы и хвосты животных. Женщины не должны касаться мужских орудий труда и оружия, входить в мужской дом. Мужчины не могут трогать мотыг,

кухонной утвари, ткацких станков и одежды, принадлежащей женщине. У некоторых племен не разрешается есть мясо, рыбу, касаться конопли, тушить огонь, наносить татуировку женщинам во время менструации или татуироваться, когда в селе кто-то умер. Запрещен инцест. Еще в первой половине XX в. запретительная магия распространялась и на фотографию. Туземцы зачастую убивали иностранцев, пытавшихся их фотографировать. Не допускали они и антропологических измерений. Вероятно, фотоаппарат и кронциркуль казались гаошань орудиями вредоносной магии [7, с. 59; 17, с. 148; 16, с. 62]. Широко практикуется также промысловая магия, связанная с земледелием, охотой, рыболовством. Многие гаошань прибегают к магическим действиям для изгнания злого духа засухи и для вызова доброго духа дождя. Ами для этого, например, разбивают стены мегалитических сооружений [28, с. 518].

У всех тайваньских аборигенов, исключая ями, распространена и такая разновидность военной магии, как охота за головами. У гаошань, как и у других первобытных народов, нет существенной разницы между войной и охотой [3, с. 220; 14, с. 265; 41, с. 268]. Поэтому нет различий в магическом ритуале, связанном с охотой на человека и на животных. Выход на охоту связан с мантикой — гаданием по пению птиц, сновидениям и т. п. У цоу и атаялы магическое значение придается огню. Перед походом военный предводитель цоу вставляет в кусок сухого дерева палочку и, вращая ее, получает огонь, который торжественно опускают в очаг, расположенный у мужского дома. Затем предводитель с зажженным в священном очаге факелом возглавляет охотничий отряд.

Атаялы под руководством вождя племени или родовых старейшин в присутствии всех сородичей опускают в чан с водой два мешка. В одном лежит железо, в другом — камень. Одновременно они произносят слова клятвы *мубингасуа* и просят духов охоты об удаче. Вытащив камень и железо, высекают огонь, направив его в сторону врага, положив в очаг кусок горящего дерева. Как перед походом за головами, так и перед охотой на животных цоу и атаялы гадают по полету и пению птиц [30, с. 49]. В обоих случаях огонь в очаге не только олицетворяет удачу, но и является символом сохранения рода. Если огонь погас, значит, род вымер. Выход на охоту на людей и животных сопровождается жертвоприношениями, чтобы умиловить духов охоты. Так, паюма, пайваны, рукай, сайсят убивают обезьян, как бы заменяющих объект охоты — людей. Большинство горцев считают обезьян нечистыми тварями. По пайванскому преданию, они появились на свет из кусков мяса блудницы, убитой и разрезанной на части мужем. Обезьяньи хвосты — верный признак греха. Если человек совершит аморальный поступок, у него вырастает хвост [29, ч. 2, с. 73; 43, с. 102].

Охота за головами у гаошань, как и у других первобытных племен, вызвана целым комплексом причин, связанных с пред-

ставлениями о благосклонности духов войны и охоты, духов предков, души убитого врага, сила которого переходит победителю, с укреплением морального и социального статуса, с разрешением на брак, с доказательством правоты в споре, обрядом инициации, с кровной мстью и, наконец, с медицинской магией. Туземцы считают, что выставленные на шестах вокруг селений головы врагов — защита от эпидемий. На деле они гниют и являются источником инфекций [7, с. 60; 17, с. 148]. Японские и китайские власти самыми суровыми мерами искоренили этот обычай. Сейчас он почти исчез, однако иногда возникают рецидивы «сенокоса», как называют аборигены эту охоту [31, с. 39].

Медицинская и вредоносная магия у горцев Тайваня связана с шаманизмом. Больше всего шаманизм распространен у паюма. До второй мировой войны шаманки были в каждой семье паюма. К середине 60-х годов их осталось только двадцать. Это само по себе показатель упадка традиционных верований. В настоящее время институт шаманов выступает как политическая сила, стремящаяся сохранить в неприкосновенности родовые отношения, всю материальную и духовную культуру аборигенов [42, с. 289—290]. У блшинства гаошань шаманизмом занимаются женщины, а у атаялы, цоу, сайсят — мужчины. Шаманы делятся на низших — знахарей и высших, совмещающих знахарство и магию, распространяющуюся на все стороны жизни племени. Высшие шаманы гадают об урожае, об охоте за головами, строительстве, судебном приговоре [33, с. 98]. Ремесло шамана либо передается по наследству, либо для этого подбирают детей, обладающих определенными психофизиологическими способностями [34, с. 182; 39, с. 598]. Некоторые становятся шаманами из престижных соображений [34, с. 182; 39, с. 598]. Никаких возрастных ограничений на занятия шаманизмом и знахарством у гаошань, как правило, нет. Только у пайванов разрешается шаманить женщинам до 30—35 лет [43, с. 83].

Важнейшим элементом шаманской практики является так называемое общение с духами с целью узнать их волю [33, с. 98]. Для этого атаялы берут две короткие бамбуковые палки, ставят их между большими пальцами ног, на заостренные концы палок кладут трубку с водой. Если трубка удержалась — хорошее предзнаменование, упала — плохое. Шаманки у паюма с этой целью распускают волосы, ложатся на землю, пьют вино и определяют результат гадания по звуку бубенчика. Сайсят окунают бамбуковую палку в чашку с водой и, приложив к уху, «слушают» слова духов [29, ч. 2, с. 76, 78—79].

Шаманы и знахари изгоняют болезни, прибегая к заговорам и натиранию. Больное место натирают корнем айрника, листьями пырея, костями животных. В зависимости от эффекта такая манипуляция может делаться несколько раз. Иногда на больного надевают ожерелье из корня айрника. Если боль не утихает, к пациенту привязывают петуха или свинью, на которых должен перейти недуг. Затем их убивают и сжигают, чтобы другие не

заболели. Атаялы, цоу, бунун прикладывают больному листья арека и банановой пальмы. Существует и другой способ: опускают травы в воду и капают этим раствором на больное место [29, ч. 2, с. 77—79].

При помощи вредоносной магии вызывают болезнь или смерть. По легенде атаялов, у них когда-то жил специальный шаман, державший хищную птицу *хауне* — носителя смерти. Увидев ее, человек якобы умирал. Используя *хауне*, шаман терроризировал племя. Атаялы, сговорившись, убили шамана и *хауне*. С тех пор у них нет вредоносной магии [29, ч. 2, с. 80]. Шаманы — специалисты вредоносной магии и сейчас есть у бунун. Последние верят, что такому шаману достаточно назвать имя человека и показать на него пальцем, чтобы тот умер. Существует и другой прием: шаман посылает голову золой, а затем сбрасывает ее на спящего обидчика. После этого, по поверьям бунун, следует смерть. Умертвить противника можно и так: посыпать золой листок или травинку, взяв их в правую руку, а левой поднести ко рту дудку и сыграть соответствующую мелодию. Затем произнести заклинание, называя имя своего врага, а листок бросить в огонь, тогда недруг обречен. Гаошань думают также, что если шаман бросит на одежду или жилище противника немного золы, то последний обязательно заболеет [29, ч. 2, с. 80].

Церемониями, связанными с культом предков, сельскохозяйственными работами, охотой за головами, могут руководить не только шаманы, но также и все лица, отвечающие за отправление культов: вожди, старейшины, главы семей [24, с. 34; 30, с. 98].

Выше мы рассмотрели отдельные черты верований горцев Тайваня. Как видно, у них много общего с верованиями соседних племен пинпу, а также с родственными гаошань народами Тихоокеанского бассейна [1; 3; 4; 5; 6, с. 92—95; 11; 12; 19, с. 34—36].

Вместе с тем есть немало сходных черт между духовной культурой аборигенов Тайваня и других племен, живущих в условиях первобытнообщинного строя в различных районах земного шара. Таким образом, имеющиеся материалы подтверждают известную истину о том, что подобные друг другу формы общественного сознания порождаются сходными социально-экономическими условиями.

Литература

1. Бернова А. А. Племенные верования малых народов Индонезии (конец XIX — начало XX в.). — Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.
2. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
3. Иванова Л. А. Охота за головами у маринд-аним и время ее возникновения. — Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.

4. *Маретин Ю. В.* Батаки — народность Северной Суматры. — Страны и народы Востока. Вып. 6. М., 1968.
5. *Маретин Ю. В., Трисман В. Г.* Пережитки ранних форм религии у индонезийских рыболовов. — Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
6. Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
7. *Мольтрехт А.* Четыре месяца зоологической работы среди дикарей центральной и южной Формозы. — Известия Имп. Русского географического общества. Т. 52. Вып. 1. СПб., 1916.
8. *Мордасова И. В.* Способности, мана, судьба. — Социально-психологические аспекты критики религиозной морали. Вып. 3. Л., 1976.
9. Народы Австралии и Океании. М. — Л., 1956.
10. *Попов А. А.* Душа и смерть по воззрениям нганасанов. — Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
11. *Ревуненкова Е. В.* Народы Малайзии и Западной Индонезии. М., 1980.
12. *Стратанович Г. Г.* Народные верования населения Индокитая. М., 1978.
13. *Стратанович Г. Г.* Этногенетические мифы об исходе из яйца или из тыквы у народов Юго-Восточной Азии. — Этническая история и фольклор. М., 1977.
14. *Чигринский М. Ф.* Из истории религии аборигенов Тайваня (по свидетельствам миссионеров). — Страны и народы Востока. Вып. 20. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4. М., 1979.
15. *Чигринский М. Ф.* О фольклоре гаошань. — Литература стран Дальнего Востока. М., 1979.
16. *Чигринский М. Ф.* Российский офицер Пауль Ибис и его записки о путешествии по Тайваню. — Страны и народы Востока. Вып. 24. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 5. М., 1982.
17. *Чигринский М. Ф.* Воспитаник Тартуского университета врач А. К. Мольтрехт — исследователь Дальнего Востока. — Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. Т. 15. Tartu, 1983.
18. *Чигринский М. Ф.* Об нероглифических обозначениях религиозных понятий аборигенов Тайваня. — Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983.
19. *Шпажников Г. А.* Религии стран Юго-Восточной Азии. М., 1980.
20. *Вэй Хуэйлинь.* Бинаньцзуду мусишицзу ю си чжиду (Матрилинейная кланово-линейная система у паюма). — Каогу жэньлэй сюэкань. Тайбэй, 1962, № 19—20.
21. Гэнго ниеру Тайван Такасагодзо денсэцу сю. Фуоку (Сборник преданий аборигенов Тайваня с текстами на туземных языках). Тайбэй, 1935 (прил.).
22. *Лин Чуньшэн.* Чжунго гудай чжу шэнь ю яиньсин ци чунбай (Поклонение духам предков и символам гениталий в древнем Китае). — Каогу жэньлэй сюэкань. 1966. № 8.
23. *Саяма Юкити, Ониси Есихиса.* Сэйбан дэнсэцу сю (Сборник легенд аборигенов Тайваня). Токио, 1923.
24. *Се Цзичан.* Тайдунсянь Данань цунь рукай цзу миньцзу сюэ дяоча цзяньбао (Краткий отчет по изучению племени рукай деревни Данань Тайдунского уезда). — Каогу жэньлэй сюэкань. 1966, № 27.
25. *Сун Луньшэн.* Тайдун пиньаоньды паюма цзу дяоча цзяньбао (Краткое сообщение о племени паюма, проживающем на Тайдунской равнине). — Каогу жэньлэй сюэкань. 1964, № 23—24.
26. Тайван такасагодзоку кэйто сэдзоку но кэнкю (Изучение генеалогии аборигенов Тайваня). Т. 1. Тайхоку, 1935.
27. *Ториш Рюдзю.* Хуантоуюй сё тодзоку тёси хококу (Доклад об обычаях туземцев острова Хуантоуюй). Токио, 1902.
28. *Ториш Рюдзю.* Тайван но кодай сэки дзоибуцу ни сютэ (Относительно мегалитических памятников на Тайване). — Миндзоку. 1927, т. 1, № 3.
29. *Хэ Лянькуй, Вэй Хуэйлинь.* Тайвань фэн тунчжи (Описание местных обычаев на Тайване). Тайбэй, 1966.
30. *Хэ Тинжуй.* Тайвань тучжцзу вэньшэнь си сучжи яньсюэ (Изучение обычаев татуировки у аборигенов Тайваня). — Каогу жэньлэй сюэкань. 1960, № 15—16.

31. *Хэ Ганкоу*. Юань тайцзяо летоу иля бяобань (По поводу типов тор-
жественных обрядов, связанных с охотой за головами).— Каогу жэньлэй
сюэкань. 1954, № 4.
32. *Юань Чанжуй*. Ганкоу амэй дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об ито-
гах обследования ами у Ганкоу).— Каогу жэньлэй сюэкань. 1964, № 23—24.
33. *Chen Chi-lu*. Age Organization and Men's House of the Formosan Aborigi-
nes.— Каогу жэньлэй сюэкань. 1965, № 15—16.
34. *Coe Mihail D.* Shamanism in the Bunun Tribe. Central Formose.— Ethnos.
Stockholm, 1959, № 4.
35. *Egli Hans*. Neusteinzeitliche Typenkreise an der Ostküste von Taiwan.—
Anthropos. Wien, 1972, vol. 67, № 1/2.
36. *Ferrell R.* Taiwan Aboriginal Groups: Problems in Cultural and Linguistic
Classification. Taipei. Taiwan, 1969.
37. *Ibis Paul*. Aus Formosa.— Globus. T. 30. B., 1877.
38. *Ishii Shinji*. The Island of Formosa and its Primitive Inhabitants. L., 1916.
39. *Jen-ho Wu*. Shamanism and Aspects of Believers of the Eastern Paiwan.—
Anthropos. 1972, vol. 61, № 3—6.
40. *Mabuchi Toichi*. Ethnology of the Southwestern Pacific. The Ryukus — Tai-
wan — Insular Southeast Asia. Taipei. Taiwan, 1974.
41. *Mackay G. L.* From Far Formosa. Edinburg and London, 1900.
42. *Schröder D.* Die Payuma von Katipol (Taiwan) und ihre Religion: Ein Kurz-
bericht aus dem Felde.— Anthropos. 1966, vol. 61, № 1—2.
43. *Tu Er-wei*. The Economic Life of the Paiwan.— Каогу жэньлэй сюэкань.
1963, № 13—14.

С. В. Иванов

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА И ПОЛ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОБРЯДАХ НАРОДОВ АЗИИ (к постановке вопроса)¹

При рассмотрении этнографических явлений приходится иногда сталкиваться с фактами, которые, несмотря на свой интерес, не привлекали к себе достаточного внимания и вследствие этого оставались мало или вовсе не изученными. Некоторые из них выявляются лишь при сравнительно-сопоставительном изучении, так как только таким путем обнаруживают свою повторяемость у ряда народов, скрытую в каждом отдельном случае от наблюдателя.

К таким, не вполне пока ясным фактам относится связь между представлениями о числе, с одной стороны, и полом — с другой, прослеживаемая в символике чисел, верованиях, обычаях и обрядах многих народов, связь, остававшаяся до сих пор не исследованной.

О числовой символике существует довольно значительная литература, охватывающая как древний мир, так и современные народы. Много внимания, в частности, уделено таким числам, как три, семь, девять.

Эта взаимосвязь обнаруживается, в частности, у ряда народов Азии и, как можно предполагать, не является случайной. Приводимые ниже факты позволяют прийти к заключению, что представления о ней возникли в глубокой древности и отличались более или менее устойчивым характером. Указанная связь выражалась в том, что представления о мужчине и мужском начале ассоциировались с нечетными числами, в то время как представления о женщине и женском начале — с четными.

Обобщая данные, касающиеся числовой символики, Леви-Брюль пишет: «Двойственность часто противостоит единству своими... противоположными свойствами. Она означает, содер-

¹ Впервые эта тема была затронута нами на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР в докладе, прочитанном 31 мая 1941 г. В 1959 г. ее коснулся В. Н. Чернецов в своей статье, посвященной представлениям о душе у обских угров. Он отметил наличие половой семантики чисел кроме угров у азиатских эскимосов, нивхов и яванцев, считая ее «достаточно универсальной» [19, с. 117].

жит в себе, порождает противоположное тому, что обозначается и порождается единством» [12, с. 138].

Проиллюстрируем сказанное на ряде примеров.

В шумерском языке два первых числа символизировали мужчину и женщину. Слово *dil* первоначально означало «мужчину», «человека», позднее — «один», «прямой». А. Унгнад предполагает, что между числом «два» (*min*) и «женщиной» (*mim*, *min*) существовала такая же связь, как между «один» и «мужчина» [28, с. 29—30]. Это предположение, по мнению некоторых ученых, является вполне обоснованным и заслуживающим внимания [16, с. 184]. Представления о мужских и женских числах и их символика отражены в эламских печатях [27, с. 186—187]. По словам Унгнада, эти идеи оказали влияние и на мыслителей античной эпохи, например на Пифагора, который пришел к выводу о том, что «один» представляет собой «мужской и прямой принцип», «два» — «женский и не прямой» [28, с. 30]². Далекие отголоски идей этого рода прослеживаются у сванов, которые с числом два связывают представление о женщине [13, с. 92].

Давно и хорошо известна древняя числовая символика, разработанная китайской натурфилософией. В яркой форме она раскрывает представления о мужском и женском началах в природе. Символическое изображение идеи о единстве двух противоположных начал в ней нашло свое графическое выражение в восьми священных знаках «ба-гуа», изобретение которых приписывается легендарному китайскому государю Фу-си, жившему якобы в конце III тысячелетия до н. э. Каждый из этих знаков представляет собой триграмму, состоящую из комбинации одиночных и двойных линий. Непрерывная линия символизирует мужское начало, прерывистая — женское [24, с. 33]. Иными словами, мужское начало выражено целостностью, нечетностью, в то время как женское — двойственностью, четностью. В центре восьми триграмм, располагающихся обычно по кругу, помещается знак «инь-ян» — символ соединения женского и мужского начал в природе. Таким образом, китайская, а также японская и корейская символика этого рода раскрывают генезис представлений народов Дальнего Востока о двух первых числах.

Отголоски этих представлений сохранялись у народов Востока до недавнего времени. Символическое значение они придавали не только отдельным числам, но и их сумме. Так, в китайской алхимии пять первых нечетных чисел — один, три, пять, семь и девять, — составляющих в сумме двадцать пять, относились к «ян», в то время как пять четных цифр — ноль, два, че-

² Позже, в сочинении римского зодчего и историка архитектуры Витрувия, мы находим близкие идеи. Он писал: «...при изобретении двух различных видов колонн они (греки.— С. И.) подражали в одном из них (дорическом ордере.— С. И.) неукрашенной... мужской красоте, а в другом (ионийском ордере, с криволинейными формами капителей.— С. И.) — утонченности женщин, их украшениям и соразмерности» (цит. по [2, с. 279]).

тыре, шесть и восемь,—составляющих в сумме двадцать,—к «инь» [9, с. 96].

Представления о мужском, нечетном, светлом, небесном принципе «ян» и женском, четном, темном, земном принципе «инь» пронизывали не только философские сочинения китайцев, но находили отражение и в их верованиях и обрядах. Подобными представлениями объясняется, в частности, боязнь китайцев одевать покойника в четное число одежд, так как это отдает его под власть темного, женского начала. Последнее же обстоятельство, по их мнению, не только может оказать неблагоприятное действие на судьбу умершего в загробной жизни, но и отрицательно повлиять на живых его потомков, поскольку под властью «инь» пребывают демоны [8, с. 216, 222].

При входе каждого посетителя в дом, где находится покойник, китайский музыкант ударял несколько раз по большому кожаному барабану. Если посетителем был мужчина, давался один удар, если женщина — два [3, с. 13]. В Корее после смерти человека на листке бумаги писалось, кем являлся умерший для родных. Листки эти сохранялись для мужчин в продолжение трех лет, для женщин — двух [14, с. 53]. Те же представления нашли отражение в учебнике тибетской медицины. При зачатии, говорится в нем, «в первые (после окончания менструаций.—С. И.), третьи, пятые, седьмые и девятые сутки бывают мальчики; во вторые, четвертые, шестые и восьмые... девочки» [17, с. 61].

Приведенными примерами не исчерпывается фактический материал по затронутой теме. Однако его вполне достаточно для доказательства двух положений: 1) о существовании у народов Дальнего Востока и Тибета вполне устойчивых представлений о связи между числом и полом и 2) о развитии их в двух направлениях — по линии соединения представлений о женском начале с четностью и мужском начале с нечетностью.

Обратимся к некоторым народам Советского Союза. У нивхов умершего мужчину оставляли в доме в течение трех дней, женщину — в течение четырех (устное сообщение Ч. М. Таксами, нивха по национальности, сотрудника ленинградской части Института этнографии АН СССР, 1972 г.). При сожжении умершего на погребальном костре клетку для мужчин они складывали из трех плах, для женщин — из четырех [10, с. 277]. Подобные представления отметил у нивхов и Л. Я. Штернберг, но удовлетворительного объяснения их мы у него не находим. В одной из своих работ он пишет: «Число три и все кратные трех для мужчин магическое число (по числу перьев на стреле), точно так же как для женщины — два и кратные двух (по числу концов чумашки³, изготавливаемой женщинами). При погребении, например, мужчину одевают в один, три, девять халатов, жен-

³ Чумашка — берестяной туес, как правило четырехугольной формы (для сбора лесных ягод).

щину — в два, четыре, восемь, шестнадцать и т. д.» [21, с. 176, примеч.]. В другом месте, относительно сахалинских нивхов, тот же автор отмечает, что любимую собаку покойного кормили из его чашки три года, если он был мужчиной, и четыре года — если женщиной (см. [10а, с. 328]).

У нанайцев на обруче, называемом *сильва(н)* и употреблявшемся при лечении больных, вырезалось девять изображений, причем пять из них представляли собой мужских духов, а четыре — женских. На некоторых культовых изображениях тех же нанайцев, например на головах деревянных фигур злого духа, именуемого *городо*, также вырезывались девять небольших фигурок духов. Четыре из них, с головами заостренной формы, означали женщин, пять других, с плоским теменем, — мужчин [22, с. 515, 516]. Удэгейцы надевали на умерших мужчин нечетное число пар одежд, на женщин — четное [1, с. 46].

У бурят в одном из шаманских обращений к солнцу и луне находим: «Восьмикруговое солнце — мать, девятикруговой месяц — отец» [15, с. 111]. Следует отметить, что солнце у бурят считалось женщиной, и поэтому ему соответствовало четное число кругов, в то время как месяцу — мужчине — нечетное. У тех же бурят утром, перед циклом главных свадебных обрядов, невесте расплетали косу и вместо нее заплетали на правой стороне головы девять мелких косичек, на левой — восемь. Косы на правой стороне означали будущих сыновей, на левой — дочерей [18, с. 66].

Согласно представлениям манси (вогулов), женщина имела четыре души, мужчина — пять [19, с. 117]. Медвежий праздник у них продолжался не менее четырех дней, если убивали медведицу, и не менее пяти — если взрослого медведя [5, с. 44]. В знак траура по умершему родственнику распускали волосы: женщины — в продолжение четырех дней, мужчины — пяти дней [6, с. 44]. То же соотношение между числом и полом мы находим у хантов (ссымаков). Если был убит медведь, то праздник в его честь продолжался в течение пяти дней, если убита медведица — то четырех [7, с. 3]. Ваховские ханты держали при этом в юрте шкуру медведя-самца пять дней, шкуру самки — четыре [20, с. 111]. У обдорских хантов во время похорон одна из присутствовавших при этом старух обводила по краям гроба белым хвостом пять раз для мужчины и четыре раза для женщины [4, с. 488]. Нечетные мужские и четные женские числа фигурировали и в период траура по умершему. Он состоял в том, что родственники покойного снимали пояса и подвязки от пимов. Если умер мужчина, то ходили пять месяцев без подвязок и четыре дня без поясов [4, с. 401]. У тех же обдорских хантов фигуру, изображавшую покойника, одевали, ставили перед нею воду для умывания и чашку с пищей в продолжение пяти лет для мужчины и четырех лет — для женщины [4, с. 491].

Казымские ханты, совершая обряд жертвоприношения,

обмазывали кровью жертвенного животного или птицы один из углов дома: это делалось на четвертый день после смерти женщины и на пятый день после смерти мужчины (устное сообщение этнографа Н. Ф. Прытковой, 1939 г.). Половая символика четных и нечетных чисел широко отражена и в погребальных обрядах манси [16а, с. 232].

О народах самодийской группы, эвенках и большинстве тюркоязычных народов Сибири интересующие нас данные носят отрывочный характер. О якутах, например, известно, что в исполнении ими старинного обряда, целью которого было увеличение плодovitости женщин, участвовало восемь девушек и девять юношей [10а, 104]. Примеры связи между четными и нечетными числами и полом можно наблюдать и у народов других стран и континентов.

Так, у эскимосов р. Юкон после смерти женщины люди не выходили на рыбную ловлю в течение четырех дней, после смерти мужчины — пять дней [25, с. 423]. По представлениям малайцев острова Явы, число три — мужское, число два — женское [26, с. 545]. В Центральной Африке число четыре для женщины считается естественным, приносящим счастье и определяющим ее действия. Для мужчины таким числом является три. В североэритрейской культуре счастливым число для женщины — два, для мужчины — три. Немецкий этнолог Л. Фробениус полагает, что символика числа четыре для женщин и числа три для мужчин восходит у африканцев к очень древним временам [23, карта № 4].

Нельзя не обратить внимание на то, что у древних народов интересующая нас символика связывалась главным образом с двумя первыми числами, в то время как у современных народов она распространяется и на более крупные числа: три и два у малайцев и некоторых африканских народов, три и четыре, девять и восемь у нивхов, пять и четыре у нанайцев, обских угров и американских эскимосов, девять и восемь у бурят и т. д.

Трудно пока окончательно ответить на вопросы: чем это было вызвано и что чему предшествовало? Возникли ли представления современных народов о половой символической более крупных чисел самостоятельно, или она появилась в результате дальнейшего развития значения начальных чисел? Не имеем ли мы дело, хотя бы в отдельных случаях (например, у народов бассейна Амура), с проникновением в местную среду каких-то концепций, сложившихся в философских системах зарубежных народов Дальнего Востока?

Для решения всех этих вопросов необходимо дальнейшее их изучение с привлечением новых, более обширных материалов, как этнографических, так и лингвистических. На данном этапе на основе анализа приведенных выше фактов можно высказать лишь предположение о том, что представления о взаимосвязи между числом и полом возникли в доклассовом обществе и вна-

чаде лишены были какой-либо сложной семантики. Позже они получили дальнейшее развитие и облеклись в религиозную или философскую форму. Первыми числами, связанными с указанной символикой, были, вероятно, единица и двойка. Не исключено, что этот факт следует связать с тем, что когда-то многим народам известны были только числа один, два, иногда три [13, с. 45].

Это прослеживается и в языках некоторых современных народов, например индейцев Южной Америки, андаманском, бушменском [12, с. 136; 11, с. 300]. Позже древняя символика распространилась, видимо, и на другие числа. Применительно к обским уграм к тому же мнению склоняется и В. Н. Чернецов [19, с. 117].

Литература

1. *Арсеньев В. К.* Лесные люди удэгейцы. Владивосток, 1926.
2. *Архитектура античного мира.* М., 1940.
3. *Баранов И. Г.* Черты народного быта в Китае. Харбин, 1928.
4. *Бартенев В.* Погребальные обычаи обдорских остяков.— *Живая старина.* СПб., 1895, вып. 3—4.
5. *Гондатти Н.* Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири.— *Труды Этнографического отдела Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.* Т. 8. М., 1888.
6. *Гондатти Н.* Следы языческих верований у маньчжур.— *Труды Этнографического отдела Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.* Т. 8. М., 1888.
7. *Городков Н.* Религиозные языческие воззрения остяков.— *Томские епархиальные ведомости.* Томск, 1890, № 2.
8. *Грубе В.* Духовная культура Китая. СПб., 1912.
9. *Кириллов Н.* Алхимия. Китая.— *Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.* Т. 12. Иркутск, 1911.
10. *Корнилов А.* Гиляки.— *Древняя и новая Россия.* 1881, № 21.
- 10а. *Кулаковский А. Е.* Материалы для изучения верований якутов.— *Записки Якутского краеведческого географического общества.* Кн. 1. Якутск, 1923.
11. *Леббок Дж.* Начало цивилизаций. СПб., 1896.
12. *Леви-Брюль.* Первобытное мышление. М., 1930.
13. *Мартин Н.* О числительных.— *Языковедные проблемы по числительным.* Т. 1. Л., 1927.
14. *Насекин Н.* Корейцы Приамурского края.— *Журнал Министерства народного просвещения.* СПб., 1904, т. 352, № 3.
15. *Потанин Г.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883.
16. *Рафтин А. П.* Система шумерских числительных.— *Языковедные проблемы по числительным.* Т. 1. Л., 1927.
- 16а. *Ромбандеева Е. И.* Погребальный обряд сыгвинских манси.— *Семейная обрядность народов Сибири.* М., 1980.
17. *Учебник тибетской медицины.* Т. 1. СПб., 1908.
18. *Хангалов М.* Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят Угинского инородческого ведомства Балаганского округа.— *Этнографическое обозрение.* 1948, № 1.
19. *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров.— *Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований.* М., 1959.
20. *Шатилов М.* Ваховские остяки. Томск, 1931.
21. *Штернберг Л. Я.* Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1908, т. 1, ч. 1.

22. *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
23. *Frobenius L.* Atlas Africanus. H. 2. Bl. II. München, 1922.
24. *Münsterberg O.* Chinesische Kunstgeschichte. Bd. 1. Esslingen, 1910.
25. *Ploss H., Bartels M.* Das Weib. Bd. 3. B., 1927.
26. *Skeat W.* Malay Magic. L., 1900.
27. *Toscane T.* Etude sur le serpent, figure et symbole dans l'antiquité élamite.—Délégation en Perse. Mémoires publiées sous la direction de M. J. de Morgan. Recherches archéologiques. T. 12. Sér. 4. P., 1911.
28. *Ungnad A.* Zur Entstehung und Geschichte der Zahlbergriffe.—Anhang zur «Das Wesen des Ursemitischen». Lpz., 1925.

III. ИСТОРИЯ

О. Г. Герасимов

АРХИВ ЙЕМЕНСКОГО ПРИНЦА АЛЬ-КАСЕМА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ЙЕМЕНА

Во время работы и путешествий по Северному Йемену в 1959—1963 гг., а также Южному Йемену и Хадрамауту в 1971—1974 гг. по заданию Восточной комиссии Географического общества СССР я собирал этнографические материалы¹ и рукописные памятники XIX—XX вв., характеризующие социально-экономическую жизнь этого района Ближнего Востока [4]. Среди рукописных памятников наибольший интерес представляют сохранившаяся часть хозяйственного архива принца аль-Касема, дяди свергнутого в сентябре 1962 г. имама Йемена Мухаммеда аль-Бадра, архивные материалы XIX—XX вв., характеризующие положение ремесленников в районе Худжария, документы об аграрных отношениях в Хадрамауте и дневник сына секретаря султана Лахеджа Ахмеда Саида аль-Махди за 1950 г.

Йемен, страна с развитой земледельческой культурой, своеобразным общественным устройством (в частности, большими пережитками племенных отношений), все еще продолжает оставаться менее всего изученной в советской и зарубежной литературе, хотя опубликован ряд работ по социально-экономическим проблемам Йемена, в основу которых положены изучение и анализ официальных документов, данных статистических ведомств, сообщений зарубежной печати, в том числе свидетельств журналистов и личных наблюдений авторов. В этой связи обнаружение указанных выше йеменских рукописных документов имеет важное научное значение, поскольку их публикация, перевод и комментарии вводят в оборот новый и в немалой степени уникальный по своему характеру материал.

¹ Часть собранной коллекции передана в дар Географическому обществу СССР через Восточную комиссию в мае 1973 г., другая часть — Музею антропологии и этнографии имени Петра Великого АН СССР.

Часть архива принца аль-Касема обнаружена мною в октябре 1962 г. в его личном особняке, переданном северийеменскими властями для организации советского посольства в Сане. Знакомясь с территорией будущего посольства, я собирал клочки исписанных скорописью бумаг, большинство из которых представляло собой списки или черновики списков земельных владений принца аль-Касема в районе Бени-Матар, Бахлюль и др., докладные управляющих его имениями об урожае кофе, списки имен арендаторов, контракты на аренду и покупку земли, сообщения о поступившей арендной плате и реализации продукции, несколько фотографий и т. п. — всего в общей сложности около ста документов.

Все они являются подлинными, о чем свидетельствуют резолюции, подписи, даты и указание о списании выплаченных рабочих сумм. Документы представляют собой клочки бумаги размером 10×10 см из ученической тетради. Они исполнены по одному образцу: в первой строке определяется период работы, затем перечисляются имена рабочих, число проработанных дней и общая причитающаяся им сумма. Далее следуют резолюция и указание о выплате денег. Документы исполнены тремя лицами: неким Мадани, по-видимому отвечавшим за работу, распорядителем кредита (его рукой написаны резолюции о выплате денег) и кассиром, отметившим выдачу денег. Все документы датированы 1376 г. хиджры, т. е. 1952 г.

За прошедшее время мною изучен, переведен и прокомментирован ряд рукописей документов, характеризующих хозяйственную деятельность крупного йеменского феодала, каким был принц аль-Касем. Изучение архива позволяет лучше разобраться в сложных социально-экономических и аграрных отношениях монархического Йемена, познакомиться с путями и методами сосредоточения земельной собственности в руках феодальной верхушки, получить дополнительные сведения о шариатском законодательстве по аграрному вопросу, проследить развитие тенденции использования наемного труда и т. д.

Важность этой работы выходит за географические рамки одной страны, поскольку все перечисленные выше проблемы являются актуальными при исследовании социально-экономической жизни других стран Аравийского полуострова и Северной Африки, в основу юридической системы которых положены нормы мусульманского права.

При работе над архивом все документы были условно сгруппированы по следующим темам: 1. Аграрные отношения. Контракты на покупку и аренду земли. 2. Приходо-расходные документы и налоговые поступления. 3. Юридические документы. 4. Использование наемной силы. 5. Разные документы.

Принятая группировка довольно условна. В том случае, если в одном и том же документе одновременно затрагивается несколько тем из перечисленных выше, документ передается в тот раздел, к которому относится его важная, большая, а иногда

просто более интересная, на взгляд автора, часть. В пределах группы документы располагаются в хронологическом порядке.

В связи с ограниченным объемом данного сообщения автор рассматривает и кратко комментирует лишь несколько документов из первого и четвертого разделов, с тем чтобы показать на их примере ценность и значение обнаруженного архива для востоковедческой науки. Автор ограничивается социально-экономическим анализом затронутых в документах проблем, опуская рассмотрение лингвистических тонкостей применяемой терминологии, представляющих тему самостоятельного исследования.

Весьма интересен документ, являющийся черновиком списка владений принца аль-Касема в районе Бени-Матар [2, с. 84—92]. Он состоит из 12 листов плотной бумаги размером 23×9 см, расчерченных на несколько колонок, в которых даются описание границ участка, имя прежнего хозяина, характеристика земли — поливная или богарная, размер участка, стоимость, дата приобретения и имена свидетелей, присутствовавших при сделке. Документ, судя по времени оформления сделок, может быть датирован концом 40-х годов нашего столетия.

Этот период в истории Йемена характеризуется стремлением правящей верхушки упрочить свои позиции, закрепить привилегии правящей династии и феодалов. Одновременно после убийства имама Яхьи в 1948 г. и прихода к власти имама Ахмеда, брата принца аль-Касема, в стране была проведена частичная модернизация политической системы и экономики, создан кабинет министров, в котором аль-Касем занял пост министра коммуникаций, поощрялось производство экспортных культур — кофе, хлопка и т. д.

Из документа следует, что аль-Касем через своего агента в районе Бени-Матар приобрел 256 участков земли общей площадью 2104 либны² за сумму 5540,5 риала Марии-Терезии³. Подобная активность крупного йеменского феодала свидетельствует о стремлении консолидировать в своих руках земельные владения в районе, известном производством кофе, причем 487 либн вновь приобретенных им участков орошалось, что предопределяло интенсивное их использование. Орошаемая земля в Бени-Матар, по моим наблюдениям, может давать два урожая зерновых и один урожай клевера в год или использоваться под кофе. Сам факт выплаты в течение года принцем аль-Касемом такой весьма значительной суммы свидетельствует не только о наличии в его руках крупных сумм свободных денег, но и о развитости товарно-денежных отношений в монархическом Йемене.

² Либна в районе Бени-Матар приблизительно равна 26,24 кв. м. Либна — это 12×12 дра (1 дра, или «локоть», равен 0,46 м).

³ Серебряный риал австрийской императрицы Марии-Терезии чеканки 1780 г. находился в обращении в стране вплоть до революции 1962 г., когда он был заменен йеменским риалом. Один риал равен 40 букшам (или по котировке Госбанка СССР в августе 1976 г. 100 риалов = 15 р. 30 к.).

Как следует из документа, все приобретенные участки назывались *басыра*. Этот специфический термин мусульманского права можно перевести как «право на использование земли». Классики марксизма-ленинизма неоднократно отмечали, что в странах Азии, в том числе и мусульманских, «в условиях восточного деспотизма» верховным собственником земли является государство, «в конечном счете в виде одного лица» [1, с. 463—464] — в данном случае имама Йемена. Поэтому принц аль-Касем, строго говоря, скупал не землю, а басыра. Причем басыра может состоять из нескольких участков поливной или богарной земли.

Анализируя данные о размерах участков, входящих в басыру, следует отметить, что продаваемые наделы в целом невелики, их размеры колеблются в пределах от 1 до 3 либн орошаемой и от 10 до 15 либн богарной земли. Это явно свидетельствует о существующем мелком землевладении и тенденции укрупнения землевладения за счет ликвидации мелкой собственности. Принц аль-Касем не считал для себя зазорным скупать мелкие участки. Им приобретены три участка, равные 0,5 либны, один участок, равный $\frac{3}{4}$ либны, и 9 участков по 1 либне. Крупный йеменский феодал скупал участки, которые учитывались с приближением до $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{16}$ доли либны. Так, им была приобретена за 14 риалов басыра Мухаммеда аль-Хараш, состоявшая из пяти участков, лежавших в разных местах: 0,5 либны поливной, $\frac{7}{8}$ либны богарной, $\frac{13}{16}$ либны богарной, 2 либны богарной и $\frac{23}{16}$ либны богарной земли (л. 10А архива).

Стоимость орошаемой земли различна, и по документу трудно выявить какую-либо закономерность. Принц аль-Касем за 1 либну орошаемой земли выплачивал от 2—3 риалов (л. 6А и 6Б) до 30 риалов (л. 6А). Стоимость богарной земли более постоянна, чем стоимость орошаемой, и в среднем не превышает 1 риала за 1 либну.

В связи с анализом стоимости земли следует обратить внимание на имеющуюся постоянную графу в описи земельных владений, озаглавленную *махаридж*. Глагол «хараджа» употребляется в Йемене не только в общепринятом значении «выходить», «выйти», но и в значении «оплатить за труд». Поэтому существительное от этого корня махрадж (махаридж — мн. ч.) можно перевести как «оплата за труд или услугу» (в последнем значении это слово попало в русский язык, получив сходное с арабским звучание «магарыч»).

В описи земельных владений сумма махаридж прибавляется к стоимости земли. Однако не за всякую землю аль-Касем выплачивал махаридж. Так, за 54 либны богарной земли, купленной за 101,5 риала, аль-Касем не платил махаридж, так же как и за 22,5 либны поливной земли стоимостью 306 риалов (л. 12А). В то же время за 40 участков богарной земли площадью 450 либн он выплатил 540 риалов и 10 риалов махариджа (л. 8Б и 9А), причем махаридж был выплачен за все владения одновременно, а не за отдельные участки.

На листе 9Б имеется интересная запись о продаже басыры, причем площадь участка не приводится, а в графе, где указывается, богарная это или поливная земля, стоит одно слово *джарафан*. Слово «джараф» употребляется в Йемене в районе Саны для обозначения либо глинобитной стены, разделяющей участки, либо невысокого земляного вала с прорытой в нем оросительной канавой, по которой подводится вода для орошения удаленных участков. В пояснении к этой басыре отмечается, что джафар разделяет два поля, причем указание, что одно из них принадлежит аль-Касему, отсутствует. Поэтому будет логичным предположить, что аль-Касем или приобрел джафар, уже имевший оросительный канал к его участкам, или собирався сделать его впоследствии. Интересно отметить также, что аль-Касем уплатил довольно большую сумму — 52 риала, — засчитанную по статье махаридж. Таким образом, в данном случае махаридж, вероятно, представляет собой плату за сооружение и поддержание разделительного вала между двумя участками.

В целом из анализа документа можно сделать вывод, что махаридж выплачивался лишь тем лицам, которые вложили дополнительный труд в обработку своего участка. Этот вывод подтверждает и тот факт, что самые большие суммы махаридж выплачивались при покупке орошаемой земли, а за богарную часть давали мизерные суммы или не платили совсем. Махаридж за богарную землю не превышает 1—3 риалов за басыру, что отражает количественные затраты труда крестьянина при подготовке участка. Всего принц аль-Касем выплатил 174,5 риала в качестве махаридж. В среднем, по моим подсчетам, махаридж составляет не более 1% стоимости покупаемой земли, что может свидетельствовать, с одной стороны, о небольших затратах на благоустройство участков и весьма примитивном ведении хозяйства, а с другой — о чрезвычайно низкой стоимости рабочей силы в йеменской деревне.

Весьма интересно проследить по этому документу участие женщин в совершении сделок на продажу земли. Первое упоминание об этом содержится на листе 6Б, где говорится о басыре, проданной Хамади аль-Арума от своего имени и имени жены — «свободной по имени Фатыма бинт аль-Хадж Салех Томиш». В общей сложности в рассматриваемом документе в девяти сделках (почти 10% всех сделок) так или иначе затрагивались имущественные интересы женщин. Перед именем каждой из них стоит слово «свободная», что, по-видимому, свидетельствует об определенном объеме прав женщины и логически подтверждает существование в монархическом Йемене «несвободных» женщин. По некоторым данным, в принятых в Йемене нормах шариатского права в применении к женщине определение «свободная» следует читать как «дееспособная». Последнее требует дополнительного уточнения.

Все женщины, продававшие свое право пользования землей,

предпочитали давать доверенность на совершение сделок, и лишь одна из них, Атика бинт Хасан (л. 9Б), самостоятельно продала свой участок. Любопытно отметить, что все женщины выдавали доверенность на оформление сделок, но оставляли за собой право плучения денег. Это, во-первых, свидетельствует о существовании формы кредита при оформлении сделок на покупку земли и, во-вторых, подтверждает факт раздельного владения имуществом в семье.

Исследование документа дает много интересных сведений о формах совершения сделок, участия свидетелей, некоторые данные об имущественном и социальном положении тех, кто продавал свои участки, сведения о географии района и др.

Вопрос об использовании наемного труда в сельском хозяйстве монархического Йемена имеет важное значение для характеристики уровня социально-экономического развития страны. В этой связи обнаружение среди архива 16 ведомостей на оплату сельскохозяйственных рабочих в имении аль-Касема в окрестностях Саны представляет особую ценность, поскольку позволяет дополнить имеющиеся по этой проблеме данные новыми сведениями, полученными из весьма достоверных источников [4, с. 45—53].

Изучение документов показывает, что в саду и двух других владениях принца аль-Касема на протяжении примерно целого года работали члены трех семей: шесть человек из семьи Кумами, два — из семьи Джадани и четверо — из семьи Тарихи. Абдалла Сейкал, фигурирующий в единственном числе, по-видимому, привлекался к работе постоянно.

Из документов следует, что оплата за один день работы⁴ составляла 20, 17,5 и 15 букшей; величина расценок, очевидно, связана с разными видами работ, требующими различной квалификации и затраты труда, а не с сезонным характером. Об этом, в частности, свидетельствует различная оплата труда братьев Мухаммеда и Махди Джадани, работавших в одном месте и в одно и то же время, но получивших соответственно 3 риала и 2 риала 25 букшей.

На всех документах, исполненных в месяце мухаррам, кроме трех, имеются резолюции распорядителя кредитов о выдаче денег, заверенные его подписью. В трех же документах отсутствие резолюции еще не свидетельствует о том, что деньги были задержаны и не выплачены рабочим, так как имеется запись о вручении сельскохозяйственному рабочему Мадани указанных в ведомости сумм, списанных с доходной статьи от сада. Дело было настолько очевидным, что кассир счел возможным без одобряющей резолюции распорядителя кредита взять на себя ответственность и выплатить довольно крупную сумму — 24 риала 27,5 букши. Любопытно отметить, что распорядитель креди-

⁴ Продолжительность рабочего дня в анализируемых документах не указана. Однако по другим материалам известно, что рабочий день продолжался 10—12 часов (подробно об этом см. [3]).

тов, имя которого по подписи в документах трудно разобрать, довольно оперативно рассматривал ведомости на оплату рабочих: из шестнадцати документов двенадцать имеют резолюцию, датированную тем же числом, что и ведомость, и лишь у одного документа, исполненного 20 шавваля, резолюция от 24 шавваля. Три указанных выше документа — без резолюций, однако деньги по ним выданы в день их исполнения.

Изучение ведомостей на оплату показывает, что поденщики работали все дни недели, включая пятницу, и месяц мусульманского поста рамадан. Учитывая, что монархический Йемен считался в мусульманском мире наиболее «неиспорченной» страной, указанный факт довольно интересен, так как еще раз подтверждает мнение о том, что в среде крестьянства и трудового народа на мусульманском Востоке ограничения ислама, как правило, соблюдаются менее строго, чем в среде представителей имущих классов.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что поденщина являлась устоявшейся формой эксплуатации наемного труда в хозяйстве принца аль-Касема. Об этом свидетельствует устойчивая схема составления ведомости на оплату, такая схема не могла сложиться в течение короткого отрезка времени. В ведомости указываются полные имена рабочих, расценки одного дня работы, число проработанных дней, сумма, причитающаяся каждому поденщику, и общая сумма подлежащих выплате денег.

Более того, Мадани представлял ведомости регулярно в четверг, накануне дня отдыха пятницы, причем распорядитель кредитов и кассир незамедлительно их рассматривали и оформляли выплату денег. Все это свидетельствует о том, что поденщина не была случайным моментом для крупных феодальных хозяйств монархического Йемена и представляла собой, по-видимому, обычное явление и в социально-экономической жизни страны.

Среди документов, отнесенных мною в последний раздел, имеются письма с запросом о поставке оборудования для хозяйства, отчет о доходах министерства коммуникаций за пользование телефоном, личные бумаги принца аль-Касема и жившего в его доме Мухаммеда Рагиб-бея, бывшего заместителя турецкого султана в Йемене, оставшегося на службе у имама Яхьи в качестве министра иностранных дел после получения страной независимости в 1918 г. Наибольший интерес представляют обнаруженные среди разных бумаг две фотографии, сделанные в Петербурге. На одной из фотографий изображена женщина и имеется надпись: «На память от Людмилы Волковой, которая тебя очень-очень любит». Надпись датирована 1904 г. На второй фотографии — та же женщина с молодым человеком во фраке, в котором удалось узнать Рагиб-бея. Рагиб-бей, будучи секретарем посольства Османской империи в Петербурге, женился на русской женщине Людмиле Волковой, которая после-

довала за ним в Йемен. Одна из дочерей Л. Волковой и Рагиб-бея стала женой принца аль-Касема, в доме которого впоследствии поселился Рагиб-бей.

Работа над архивом принца аль-Касема, являющимся важным источником по изучению социально-экономических проблем Йемена, еще не закончена. Документы исполнены скорописью, и поэтому расшифровка каждого из них весьма нелегка. Исполнители документов писали о вещах, известных читателям, на которых они были рассчитаны, и поэтому допускали сокращения, пропуски букв, огласовки. Многие из них написаны малограмотными людьми, без соблюдения грамматических правил, что еще больше осложняет их расшифровку. Поэтому практически для каждого документа приходится делать каллиграфическую адаптацию текста, сверять полученные данные (особенно касающиеся географических названий — наименований долин, вад, деревень) по другим источникам и т. д. Однако затраченные усилия вознаграждаются получением новых, интересных и надежных данных, характеризующих внутреннюю жизнь Йемена и его социально-экономические проблемы до свержения феодально-теократического правления.

Литература

1. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, Ч. 1.
2. Герасимов О. Г. Использование наемного труда в крупном помещичьем хозяйстве Йемена.— Палестинский сборник. Вып. 26 (89). Филология и история. Л., 1978.
3. Герасимов О. Г. О некоторых фактах имущественного и социального расслоения йеменского крестьянства.— Арабские страны. История. Экономика. М., 1966.
4. Герасимов О. Г. На ближневосточных перекрестках. М., 1980.

В. А. Ромодин

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕТОПИСЕЦ АФГАНИСТАНА

Последним официальным историографом феодально-абсолютистского Афганистана был Файз Мухаммад-хан, автор нескольких сочинений, из которых наибольшей известностью пользуется труд «Сирадж ут-таварих» («Светильник историй»), изданный в трех томах в Кабуле в 1913—1918 гг. Третий том этого труда представляет собой летопись современных автору исторических событий с 1880 до сентября 1896 г.

Личность и жизнь автора «Сирадж ут-таварих» интересны не только для лучшего понимания этого сочинения и истории его подготовки и издания, но и — в более широком плане — как часть истории культуры Афганистана, страны, которая переходила от феодального средневековья в эпоху современности лишь в нашем веке. Файз Мухаммад исполнял обязанности придворного летописца также в 1919—1920 гг., когда в Афганистане сразу после завоевания независимости побывали первые официальные советские дипломатические миссии. Тогда с афганским летописцем, а через несколько лет после этого и с его сочинением «Сирадж ут-таварих» познакомились советские ученые. Первая характеристика Файз Мухаммада по личным впечатлениям и по собранному в Кабуле биографическим сведениям принадлежит И. М. Рейснеру и Э. М. Риксу — сотрудникам советской дипломатической миссии Я. З. Сурица, которая прибыла в столицу Афганистана 14 декабря 1919 г.

В Афганистане тогда начинался период реформ, проводившихся новым эмиром Амануллой-ханом и его младоафганским правительством. Однако в 1919 г. еще многое в столице оставалось от старого, и первые советские миссии застали в приемных залах и апартаментах кабульского дворца в основном не потревоженный временем уклад быта со всеми деталями распорядка повседневной жизни и с унаследованным от прошлого штатом придворных должностей. Правда, при дворце имелся автомобильный парк, насчитывавший уже в 1915 г. 58 легковых машин различных марок, в центре Кабула были проложены асфальтированные дороги для личных выездов эмира, его апартаменты освещались электричеством, в его распоряжении имелась

также современного типа аптека, единственная тогда в стране (см. [7]).

Однако по-прежнему всем распоряжком придворного обихода ведал придворный церемониймейстер, оставались на своих постах конюшие и стольники, несли службу и специалисты по эмирской охоте, и придворный астролог, и сказочники, и чтецы, обязанностью которых было облегчать эмиру отход ко сну. Был и официальный летописец. Он должен был написать историю Афганского государства; ему же вменялось в обязанность вести официальную хронику главнейших событий.

На аудиенциях и приемах, устраивавшихся в связи с приездом миссии Я. З. Сурица в Кабул, наряду с эмирскими приближенными разных рангов постоянно присутствовал и придворный летописец. Этим летописцем был Файз Мухаммад. Он умел хорошо замечать все происходившее вокруг него, и при этом ему удавалось самому находиться как бы в тени. Он, как правило, появлялся там, где можно было увидеть и услышать что-нибудь новое, интересное и важное. В его поведении и в манере держаться сказывались навыки и приемы умудренного опытом придворного историографа, который регулярно вел подробные записи событий.

Файз Мухаммад-хан родился в 1862 г. (по другим сведениям, в 1861 г. [8, с. 249]) в местности Карабаг, в Газнийской области Афганистана. Он происходил из хазарейского рода Мухаммад-ходжа, из состоятельной семьи. Отец его Саид Мухаммад был одним из влиятельных людей этого рода [8, с. 249, 253]. В детские и отроческие годы Файз Мухаммад получил обычное среди мусульман Афганистана традиционное образование. Впоследствии он рассказывал, что учился арабскому языку у местных мулл. В 18 лет он продолжил свое обучение сначала в Кандагаре, а затем в Индии, где в 80-х годах XIX в. учился в Лахоре и Пешаваре. Там он изучал, в частности, языки урду и английский, основным же предметом его занятий, по-видимому, было мусульманское право — фикх.

В 1887—1888 гг. Файз Мухаммад возвратился из Индии на родину, сперва в Джалалабад, а оттуда переехал в Кабул. Среди кабульских горожан Файз Мухаммад приобрел репутацию весьма ученого человека, обладавшего основательными познаниями в шариате, а также в литературе и истории. Еще его считали знатоком в науке о звездах (т. е. астрологии и астронмии), ему приписывали умение предсказывать судьбу и гадать на буквах («джафр») [1, с. 7—9]. Благодаря своей учености, уединенному образу жизни и известности как путешественника в дальние края он прослыл человеком необыкновенным и загадочным. Молва не только приписывала ему постижение тайн профессии звездочета, но и обвиняла его в занятиях черной магией и сношениях со сверхъестественными силами.

В 1893 г. Файз Мухаммад получил должность при дворе царевича Хабибуллы. До этого он на постоянной государственной

службе, по-видимому, не состоял, однако иногда привлекался эмирскими властями к выполнению официальных поручений. Приводимые им в третьем томе «Сирадж-ут-таварих» автобиографические сведения показывают постепенное продвижение его по служебной лестнице от переписчика книг и письмоводителя до официального историографа-летописца с соответствующим увеличением жалованья [6, с. 869]. Однако следует иметь в виду, что официальный статус Файз Мухаммада как придворного служащего оставался сравнительно невысоким и, по существу, мало чем отличался от положения таких представителей низших слоев придворной челяди, как сказочники и чтецы. Формально Файз Мухаммад, во всяком случае до окончания первых двух томов «Сирадж-ут-таварих», продолжал числиться лишь катибом (писцом). Это явствует из того, что именно с таким скромным титулом его имя было напечатано в предисловии к изданию первой книги официальной истории Афганистана [3, с. 3]. Среди афганской высшей знати и сановных придворных к Файз Мухаммаду проявлялось пренебрежительно-высокомерное отношение. Впоследствии историки в Афганистане, воздавая должное трудолюбию своего предшественника и значению написанного им труда как источника, отнеслись с уважением к памяти о нем, что выразилось, в частности, в том, что, упоминая имя автора «Сирадж-ут-таварих», его называют не иначе как Файз Мухаммад-хан, а по профессиональному признаку и должностному положению именуют «муваррих-и расми-йи даулат» — официальным историографом (см., например, [4, с. 685, 830]).

Положение Файз Мухаммада при дворе Хабибуллы было во многих отношениях незавидным. Историку приходилось постоянно работать под жестким эмирским контролем, он на каждом шагу подвергался стеснительной регламентации, его держали в страхе перед наказаниями, чтобы побудить трудиться как можно более интенсивно. По сохранившимся устной традицией (рассказы кабульских старожил) сведениям, эмир Хабибулла давал своему историографу трудноисполнимые задания, приказывая писать и представлять ему определенные части и разделы сочинения «Сирадж-ут-таварих» к фиксированным срокам, а в случае несоблюдения их или невыполнения заданий по листажу бранил и распекал его, а нередко даже избивал. Имеются, в частности, сведения о том, что эмир был разгневан мрачным и, по его мнению, слишком подробным описанием подавления восстаний хазарейцев в третьем томе «Сирадж-ут-таварих» и за это описание избил своего историка [8, с. 250]. Кроме телесных наказаний в арсенале эмирских средств воздействия на своего историографа были и денежные штрафы, т. е. невыплата части назначенного ему содержания.

В 1909 г. Файз Мухаммад был вынужден прервать работу над «Сирадж-ут-таварих» в связи с тем, что был брошен в тюрьму по подозрению в участии в тайной организации. Хабибулла обрушил репрессии на членов раскрытой эмирскими вла-

стями тайной организации конституционалистов — сторонников борьбы за независимость и проведение реформ. Над активными участниками этой организации была учинена самая жестокая расправа. Эмирские репрессии коснулись и лиц, не принимавших активного участия в деятельности тайной организации, но лишь сочувствовавших идеям конституционалистов, и даже за подозреваемых людей. Большинство арестованных конституционалистов просидело в тюрьме в течение долгих десяти лет. Многие из них были выпущены на свободу только после прихода к власти Амануллы в 1919 г. Однако Хабибулла по разным причинам вскоре после ареста освободил часть арестованных. Среди освобожденных кроме случайно задержанных лиц были члены эмирского рода Мухаммадзаев, а также несколько специалистов, в услугах которых эмир нуждался и которых он не считал активнейшими революционерами и опасными лично для него заговорщиками. Одним из таких специалистов был историк Файз Мухаммад, испытывавший в числе невзгод, выпавших на его долю, и тяготы заключения в кабульской тюрьме.

После выхода его на свободу была возобновлена работа над «Сирадж ут-таварих», в результате которой в 1331 г. х. (1912/13 г.) были изданы первые два тома этого сочинения. Эмир Хабибулла поручил Файз Мухаммаду написание третьего тома; размер определенного историку ежемесячного жалованья достиг 100 рупий [6, с. 869]. Файз Мухаммад стал признанным придворным летописцем, которому вменялось в единоличную обязанность как описание текущих событий, так и составление официальной истории государства.

Одновременно с работой над «Сирадж ут-таварих» Файз Мухаммад сотрудничал в прогрессивной газете «Сирадж ал-ахбар», выходившей в Кабуле с октября 1911 по 18 декабря 1918 г. [3, с. 63]. Газета «Сирадж ал-ахбар» в основном выражала взгляды младоафганцев. В их тайной политической организации Файз Мухаммад активного участия, по-видимому, не принимал. Однако он был в какой-то степени близок к идеям младоафганцев, или, во всяком случае, они оказывали на него известное влияние.

В годы правления эмира Амануллы-хана (1919—1929) Файз Мухаммад лишился прежнего положения при дворе, которое, сколь бы скромным оно ни было, служило ему, обремененному на старости лет многочисленной семьей, источником средств к существованию. По-видимому, не позже середины 20-х годов такая средневековая штатная единица среди афганских придворных чинов, как официальный историограф-летописец, была упразднена эмиром Амануллоем. Источником заработка для Файз Мухаммада становится педагогическая и редакторская деятельность. Сначала он служил в редакционном управлении министерства просвещения Афганистана, затем вплоть до падения младоафганского режима преподавал в лицее «Хабибия» и в 1928 г. принимал участие в работе редакции газеты «Анис».

Сведения о занятиях и трудах Файз Мухаммада в годы правления Амануллы-хана показывают, что автор «Сирадж ут-таварих», представитель немногочисленной интеллигенции феодального Афганистана, не только нашел место в новой жизни своей родины, вступавшей на путь национально-буржуазного развития, не только получил возможность применения своих знаний и способностей в век младоафганских реформ, но и пользовался большим доверием и уважением среди младоафганцев.

Файз Мухаммад принимал участие в издании новых школьных учебников, остро необходимых стране, где тогда впервые в значительных масштабах развертывалась сеть школ с модернизированной системой обучения. В лицее «Хабибия» он преподавал литературу и историю. Автор «Сирадж ут-таварих» не только хорошо знал историю Афганистана и соседних стран XVIII—XIX вв., но для последних тридцати лет истории своей родины сам был живым источником, человеком, сведущим в происходивших в стране и столице событиях и, во всяком случае, превосходно осведомленным во всех перипетиях жизни кабульских эмиров и их двора.

О том, что Файз Мухаммад пользовался большим доверием в младоафганских кругах, свидетельствует факт, что редакция газеты «Анис» давала ему ответственные поручения, в частности связанные с выездом в отдаленные районы страны для расследования злоупотреблений. Так, он был привлечен редакцией этой газеты к расследованию беспорядков в Гератской области, куда должен был отправиться с Хусайн-ханом, одним из должностных лиц младоафганского правительства, сотрудником падишахской канцелярии. Им предстояло вылететь на самолете из Кабула в Термез, а оттуда уже проехать к месту назначения, пользуясь обычными средствами транспорта того времени [2, с. 203].

В ходе разгоревшейся в Афганистане в 1929 г. гражданской войны хазарейцы выступили на стороне Амануллы-хана во время его похода из Кандагара в Газни в апреле 1929 г. [5, с. 102]. Отряд хазарейцев принял участие в боях Амануллы-хана за Газни, понес тяжелые потери, многие хазарейские вожди были убиты, а головы их выставлены на базаре Чандавул в Кабуле [4, с. 830]. Разбитые войска Амануллы-хана стали отступать к Кандагару, а хазарейские отряды направились в Хазараджат [5, с. 102]. С ними Аманулла послал туда, в область бехсудов, Мухаммада Амин-хана, чтобы организовать сопротивление хазарейцев распространению власти Бачаи Сакао.

Бачаи Сакао тоже послал к хазарейцам делегацию, включив в нее лиц, пользовавшихся большим влиянием среди шиитов Кабула. В делегацию был включен и хазарец по происхождению Файз Мухаммад-хан. Кроме него в состав делегации входили Нуриддин-хан, Мир Ака-хан, Абдурахман-хан Кокдамани и учитель Халифа Гулам Хасан-хан Чандавули [1, с. 9].

Хазарейцы в то время блокировали важнейшие горные про-

ходы, ведущие в их земли. Деятельность делегации, посланной правительством Бачаи Сакао, оказалась безуспешной. Население Хазараджата было резко настроено против делегации и ее целей; привезенные ею предложения покориться власти Бачаи Сакао были отвергнуты, один из членов посольской миссии, а именно Абдуррахман-хан Кохдамани, был убит хазарейцами. Остальным же, в их числе и Файз Мухаммаду, посчастливилось остаться в живых, однако они выехали в обратный путь, не выполнив возложенного на них поручения.

Полная неудача миссии вызвала злобу и гнев Бачаи Сакао и его приближенных. Файз Мухаммад и другие члены делегации, ездившие к хазарейцам, обвинялись не только в нерадивости, но и в тайном пособничестве врагам кабульского режима. Тогдашние кабульские власти подвергли суровым репрессиям членов делегации. Хамидулла, младший брат Бачаи Сакао, полагал, что они оказывали тайно на хазарейцев вредоносное влияние и были повинны как в отказе жителей Хазараджата подчиниться Бачаи Сакао, так и в поражении, которое потерпели направленные туда войска в бою при Сар-и Чашма, а потому сам допрашивал членов делегации и приказал бить их смертным боем. Этого наказания удалось избежать только Чандавули, который смог скрыться [1, с. 9].

Побои и истязания закончились трагически для пожилого историка, далеко не отличавшегося на склоне лет крепким здоровьем. Ни лекарства, ни лечение не помогли ему восстановить свои силы. Кабульские старожилы вспоминают, что Файз Мухаммад после избиения еле мог передвигаться, опираясь на палку. Есть сведения о том, что он ездил в Иран (в Мешхед) лечиться [4, с. 830]. Но исцеления ему эта поездка не принесла. После возвращения из Ирана он прожил недолго и скончался в Кабуле в феврале (по другим данным, в марте) 1931 г.

Кроме сочинения «Сирадж ут-таварих» Файз Мухаммад написал еще несколько интересных работ, большинство которых не опубликовано. Известно об издании только одной из них, а именно книги «Тарих-и хукама», посвященной мудрецам древности, в частности древнегреческим философам, учения которых приняты в мусульманской науке и вошли в предания восточных народов. Эта книга была напечатана в Кабуле в 20-х годах нашего века. В рукописи осталось сочинение Файз Мухаммада «Тухфат ал-Хабиб» по истории Афганистана, предшествовавшее труду «Сирадж ут-таварих» по времени написания, а также составленное им описание племен Афганистана и работа (незаконченная) о событиях 1929 г. «Китаб-и тазаккул ал-инкилаб», основную часть которой занимают дневниковые записи, доведенные до августа 1929 г.

В целом наследие Файз Мухаммада еще мало изучено, и его исследование представляет собой одну из очередных задач историков Афганистана.

Литература

1. *Азизуддин Вакили Фуфалзаи*. Тимур-шах Дуррани. Т. 1. Кабул. 1332.
2. *Аханг М. К.* Сайр-и журнализм дар Афганистан. Т. 1. Кабул, 1970.
3. *Бахруз*. Адабийат-и Афганистан. Даират ал-маориф. Кабул, 1955/56.
4. *Губар Мир Гулам Мухаммад*. Афганистан дар ма'сир-и тарих. Кабул, 1967.
5. *Лавров Н.* Хроника событий внутренней и внешнеполитической истории Афганистана за 15 лет (с 1919 до августа 1934 г.).— Материалы по национально-колониальным проблемам. М., 1934, № 7(22).
6. *Файз Мухаммад*. Сирадж ут-таварих. Т. 1—3. Кабул, 1912/13—1918.
7. *Hentig W. O.* Meine Diplomatenfahrt ins verschlossene Land. Berlin — Wien, 1918.
8. *Muhammad Hasan Kakar*. Government and Society in Afghanistan. The Reign of Amir Abd al-Rahman Khan. L., 1979.

В. С. Ягья

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЭФИОПИИ НАЧАЛА XX в.

(по неопубликованным письмам
русского дипломата Б. А. Чемерзина и его жены)¹

1 ноября 1979 г. ленинградцы, супруги Ю. Н. и Л. Ф. Кашменские, передали мне три толстые тетради — две в твердом переплете, одна без обложки². В них содержатся письма поверенного в делах России в Эфиопии Бориса Александровича Чемерзина, назначенного на этот пост в марте 1910 г., и его жены Анны Васильевны к их родственникам и знакомым, проживавшим в Петербурге. Письма переписаны в тетради, судя по всему, сестрами Анны Васильевны. Некоторые из них пронумерованы; местами в их текст внесена правка, сделанная, как можно предположить по почерку, самой Анной Васильевной. Ей же, как следует из текста, принадлежит тринадцатистраничное описание поездки по морю от Одессы до Порт-Саида, когда чета Чемерзиных направлялась в Аддис-Абебу. При переписке многие письма приведены не полностью: в них опущены подробности личного характера.

Всего в трех тетрадях 206 писем: в первой — 55, датированных с 27 июля 1910 по 7 мая 1911 г., во второй — 112, охватывающих период с 21 мая 1911 по 5 октября 1913 г., в третьей — 39, отправленных адресатам между 13 октября 1913 и 29 июня 1914 г. В первой тетради оставлено несколько чистых страниц, в третьей таких страниц много. В каждой тетради большинство

¹ В основу настоящей статьи положен доклад на тему «Неопубликованные письма Б. А. и А. В. Чемерзиных», сделанный автором 17 декабря 1980 г. на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР.

² Юрий Николаевич Васьковский в 1950—1952 гг. был директором советского госпиталя Красного Креста и Красного Полумесяца имени деджазмача Балча в Аддис-Абебе, ныне — преподаватель Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского. Любовь Федоровна Кашменская, заканчивая в конце 40-х годов Институт живописи и культуры и архитектуры Академии художеств СССР им. И. Е. Репина, писала дипломную работу на тему «Современное искусство Эфиопии», в настоящее время — сотрудница одной из художественных школ Ленинграда. К ним эти тетради попали от Татьяны Сергеевны Григорьевой, соученицы Ю. Н. Кашменского по школе. Ей же они достались от бабушки, близкого друга Бориса Александровича Чемерзина.

страниц специально помечено годом написания письма, а иногда еще днем и месяцем. Письма датировали по старому стилю, который в данной статье сохранен при их цитировании с одновременным указанием в скобках на новый стиль. Переписчиками сообщается также авторство письма и большей частью его адресат.

В третью тетрадь было вложено письмо, написанное 9 мая (21 мая) 1917 г. Борису Александровичу по-русски на маленьком листочке бумаги эфиопом, неким Тона, и заверенное личной печатью Тона. В нем краткая информация о жизни самого Тона и слова благодарности Б. А. Чемерзину за присланные семена какого-то растения (возможно, табака, поскольку Тона общался о своей работе в табачной монополии).

Письма Чемерзиных представляют собой интересный источник по истории, географии и этнографии Эфиопии начала XX в. В них даны также оценки тем или иным российским гражданам, побывавшим в Эфиопии в 1910—1914 гг. (А. К. Булатовичу, А. Кохановскому, Н. Виноградову и др.). Частный характер писем придает им особое источниковедческое значение, поскольку при их написании корреспондент (речь идет о Б. А. Чемерзине) не был связан рамками официального дипломатического сообщения. Письма его супруги, хотя и неискушенной в большой политике, тем не менее содержат ряд ценных наблюдений над различными сторонами жизни Эфиопии. Любопытно в этой связи признание самого Бориса Александровича: «Аня пишет за меня то, что нужно, и даже то, что не нужно...» [письмо от 18 ноября (1 декабря) 1910 г.]. То есть можно предположить, что его жена информировала своих адресатов о таких фактах, о которых он не мог, несмотря даже на приватный характер корреспонденции, писать.

Многие данные, приводимые Чемерзиным, уникальны. Они позволяют, в частности, восполнить некоторые пробелы в изучении политической истории Эфиопии в 1910—1914 гг. и расставить верные акценты в ее научном познании. Особое значение приобретают сведения, касающиеся внутри- и внешнеполитического положения Эфиопии в 1911—1913 гг. — в период, который условно (с известными оговорками) можно назвать междоусобицей. Заметим попутно, что эти годы в жизни страны наименее исследованы в эфиопской и зарубежной (в том числе советской) историографии новой истории Эфиопии.

В настоящей статье предпринимается попытка, базируясь на неопубликованных материалах Чемерзиных, осветить некоторые аспекты политической ситуации в Эфиопии в междоусобицу. Для того чтобы обстоятельнее представить характерные черты того времени, необходимо выяснить основные тенденции развития страны в предшествующие годы.

Со второй половины 900-х годов Менелик II (1844—1913), во многом преуспевший в создании централизованного Эфиопского государства, из-за тяжелой, неизлечимой болезни стал постепен-

но отходить от непосредственного управления страной. Тогда вновь возродились феодальные распри, обострилось соперничество знатнейших и могущественных фамилий, усилились интриги при дворе, усложнились взаимоотношения центральной власти с правителями на местах, а также активизировались центробежные силы. Особую актуальность приобрел в те годы вопрос о престолонаследнике. Речь шла не просто о том или ином имени, претенденте на трон, а о путях и методах государственного строительства, о продолжении и усовершенствовании внешне- и внутривластного курса Менелика II, о судьбах Эфиопии.

Вокруг этого вопроса разгорелась острая политическая борьба между различными феодальными группировками эфиопского общества, не раз принимавшая форму вооруженных столкновений. В нее включились так или иначе и иностранные дипломаты, аккредитованные при императорском дворе. Духовенство страны также не было сторонним наблюдателем в этой борьбе: оно поддерживало ту или иную группировку.

Ко времени появления первых слухов о болезни Менелика II³, в 1906 г., в стране не был официально провозглашен преемник императора. Сам монарх не имел сыновей, его единственный сын умер в юном возрасте. Общеизвестно, что Менелик II рассчитывал передать управление государством своему родственнику, талантливому политическому деятелю расу⁴ Мэконнну. По мнению французского путешественника Мишеля, рас Мэконнн был единственным соратником императора, способным продолжить его дело по модернизации страны [19, с. 54—56]. Однако надежды Менелика II не сбылись: рас неожиданно в марте 1906 г. скончался.

Тогда император стал отдавать предпочтение своему внуку, лиджу Иясу, родившемуся в 1896 г. от брака его дочери Шоуарэг с могущественным правителем Уолло расом Микаэлем (до

³ В литературе высказывается предположение, что Менелика II неоднократно пытались отравить. Об этом, в частности, заявили в 1909 г. два германских врача, приглашенные лечить больного императора. Подозрение тогда пало на императрицу Таиту, которая, в свою очередь, высказала предположение, что на жизнь ее супруга покушался нэгадрас Хайле Гийоргис, министр торговли и иностранных дел. Видимо, кое-кто из ближайшего окружения Менелика II также заподозрил нэгадраса, ибо он вскоре был выведен из правительства. Немного поправившись, Менелик II молчаливо согласился с отстранением Хайле Гийоргиса. В английском официальном издании «Абиссиния» сообщается, что, когда Таиту поссорилась с германскими советниками, привлеченными ею же самой во дворец, и уволила их, те в отместку обвинили ее (хотя и косвенно) в попытке отравить императора [15, с. 53]. В докладе, сделанном на VIII Международном конгрессе эфиопистов в ноябре 1984 г. в Аддис-Абебе, американская исследовательница К. П. Розенфелд утверждала, что Таиту подозревала Хайле Гийоргиса, имевшего тесные связи со Штайнхулером, одним из лечащих врачей императора, в руководстве неудавшимся заговором группы придворных против нее в июле 1909 г. [23, с. 4]. К. П. Розенфелд также полагала, что заявление германского врача об отравлении Менелика II было необоснованным, ибо тот проводил анализы некавалифицированно [22, с. 126].

⁴ Расшифровку эфиопских титулов см. в конце статьи.

принятия христианства носившим мусульманское имя Мухаммед Али). Но он не упускал из виду также другого, уже взрослого, внука Уосэн Сэгэда (род. в 1882 г.), матерью которого была все та же Шоуарэг, а отцом — Уодаджо, сын крупного полководца раса Гобэны, и свою дочь Зоудиту (род. в 1876 г.).

Монарх не мог долгое время решиться, кого же объявить своим преемником. Задача несколько упростилась, когда в 1908 г. умер слабовольный Уосэн Сэгэд. Зоудиту же, как полагает Г. В. Цыпкин, «женщина богомольная и консервативная, мало подходила для роли правительницы Эфиопии начала XX в., когда интересы страны требовали от монарха умения вести отношения с европейскими державами» [8, с. 268] и, добавим, дальнейших прогрессивных реформ. Это, судя по всему, прекрасно понимал и сам Менелик II. По-видимому, уже в середине 1907 г. он твердо остановил свой выбор на Иясу (см. [10]). Однако официально об этом не было объявлено. И не случайно. Прав Г. В. Цыпкин, предположив, что «долгое молчание Менелика относительно своего преемника объяснялось его нежеланием обострять борьбу между соперничавшими феодальными партиями» [8, с. 268—269].

В условиях, когда его здоровье постоянно ухудшалось, Менелик II не хотел создавать в лице Иясу и его сторонников еще один центр власти в стране, который мог бы рассматриваться как противовес личному участию монарха в государственных делах. Император опасался также негативной реакции многих феодалов и духовенства, боявшихся усиления и так, по их мнению, непомерно влиятельного раса Микаэля, ни мусульманское прошлое, ни этническое происхождение (он был оромо) которого не забывались⁵. Менелик учитывал к тому же решительные возражения его намерению со стороны императрицы Таиту (четвертой жены Менелика), заметно влиявшей на умонастроения своего августейшего супруга, особенно после того, как тот из-за болезни все больше нуждался в ее заботе, уходе и поддержке. Ему хорошо были известны честолюбивые помыслы самой Таиту, ее политические амбиции и социально-региональные симпатии⁶.

⁵ В стремлении опорочить Микаэля в глазах императора противники раса не раз обвиняли его в тайных связях с враждебными мусульманскими племенами.

⁶ Таиту, как только заболел ее супруг, сконцентрировала в своих руках значительную власть в стране, став, по сути дела, фактически главой государства [17, с. 577; 18, с. 235—236]. В ее планы первоначально входило стать самой после смерти Менелика II регентшей, а императором провозгласить своего племянника, раса Гугсу Уоле (сын раса Уоле), правителя обширной провинции Бэгемдыр, который был женат на дочери Менелика II (кстати, при содействии Таиту) Зоудиту. Затем, убедившись в невозможности осуществить подобные замыслы, она вознамерилась добиться от Менелика II согласия объявить Зоудиту престолонаследницей, а раса Гугсу — регентом при ней. Себе же при такой комбинации Таиту отводила роль фактического главы государства, хотя и оставалась бы в тени [15, с. 53; 16, с. 134]. В Аддис-Абебе распространились тогда слухи о том, что Таиту вознамерилась якобы

Таиту представляла во дворце интересы северозфиопских феодалов, с некоторыми из них она состояла в родстве. Ее брат, рас Уоле, правивший в Тигре — ключевой провинции на севере, занимал ведущее положение среди местных (северных) феодалов и духовенства, объединявшегося вокруг абуны Петроса. Эта феодальная группировка, возникавшая на этнорегиональной и социально-клерикальной основе, составляла главную оппозицию планам Менелика II в отношении Иясу. Дело в том, что на севере особенно опасались за свои позиции в стране в случае прихода к власти Иясу, поскольку это означало дальнейшее упрочение господства феодалов Центральной и Южной Эфиопии (шоанско-южноэфиопская группировка) — социально-политической опоры Менелика II и его предполагавшегося преемника. Надежде феодалов севера на возвращение трона представителям их династической линии Соломонидов (так было в недалеком прошлом) тогда не суждено было осуществиться. Они склонны были согласиться с любым из вариантов, предлагавшихся Таиту, но более всего по душе им пришлась идея объявить Зоудиту престолонаследницей. Главное состояло в том, чтобы, завладев троном, восстановить свою гегемонию в стране и, следовательно, значительно ослабить (если не полностью устранить) позиции шоанско-южноэфиопских феодалов.

Среди последних не было в то время единства в отношении к Иясу. Однако они сумели преодолеть свои разногласия, одобрив в конечном счете выбор Менелика. В противном случае им не избежать было бы раскола и как следствие этого потери своего доминирующего положения в империи. Эта группировка вступила даже в союз с расом Микаэлем и его приверженцами (среди них была знать оромо⁷), обеспечив тем самым мощную поддержку императору в его решении относительно Иясу. На ее стороне оказалось и духовенство, отправлявшее службу в Центральной и Южной Эфиопии и возглавлявшееся абуной Маттеосом.

Шоанско-южноэфиопских царедворцев понуждало к объединению против Таиту и ее партии еще одно обстоятельство. В большинстве своем они были менеликовскими выдвиженцами из небогатых помещичьих семей или даже из беднейших слоев. А. Кохановский, врач при российской дипломатической миссии, писал: «Вчерашние ашкеры и писаря приобретают огромную власть и силу, перед которой склоняются высокородные аристократы» [5, с. 323]. В случае же победы северян в споре за трон эти сановники двора Менелика теряли не только власть, но и богатство, почести и привилегии.

создать самостоятельное государство на севере Эфиопии и стать во главе его [23, с. 5]. Их абсурдность очевидна, хотя они сыграли свою негативную роль по увеличению антипатии к императрице среди феодалов области Шоа и юга.

⁷ В этой связи показательно, что даже рас битуюддэд Тэсэмма, один из самых могущественных сановников, несмотря на свою враждебность и порой ненависть к расу Микаэлю, вынужден был, учитывая серьезность ситуации, сотрудничать с ним.

Что касается партии раса Микаэля, то она могла рассчитывать на успех в борьбе за императорскую корону только при условии выбора Менелика в пользу Иясу и при неизменном согласии с ним шоанцев и южан. Не исключалось, однако, что эта группировка будет искать себе союзников и на севере, но преимущественно уже после того, как окончательно прояснится вопрос о престолонаследнике, да и то тайно. Пытались найти себе поддержку (но большей частью безуспешно) в том или ином лагере и другие противоборствующие партии.

Таиту и ее сторонники, заручившись поддержкой наследственного правителя Годжамаса Хайлю (сына покойного негуса Тэкле Хайманота), влиятельного дэджазмача Айялеу, начальника дворцовой стражи уагшума Гуангула Зэггэе и многих других видных сановников империи⁸, резко активизировали свою деятельность по срыву замыслов Менелика в отношении Иясу, после того как в июне 1908 г. император на заседании кабинета министров впервые публично объявил лиджа своим преемником. Но официально об этом в стране не объявлялось, т. е. о воле императора знал узкий круг лиц. Выбор Менелика был зафиксирован, однако, в специально составленном тогда обращении к народу, предназначенном для оглашения в подходящий момент или в случае критической ситуации. Власти информировали об этом решении Менелика II иностранные державы, чьи дипломаты были аккредитованы при эфиопском дворе [4, с. 118].

Таиту энергично занималась упрочением своих позиций, назначая преданных ей феодалов на ответственные государственные должности, смещая противников, увеличивая численность верных ей войск, обеспечивая их оружием и т. д.⁹.

⁸ Таиту могла рассчитывать еще на поддержку дэджазмача Балча, управлявшего с апреля 1908 г. Харэром (через него осуществлялись поставки оружия, закупленного Таиту за границей), а также многих тиграйских феодалов, которым, вероятно, она обещала в случае успеха освободить дэджазмача Гугсу, традиционного правителя Тигре, внука императора Йоханнуса IV (1872—1889), находившегося долгие годы под домашним арестом в Аддис-Абебе. В борьбе за трон, по ее мнению, мог остаться нейтральным двоюродный брат императора, могущественный правитель Кэффы рас Уольдэ Гийоргис (1859—1918), женатый на сестре Таиту.

⁹ Таиту, по мнению многих очевидцев, принадлежала к противникам нововведений в жизни страны [15, с. 53; 20, с. 134 и др.]. Но есть и иная точка зрения (число сторонников которой невелико), свидетельствующая о том, что Таиту вовсе были не чужды такие новшества в стране, как открытие банка, светской школы и некоторые другие (см., например, [22]). Таиту получила высокое по тем временам образование в церковной школе: она отменно владела геэзом — классическим языком Эфиопии, читала и писала на амхарском, умела составлять и понимать сложнейшие стихи «кыне», имеющие двойной смысл, играла в шахматы, переписывалась в изысканной манере с английской королевой Викторией и итальянской королевой Маргаритой. Участвуя не раз в решении важнейших государственных дел, Таиту приобрела большой опыт управления страной, т. е. была искусна в политике. Она была очень подозрительна к иностранцам, что соответствовало ее стремлению к изоляции страны от внешнего мира. Итальянский дипломат при дворе Менелика граф Пьетро Антонелли еще в 1885 г. писал, что Таиту, являясь главой тиграйской

Противники Таиту, чтобы сорвать ее планы и вместе с тем укрепить позиции Иясу, использовали традиционный способ, устроен по инициативе Менелика династический брак: 15 мая 1909 г. тринадцатилетний Иясу женился на принцессе Цыге Роман, шестилетней дочери покойного раса Мэнгэша (правителя Тигре, сына Йоханныса IV), приходившейся одновременно внучатой племянницей Таиту. А два дня спустя после состоявшейся свадьбы в Аддис-Абебе на императорской площади (джан меда) в присутствии высших сановников, духовенства и иностранных дипломатов министр пера Гэбрэ Селассие зачитал монарший указ, по которому Иясу провозглашался престолонаследником. Здесь же абунa Маттеос принял клятву присутствовавших феодалов в верности избраннику Менелика II. Но и тогда Иясу не был назван по имени, в тексте упоминался лишь титул наследника (лидж) да и обращение к нему — «мой потомок» относилось по крайней мере к шести членам царской фамилии, а не только к Иясу [23, с. 3].

Когда же в октябре 1909 г. ситуация в столице обострилась из-за беспорядков, возникших в результате распространившихся слухов о насильственной смерти Менелика II и об отравлении Иясу, власти широко оповестили в самом начале ноября о воле монарха относительно Иясу как о престолонаследнике и о назначении раса битуюддэда Тэсэммы регентом [17, с. 581], ставшего еще в июле 1908 г. по приказу императора главой специально созданного регентского совета. Теперь уже был обнародован указ, в котором преемником императора был назван Иясу.

Такое развитие событий не устраивало Таиту и ее приверженцев. Их не удовлетворил даже династический брак Иясу. Они продолжали готовиться к захвату власти. Особое беспокойство их противников вызвало сообщение, что императрица переехала в распоряжение североефиопских феодалов несколько пушек и две тысячи винтовок, только что полученных из-за границы. Открытое столкновение становилось неизбежным. Оно произошло в конце марта 1910 г.

Шоанская и южноэфиопская знать, обсудив на тайной встрече в соборе святого Тэкле Хаймонота сложившееся положение и наметив ответные меры, ввела в действие свои войска¹⁰, которые получили подкрепление в виде двух пулеметов и нескольких тысяч патронов, предоставленных французской дипломатической партией в Шоа, представляет собой «фокус изоляционистских тенденций» (см. [22, с. 121]). (Попутно заметим, что Таиту ненавидела Антонелли.) Это тем не менее не мешало ей обращаться к иностранцам за помощью, когда в такой она нуждалась [1, с. 184; 11, с. 105; 14, с. 116; 15, с. 54].

¹⁰ Наибольшую активность среди шоанско-южноэфиопской знати тогда проявили деджазмач Дэммысе, деджазмач Уубе, фитаурари Уосани, фитаурари Мэкконны, фитаурари Гэбрэ Мариам, бывший в то время командующим императорской гвардией, а также рас битуюддэд Тэсэмма, военный министр фитаурари Хабтэ Гийоргис и деджазмач Тафари Мэкконны, который не мог простить Таиту ее решающей роли в лишении его права на губернаторство в Харэре, куда был назначен упоминавшийся ранее деджазмач Балча. Заговорщиков поддержал и абунa Маттеос.

ской миссией и Компанией франко-эфиопской железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. 21 марта они заняли арсенал и места дислокации артиллерийских орудий, а затем окружили дворец императрицы. Видя, какой оборот приняли события, Таиту обратилась к итальянскому посланнику графу Колли ди Фелиццано за помощью, но ожидаемой поддержки она не получила. (Более того, о просьбе Таиту итальянцы незамедлительно информировали Тэсэмму.) Затем Таиту просила поддержки у дипломатов других держав, представленных в Аддис-Абебе, но поступавшие ответы были не утешительны для нее. Ей было отказано и в предоставлении политического убежища, о чем она стала просить дипломатов, когда поняла, что сопротивление бесполезно [22, с. 128]. Она не могла получить немедленную военную поддержку от своих сторонников, находившихся в большинстве своем далеко от Аддис-Абебы, а войска, сконцентрированные ею в столице, были окружены, их принудили разоружиться, а затем отправиться по домам. Некоторые из тех, на кого рассчитывала Таиту (например, рас Уольдэ Гийоргис, самым ближайшим другом которого был рас битуоддэд Тэсэмма [13, с. 54]), на поверку оказались не на ее стороне. 23 марта все было кончено (К. П. Розенфелд в последней своей работе утверждает, что это произошло 27 марта 1910 г. [23, с. 10]). Императрице пришлось уступить: ей предложили либо уйти в монастырь, либо остаться во дворце, чтобы ухаживать за больным супругом, но не вмешиваться при этом в государственные дела. Таиту выбрала второе.

Сразу же после отстранения Таиту назначения, сделанные ею, были отменены, арестованы наиболее преданные ее сторонники, а также направлены повсюду на службу люди, верные регенту и его сподвижникам, многим из них были дарованы новые титулы, даны обширные земли, дэджазмач Тафари Мэконнын вновь получил губернаторство в Харэре, а раса Уольдэ Гийоргиса назначили управлять Бэгемдыром. Иясу развелся с Цыге Роман, ибо этот брак уже терял свой политический смысл, и женился на четырнадцатилетней дочери раса Хайлю, Соломониде Сэбле Уонгэль (этот брак также имел политическую подоплеку: спустя некоторое время он был тоже расторгнут по инициативе Иясу, так как уже не соответствовал, по его мнению, новому государственному курсу). Наследнику при дворе начинают уже отдавать почести, обычно предназначавшиеся только монарху.

Выступлений на севере страны против центральной власти фактически не было, если не считать попытки раса Уоле восстановить позиции своей сестры, окончившейся неудачей. Рас, двинувший свои войска на Аддис-Абебу, вынужден был при виде превосходящих сил раса Микаэля и раса Уольдэ Гийоргиса пойти на компромисс.

На исход борьбы за императорскую корону не могла в конечном итоге повлиять даже смерть 11 апреля 1911 г. регента

раса битуюддэда Тэсэммы, очень авторитетного и почитавшегося сановника¹¹. В стране усиливались позиции престолонаследника, он стал активнее участвовать в государственных делах. Американский историк Г. Маркус считает даже, что с того времени (конец апреля 1911 г.), как Иясу стал председателем регентского совета после смерти Тэсэммы¹², началось де-факто его царствование [18, с. 251—252]. Вернее, однако, что с того момента началось междоусобица, длившееся около двух с половиной лет. Можно согласиться с американским историком в том, что наследник приобрел значительный вес в различных политических и военных делах. Однако во многом он был нерешителен, его инициативы порой не воспринимались придворными всерьез. Дело в том, что присутствие Менелика II во дворце, к середине 1911 г. полностью парализованного и совсем отошедшего от управления страной, ограничивало возможности Иясу в проведении своего политического курса, в распространении контроля над феодальной верхушкой, заставляло его всегда действовать с оглядкой на дворец, на то, как воспримут его очередной шаг верные соратники Менелика, вызывало в нем неуверенность, непоследовательность, а также позволяло противникам наследника, апеллируя к авторитету Менелика II, не подчиняться его приказам, тем более что в условиях, когда с политической сцены была устранена Таиту, представлявшая вместе с ее приверженцами главную опасность доминирующему положению Шоа, в рядах шоанцев и южан возродились разногласия относительно Иясу. Противоречия особенно обострились после того, как стало ясным стремление Иясу к самостоятельному руководству империей, к освобождению от зависимости от шоанско-южноэфиопской знати.

Наиболее активным противником Иясу в то время стал рас Абатэ, вокруг которого группировались многие из тех, кто был недоволен наследником. Абатэ дважды — в мае и ноябре — декабре 1911 г. — предпринимал решительные действия, чтобы устранить лиджа от власти. Рас Абатэ вначале стремился сам взойти на трон, женившись на Зоудиту, предварительно добившись ее развода с расом Гугсой. Затем, убедившись в нереальности этого намерения, он (сосредоточив, однако, в своих руках реальную власть в стране) попытался стать регентом Эфиопии, но этому воспрепятствовали многие придворные, в том числе военный министр фитауари Хабтэ Гийоргис, лигаба (церемониймейстер) Уольдэ Гэбриель и рас Люль Сэгэд. Потребовалось даже вмешательство в июне 1911 г. абуну Маттеоса и ычэге

¹¹ Принцесса крови Асфа Ильма допускала, что Тэсэмму отравил один из друзей Иясу, который был чрезвычайно завистлив в отношении того влияния, какое оказывал регент на Иясу, и который мечтал занять освободившееся место. Ею не исключается, однако, и возможность того, что смерть раса битуюддэда — дело рук Таиту [11, с. 118].

¹² В докладе А. Кохановского министру иностранных дел царской России С. Д. Сазонову ошибочно утверждается, что после смерти Тэсэммы регентом стал фитауари Тэляхун [5, с. 330].

Уольдэ Гийоргиса, чтобы предотвратить военное столкновение между Абатэ и Иясу. В декабре 1911 г. рас Абатэ был арестован и заточен в тюрьму в Магдалле [6, с. 103—104].

В том же, 1911 г. произошло несколько вооруженных выступлений ряда крупных феодалов против Иясу, в июле была даже предпринята попытка отравить его. Среди шоанцев и южан, которых лидж не устраивал в качестве престолонаследника по личным, феодально-классовым, региональным, этноконфессиональным (мусульманское происхождение его отца никогда не забывали при дворе) или феодально-монархическим представлениям, шли интенсивные поиски будущего преемника Менелика II, называли раса Уольдэ Гийоргиса, двоюродного брата императора фитаурари Тайе, дэджазмача Тафари Мэконнына, который в будущем сыграл заметную роль в свержении Иясу, или даже, как это ни странно может показаться, Зоудиту. Выдвигалась также идея установления республиканского строя с провозглашением раса Уольдэ Гийоргиса президентом и созывом парламента из представителей всех провинций. Часть потомственной аристократии убеждала раса Уольдэ Гийоргиса, по материнской линии восходившего к негусу Шоа Сахле Селасие (1813—1847), двинуть многочисленные войска на Аддис-Абебу, предъявив свои права на трон.

В столь противоречивой и сложной обстановке заметную роль сыграл рас Микаэль, который, опираясь на своих людей в правящей верхушке и на личные хорошо вооруженные войска, сумел не только ликвидировать опасность, грозившую в 1911 г. Иясу, но и укрепить позиции сына. Однако полностью пресечь среди части шоанцев и южан настроения, направленные против Иясу, ему не удалось. Это четко проявилось уже после смерти Менелика II, официальной датой которой считается 12 декабря 1913 г.

Словом, внутривполитическая обстановка в Эфиопии в междоусобицу и предшествовавшие ему годы, усугублявшаяся колонизаторскими происками Англии, Франции и Италии, была сложной, противоречивой. В такой ситуации и протекала дипломатическая деятельность Бориса Александровича Чемерзина, направленная на упрочение независимости Эфиопского государства¹³. Его положение осложнялось тем, что дела в миссии пришли в запустение, так как в ней не было руководителя с 1905 г., когда умер посланник Лишин (похоронен в Аддис-Абебе).

Долгожданный приезд главы российской миссии был с удовлетворением встречен в правящих кругах Эфиопии. Уже в

¹³ Основываясь на материалах Архива внешней политики России, советский исследователь Ю. М. Кобищанов пишет: «Все русские дипломатические представители, кроме Н. Виноградова, поддерживали Иясу в его борьбе с реакционными кланами и иностранными державами, стремившимися расчлениить Эфиопию на свои „сферы влияния“ и превратить ее в полуколонию» [3, с. 80].

Харэре, куда прибыл Чемерзин по пути следования в Аддис-Абебу, ему устроили торжественный прием. Еще будучи в Диредауа, он узнал из телефонного разговора с доктором А. Кохановским, находившимся в Аддис-Абебе и временно управлявшим миссией, о том, что эфиопское правительство чрезвычайно обрадовано прибытием дипломатического представителя России. Оно готовилось, как сообщил А. Кохановский, оказать Б. А. Чемерзину такие почести, какие обычно предназначались только посланникам, хотя он был лишь поверенным в делах, т. е. рангом ниже. Сам Борис Александрович, ознакомившись с обстановкой в стране, писал 18 ноября (1 декабря) 1910 г.: «Дела политического будет, вероятно... достаточно, так как абиссинцы уж очень обрадовались приезду русского представителя». И это не случайно.

Россия имела среди эфиопских правящих кругов высокий авторитет. Ее политика, направленная против стремлений Англии, Франции и Италии в той или иной форме поработить Эфиопию, пользовалась значительным уважением. В Аддис-Абебе знали, что российские дипломаты строго следовали указаниям, сделанным министерством иностранных дел еще П. М. Власову, первому главе русской миссии в Эфиопии (1897—1900), а именно: «по возможности охранять его [негуса] от козней наших политических соперников, в особенности англичан, преследующих в Африке столь честолюбивые и хищнические цели» (см. [7, с. 78]). Вот почему Б. А. Чемерзина ждали в Аддис-Абебе с надеждой и нетерпением. Правящая верхушка, делавшая ставку на Иясу, и сам лидж рассчитывали на поддержку России не только в противодействии западноевропейским колонизаторам, но и в решении ряда внутривосточных проблем.

Это, однако, не исключало наличия при дворе сановников, выступавших против связей с Россией (например, неагдас Йегызу Бэхабте, назначенный еще при Таиту министром торговли и иностранных дел вместо неагдаса Хайле Гийоргиса). Именно они, притом не без влияния Англии, Франции и Италии, сорвали в 1910 г. попытку раса битуддэда Тэсэмы направить эфиопское посольство в Санкт-Петербург. Но общий настрой в стране, в том числе и прежде всего при дворе, был благожелательным для России, что проявилось, в частности, во время приезда Б. А. Чемерзина.

Борис Александрович и сопровождавшие его лица 30 октября (12 ноября) «въехали в город [Аддис-Абебу] с большой торжественностью и были немедленно приняты Регентом и Лич-Ясу [лидж Иясу]» (письмо Б. А. Чемерзина от 5 (18) ноября 1910 г.). Подробное описание вьезда русского дипломата дано в письме его жены от 1—5 ноября 1910 г. Оно содержит ряд интересных наблюдений, существенно дополняющих сведения, приведенные самим Борисом Александровичем.

Чемерзины, их люди (буфетчик, два казака) и проводники, отбыв из Харэра, достигли окрестностей Аддис-Абебы 11 нояб-

ря, разбив лагерь в Тола. Утром следующего дня приветствовать Чемерзиных прибыли министр иностранных дел, министр двора и министр земледелия (сельского хозяйства) в сопровождении большого числа воинов и слуг. Первые два министра участвовали во встрече согласно утвердившемуся при менеликском дворе протоколу, третий же, как подчеркивает Анна Васильевна, — «из любви к русским». После обмена приветствиями и устроенного Б. А. Чемерзиным угощения кофе представительная процессия двинулась из Тола к императорскому дворцу (гэби) в столице. В тронном зале ее уже ждали регент и лидж Иясу. Здесь Анной Васильевной подмечены два штриха, характеризующие положение Иясу: он восседал в кресле, поставленном на небольшом возвышении у подножия пустовавшего трона царствовавшего монарха; Б. А. Чемерзин передал регенту письмо, подписанное министром иностранных дел России, а не Николаем II, как это всегда делалось, когда послание вручалось непосредственно главе государства. По окончании аудиенции Борис Александрович и сопровождавшие его лица, в том числе высокопоставленные эфиопы, отбыли в здание миссии. И начались для поверенного в делах трудовые будни: он с головой окунулся в политическую жизнь страны.

В январско-февральских письмах 1911 г. Б. А. Чемерзин особо указывает на свою занятость делами. В 1911—1914 гг. русскую миссию неоднократно посещали лидж Иясу, рас битуоддэд Тэсэмма, военный министр фитаурари Хабтэ Гийоргис, рас Микаэль и многие другие видные сановники Эфиопской империи. Они также приглашали к себе с официальными и неофициальными визитами Бориса Александровича, вели с ним конфиденциальные беседы, содержание которых в письмах, к сожалению, не раскрывается. Не раз от их имени вручались в дар Борису Александровичу дикие или домашние животные. Так, рас Микаэль подарил ему великолепного коня. Иясу, регент (или даже сам Менелик) несколько раз просили передать львов в дар Николаю II. Всех дарованных животных Б. А. Чемерзин отправил в Россию.

В тяжелые минуты своей жизни, возникавшие в ходе утверждения собственной власти, лидж Иясу учащал посещения российской миссии. Показательно в этом отношении письмо Б. А. Чемерзина от 30 декабря 1913 г. (12 января 1914 г.), в котором сообщалось: «В последнее время что-то уж очень меня полюбил Лидж-Ясу. Был у нас на празднике 6 дек[абря, т. е. 19 декабря по н. ст.] с поздравлениями и снова заехал поболтать в Миссию 5 дней тому назад. Я-то знаю, в чем дело тут, а другие изумляются». Однако в последующих письмах ни самого Бориса Александровича, ни его супруги ничего не говорится о том, что же он имел в виду. Можно лишь, учитывая упоминавшиеся выше трудности восшествия Иясу на престол, предположить, что он надеялся на одобрение Россией его внутри- и внешнеполитических шагов после смерти Менелика. Активиза-

ция лиджем сношений с Б. А. Чемерзиным зимой и весной 1914 г., возможно, связана и с его намерением отправить в Петербург чрезвычайную дипломатическую миссию, о чем упоминается в июньских письмах того же года.

Высокий авторитет, которым пользовались Россия и ее дипломатический представитель, вызывал недовольство и даже злобу со стороны коллег Б. А. Чемерзина из других стран. В письме от 26 октября (8 ноября) 1912 г. Анна Васильевна сообщает: «К довершению всех неприятностей мелких с сотоварищами Борису [Александровичу] приходится переживать также и неприятности с коллегами. Итальян[ский] посланник, старшина диплом[атического] кор[пуса], не может простить Борису его самостоятельных и очень удачных выступлений относительно абисс[инского] правительства, склонного всегда на уступки русской Миссии. Будучи слишком умен, чтобы лично делать Борису каверзы, он настраивает англичанина и француза». Эти слова содержат явное указание на заинтересованность Аддис-Абебы в поддержке России, а также на противодействие англо-франко-итальянских колонизаторов российской политике в Эфиопии.

Весьма интересны оценки, какие Чемерзины дали лиджу Иясу и некоторым видным эфиопским сановникам. При первой же встрече наследник показался жене поверенного в делах «еще совершенно не привыкшим к своему положению» (письмо от 1—5 ноября 1910 г.). А в феврале 1913 г. она нашла его немного выросшим, но обрюзгшим, потолстевшим, флегматичным [письмо от 26 января (8 февраля) 1913 г.]. Тогда же она утверждала, что «во внутренних делах он довольно решителен, во внешних же ровно ничего не понимает». Вероятно, столь строгое суждение о неопытности лиджа во внешней политике связано с тем, что ему просто еще не представилось возможности широко проявить себя в решении международных вопросов, ибо в 1911—1913 гг. (да и в предшествующие годы) он был занят главным образом проблемой своего воцарения. Кроме того, известным опровержением этого замечания Анны Васильевны могут служить многочисленные контакты лиджа с русской миссией, его симпатии к России.

Основываясь на опыте личного общения с Иясу и знакомстве с его деятельностью, Чемерзины неоднократно указывали в 1911—1913 гг. на стремление лиджа утвердиться на вершине эфиопской власти и возложить на себя монаршие обязанности. Усилия Иясу в этом направлении заметно возрастали, когда умер рас битуоддэд Тэсэмма или когда распространялись упорные слухи о смерти Менелика (например, в январе—феврале 1913 г.).

Смерть регента, казалось, развязывала лиджу руки по установлению собственного контроля над страной, в том числе и над феодальной верхушкой. Но этому воспротивились придворные сановники и абуна Маттеос, в связи с чем Анна Васильев-

на писала 3 [16] июня 1911 г.: «Лидж Ясу еще не негус за младостью лет, ведь ему недавно еще минуло 14 л[ет], но и регента нет. Покуда старшим считается... [фитаурари] Ато-Георгис [Хабтэ Гийоргис], военный министр, дельный и энергичный человек, сумевший при помощи Абуны и преданного ему войска несколько убавить пыл потерявшего власть над собою после смерти Тесеммы [Тэсэммы] юного наследника. Все обошлось прекрасно, и Лидж Ясу с... [фитаурари] остались друзьями». Благодаря Хабтэ Гийоргису ситуация в Эфиопии некоторое время после кончины Тэсэммы оставалась в целом спокойной (письма Б. А. Чемерзина от 9 (22) апреля и 30 апреля (13 мая) 1911 г.).

Однако длительное отсутствие в Эфиопии твердой монаршей власти, двусмысленное положение Иясу, продолжающееся присутствие во дворце Менелика, который «ничего не говорит, живой труп» (письмо Б. А. Чемерзина от 30 июля (12 августа) 1911 г.), его полный отход от государственных дел — все это спустя несколько месяцев после смерти регента породило в стране обстановку неуверенности, многочисленные интриги при дворе, ожесточенные междоусобицы среди знати, ряд крупных восстаний в провинциях, а также воровство, убийства. О подобном развитии событий Б. А. Чемерзин пишет 22 июля (4 августа) 1911 г.: «Политическое положение здесь весьма смутное: Лидж-Ясу болеет, нервничает, ссорится с более разумными савонниками и якшается с весьма легкомысленными людьми, оч окружил себя монахами, знахарями, колдунами и слушает всякую чушь, которую они ему говорят. А в это время члены правительства его между собою ссорятся, и никто никому не повинуется. В провинциях — восстания, правда до сих пор не удавшиеся. В городе же — убийства, грабежи и воровство... Правительство вешает немилосердно пойманных воров, но это мало помогает». Еще не раз в 1911—1913 гг. Борис Александрович будет подчеркивать, что «безначалие... проявляется [в Эфиопии] во всей своей красе».

В условиях междоусобицы лидж Иясу все чаще стал опираться на помощь своего отца, раса Микаэля, не раз наведывавшегося в Аддис-Абебу в сопровождении хорошо вооруженного десяти тысячного войска [письмо Б. А. Чемерзина от 19 ноября (2 декабря) 1911 г.]. Укреплению связей отца и сына способствовало и то, что лидж после смерти Тэсэммы перебрался жить из гэби в аддис-абеебский дом раса Микаэля.

В 1912 г. Иясу активизировал деятельность по реализации своих планов самостоятельного руководства страной. «Лидж Ясу, — писал Борис Александрович 14 (27) апреля 1912 г., — все время катается между Анкобером и столицей страны Уолло — Дэсие, где живет его отец, Рас Микаэль, все время совещается с правителями Годжама, Гондара, Тигре и др. северных областей Абиссинии и все порывается возложить на себя корону предков. Этому противодействуют Абуна-Матеос и многие вел-

можи из Шоа и юга Абиссинии. Что из этого выйдет, если Менелик не освободит трона своего смертью — никто знать не может». Стремление Иясу заручиться поддержкой северозфиопских феодалов, о чем говорит Б. А. Чемерзин, не могло не насторожить шоанскую и южноэфиопскую знать, ревностно относившуюся к сохранению и укреплению своего политического и экономического веса в стране.

Убедившись, однако, в невозможности стать во главе государства, Иясу в начале весны 1912 г. отбыл в юго-западные районы, где, по свидетельству Б. А. Чемерзина от 7 (20) июля 1912 г., «охотится на слонов, буйволов и на негров», полагая, что «это занятие несравненно более приятное, нежели заседание в Совете Министров». В действительности же (и это подчеркивается самим Борисом Александровичем) военные походы Иясу в юго-западные земли, включенные Менеликом в конце XIX в. в состав Эфиопской империи в соответствии с политикой реконкисты, совершались с целью поднять свой престиж в стране: традиция, освященная веками, предписывала монарху предпринимать военные походы, лично руководить войсками на поле боя и захватить богатую добычу. 1913 год отмечен новым военным походом лиджа Иясу в районы, население которых не покорилось полностью центральной власти в Аддис-Абебе. Особую жестокость его воинов в тот год испытали на себе, в частности, данакильцы [письмо Б. А. Чемерзина от 20 апреля (13 мая) 1913 г.].

Была и еще одна причина, из-за которой отправился Иясу в 1912 г. на юго-запад, а в 1913 г. — в другие районы страны. О ней очень ясно сообщает Б. А. Чемерзин, 7 (20) июля 1912 г.: «К тому же в стране, где он находится [земли на юго-западе, населенные гими́рра], не имеется иностранцев, а последние, как он [лидж Иясу] убежден, и составляют в Аддис-Абебе источник всех неприятностей для него, ибо — что несомненно — доставляют массу хлопот». И далее Борис Александрович излагает действия, которые предприняли Англия, Франция и Италия в отношении Эфиопии в то время. Вкратце они таковы.

Воспользовавшись вторжением с территории Эфиопии в пределы англо-египетского Судана вооруженного отряда племени ануак, Лондон стал угрожать эфиопскому правительству применением военной силы. Под давлением Англии и Италии Франция тогда закрыла порт Джибути для транспортировки оружия, закупленного Эфиопией за границей, сославшись при этом на якобы допускаемую Аддис-Абебой бесконтрольность в торговле оружием. Более того, эти державы вкупе с другими странами, имевшими дипломатические отношения с Аддис-Абебой, предъявили ей протест по поводу ее попытки отказаться от унизительной для эфиопского суверенитета статьи договора 1908 г. с Францией (так называемого договора Клобуковского), касавшейся неподсудности европейцев эфиопским судам и местному законодательству.

В 1913 г. англичане вновь оказали нажим на Эфиопию, требуя на этот раз от нее территориальных уступок на юге, где проходила граница с британским протекторатом. В обмен, как пишет Борис Александрович 20 июля (2 августа) 1913 г., на земли, хорошо обеспеченные водой, они предлагали эфиопам бесплодный район. «Абиссиния,— подчеркивал Б. А. Чемерзин,— вот уже 3 года, как уклоняется от этой уступки и не хочет даже слышать об обмене... Ныне, воспользовавшись убийством пограничного комиссара, англ[ийского] капитана Ильмера, совершенным абиссинскими бродягами, зашедшими случайно на территорию протектората, Англия снова затянула старую песню о необходимости упомянутого обмена. Однако абиссинцы стоят упорно на своем отказе. Долго ли все это продлится и чем все кончится — предрешить трудно». Иясу, отбыв в 1913 г. надолго из Аддис-Абебы (как и в предыдущем, 1912 г.), пытался тем самым избежать давления, оказывавшегося на него англичанами в связи с этим инцидентом. И таким образом он добивался своего.

Когда лидж возвратился в ноябре 1913 г. в Аддис-Абебу после длительного отсутствия, он отдал распоряжение направить многочисленное войско под командованием военного министра фитаурари Хабтэ Гийоргиса на юг страны, в Борана, на границе с восточноафриканским протекторатом Великобритании. Предполагалось покончить с вооруженными набегами местных племен на территорию этого английского владения, чтобы предотвратить в будущем протесты англичан. «Тайная же цель,— писал Б. А. Чемерзин 18 ноября (1 декабря) 1913 г.,— противопоставить отряд тысяч в 10 абиссинцев собранному, по слухам, на южн[ой] границе английскому отряду в неск[олько] тысяч человек, имеющему будто бы целью урвать кусок абисс[инской] территории».

Отношения с Англией к этому времени вновь обострились из-за инспирированной Лондоном в печати антиэфиопской кампании из-за якобы имевших место поставок оружия антибританским силам в Судане, производимого эфиопами на построенном в Аддис-Абебе оружейном заводе. Б. А. Чемерзин в письме от 18 ноября (1 декабря) 1913 г. полностью разоблачил эти домыслы Лондона: «Все сообщения английского производства из Хартума о ввозе в Судан оружия с оружейной фабрики в Аддис-Абебе — ложь. Вся эта выдумка была следствием великого недоверия Англии тем, что в Аддис-Абебе построена и начнет действовать в начале 1914 г. патронная... фабрика, которую выдумали соорудить абиссинцы под влиянием чинившихся им в 1911 г. препятствий со стороны Италии, Англии и Франции к ввозу огнестрельных припасов».

Англо-франко-итальянские колонизаторы, пытаясь воспрепятствовать укреплению независимости Эфиопии, умело пользовались ситуацией, сложившейся в междуцарствие. Однако частое и длительное отсутствие Иясу в столице мешало осуществлению

их инициатив. Многие дипломатические шаги Лондона, Парижа и Рима не достигали тогда своей цели, ибо в отсутствие лиджа министры «на все запросы и вопросы несколько более сложного характера отвечают полным незнанием и уклоняются от ответов» [письмо Б. А. Чемерзина от 20 июля (2 августа) 1913 г.]. Показательно в этом отношении замечание Бориса Александровича о том, что «здесь [в Аддис-Абебе в декабре 1912 г.] нового ничего нет. Приедет Лидж Ясу — тогда и будут новости». Эти слова Б. А. Чемерзина оказались пророческими.

И действительно, по возвращении Иясу в начале 1913 г. в Аддис-Абебе произошли события, которые основательно потрясли политическую жизнь столицы. Польские ученые А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко вообще полагают, что они оказали большое влияние на дальнейшую судьбу Иясу [2, с. 424]. Это — спорное утверждение [10, с. 111]. Вот как описывают эти события Чемерзины.

В письме от 2 (15) февраля 1913 г. Борис Александрович писал: «Здесь произошло давно ожидаемое столкновение дворцовой стражи с войсками Лидж Ясу. Началось с пустяка, продолжалось схваткою врукопашную под стенами Большого Дворца [гэби] и сопровождалось пальбою ружейною и из митральез. Результат: 10 убитых, 30 раненых. Вмешательство Абуны Матеоса остановило распрю... Теперь все вошло в свою колею». В тот же день Анна Васильевна сообщала: «У нас здесь прошлую субботу [8 февраля по н. ст.] был дворцовый бунт с перестрелкой из митральезы и человеческими жертвами... возможно, что жертв больше [чем сообщил Борис Александрович], но это скрывают и даже раненых выпроводили из Аддис-Абебы... Еще до возвращения Лидж Ясу в городе распространился слух, что по желанию последнего больного императора Менелика предполагают переселить из дворца в какой-то отдаленный монастырь, чтобы он там закончил бречное существование. Вследствие этого слуха дворцовый фитаурарий, нечто в роде коменданта, заявил, что последнего сделать не позволит, ибо имеет письменное приказание императора защищать его и не допускать кого-либо увозить из дворца... И вот для большего удобства, если дело дойдет до насилия, фитаурарий Габро Мариям [Гэбрэ Марьям] вырезает рошу эвкалиптусов у дворца и ставит митральезу. Вернувшись, Лидж Ясу, узнав о пущенном слухе, обозливается, ибо никогда подобных намерений не имел; ищут виновного, кажется, таковой, подставной или настоящий, находится. Тем не менее Габро Мариям не очень доверяет наследнику, и когда последний отдает какой-то приказ по дворцу, где, впрочем, не живет (кажется, его туда не пускают надолго), то комендант отказывается повиноваться. Посылаются войска, чтобы взять Габро Марияма; тогда последний начинает перестрелку. Все успокаивается к утру прошлого воскресенья [9 февраля по н. ст.]. Абуна Матеус [Маттеос]... уговаривает Габро Марияма и, обещая ему помилование и неприкосновенность, увозит его к себе... Теперь

идут переговоры. Некоторые утверждают, что Габро Мариям получит повышение...»

Предположение о повышении Гэбрэ Марьяма не оправдалось: он был сослан лиджем в Годжам, причем тот нарушил священность и неприкосновенность резиденции абуну, ворвавшись туда и арестовав фитаурари. «Зачинщики смуты,— упоминал в письме от 16 февраля (1 марта) 1913 г. Б. А. Чемерзин,— отправлены в северные провинции Абиссинии под надзор». Вновь тем самым проявились связи Иясу с североэфиопскими феодалами, и вновь это не могло пройти мимо внимания шоанцев и южан. Расширявшиеся контакты Иясу с феодалами севера, а также с абуней Петросом, обосновавшимся в Тигре, и с поддерживавшими его церковно- и священнослужителями в северных районах явились основной причиной начавшегося в 1913 г. (и постепенно усиливавшегося) обострения отношений между Иясой и частью шоанско-южноэфиопской знати, абуней Маттеосом, сторонниками последнего среди клерикалов. Конечно, негативную роль сыграло и то, что Иясу нарушил существовавшую в Эфиопии традицию неприкосновенности резиденции абуну.

Усилившееся в 1914 г. недовольство лиджем вынуждало, по видимому, как его сторонников, так и противников скрывать смерть Менелика II. В литературе широко распространено мнение, что официальная дата смерти императора — 12 декабря 1913 г., — очевидно, неправильна, поскольку известие о ней долгое время держалось в тайне [2, с. 424]. Высказывается предположение, что он умер в 1911-м и даже в 1909 г. (см., например, [16, с. 35; 21, с. 53]). Когда авторам, указывающим иную, неофициальную дату смерти императора, возражают, ссылаясь на редкие появления Менелика II в 1909—1911 г. перед иностранными дипломатами и народными массами, они утверждают, что это было подставное, очень похожее на монарха лицо. В этой связи интересно письмо Анны Васильевны от 11 (24) мая 1912 г., в котором сообщается: «Менелика Борис [Александрович] не видел, да и не особенно стремится к этому, ведь это живая развалина, ничего не говорящая и ничего не понимающая, и впечатление он производит лишь очень тяжелое и грустное. Видеть его, конечно, желающие могут: его видел перед отъездом в отпуск граф Коли — итальянский посланник, он его знал здоровым». Борис Александрович заметил 17 (30) ноября 1912 г., что «Менелик живет себе да живет, хотя ничего и не понимает». Из информации Чемерзиных можно заключить, что распространявшиеся в стране в 1911—1913 гг. слухи о смерти императора (послужившие основой для аналогичных суждений в научной литературе) далеки от истины. Однако чета Чемерзиных подтверждает факт сокрытия даты его кончины в декабре 1913 г. В письме Анны Васильевны от 15 (28) декабря 1913 г. говорится, например, что смерть Менелика скрывают и что «даже местная газета, издаваемая с половины этого года на

французском языке еженедельно, по просьбе правительства отрицает ее». Жена российского поверенного в делах утверждает также, что он скончался в ночь с пятницы на субботу, с 29 на 30 ноября (т. е. с 12 на 13 декабря) 1913 г. Оповестили страну об этом только по прибытии в Аддис-Абебу крупных феодалов с войсками.

После смерти Менелика в письмах Чемерзиных не раз обсуждается вопрос о коронации Иясу. В одном из последних писем [от 19 мая (1 июня) 1914 г.] Борис Александрович ссылается на нерешительность Иясу как главную причину постоянного переноса им своей коронации.

Нерешительность Иясу, сформировавшаяся в междоусобицу как одна из характерных черт лиджа, явилась фактором, заметно ослаблявшим его позиции в трехлетний период царствования (декабрь 1913 — сентябрь 1916 г.) Но это время в целом выходит уже за хронологические рамки имеющейся в нашем распоряжении корреспонденции Чемерзиных. Содержащиеся в ней материалы, как можно судить по изложенному выше, заметно расширяют наши познания истории Эфиопии начала XX в.

Титулы феодальной Эфиопии

Абуна (правильнее — абунэ) — глава Эфиопской церкви.

Дэджамач — один из высших военно-феодальных титулов (досл. командующий полком, размещавшимся перед царским шатром).

Лигаба — церемониймейстер, один из высших феодальных титулов.

Лидж — феодальный титул, дававшийся, как правило, членам императорской фамилии.

Негус (правильнее — ныгус) — досл. царь, титул правителя, признававшего над собой власть (в истории Эфиопии часто формально) «царя царей» — ныгусэ нэгэст.

Нэгадрас — титул сборщика торговых пошлин.

Рас — один из высших военно-феодальных титулов.

Рас битуоддэд — один из самых высших феодальных титулов, дававшийся ближайшему советнику императора.

Фитаурари — один из высших военно-феодальных титулов.

Ычэге — главный архимандрит всех монастырей, признававших дэбрэлибаносский устав; до получения Эфиопской церковью автокефального статуса в 1958 г. исполнявший также обязанности административного главы; второй после абунэ церковный иерарх Эфиопии.

Литература

1. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. Некоторые вопросы политической истории Эфиопии на рубеже XIX—XX вв. — История, социология, культура народов Африки. Статьи польских ученых. М., 1974.
2. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М., 1976.
3. Кобищанов Ю. М. Лидж Иясу, его историческая роль и свержение. — Все-союзная конференция по эфиопским исследованиям (Москва, 19—21 июня 1979 г. Тезисы докладов). М., 1979.
4. Кобищанов Ю. М. Политическая жизнь Эфиопии в 1907—1910 гг. (по архивным материалам). — Эфиопские исследования: История, культура. М., 1981.

5. *Кохановский А.* Абиссиния (Доклад министру иностранных дел С. Сазонову 1-го июня 1913 г.).— Новый Восток. 1922, кн. 1.
6. *Тэкле Цадик Мэкурия.* От императора Теодороса до Хайле Селассие. Аддис-Абеба, 1946 (по эфиоп. летосчис.; на амхар. яз.).
7. *Ханов А. А.* Некоторые моменты из истории Африканского Рога на рубеже XIX—XX вв.— Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям (Москва, 19—21 июня 1979 г. Тезисы докладов). М., 1979.
8. *Цыпкин Г. В.* Эфиопия: От раздробленности до политической централизации (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1980.
9. *Ягья В. С.* Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
10. *Ягья В. С.* Лидж Иясу — преемник Менелика II на эфиопском троне (1913—1916).— Страны и народы Востока. Вып. 21. М., 1980.
11. *Asfa ilma.* Haile Selassie Emperor of Ethiopia. L., 1935.
12. *Bairu Tafla.* Ethiopia and Germany: Cultural, Political and Economic Relations, 1871—1936. Wiesbaden, 1981.
13. *Bairu Tafla.* Two of the Last Provincial Kings of Ethiopia.— Journal of Ethiopian Studies. 1973, vol. 11, № 1.
14. *Davy A.* Ethiopie d'hier et d'aujourd'hui. P., 1970.
15. Great Britain. Foreign Office. Historical Section: Abyssinia. L., 1920.
16. *Greenfield R.* Ethiopia. A New Political History. L., 1965.
17. *Marcus H. G.* The End of the Reign of Menelik II.— Journal of African History. 1970, vol. 11, № 4.
18. *Marcus H. G.* The Life and Times of Menelik II.— Ethiopia 1844—1913. Oxf., 1975.
19. *Michel C.* Mission de Bonchamps. Vers Fachoda. P., 1900.
20. *Pankhurst R.* Economic History of Ethiopia. 1800—1935. Addis Abeba, 1972.
21. *Petraček K.* Ethiopia. Praha, 1964.
22. *Rosenfeld Ch. P.* Empress Taitu Bitoul, «Lioness of Judah».— Proceedings of the First United States Conference on Ethiopian Studies, 1973. East Lansing, 1975.
23. *Rosenfeld K. P.* The Downfall of Empress Taytu: 20—27 March, 1910. Addis Ababa, 1984 (Eighth International Conference of Ethiopian Studies).

М. Б. Рабинович

СУД НАД ДОКТОРОМ ДЖЕМСОНОМ
(Об одном из последствий британской провокации
в Южной Африке)

События, связанные с известным «рейдом Джемсона», освещались как в общей, так и в специальной литературе. Напомним, что ближайшей целью «рейда» была поддержка заранее инспирированного выступления уитлендеров¹ против бурского правительства, а последующей — установление контроля над золотыми месторождениями Ранда, что в конечном итоге привело бы к британскому господству над Трансваалем (см. [7, с. 113—125]). В работах, посвященных этой теме, подробно исследовались обстоятельства, приведшие в конце 1895 г. к вторжению в Трансвааль вооруженного отряда Джемсона, прослеживался его путь от начала авантюры до ее краха около местечка Крюгерсдорп (близ Йоганнесбурга).

Особенное внимание исследователи уделяли международной обстановке, возникшей после провала набега и пресловутой телеграммы Вильгельма II президенту Трансвааля Крюгеру, телеграммы, которая привела к первому серьезному кризису в англо-германских отношениях. Однако меньше всего рассматривались позднейшие события, связанные с расследованием обстоятельств «рейда» в парламентских комитетах и с судом над Джемсоном и его сообщниками. По сути дела, о процессе Джемсона в нашей литературе ничего нет, кроме кратких упоминаний. А ведь более детальное знакомство с этим эпизодом южноафриканской истории представляет интерес, поскольку помогает увидеть истинное отношение британского правительства к южноафриканскому инциденту и причастным к нему лицам.

Уже в конце XIX в. возникал вопрос об ответственности английского кабинета за попытку уничтожить независимость бурской республики с помощью искусственно вызванной в районе золотоносного Ранда псевдореволюции, поддержанной одновременно внешней интервенцией. Сейчас причастность к декабрьским 1895 — январским 1896 г. событиям английского министра

¹ Уитлендеры (ойтлендеры) — европейцы, в основном британского происхождения, переселившиеся в Трансвааль в связи с открытием там золотых месторождений.

колоний Джозефа Чемберлена и премьер-министра Капской колонии Сесилия Родса документально доказана, в частности теми телеграммами, которые в свое время были утаены при расследовании (см. [16], где дан обширный перечень работ, касающихся отношения английского правительства и лично Чемберлена к делу Джемсона, а также [21], специально посвященную «пропавшим» телеграммам). Но в разгар южноафриканского кризиса в 1895—1896 гг. многое еще не было известно, и приходилось обращаться при исследовании перипетий кризиса к, так сказать, косвенным уликам. «Своеобразие», с каким проводились парламентское расследование набега на Трансвааль и суд над Джемсоном, возбуждало сомнение в непричастности лондонского правительства к событиям в Южной Африке.

Англо-германский дипломатический конфликт, вызванный телеграммой Вильгельма II президенту Крюгеру, временно отодвинул на второй план непосредственно южноафриканские дела (см. [6, с. 228—245]). Это совпадало с интересами британского правительства, для которого, чем меньше общественное мнение занималось провалившимся набегом Джемсона, тем было спокойнее. Так прошло несколько месяцев, и лишь в апреле 1896 г. в газетах вновь замелькали имена йоганнесбургских лидеров, членов Комитета реформ, который был связан с подготовкой «вооруженного выступления, организованного Национальным союзом» [9, с. 115]. Этот Комитет должен был возглавить выступление уитлендеров Ранда против бурского правительства, отказывавшего в предоставлении им политических прав. После краха экспедиции, пленения Джемсона и оставшихся в живых его спутников руководители йоганнесбургского выступления были арестованы. Обвиняемые, — а их было несколько десятков, — предстали перед судом. Следствие закончилось только в апреле. Сам по себе процесс над членами Комитета реформ не представляет большого интереса, но на суде фигурировали некоторые документы, подтверждавшие причастность родосской Южно-Африканской компании к набегу Джемсона и связи последнего с йоганнесбургскими уитлендерами. 28 апреля 1896 г. пятеро главных обвиняемых были приговорены за государственную измену к смертной казни (один заочно), а остальные (59 человек) — к двум годам тюрьмы и штрафу в 2 тыс. ф. ст. Вскоре, однако, смертную казнь заменили 15-летним заключением, а затем и оно было заменено штрафом в 25 тыс. ф. ст.; все осужденные должны были дать письменное обязательство отказаться от политической деятельности². Таким образом, трансваальское правительство получило более 200 тыс. ф. ст., которые частично уплатили сами обвиняемые (в большинстве своем видные промышленники), частью же — финансовые магнаты Ранда, такие, как Барней Барнато, Альфред Бейт, Се-

² Лидеры Комитета реформ выполнили все это (штраф, письменное обязательство), отказался только Фрэнк Родс, который и был выслан из страны.

силь Родс и др. (о Барнато см. [8, с. 208—228]). Так, Сесиль Родс внес 62 тыс. ф. ст. [20, т. 2, с. 50]³. Конечно, не только соображения финансового порядка заставили Крюгера предпочесть штрафы приведению приговора в исполнение. Главную роль играло нежелание обострять отношения с лондонским Сити и финансовыми магнатами Южной Африки. Крупный капитал Ранда в лице, например, Барнея Барнато оказывал прямое давление на трансваальское правительство. Сам Барнато не принимал непосредственного участия в таком «нерентабельном» предприятии, каким являлся политический заговор. Он сказал как-то лидерам уитлендеров: «Мы приехали в Трансвааль не голосовать, а делать деньги» (цит. по [19, с. 164]). Но когда был вынесен приговор, Барнато выступил в защиту осужденных, «пострадавших» в конечном счете во славу английского капитала. Барнато предъявил ультиматум, угрожая закрыть рудники, которые контролировал, и «выбросить на улицу больше белых, чем граждан в республике, если приговор не будет смягчен» (цит. по [19, с. 164]). Это не было пустой угрозой. Барнато поместил следующую публикацию в газете: «Все наши земельные владения в государстве будут в понедельник 18 мая 1896 года продаваться с публичного аукциона» [13, т. 2, с. 14]. Он на две недели закрыл свои рудники, не отменив своего решения, даже когда начались переговоры о смягчении участи осужденных. Шантаж, к которому прибег Барнато, мог привести к очень серьезным последствиям: лишение работы 20 тыс. белых и 100 тыс. черных в то время, когда в стране было неспокойно, грозило взрывом [19, с. 163]. Все это не могло не произвести впечатление, и Крюгер 26 мая принял одетого в траур финансового магната; более полутора часов продолжалась беседа. Трудно сказать, в какой мере ультиматум повлиял на решение старого президента. Не нужно забывать, что требования Барнато были поддержаны министерством колоний. Во всяком случае, приговоры оказались смягченными еще до истечения срока, определенного Барнато. Это явилось весьма характерным заключительным аккордом водевильной йоганнесбургской «революции», в которой капиталисты Ранда попытались увлечь за собою массы, все время опасаясь, как бы массы всерьез не приняли их лозунгов и обещаний.

Во время процесса над членами Комитета реформ правительство Трансвааля опубликовало различные документы, доказывающие связь «йоганнесбургцев» с Джемсоном, а последнего — с Родсом. Об этом один из судей, Котце, писал в Кейптаун де Виллеру (26 мая 1896 г.): «Кто еще сомневается в том, что Родс виновен, тот страдает умственной слепотой... Имперское правительство ничего не предприняло против Родса...

³ Главному организатору «рейда» Родсу причастность к событиям обошлась дорого — 400 тыс. ф. ст. (вместе с оплатой штрафов, наложенных судом на мятежников). Но 5 января ему пришлось подать в отставку с поста премьер-министра Капской колонии. Это и был главный удар [2, с. 263].

Он первый министр колонии и член парламента. Не ясно разве, что долг капского парламента обвинить его?» [18, с. 273]. Это письмо было послано в разгар обсуждения вопроса о Родсе в парламенте Капской колонии, но трудно было рассчитывать на что-либо более серьезное, чем платоническое осуждение рейда Джемсона. Английское правительство также не спешило закончить следствие, начатое по делу Джемсона, и приступить наконец к выяснению обстоятельств, приведших к набегу на Трансвааль.

Сессия парламента Капской колонии открылась 1 мая 1896 г. Верховный комиссар и губернатор колонии сэр Г. Робинсон произнес вступительную речь, в которой сказал лишь несколько слов о недавнем «рейде Джемсона». Осуждая набег, он перечислил те действия, какие были им предприняты в разгар событий. Только неделю спустя открылись дебаты по вопросу о набеге Джемсона, 28 мая была принята резолюция о назначении специального парламентского комитета для расследования всех обстоятельств, связанных с вторжением Джемсона [20, т. 2, с. 187, 189].

Прошло более шести недель, пока комитет завершил свою работу и 17 июля 1896 г. представил свой доклад палате. «Что касается Родса,— говорилось в докладе,— то комитет не может прийти к иному выводу, кроме того, что он был полностью осведомлен о тех приготовлениях, которые привели к вторжению... Комитет вынужден прийти на основании имеющихся данных к заключению, что участие Родса в организации, приведшее в конце концов к вторжению, было несовместимо с его обязанностями первого министра колонии» [20, т. 2, с. 192; см. также 11, с. 572]. Доклад комитета был утвержден, и этим, собственно говоря, закончилось в Кейптауне расследование обстоятельств, сопровождавших набег Джемсона.

Джемсон и его спутники были переданы правительством Трансвааля английским властям для следствия и суда. Крюгерсдорпские пленники 21 января 1896 г. были посажены на стоящий в гавани Дурбана военно-транспортный корабль, который, по иронии судьбы, назывался «Виктория». Путешествие было длительным, можно было подумать, что судно не торопится, выполняя чей-то приказ. Только 22 февраля «Виктория» бросила якорь в Плимуте, а еще через три дня, 25 февраля, против доктора Джемсона и его офицеров было официально начато судебное дело [10, с. 38—39; 13, т. 2, с. 148]. После этой процедуры, занявшей немного времени, Джемсон и его спутники были отпущены на свободу под залог в 2 тыс. ф. ст. за каждого [1].

Казалось, что материалы расследования, произведенного в Кейптауне, на месте событий, должны были бы быть приняты во внимание при работе комитета палаты общин в Лондоне и на суде, рассматривавшем дело Джемсона. Однако лондонское расследование пошло по другому пути. Парламентский комитет не

сделал должных усилий, чтобы раскрыть подлинную сущность и истинных виновников «рейда», он искусственно затягивал свою работу, проводил десятки лишних допросов и 7 июля 1897 г. прекратил расследование, так и не вызвав многих важных свидетелей. Налицо была очевидная попытка к оправданию главных действующих лиц пьесы, так неудачно разыгранной в декабре 1895 г.

Джемсону и четырнадцати его соучастникам было предъявлено обвинение по ст. 17 «Акта о вербовке за границу», которая гласила: «Ко всякому, кто в пределах владений Ее Величества и без разрешения Ее Величества подготавливает или снаряжает сухопутную или морскую экспедицию против дружественного государства, применяется следующее постановление: всякий, кто занимался подготовкой, снаряжением тайной экспедиции, или оказывал свое содействие, или каким бы то ни было образом в ней участвовал, признается виновным в проступке, за который по усмотрению суда подвергается денежному штрафу или тюремному заключению. Ни в каком случае срок заключения в тюрьме не должен превышать двух лет» [5, 18.02 (01.03). 1896].

На основании этой статьи полицейский суд первой инстанции привлек к ответственности Джемсона и его соучастников за то, что они в декабре 1895 г. в Южной Африке на территории «владений Ее Величества» делали незаконные приготовления и совершили военное нападение на территорию дружественной державы, а именно Южно-Африканской Республики [13, т. 2, с. 148]. Обвинение было сформулировано, но следствие не торопилось и шло в обстановке, благоприятной для Джемсона. Телеграмма кайзера Вильгельма II возбудила антинемецкие настроения и помогла джингоистам превратить доктора-авантюриста в героя. Прибывшие в Англию джемсоновские солдаты встречались как победители; бечуаналендских и капских полицейских торжественно принимала лондонская биржа. В Гайд-парке продавалась брошюра «Наш Гарибальди — доктор Джим» [4, с. 68]. Когда наконец в марте 1896 г. состоялось первое судебное заседание, зал был переполнен. Среди публики было много представителей высшего общества. Характерно, что обвиняемые сидели на специально принесенных стульях. На скамье же подсудимых сидели... многочисленные журналисты. Даже прокуроры немного потеснились, чтобы дать место дамам в изящных туалетах. Бинокли подчеркивали театральность зрелища. Лишь стоявшие у дверей полисмены напоминали о том, что идет суд. Полицейские следили, чтобы не было слишком шумных сочувственных демонстраций. Это, видимо, подействовало, и, когда ввели подсудимых, зрительницы этой комедии лишь молча в знак приветствия помахали платочками [5, 04 (16). 03.1896].

Прокурор изложил суду историю набега, не прибавив, собственно, ничего к тому, что было известно из газет. Описывая битву у Крюгерсдорпа, он с похвалой отзывался о храбрости под-

судимых, которые, оказывается, сдались только тогда, когда вышли все патроны (1), чем исторг у сидевших в публике светских дам слезы. Затем был допрошен свидетель Роулонд Гей, полицейский из Бечуаналенда. После первого судебного заседания процесс был отложен на неделю [5, 04 (16). 03.1896]. Вообще судьи избегали излишней торопливости. 18 марта (н. ст.) судебное заседание возобновилось; однако, когда был допрошен свидетель Гилль, рядовой из отряда Джемсона, показавший, что джемсоновцы рассчитывали застать буров врасплох, слушание дела опять отложили на семь дней [5, 09 (21). 03.1896]. В дальнейшем процесс снова и снова откладывался под разными предложениями. Так, замедлила процесс посылка в Южную Африку комиссии для сбора дополнительных материалов, хотя это могли быстрее и лучше сделать британские чиновники на месте, так как они знали страну, ее условия и людей, игравших заметную роль в драме [14, с. 324—325].

Так прошли март, апрель, май и первая половина июня. В течение этого времени было сделано строгое разграничение между теми, кто совершил набег, и теми, кто «действительно участвовал в приготовлениях, выступлении и подстрекал народ присоединиться к экспедиции» [13, т. 2, с. 149]. На этом основании обвиняемыми в конце концов признали шесть человек. Вот их имена: Джемсон, Джон Уиллоуби, Генри Уайт, Ралей Грей, Роберт Уайт и Чарлз Ковентри. Они и были преданы суду. Процесс возобновился 20 июля в Отделении королевской скамьи Верховного суда (Queen Bench Division of the High Court) и продолжался несколько дней. Доктора Джемсона защищал Эдвард Кларк, других подсудимых — Фрэнк Локвуд.

Все двенадцать статей обвинительного заключения основывались на статьях упомянутого выше «Акта о вербовке за границу». Как современники — мы говорим об англичанах, — писавшие с большой симпатией о Джемсоне, так и позднейшие его биографы с восторгом отзывались о якобы строгих рамках законности, в которых протекал процесс. Это свидетельствовало, по их мнению, о беспристрастности английского суда и тем самым лишний раз подчеркивало непричастность британского правительства к «рейду». Наказание «стрелочников» должно было отвлечь внимание общественного мнения от главных виновников всей авантюры — Чемберлена и Родса.

Пускались в ход многочисленные юридические рассуждения и выверты, целью которых являлось, не выходя за рамки внешней законности, освободить Джемсона от наказания или сделать его незначительным. Защитники Джемсона ссылались на то, что правительство Южно-Африканской Республики передавало пленных английскому правительству, а последнее обещало, мол, не наказывать Джемсона и его людей, а лишь предать их суду, от которого уже будет зависеть — наказывать их или оправдать. Долго спорили о месте совершения преступления: в Мэфкинге или в Питсани-Потлугу? Если в первом — то это на тер-

ритории британского Бечуаналенда, если во втором — то на территории, управляемой Южно-Африканской компанией. В последнем случае нельзя подсудимых привлекать к ответственности на основании ст. 17 «Акта о вербовке за границу», так как эта статья применяется лишь к тем, кто готовил выступление против дружественного государства «в пределах владений Ее Величества», и т. д. и т. п.

Суд над Джемсоном был настолько явной комедией, что не помогали юридические ухищрения и весь обычно производящий впечатление театральный реквизит английского суда — мантии, золотые цепи и белые парики. В итоге даже защитник Джемсона вынужден был признать, что «процесс... был не очень интересным, там не было никаких споров относительно факта преступления» [12, с. 328]. Присяжным задали только два вопроса: 1) Начали обвиняемые военную экспедицию против Южно-Африканской Республики из Мэфкинга или из Питсани-Потлуго и 2) Находится ли последний населенный пункт под суверенитетом королевы? [13, т. 2, с. 153].

После весьма длительного совещания 28 июля 1896 г. присяжные высказали свое мнение, обвинительное по существу. «Вынесли ли присяжные обвинительное решение?» — спросил их судья. Старшина присяжных сказал, что они должны сделать уточнение к своему ответу: «Присяжные находят, что состояние дел в Йоганнесбурге являлось провокационным». После того как председательствующий поставил прямо вопрос о виновности, присяжные ответили утвердительно [13, т. 2, с. 153]. Суд вынес следующий приговор: «Что касается вас, Леандр Старр Джемсон, и что касается вас, сэр Джон Уиллоуби, то вы будете заключены в тюрьму на срок пятнадцать месяцев, без каторжных работ; вы, майор Роберт Уайт, приговариваетесь к семи месяцам тюремного заключения, без каторжных работ; вы, полковник Грей, вы, полковник Генри Уайт, вы, майор Ковентри, приговариваетесь каждый к пяти месяцам тюремного заключения, без каторжных работ» [13, т. 2, с. 155].

Сэр Эдвард Кларк пишет, что Джемсон и его товарищи отказались от попыток опротестовать приговор. «Джемсон категорически отказался кассировать. Он сказал мне, что он уже полностью приготовился к тюремному заключению — его чемодан уже запакован — и он не желает больше никаких дискуссий по этому вопросу» [12, с. 329]. Это поведение Джемсона объясняют по-разному. И тем, что он устал и не хотел больше бороться, и тем, что он был оскорблен в своих лучших чувствах, поскольку правительство оставило его одного, и т. п. Вернее всего Джемсон и его офицеры были прекрасно осведомлены как о характере самого суда над ними, так и о том, что приговор не будет исполнен до конца.

Задачей процесса было не столько покарать лиц, сидящих на скамье подсудимых, сколько избавить от какого бы то ни было наказания главных виновников набега. Приговор суда, мож-

но сказать, достиг этой цели. Почти все важнейшие газеты были согласны с тем, что «приговор основан на здравом смысле и удовлетворяет или должен удовлетворить всех, особенно самих обвиняемых» [14, с. 319].

Правда, обоснования, на которых зиждется это общее мнение, различны. Газеты, выражающие мнение правительства, удовлетворены тем, что как бы там ни было, но затруднительный вопрос, во всяком случае, разрешен. Радикальная пресса считала, что обвинительный приговор нанес сильный удар влиянию империалистических идей. Противники Сесилия Родса были довольны решением суда, так как полагали, что за этим последует ликвидация Южно-Африканской привилегированной компании. Сторонники Родса были довольны тем, что с наказанием Джемсона отпадает вопрос о других виновниках набега. Лондонское Сити полагало, что ликвидация последствий «рейда» приведет наконец к более активным спекуляциям африканскими ценностями. Публика же была рада тому, что закончилось это затянувшееся дело. «Все хорошо, что кончается хорошо,— это совершенно британская сентенция, а по мнению британской публики, результат суда над Джемсоном был хорошим концом плохих дел» [14, с. 319].

Солидные газеты и журналы писали, что «результаты суда в высшей степени удовлетворительны. Винодность установлена присяжными, мера наказания — тремя высококомпетентными судьями и не оставляет места для критики» [15, с. 995].

Несмотря на единодушную оценку, в ней можно было различить нюансы. Одни — их было большинство — признавали действия доктора Джемсона незаконными, но продиктованными самыми честными намерениями. Другие — к ним относились наиболее серьезные органы печати — не могли пройти мимо того факта, что если говорить о причинах, толкнувших Джемсона на выступление, то они не были выяснены судом «и о них можно только догадываться» [15, с. 995]. Одновременно имели место нападки на Южно-Африканскую компанию и ее систему управления, которая дала возможность осуществиться набегу. Невольно приходилось делать вывод, что суд над Джемсоном фактически поставил правительство лицом к лицу с вопросом, привлекать или не привлекать к ответственности тех, кто стоял за Джемсоном и помогал ему осуществить его предприятие. «Может быть, правда,— как утверждали некоторые,— что эти лица в последний момент пытались остановить переход границы, но это не меняет дела. Должно было выяснить, есть ли в Англии или Африке лица, замешанные в подготовке „рейда“, и если есть, то их надо было привести в суд, а то наказывают исполнителей, подстрекатели же свободны» [15, с. 995].

Эти трезвые строки несколько запоздали. «Экономист» пишет о том, что Родса и других (не называя, правда, их имен) надобно было привести в суд... уже после суда. Но и «Экономист» не называет среди главных виновников имя Чемберлена.

То, что процесс Джемсона был комедией, об этом догадывались еще тогда же, хотя бы потому, что на суде (как немного позднее и в парламентском комитете, рассматривавшем южноафриканскую авантюру) не предъявлялись документы, которые могли бы изобличить лиц, близких английскому правительству или даже входящих в кабинет. «Между прочим, надо напомнить, что английское правительство так называемому избранному парламентскому комитету представило только часть телеграмм, касающихся британских южноафриканских дел, и, возможно, изъяло те, которые более всего его компрометировали», — писал в своих воспоминаниях П. Крюгер [17, т. 2, с. 259].

Но все это были догадки. Более или менее доказанные, но догадки. В дальнейшем предположения превратились в твердо установленное мнение, когда мир узнал о ряде телеграмм, писем, частью известных уже тогда, но не предъявленных ни в суде, ни в парламентском комитете, частью же ставших известными значительно позднее. Достаточно красноречиво звучит признание, сделанное адвокатом Джемсона Кларком годы спустя, что полученные им инструкции мешали ему избрать наиболее успешный метод защиты [12, с. 328]. Какие же это были инструкции? Тот же Кларк пишет о них с достаточной откровенностью. «Мне, конечно, показали все телеграммы и письма, как те, которыми обменивались Лондон и Южная Африка, так и те, которые были посланы из Йоганнесбурга, Кейптауна и Питсани. Но я получил определенные инструкции, что не должно быть задано ни одного вопроса и не должен быть извлечен ни один факт, которые могут навести на мысль, что какое-нибудь ведомство или должностное лицо британского правительства знало о приготовлениях набега или прямо или косвенно ответственно за него» [12, с. 327].

Таковы были эти не вызывающие никаких сомнений инструкции, которых придерживалась на суде защита.

Парламентский комитет в Кейптауне заседал почти в то же время, когда в Лондоне шел суд над Джемсоном. Организованный в конце сессии 1896 г. расследовательский комитет английского парламента в своей работе также не касался высокопоставленных лиц и вел расследование осторожно, не торопясь, закончив свою работу только в июле 1897 г. Рекорд медлительности, показанный судебным следствием по делу Джемсона, был превзойден.

Последующая жизнь и дела доктора Джемсона убедительно подтверждают, что суд над ним был неплохо разыгранной комедией. В тюрьме он содержался в чрезвычайно привилегированных условиях. А когда в ноябре 1896 г. он заболел, то болезнь явилась предлогом для его освобождения. Он был освобожден в декабре того же года, т. е. еще до того, как закончилось парламентское расследование «обстоятельств, повлекших за собой вторжение». Джемсон и Родс, по-прежнему оставшиеся друзьями, возвращаются в Африку. Доктор снова в Родезии. Он

ездит по стране в связи с планом создания телеграфной линии, связывающей Кейптаун с Каиром, предложенным Родсом. Политикой Джемсон пока мало занимается. Слишком свежо еще воспоминание о его флибустьерском набеге.

Так в поездках по различным районам Южной Африки, деловых и охотничьих, в совместных вакациях с Родсом, в редких визитах в Англию проходили месяцы и годы. Джемсон пишет своему брату Сэму то из Парижа — о встречах с Сарой Бернар, то из Арденн, где проводил он охотничий сезон, то из Александрии, Туниса, Алжира, Аяччо, Картахены и других средиземноморских портов, куда заходила яхта, на которой он странствовал со своими старыми друзьями. Письма Джемсона к брату (осень 1898 г.) полны не только впечатлений, но и политических замечаний в связи с надвигающимися событиями в Южной Африке.

Война с бурами застала Джемсона в Ледисмите, где ему в дни осады волей-неволей пришлось вспомнить свою старую профессию. Впервые после многих лет его снова называли доктором не только по традиции.

Англо-бурская война вызвала Джемсона из того временного политического небытия, в которое он погрузился после своего неудачного набеге. В эти годы английские джингоисты стали смотреть на него как на предтечу, как на человека, которому помешали осуществить малой кровью то, за что ныне приходится расплачиваться большой. В глазах джингоистской толпы Джемсон стал мучеником, пытавшимся воплотить в жизнь дело «Великой Британии».

После снятия осады Ледисмита доктор Джемсон снова в Родезии. В мае 1900 г. округ Кимберли выдвигает его кандидатуру в капский парламент. Избрание проходит гладко, оппозиционных выступлений не было, да и трудно было их себе представить в этой вотчине Родса. «Мое избрание — оправдание рейда», — писал Джемсон брату [13, т. 2, с. 199], хотя скорее это свидетельство послушания, каким всегда отличались во всем зависимые от магнатов «Де Бирс Дайамонт Майнинг Компани» кимберлеевцы.

20 июля 1900 г. Джемсон вновь занял свое место в парламенте Капской колонии. Его встретили спокойно, без враждебных выкриков, но и без дружественных демонстраций, молча. Но вскоре Джемсон становится заметной фигурой среди парламентариев, в особенности после смерти Сесилия Родса (26 марта 1902 г.), политическим преемником которого в Южной Африке он стал. В качестве лидера Прогрессивной партии (Прогрессивистской), выступавшей за создание южноафриканской федерации, Джемсон широко использует парламентскую трибуну. В частности, он ратовал за образование внутримперского таможенного союза (эту идею защищали Родс, Джозеф Чемберлен).

Выборы 1903 г. дали Прогрессивной партии большинство, и ее лидер Джемсон в начале 1904 г. становится премьер-минист-

ром Капской колонии. Почти четыре года длилось премьерство Джемсона (с 22 февраля 1904 г. по 31 января 1908 г.). В дальнейшем Джемсон принимал деятельное участие в конференции по вопросу об объединении южноафриканских колоний, созванной осенью 1908 г. в Дурбане и подготовленной в значительной степени в годы его пребывания на посту премьер-министра. Когда 11 мая 1909 г. оформился Южно-Африканский Союз, Джемсон сделался лидером созданной им Унионистской (Юнионистской) партии Южной Африки и главой парламентской оппозиции.

10 апреля 1912 г. Джемсон оставил политическую деятельность и покинул страну, куда он впервые прибыл тридцать четыре года назад. Его здоровье — основная, даже единственная причина его ухода от политики — было расшатано десятилетиями бурной авантюристической жизни и странствиями по нездоровым тропическим областям Африки. Отныне Джемсон занимается только делами компании «Де Бирс», председателем которой он долго был, и игрой в гольф. В феврале 1913 г. он становится президентом Британской Южно-Африканской компании, с которой так тесно был связан с момента ее возникновения. С этого времени по делам компании он несколько раз посещает Южную Африку.

В годы первой мировой войны Джемсон стоит во главе различных комитетов военного ведомства. К этому времени доктор Джемсон уже баронет и сэр Джемсон. В октябре 1915 г. он снова в Родезии в связи с вопросами, касающимися границ германской Восточной Африки. Казалось, приближалось воплощение мечты Родса о сплошной английской территории от мыса Доброй Надежды до устья Нила. «Все, что красное, — моя мечта!» — говорил когда-то Родс. Но Джемсону не довелось увидеть карту Африки, на которой земли от Кейптауна до Каира были бы окрашены обычной для обозначения британских владений красной краской. Это произошло после Версальского мира, а надломленное здоровье, несмотря на операции, приносившие лишь временное улучшение, все ухудшалось, и 26 ноября 1917 г. Леандр Старр Джемсон умер.

После окончания первой мировой войны, в 1920 г., тело Джемсона было перевезено в Родезию и похоронено в склепе, на вершине горы, прозванной Родсом «Взгляд в мир» (The View of World), неподалеку от могилы самого Родса, рядом с которым протекала его авантюристическая жизнь и борьба во славу британского империализма.

Литература

1. Биржевые ведомости. 1896, 15(27) февраля.
2. Давидсон А. Сесиль Родс и его время. М., 1985.
3. Дерюжинский В. Ф. Nabes Cogrus Акт и его приостановка по английскому праву. Юрьев, 1895.

4. Дионео. Английские силуэты. СПб., 1905.
5. Новое время.
6. Рабинович М. Б. Англо-германский конфликт в Южной Африке в 1896 году.— Страны и народы Востока. Вып. 9. Страны и народы Африки. М., 1969.
7. Рабинович М. Б. Вторжение Джемсона в Трансвааль в 1895 г.— Страны и народы Востока. Вып. 15, М., 1973.
8. Рабинович М. Б. Монополистический капитал в Южной Африке и активизация британской колониальной политики в конце XIX века.— Страны и народы Востока. Вып. 9. Страны и народы Африки. М., 1969.
9. Рабинович М. Б. Подготовка к вторжению в Трансвааль в конце XIX века (из прошлого британского колониализма).— Проблемы истории международных отношений. Сб. ст. памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972.
10. Фюсслейн Р. О. Англичане и Трансвааль. СПб., 1901.
11. Cambridge History of British Empire. Vol. 8. South Africa. L., 1936.
12. Clark Edward. The Story of my Life. L., 1918.
13. Colvin J. D. Life of Sir Leander Starr Jameson. Vol. 1, 2. Arnold, 1922.
14. Disey Edward. D-r Jameson's Raid and the Trial at Bar.— The Fortnightly Review. L., 1896, № 357.
15. Economist. 01.08.1896.
16. Holli M. G. Joseph Chamberlain and the Jameson Raid. A Bibliographical Survey.— The Journal of British Studies. L., 1964, May.
17. Kruger P. The Memoirs of Paul Kruger... Told by Himself. In Two Volumes. L.—Lpz., [1902].
18. Lord de Villiers and his Times: South Africa 1842—1914. Constable, 1925.
19. Meredith H. A. Stock Exchange. Les drames de l'Argent à la Bourse de Londres. P., 1932.
20. Mishell L. The Life and Times of... Cecil John Rhodes. Vol. 1—2. L., 1910.
21. Woodhouse C. M. The Missing Telegram and the Jameson Raid. Pt 1, 2.— History Today. 1962, XII.

Е. И. Лубо-Лесниченко

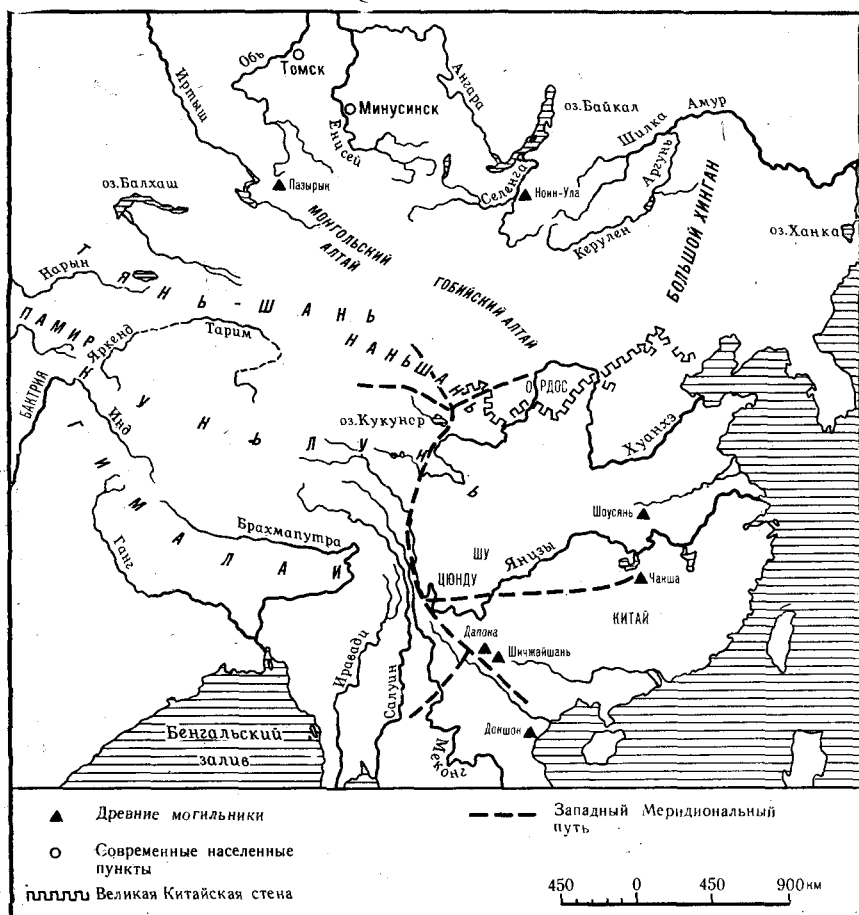
ПАЗЫРЫК И ЗАПАДНЫЙ МЕРИДИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ

В результате новых находок и интенсивной работы многих исследователей в последние годы вырисовываются новые аспекты культурных взаимоотношений, обмена идеями и материальными ценностями между великими культурами Евразии. Так, недавние находки в Астане, Ния и Кара-Булаке позволили выявить роль Шелкового пути в период Шести династий (III—VI вв.) и дать представление о процессах, происходивших в дальневосточном шелкоткачестве в то время [10, с. 15—25; 41, с. 87—131]. Значительным событием явилось открытие и изучение художественных тканей «Занданичи», производимых в Согде в VII—IX вв. [5, с. 5—56; 44, с. 18—33].

Следует также отметить, что наряду с Шелковым и Степными путями, шедшими в широтном направлении, большое значение в культурном обмене между Центральной Азией и Южной Сибирью, с одной стороны, и территориями нынешнего Юго-Западного Китая и Юго-Восточной Азии — с другой, имел так называемый Западный Меридиональный путь¹.

Этот путь шел из Восточного Туркестана, Ордоса и северо-западных плоскогорий Ганьсу и Шэньси через степи Сунфаня до верхнего течения рек Байлунцзян, Миньцзян и Даду. Далее дорога пролежала вдоль течения этих рек до Аньпинхэ и на юг, в Юньнань, через Лусюнь, Чжаотун, Куньмин, Дали и затем шла в Бирму или Бицзе (провинция Гуйчжоу) [17, с. 165—182]. Западный Меридиональный путь протяженностью в несколько тысяч километров проходил главным образом по степному плоскогорью с северными климатическими особенностями, что значительно облегчало движение по нему центральноазиатских кочевников [4, с. 3—8]. Начиная с эпохи бронзы по этому пути шла активная миграция в обоих направлениях, хотя основной поток двигался с севера на юг. По сведениям письменных источников и данным сравнительной лингвистики, начиная со второй половины I тысячелетия до н. э. основным фактором деятельности этого пути была миграция цяньских племен.

¹ Термин «Западный Меридиональный путь», насколько нам известно, впервые предложен Я. В. Чесновым (см. [13, с. 115]).

Западный Меридиональный путь

Как известно, в период конец Инь — Западные Чжоу (XII—VII вв. до н. э.) цянские племена занимали обширный район Ганьсу — Ордоса. Под давлением китайцев с востока и гуннов с севера цянские племена начали передвижение по Западному Меридиональному пути на юг. Самые ранние сведения об этом процессе, сохранившиеся в письменных источниках, относятся ко времени циньского Сянь-гуна (384—362 гг. до н. э.), когда «младший дядя по отцу (правителя цянов) Жэня по имени Ан, устрешенный силой удела Цинь, уклонился со своим родом на юг, за несколько тысяч ли, от Сичжи и Хэшуй на запад и по крайней удаленности от прочих цянов более не имел сообщения с ними» [2, с. 13].

В результате этих переселений по Западному Меридиональ-

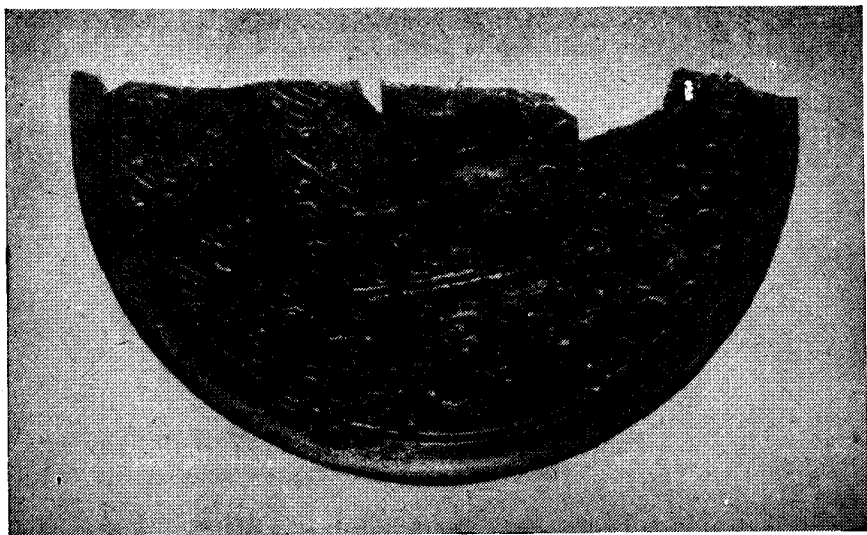
ному пути в последние века до нашей эры сложились племенные союзы цянских племен: в районе Кукунора — Байма, в Западной Сычуани — Жань, Ман, Цюнду, Цзоду, Сиань, в Юньнани — Куньмин, Дянь и Суй [6; 17, с. 165—182; 30, с. 13—36]. Яркой иллюстрацией подобных миграций может служить история дансянов-тангутов. В III в. до н. э. их предки начали переселяться из района Ганьсу на плоскогорья Западной Сычуани, где они жили в течение длительного времени. В начале VII в. дансяны вновь переселяются на север и обосновываются в районе Ордоса, который стал ядром образовавшегося в конце X в. могущественного государства Сися [7, с. 148—160].

В результате частых переселений и многочисленных контактов происходил активный процесс обмена духовными и материальными ценностями. В своей работе, посвященной исторической этнографии стран Индокитая и соседних с ними регионов, Я. В. Чеснов приводит многочисленные примеры заимствований. К их числу относятся шерстяная одежда, брюки, ношение кос и рогатого головного убора, характерные для культуры скотоводческих районов Центральной Азии [13, с. 133—160].

Хотя в археологическом отношении Западный Меридиональный путь изучен очень слабо, тем не менее известные в настоящее время находки свидетельствуют о значительном распространении центральноазиатского влияния. Находка в Малакке, около Паханга, бронзового ножа ордосского типа показывает, как далеко это влияние проникало на юг [40, с. 936—937]. Связи с Ганьсу и Ордосом прослеживаются в материалах, происходящих из раскопок в Лифане и Ганьцзы (провинция Сычуань), датированных последними веками до нашей эры [14, с. 62—63; 33, с. 63—80], а также в Дапона (провинция Юньнань), где были обнаружены статуэтки, выполненные в зверином стиле [27, с. 269—270].

Для изучения контактов, существовавших между скифо-сибирским миром и Юго-Западным Китаем, исключительно большое значение имеют знаменитые раскопки в Шицзяйшане (провинция Юньнань) [28, с. 480—485; 29; 31, с. 459—461]. Раскопанные в Шицзяйшане в 1953—1960 гг. могилы (всего было раскопано 50 могил) представляют собой погребения правящей верхушки государства Дянь и в основной массе датируются IV в. до н. э. — I в. н. э. Среди многочисленных находок значительное место занимает объемная бронзовая скульптура со многими признаками, характерными для звериного стиля Евразии. Животные показаны в смертельной схватке, изображены идущими друг за другом, стоящими, с головами, повернутыми назад. Нередко фигуры животных служат в качестве декора на крышках или ручках сосудов. Некоторые типы оружия (II и IV типы клевцов-гэ, по классификации авторов отчета о раскопках) также ведут свое происхождение из Центральной Азии [43, с. 156—283].

Многочисленные аналогии художественным и техническим

Частично сохранившееся зеркало с Т-образным орнаментом
из Шестого пазырыцкого кургана

приемам, которые употреблялись мастерами Шицзяйшаня, находятся среди памятников Минусинской котловины, Алтая, Кубани, Дона и других крупных художественных центров скифской эпохи [43, с. 121—124]. По мнению М. Пираццоли, изучавшей эти памятники, при передаче мотивов из Центральной Азии на юг важную роль играли сакские племена района р. Или и Горного Памира [43, с. 126].

Для изучения Западного Меридионального пути важное значение имеют некоторые материалы, обнаруженные в Южной Сибири, особенно в пазырыцких курганах. Среди этих материалов назовем прежде всего частично сохранившееся бронзовое зеркало, найденное в Шестом пазырыцком кургане. У зеркала с диаметром 11 см в центре маленькая шишка-петля, окруженная квадратом с двойным краем. От углов квадрата отходят лепестки со стеблями, заканчивающимися, в свою очередь, лепестками. В главном орнаментальном поле помещены четыре Т-образные фигуры (по реконструкции). Промежутки между ними заполнены узором в виде запятых на зернистом фоне. По краю острый покатый бортик [10а, с. 144, табл. XXIX, 6; 9, с. 37, № 1].

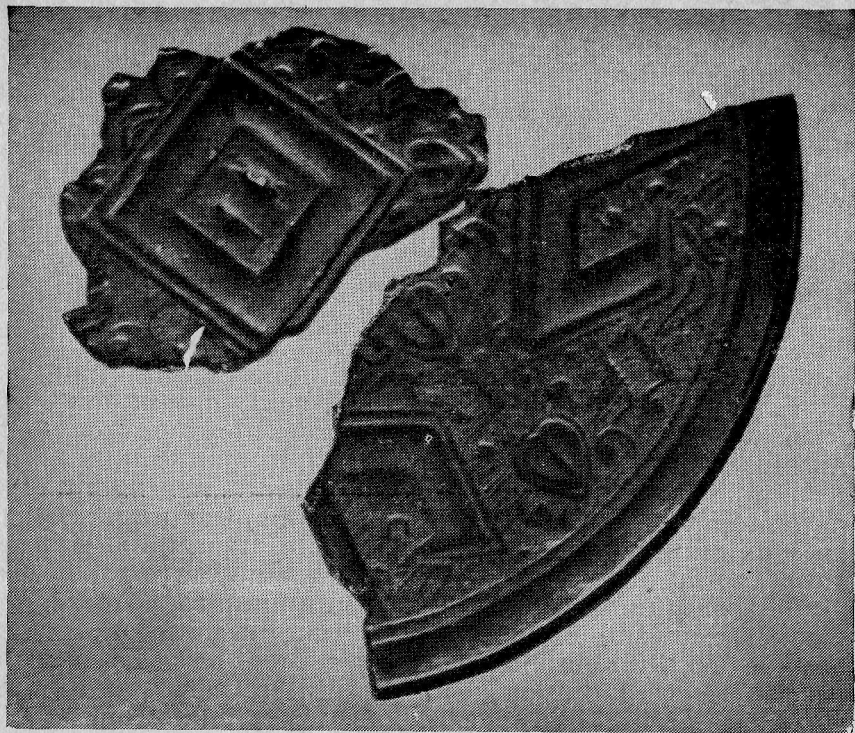
Известны еще два зеркала, найденные в Южной Сибири и аналогичные пазырыцкому. Одно из них, сохранившееся в двух фрагментах и хранящееся в Минусинском музее, происходит из Минусинской котловины [9, с. 37, № 2], и другое, известное нам по фотографии, было найдено в 1891 г. в Западном Алтае [9, с. 37, № 3].

Подобные зеркала с орнаментом из Т-образных фигур и стилизованных лепестков были широко распространены в Китае в период Чжаньгэ (V — III вв. до н. э.). Обычно в орнаменте этих зеркал помещаются четыре Т-образных знака, но встречаются зеркала с тремя, пятью и — реже — с шестью и даже семью знаками [16, с. 99]. Лян Шанчунь, издавший в 1940 г. свою знаменитую коллекцию, посвятил зеркалам этого типа особый раздел. Говоря об их географическом распределении, он указал, что «зеркала этого типа сравнительно часто встречаются в районе р. Хуай и в Шоу[сяне]. Встречаются они также в Шэньси и Хэнани» [19, т. 1, с. 7].

Важным этапом в классификации и датировке древнекитайских зеркал была работа Б. Карлгрена «Хуай и Хань». В его работе зеркала пазырыкского типа, составляя отдельную группу, входили в обширную категорию С, центр производства которой он помещал в район Шоучжоу (теперь Шоусянь, провинция Аньхой). Б. Карлгрен считал, что эта категория «представляет собой главным образом произведения искусства княжества Чу» [36, с. 55]. На основании сравнительного и стилистического анализа он датировал зеркала пазырыкского типа IV в. до н. э. Последующие находки подтвердили правильность его датировки.

Раскопки, производившиеся на территории древнего княжества Чу, показали, что наряду с Шоучжоу существовал другой важный центр находок зеркал этого типа, находившийся в районе Чанша. Теперь можно с полной уверенностью считать, что зеркала с Т-образными знаками и лепестками изготавливались чускими мастерами, и, как указывают авторы книги, посвященной находкам зеркал в Хэнани, «среди зеркал, обнаруженных в чуских могилах, зеркала этого типа составляют 70—80%» [23, с. 7].

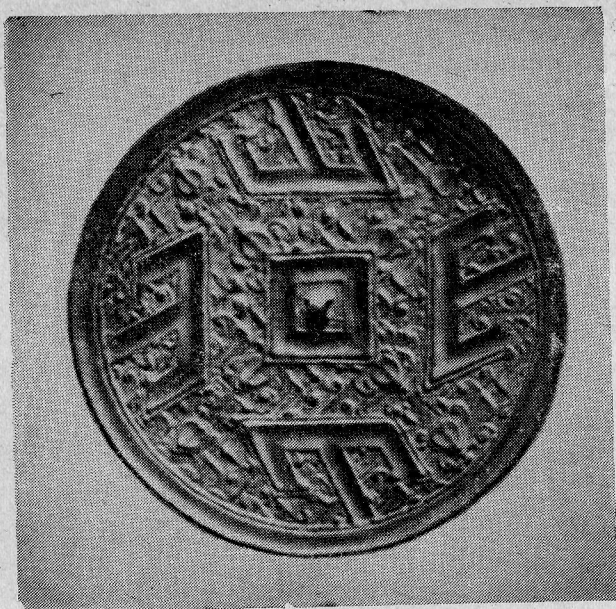
При нанесении на карту находок зеркал с Т-образными орнаментами (группа 2, по Б. Карлгрену) получается весьма любопытная картина. Из известных нам в настоящее время 59 зеркал большая часть была обнаружена в районе Шоучжоу (27 экз.) и в Чанша (18 экз.). Если мы из этой группы выделим зеркала пазырыкского типа с четырьмя Т-образными знаками, то из 24 зеркал с установленным происхождением одиннадцать были найдены в районе Чанша (провинция Хунань), семь — в Шоусяне (провинция Аньхой), одно было обнаружено в Чэнду (провинция Сычуань), одно — в Сиане (древняя Чанъань, провинция Шэньси), одно — в провинции Гуанси и три таких зеркала были найдены в Южной Сибири (Шестой пазырыкский курган, село Восточное, Красноярский край) [22, с. 473, табл. 22; 34, с. 55—61; 37, № 40]. На основании сказанного выше очевидно, что Южная Сибирь является важным центром находок зеркал этого типа, в то время как на территории китайских княжеств (за исключением центров их производства) эти зеркала представлены лишь двумя одиночными экземплярами. Особо следует отметить находку зеркала с Т-образным орна-

Два фрагмента зеркала с Т-образным орнаментом
из Минусинской котловины

ментом в Чэнду, лежавшем на крайнем западе чуского государства и находившемся близ Западного Меридионального пути.

Кроме трех упомянутых выше зеркал в Эрмитаже хранится зеркало с изображением четырехлистника и запятых, найденное в деревне Екатериновка бывшей Томской губернии. У зеркала вокруг центральной шишки-петли — круглое основание с двумя ободками, от которых отходит четырехлистник. Орнаментальное поле заполнено узором в виде запятых на зернистом фоне [9, с. 37—38, № 4]. Зеркала этого типа, как и рассмотренные выше, производились в Китае в период Чжаньго, и, как отмечает Лян Шанчунь, они «чаще всего встречаются на юге, а иногда их находят в Шэньси» [19, т. 1, с. 7а]. Б. Карлгрен поместил их, как и зеркала с Т-образным орнаментом, в категорию С и датировал ее IV в. до н. э. [35, с. 83]. Большинство зеркал этой группы также было обнаружено на территории древнего чуского государства. Так, из 28 известных нам зеркал 19 происходят из района Шоучжоу, 7 — из Чанша, один экземпляр — из Севе-

Зеркало с Т-образным орнаментом
из Южной Сибири

ро-Западного Китая (провинция Шэньси, без точного указания места находки) и один — из Южной Сибири [37, с. 164—165].

Среди привозных вещей, обнаруженных в пазырыкских курганах, видное место занимают шелковые ткани. Так, в погребальной камере Третьего кургана был обнаружен мешочек, по форме напоминающий кисет, сшитый из гладкой шелковой ткани песочного цвета. Ткань типа тафты выполнена полотняным переплетением с плотностью нитей основы 54—56 и утка 48—50 на 1 см [10а, с. 248, табл. XVI, 2]. Фрагменты гладкой шелковой ткани, вырезанные в форме крестиков, украшают покрывку седла, обнаруженную в конском захоронении Пятого кургана [10а, с. 213, рис. 128, табл. CVII, 1]. Эти крестики, общее число которых составляет 13, чередуются в шахматном порядке с золотыми рельефными изображениями лосиных голов. Они вырезаны из одного куска шелковой ткани типа репса, изготовленного полотняным переплетением плотностью нитей основы 88—90 и утка 46—50 на 1 см.

Фрагмент шелковой полихромной ткани происходит из Третьего кургана. Ткань размерами 13,8×8 см выполнена основами темно-коричневого и зеленоватого цветов и одним утком зеленоватого цвета в технике, производной от полотняного плетения [10а, с. 248, табл. CVI, 1; 11, с. 80, 84, рис. 75]². Раппорт орна-

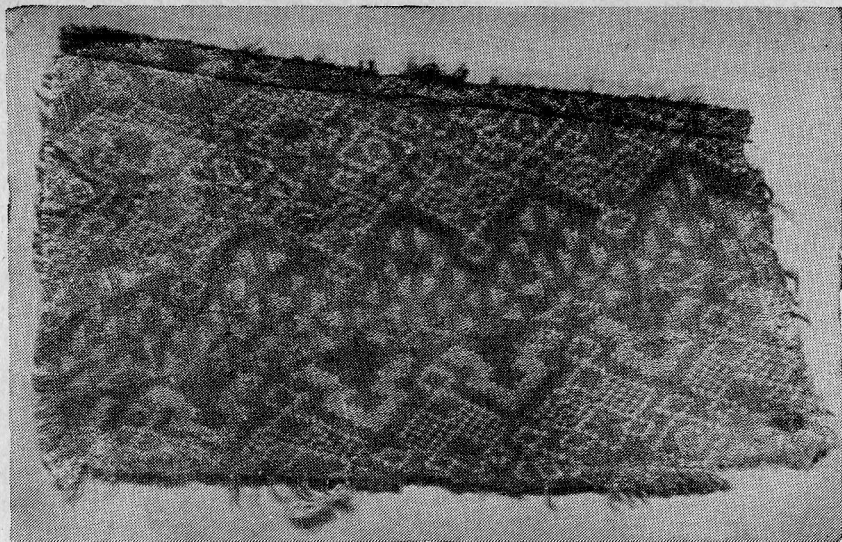
² Описание техники изготовления ткани, приведенное С. И. Руденко, ошибочное [8, с. 28, 29].

Зеркало с изображением четырехлистника
и запятых из Южной Сибири

мента ткани равен 2,7 см по основе, 11 см (по реконструкции) по утку. Узор состоит из повторяющихся четырех рядов различных ромбовидных фигур. Подобные ромбические элементы встречаются в узоре ткани из Балладовского кургана Ноин-улы [12] и в тканях периода Чжаньго из Чанша [26, табл. XXXI, 3; 21, с. 56, табл. 18].

Уникальным памятником чуского искусства является шелковая вышивка, служившая покрытием седельного чепрака из конского погребения Третьего кургана [8, с. 50, табл. XLIX — L; 10, с. 83; 11, табл. CXVIII]. Ткань представляет собой тафту песочного цвета, выполненную полотняным переплетением с плотностью нитей 50—54 по основе и 40—42 по утку на 1 см. Ширина ее составляет 44 см. Вышивка выполнена тамбурным швом нитями четырех цветов: песочного, коричневого, выцветшего синего и красного. Узор вышивки состоит из вьющихся

Фрагмент шелковой полихромной ткани
из Третьего пазырыкского кургана

побегов со стилизованными цветами и листьями и сидящих на ветвях фениксов (самцов-фын и самок-хуан).

Ближайшая аналогия к пазырыкской вышивке имеется среди находок из так называемой могилы с деревянным гробом из Парка героев в Чанша, датированной периодом Чжаньго. При раскопках этой могилы, произведенных в 1958 г., на внутренних стенках наружного гроба (гуань) были обнаружены остатки вышивки, выполненной стебельчатым швом. На внутренней стороне поперечной стенки гроба сохранилась вышивка длиной 54 см и шириной 39 см с изображением частично сохранившихся дракона и феникса на фоне орнамента в виде завитков. Вышивка на боковой стенке гроба имеет длину 120 см и ширину 34 см. Декор ее состоит из завитков, оканчивающихся стилизованными листьями и цветами, и фениксов. По композиции и характеру передачи орнаментальных элементов она тождественна пазырыкской [15, с. 70, табл. 14—17].

Следует также подчеркнуть, что характерные черты стиля пазырыкской вышивки: удачное сочетание строгого ритма и свободы выражения при передаче изгибов завитков, а в изображении птиц — элементы стилизации и реальности образа — в искусстве того времени встречаются лишь в изделиях чуских мастеров. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные расколки росписи на чуских лаковых изделиях из Чанша [24, табл. XXII, 2; 25, табл. XV, 9].

Таким образом, на основании изложенного выше мы можем

утверждать, что в последние века до нашей эры, и прежде всего в IV—III вв. до н. э., четко прослеживаются связи, существовавшие между древнекитайским княжеством Чу (600—250 гг. до н. э.) и Южной Сибирью. Пазырыкские находки свидетельствуют о том, что чуское государство было основным поставщиком таких предметов роскоши, как шелковые ткани, вышивки и бронзовые зеркала, которые по Западному Меридиональному пути проникали далеко на север, в Минусинскую котловину и Алтай. С севера в княжество Чу привозили изделия, выполненные в традиционном скифо-сибирском зверином стиле. Значительное число подобных изделий было обнаружено в районе Шоучжоу — главном центре производства чуских зеркал. Находки, как отмечал Б. Карлгрен еще в 1937 г., «свидетельствуют о ранних торговых отношениях между северной границей и Восточным Китаем» [35, с. 103]. В результате активных контактов чуское искусство впитывало в себя художественные приемы и орнаментальные мотивы, идущие из Центральной Азии. Это влияние четко прослеживается в декоре ритуальных сосудов, зеркал и других бронзовых изделий второй половины I тысячелетия до н. э. [35, с. 97—112].

Такой оживленный обмен изделиями и художественными ценностями мог происходить благодаря географическому положению Чу. В период Чжаньго Чу было крупнейшим по территории княжеством. На западе в его состав до начала III в. до н. э. входили область Ханьчжун, лежавшая в бассейне р. Хань, и районы Восточной Сычуани, связанные с Западным Меридиональным путем. Правители Чу в IV в. до н. э. проводили на западе и юго-западе экспансионистскую политику. Ярким примером экспансии чуского княжества на юго-запад может служить поход полководца Чжуан Цзяо. Сведения об этом походе сохранились у Сыма Цяня, где сказано: «Некогда, во времена чуского Вэй-вана³, [этот правитель] послал полководца Чжуан Цзяо во главе войск, чтобы подняться вверх по течению [Янцзы]-цзян и овладеть на западе Ба, Шу и Цяньчжун... Цзяо достиг озера Дянь, поверхность которого составляла 300 квадратных ли. Земля вокруг на несколько тысяч ли была изобильной и плодородной. С помощью военной силы Чжуан Цзяо сделал эти страны данниками Чу. Когда он решил возвратиться, чтобы доставить донесение, [государство] Цинь совершило нападение и овладело Чу, Ба и Цяньчжун. Дороги были блокированы, и пройти было невозможно. Поэтому [Чжуан Цзяо] вернулся назад и, опираясь на свои войска, объявил себя правителем Дянь. Для того чтобы управлять страной, он сменил одежду и воспринял местные обычаи» [20, гл. 116, с. 1076]. Данные исторических источников о существовании связей между культурами

³ Даты правления Вэй-вана — 339—322 гг. до н. э. «Хоу Хань шу» относит поход Чжуан Цзяо ко времени Цинсян-вана (298—262 гг. до н. э.). Последнюю дату принимают большинство исследователей (см. [43, с. 79—80]).

Шелковая вышивка из Третьего
пазырыкского кургана

Шелковая вышивка из погребения в Чанша
(прорисовка)

Дянь и Чу убедительно подтверждаются находками из Шицзяй-шаня [43, с. 106—108].

Важные сведения о наличии во II в. до н. э. в Центральной Азии товаров из Шу и Цюнду (современная провинция Сычуань) содержатся в 123-й главе «Записок историка» Сыма Цяня. В этой главе, включающей в себя «Повествование о Давани», приводятся широко известные сведения о путешествии в 140—130 гг. до н. э. Чжан Цяня на запад. В отчете императору о своей поездке Чжан Цянь, в частности, писал: «В бытность мою в Дася (Бактрия) я видел там бамбуковые посохи из Цюн и холсты из Шу» [3, с. 153]. Местные жители сообщили Чжан Цяню, что эти товары привезли в Дася купцы из Шэньду. (В представлении китайцев того времени, Шэньду включала в себя Северо-Восточную Индию, Бирму и часть Юньнани.)

В статье «Археологическое свидетельство о контактах Китая с Индией во времена династии Хань» С. Камманн подверг сомнению сведения Чжан Цяня. По мнению С. Камманна, Чжан Цянь скорее всего не имел представления, что в Индии, и в частности в предгорьях Гималаев, растет множество различных видов бамбука. Поэтому и посохи, которые Чжан Цянь видел в Бактрии, могли быть привезены из Индии, а не из Юго-Западного Китая. Далее С. Камманн замечает, что в древности в торговле по сухопутным путям на далекие расстояния товарами служили лишь легкие и дорогостоящие предметы, чтобы получать максимальный доход с минимальными дорожными издержками. По мнению С. Камманна, трудно себе представить, чтобы такие малоценные предметы, как холсты и бамбуковые посохи, перевозили через Юньнань, Бирму, Ассам и всю Индию. Кроме того, когда императорские посланцы по совету Чжан Цяня пытались обнаружить этот путь, они потерпели полную неудачу [32].

Точка зрения, высказанная С. Камманном, выглядит вполне убедительно, однако для дальнейшей дискуссии необходимо привлечь новые материалы. В связи с этим мы обратили внимание на находки из Второго пазырыкского кургана, в погребальной камере которого были обнаружены две мужские рубахи: одна — сохранившаяся целиком и другая — во фрагментах. Технологическое изучение найденных фрагментов было произведено В. Н. Кононовым. Им было установлено, что «у исследуемых волокон не удалось обнаружить анатомических особенностей, характерных для волокон льна, конопли и рами (узлообразные вздутия, утолщения, поперечные сдвиги). По толщине волокна они ближе всего сходны с волокнами кендыря, у которых толщина волокон в среднем равняется 20—25» (цит. по [11, с. 241]). Среди пазырыкских материалов в Эрмитаже хранится рукав второй рубахи, сшитой из кендырной ткани полотняного переплетения с сохранившейся кромкой. Нити ткани ровные, со сравнительно слабой круткой. Плотность нитей основы составляет 38—40, утка 22—24 на 1 см, т. е. отношения плотности нитей основы и нитей утка составляет 1,8:1⁴.

Как известно, кендырь — это растение из родов *Trachomitum* и *Arosunum* семейства кутровых, произрастающее в пой-

⁴ Рубаха, сохранившаяся целиком, сшита из трех отличных между собой кусков ткани. Одна половина рубахи изготовлена из грубой полотняной ткани с плотной неровной круткой нитей. Плотность основы 15—17 и утка 16—17 нитей на 1 см. Вторая половина изготовлена из полотняных тканей двух типов, одна из которых находится на лицевой стороне и вторая — подкладочная. Плотность нитей наружной ткани составляет 22—24 нитей основы и 24—28 нитей утка на 1 см. Нити неровные, с сильной круткой. Подкладка представляет собой ткань из очень тонких нитей слабой скруткой, напоминающую по внешнему виду газовую, с плотностью основы 56—58 и утка 62—64 на 1 см. По характеру тканей рубахи значительно отличаются одна от другой. С. И. Руденко пишет, не определяя более точно, что первая рубаха сшита из конопляной или кендырной ткани [11, с. 104].

мах рек Средней Азии, Волги, Урала, а также в Юго-Западном Китае и Юго-Восточной Азии [1]. В настоящее время у нас не существует каких-либо данных об употреблении в Средней Азии в древности кендыря для изготовления тканей. Что же касается Юго-Западного Китая, то некоторые сведения по этому вопросу содержатся в ставшем классическим комментарии Чжан Шоуцзе «Истинный смысл „Записок историка“», написанном в 737 г. Чжан Шоуцзе объяснил выражение «шубу» — «шуские холсты» как «холст, изготовленный из растений типа тростника» («лу бу») [18, с. 129]. Следует также отметить, что ткань, из которой изготовлена вторая рубаша, имеет высокие технологические качества, большую плотность нитей и характерное для древних дальневосточных тканей значительное преобладание основы над утком. В связи с этим со значительной долей уверенности мы можем считать изученные нами фрагменты рубахи из Второго пазырыкского кургана изготовленными из шуского холста, о котором упоминал Чжан Цянь.

Что же касается цюньских бамбуковых посохов, то Чжан Шоуцзе дает по их поводу следующее объяснение: «Этот бамбук происходит с гор Цюньшань в Цюнду и посему называется цюньским бамбуком. У него длинные коленца с заполнениями внутри. Вероятно, это растение цзишэнь. Он пригоден для посохов» [18, с. 129]. Эта разнovidность бамбука отождествляется с так называемым «квадратным бамбуком», т. е. бамбуком, квадратным в сечении (*Bambusa*, или *Phyllostachus quadrangularis*), произрастающим на северо-востоке современной провинции Юньнань и в Западной Сычуани [39, с. 535—537].

Учитывая изложенные выше факты, нам кажется, что Чжан Цянь при посещении бактрийских базаров мог отличить квадратные в сечении цюньские посохи от других бамбуковых изделий. Нет необходимости сомневаться и в том, что он был в состоянии отличить кендырные шуские холсты от шерстяных или льняных ближневосточных тканей. К этому следует еще добавить, что Чжан Цянь был уроженцем Ханьчжун, области, лежавшей неподалеку от районов Шу и Цюнду, и, естественно, что шуские и цюньские изделия были ему хорошо знакомы.

Вместе с тем мнение С. Камманна о том, что не было смысла везти такие сравнительно дешевые и простые изделия через страну с высокой культурой, нам представляется достаточно весомым. Более вероятно, что шуские холсты и цюньские посохи попали в Бактрию Западным Меридиональным путем, «дорогой цянов» [34а, с. 209]. Кочевники, изготавливавшие лишь сравнительно грубые шерстяные ткани, высоко ценили необычные для них изделия из растительных волокон и, естественно, поэтому могли перевозить их на далекие расстояния. Логичнее объяснить таким же образом и бытование в Дася цюньских изделий из бамбука, так как к северу от Сычуани на всем протяжении Западного Меридионального пути и в Восточном Туркестане бамбук не произрастает и представляет собой редкость. Косвенное

подтверждение нашей точки зрения дает политическая ситуация, сложившаяся в Центральной Азии в IV—II вв. до н. э.

Как свидетельствуют письменные источники, одним из главных последствий усиления гуннов была миграция юэчжей, занимавших первоначально обширные районы Ганьсу и Восточного Туркестана. В результате вынужденного переселения юэчжи разделились на две ветви, большая переселилась на запад, в Бактрию, и меньшая — на юг. В «Записках историка» по этому поводу сказано следующее: «Первоначально дом юэчжи занимал страну между Дуньхуан и хребтом Цинляньшань. Когда же гунны поразили его, то удалился оттуда, перешел от Давани на запад, ударил на Дася и покорил сие владение, вследствие чего и утвердил свое местопребывание на северной стороне реки Гуйшуй. Небольшая часть юэчжийского народа не могла следовать за прочими и осталась в Южных горах. Цяны называли ее Малым Юэчжи (сяо юэчжи)» [3, с. 151]. Как установил П. Пельо, малые юэчжи при своем движении на юг дошли до Наньшаня. Главным центром их местопребывания стал район Хуанчжуна, к востоку от оз. Кукунор и к югу от р. Синин (современная провинция Цинхай) [42, с. 37]. Что же касается территорий Шу и Цюндю, то они лежали сравнительно близко от Малых юэчжей, откуда местные изделия могли доставляться как на север, в Южную Сибирь, так и к родственным им Большим Юэчжи, на северо-запад.

Литература

1. Берлянд С. С. Кендырь. М.—Л., 1931.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора. Ч. 1. СПб., 1833.
3. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л., 1950.
4. Деопик Д. В., Постников А. В. Из опыта составления карт по древней и средневековой истории стран Юго-Восточной Азии.— Вестник МГУ. Востоковедение. 1973, № 2.
5. Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде.— Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
6. Итс Р. Ф. Этническая история стран юга Восточной Азии. Л., 1972.
7. Кычанов Е. И. К вопросу о происхождении тангутов.— Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961.
8. Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские ткани и вышивки V в. до н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1961.
9. Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
10. Лубо-Лесниченко Е. И. Шелковый путь в период Шести династий (III—VI вв.).— Труды Государственного Эрмитажа. XIX. Л., 1978.
- 10а. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.
11. Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968.
12. Ходукин Я. Н. Первые раскопки в горах Ноин-улы. Иркутск, 1926.
13. Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
14. Гао Чжимин. Сычуань Ганьцзы фу цзинь чутуды и пи тунци (Группа бронзовых изделий, обнаруженных в окрестностях Ганьцзы, провинция Сычуань).— Каогу Тунсюнь. 1958, № 1.
15. Гао Чжиси. Чанша лэши гуньюань саньхао мугому цинли цзяньбао (Крат-

- кий отчет об обследовании могилы № 3 с деревянным гробом в Парке героев в Чанша).— Вэньу. 1959, № 10.
16. Ли Чжэнгуан. Лютань Чанша чутуды Чжаньго шидай тунцзинь (Относительно бронзовых зеркал периода Чжаньго, обнаруженных в Чанша).— Каогу Тунсюнь. 1957, № 1.
 17. Ли Шаомин. Гуаньйюй цянцзи гудай лишиды цзиго вэньти (Некоторые вопросы по древней истории цянвов).— Лиши Яньцзю. 1963, № 5.
 18. Лидай гэцзу чжуань цзя хуйпянь (Собрание исторических сведений о различных народах). Т. 1. Шанхай, 1958.
 19. Лян Шанцунь. Яньку цзан цзин (Зеркала, хранящиеся в Яньку). Т. 1—4. Бэйпин, 1940.
 20. Сыма Цянь. Ши цзи (Записи историка). Шанхай, 1958.
 21. Сюн Чжуаньсинь. Чанша синьфасяньды Чжаньго сычжиу (Вновь обнаруженные ткани периода Чжаньго в Чанша).— Вэньу. 1975, № 2.
 22. Хунань Чандэ Дэшань Чуму фацзюэ баогао (Отчет о раскопках чуской могилы в Дэшань, Чандэ, провинция Хунань).— Каогу. 1963, № 9.
 23. Хунань чуту тунцзин тулу (Альбом бронзовых зеркал, обнаруженных в провинции Хунань). Пекин, 1960.
 24. Чанша Мавандуй ихао Ханьму фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках могилы № 1 периода Хань в Мавандуй, Чанша). Пекин, 1972.
 25. Чанша Мавандуй эрсань хао Ханьму фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках могил № 2—3 периода Хань в Мавандуй, Чанша).— Вэньу. 1974, № 7.
 26. Чанша фацзюэ баогао (Сообщение о раскопках в Чанша). Пекин, 1957.
 27. Чжан Цзюэци. Юньнань Сяньюнь Дапона фасянь муго тун гуаньму (Могилы с бронзовым наружным и деревянным внутренним гробами, обнаруженная в Дапоне, Сяньюнь, провинция Юньнань).— Каогу. 1984, № 7.
 28. Юньнань Цзиньнин Шичжайшань гуму дисыцы фыцзюэ цзяньбао (Краткий отчет о четвертом сезоне раскопок могильника Шичжайшань уезда Цзиньнин провинции Юньнань).— Каогу. 1963, № 9.
 29. Юньнань Цзиньнин Шичжайшань гуму цюнь фацзюэ баогао (Отчет о раскопках могильника Шичжайшань уезда Цзиньнин). Пекин, 1959.
 30. Ю Чжун. Хань Цзинь шициды синань и («Юго-западные варвары» в периоды Хань—Цзинь).— Лиши Яньцзю. 1957, № 12.
 31. Юньнань Цзиньнин Шичжайшань дасаньцы фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о третьем сезоне раскопок в Шичжайшань уезда Цзиньнин провинции Юньнань).— Каогу. 1959, № 9.
 32. Cammann S. Archeological Evidence for Chinese Contacts with India during the Han Dynasty.— Sinologica. 1956, vol. 5, № 1.
 33. Cheng Te-k'un. The State Tomb Culture of Lifu.— Harvard Journal of Asiatic Studies. 1945; vol. 9, № 2.
 34. Haskins J. The Chinese Mirror from Pazyryk.— Archives of the Chinese Art Society of America. Vol. 18, 1964.
 - 34a. Hulswé A., Loewe M. China in Central Asia. Leiden, 1979.
 35. Karlgren B. A New Studies on Chinese Bronzes.— Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities (далее—BMFA). Stockholm, 1937, № 9.
 36. Karlgren B. Huai and Han.— BMFA. 1941, № 13.
 37. Karlgren B. Some Pre-Han Mirrors.— BMFA. 1968, № 40.
 38. Karlgren B. Early Chinese Mirrors.— BMFA. 1968, № 40.
 39. Laufer B. Sino-Iranica, Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran with Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products. Chicago, 1919.
 40. Loewenstein J. The «Ordos» Bronze Knife from Prehistoric Malaya.— Anthropos. Leiden, 1961, Bd. 56, № 5—6.
 41. Okazaki T. Archeology of the Cultural Intercourse between East and West. Tokyo, 1973.
 42. Pelliot P. Tokharien et Koutcheen.— Journal Asiatique. P., 1934, t. 224, № 1.
 43. Pirazzoli, t'Serstevens M. La civilisation du Royaume de Dian à l'époque Han. P., 1974.
 44. Shepherd D. G., Henning W.B. Zandaniji Identified.— Aus der Welt der Islamischen Kunst: Festschrift für E. Kuhnel. B., 1959.

С. И. Авербух

**АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ИНДИИ
И СОПРОТИВЛЕНИЕ СВОБОДНЫХ ПЛЕМЕН
(По данным античных писателей)**

Изучение военных походов Александра в Северо-Западную Индию известные нам историки сводят главным образом к битве при Гидаспе. Эта битва неизменно выступает у них как главное военное событие похода. На самом же деле она имела лишь региональное значение и, более того, вообще не была показателем сопротивления Индии Александру. Подлинное сопротивление ему оказали немонархические образования, или свободные племена, как мы будем их называть вслед за Аррианом [2, с. 179].

Сочинения Арриана, Диодора, Плутарха, Курция — главный источник сведений о сопротивлении свободных племен. Но в рассказах античных писателей о военных и политических действиях Александра внимание привлекают прежде всего его отношения с местными правителями. Сведения же о свободных племенах поверхностны и скупы, а характеристика их откровенно отрицательная, особенно у Арриана и Плутарха. Такое же отношение к ним унаследовала европейская историография прошлых веков, а немарксистские историки сохраняют и поныне. Характер и формы сопротивления свободных племен остаются нераскрытыми, а сами племена изображаются как хаотическая, безликая масса «индов», «варваров». А между тем в сведениях античных писателей, если отбросить их тенденцию, вполне можно выделить материалы, позволяющие коренным образом изменить представление о роли свободных племен и увидеть в них действенных, а в ряде случаев даже главных участников военных и дипломатических событий похода Александра в Северо-Западную Индию.

Первыми опытами в этом направлении являются работы советских историков последних десятилетий (см. [3; 4; 5; 9; 14]). Их методологический и методический подход к изучению свободных племен дает возможность показать их отношение к Александру и даже наметить принципиальные различия между сопротивлением свободных племен и политическими спекуляциями местных правителей.

Фрагментарность данных о сопротивлении свободных племен требует рассматривать имеющийся материал в его регионально-хронологической последовательности и на примере тех свободных племен, сведения о которых более подробны сравнительно с другими: аспасиев и ассакиенов в бассейне реки Кофен, кафеев и маллов в Панджабе, мусиканов в Синде.

Бассейн реки Кофен

Именно здесь армия Александра встретила стойкое и повсеместное сопротивление. Исключением были отдельные правители, политический статус которых пока не поддается точному определению. Главным же очагом сопротивления здесь были земли аспасиев и ассакиенов.

Аспасии обитали на северо-западе территории бассейна реки Кофен. Война с ними была первым боевым испытанием сил Александра на его длинном пути в Северо-Западной Индии. Первый же их город (название его осталось неизвестным) завоевателям пришлось брать штурмом, об ожесточенности которого свидетельствуют раны, полученные Александром и его полководцами — Птолемеем и Леоннатом [2, с. 154]. Конечно, силы были неравны, но это неравенство еще более подчеркивает стремление аспасиев отстоять свои земли, не идти на переговоры с врагом. После взятия Александром города аспасиев, а затем города Андака аспасии, видимо, убедились в ненадежности своих городских укреплений против столь сильного врага [2, с. 154]. Они сменили тактику сопротивления: поджигали города и уходили в горы, давая сражения вне городских стен, с использованием преимуществ своей горной страны¹. Арриан характеризует эти сражения как «жаркие» и «жестокие» [2, с. 155, 156]. Отнюдь не питавший симпатий к «варварам», он отмечает: «Индов (Арриан имеет в виду аспасиев. — С. А.) нельзя и сравнить с прочими местными варварами: они гораздо храбрее своих соседей» [2, с. 156]. Об ожесточенности сопротивления аспасиев свидетельствует и террор завоевателей. Так, Кратер, военачальник Александра, получил приказ уничтожать города, которые не сдадутся добровольно. Победители в одном случае перебили всех пленных, в другом — уничтожили тех, кто не сдался добровольно, в третьем — преследовали и убивали бегущих, а город, захваченный после осады и штурма, срыли до основания [2, с. 154, 155].

Ожесточенность сражений, стойкость и мужество аспасиев

¹ Страна аспасиев представляла собой суровый горный край. Высота горных хребтов здесь превышает 4 тыс. м, долины рек на большом протяжении — это труднодоступные ущелья и теснины. По описанию А. М. Рябчикова, «крутые оголенные скаты, покрытые польной, спускаются на несколько сотен метров прямо в долины, оставляя внизу пространство, едва вмещающее воды бурных рек» [11, с. 73].

не заменяли отсутствия у них единства сопротивления. Главные силы аспасиев встретили врага не у границ своей земли, а в глубине ее, в долине реки, которую Арриан называет Эваспла² [2, с. 156]. Примером мужества и стойкости, но вместе с тем несогласованности действий аспасиев служит следующий эпизод. Птолемей насмерть поразил князя аспасиев. «Воины при виде своего павшего князя,— сообщает Арриан,— дрогнули и побежали; те же, кто засел в горах, видя, что тело их вождя подбирают враги... сбежали вниз, и на холме завязалась жестокая схватка» [2, с. 155]. Именно эта разрозненность аспасиев, а не только превосходство сил противника решила исход войны.

И все же, хотя аспасии были разбиты, они не были покорены. Ведь Арриан не сообщает о каких-либо переговорах, поднесении даров или «послевоенном союзе» с Александром, что, как увидим, имело место в ряде других случаев. К сожалению, отсутствие соответствующих сведений не позволяет проследить дальнейшую судьбу аспасиев, по меньшей мере на время похода Александра в Северо-Западную Индию.

Ассакены в отличие от аспасиев занимали более благоприятные в географическом отношении районы в бассейне реки Сват³. Уровень развития хозяйства и общества ассакенов был более высок; города здесь были крупнее и, видимо, лучше укреплены. Страна ассакенов в отличие от страны аспасиев располагалась ближе к одному из главных торговых путей Северо-Западной Индии. Наличие наемников, которых вожди ассакенов содержали с женами и детьми, указывает на сравнительно высокий уровень производства прибавочного продукта. Упоминание о слонах в армии ассакенов также говорит о высоком уровне организации армии, а тем самым и о развитии общества. Источники дают возможность видеть внутренние противоречия в обществе ассакенов, чего мы не находим в рассказах об аспасиях. На сложный характер общественных отношений и роль денег указывает наличие здесь перебежчиков и прямых предателей, которые за денежное вознаграждение служили Александру проводниками [2, с. 159; 6, с. 345; 7, с. 343]. Если у аспасиев несогласованность действий представляется стихийной (быть может, одной из причин была трудность путей сообщения), то у ассакенов она скорее зависела от противоречий между различными группами населения. В целом же у ассакенов сопротивление и даже отступление представляется более организованным. В отличие от аспасиев, которые воевали без союзников, ассакены, по-видимому, пользовались помощью кашмирского правителя Абисара [2, с. 158, 161].

² В цитируемом переводе упоминание реки отсутствует.

³ Географические особенности бассейна реки Сват описываются следующим образом: «Сватские горы почти не имеют снежных вершин, сравнительно густо облесены, легкодоступны... Плодородные аллювиальные равнины густо заселены» [11, с. 75].

Ассакены, как сообщает Арриан, готовились к войне: Александру донесли, что у них было 30 тыс. пехоты, 2 тыс. всадников и 30 слонов. Но в боях в Массаге Александру противостояли 38 тыс. пеших воинов, близ Экболимы — 20 тыс. воинов и 15 слонов и некоторое число воинов в Базире и Оре [6, с. 345; 7, с. 341, 347]. Однако соединенными силами ассакены против врага не выступили. Напротив, узнав о приближении Александра, они «разошлись по своим городам и решили защищать их...» [2, с. 156]. Следовательно, как и у аспасиев, для военных действий ассакенов характерно не генеральное сражение, а территориальные бои за города. Имели место также случаи пассивного сопротивления, когда жители покидали поселения и уходили в горы [2, с. 161; 7, с. 343]. Из отдельных сражений в источниках более подробно описаны только осада и штурм Массаги и Аорна.

Массага — самый большой город ассакенов и мощная крепость. Вероятно, поэтому здесь были сосредоточены значительные силы ассакенов, но главную роль среди них играли наемники — «инды из дальних мест». Арриан рассказывает о четырех днях боев за Массагу, Курций — о девятидневной подготовке к штурму этого города [2, с. 156; 7, с. 343]. По Арриану, в первый же день защитники города предприняли смелую контратаку на подготовляемый македонцами лагерь. Атака была отбита хитрым маневром Александра. О размахе сражения свидетельствуют число убитых — 200 «индов» (о потерях македонцев источники не сообщают) — и личное участие в бою Александра, который был ранен. На стойкость сопротивления указывают сведения о последующих днях боев. Так, на второй день защитники остановили врага в проломах крепостных стен. На третий день город продолжал держаться, несмотря на подведенные Александром осадные орудия. Даже в этих условиях защитники переходили в контратаки и «рубили мечами пришедших в смятение македонцев» [2, с. 157].

Ход последующих событий неясен. По Арриану, защитники держались, пока не погиб их вождь, к тому же «часть людей пала, многие были ранены»; только тогда наступил перелом: осажденные начали переговоры с Александром. Военные действия прекратились, город был сдан. Отношения наемников, сражавшихся на стороне ассакенов, с Александром источники излагают туманно и противоречиво. По Арриану, наемники согласились перейти на службу к Александру, но не хотели «поднимать оружия против других индов» [1, с. 157—158]. По Диодору и Плутарху, напротив, сам Александр нарушил перемирие и напал на них, в результате началось сражение — самый драматический эпизод всего похода. «Сражение было страшным», — говорит Диодор. В нем участвовали и жены наемников, которые «подбирали оружие павших и бились рядом с мужчинами» [6, с. 345]. Почти все они были перебиты. Это была бесславная победа Александра: даже восхвалявший его сверх меры Плу-

тарх был вынужден назвать ее «пятном на его воинской деятельности» [10, с. 281].

Жители захваченных Александром городов ассакенов спу-скались к крепости Аорн, расположенной на берегу Инда. Судя по ее описанию, она была способна выдержать неограниченно-долгую осаду. Один лишь вид этой крепости, по словам Курция, заставил Александра задуматься: он «не знал, что и предпри-нять» [2, с. 158, 159; 6, с. 344; 7, с. 343]. По Диодору же, Алек-сандр, осмотрев местность, «отказался от мысли взять Аорн приступом» [6, с. 344]. Предстояла длительная осада, которая могла и не привести к успеху: в Аорне имелись источник питье-вой воды и пахотная земля, которая, по словам Арриана, могла прокормить тысячи людей [2, с. 159].

В этой трудной ситуации к Александру пришла нежданная помощь. Как рассказывает Арриан, какие-то местные жители предложили Александру показать путь к возвышенному месту, откуда легко будет взять крепость [2, с. 159, 160]. По Диодору и Курцию, роль предателей выполнил старик с двумя сыновьями [6, с. 344—345; 7, с. 343]. Отряду Птолемея удалось занять ука-занное предателями место. Затем Александр предпринял попыт-ку штурма, но был отбит. После этого «инды» организовали вылазку и атаковали отряд Птолемея. Завязалась, как говорит Арриан, «жестокая битва», но, когда стемнело, защитники кре-пости отступили за ее стены [2, с. 160]. На следующий день в ходе жестокого сражения Александру удалось пробиться на возвышенность, удерживаемую Птолемеем. Объединенными си-лами Александр снова пошел на штурм Аорна — и снова без-успешно. Тогда он приказал начать сооружение насыпи от вер-шины занятого холма по направлению к крепости, чтобы установить катапульты [2, с. 160]. Защитники крепости непре-рывно контратаковали. По словам Диодора, бои продолжались семь дней и семь ночей [6, с. 345]. Защитники крепости не смогли помешать противнику завершить сооружение насыпи и установить на ней метательные машины. По-видимому, это об-стоятельство заставило их прекратить сопротивление и поки-нуть Аорн.

Итак, ассакены были разбиты, но, как и аспасии, не покоре-ны. В этом убеждает рассказ Арриана: македоняне были уже далеко от «Ассакении», они уже почти полностью прошли Панд-жаб, и вот Александру сообщают о восстании ассакенов и убий-стве ими своего правителя [2, с. 178]. Этим правителем был ставленник Александра, которого Арриан называет Сисикот-том ⁴ [2, с. 161].

В бассейне реки Кофен были и другие очаги сопротивления.

⁴ Некоторые исследователи это имя отождествляют с индоязычным Шиши-гупта. Такое отождествление может указывать на индоязычное население этой части долины Кофена, хотя Сисикотта-Шишигупта мог быть и выходцем из Индии (так, Х. Сехт даже пытается отождествить его с Чандрагуптой, см. [4, с. 317]).

В частности, следует упомянуть тридцатидневную осаду города Певкелаотиса [2, с. 153]. Однако чрезвычайная скудость материала не позволяет рассказать об этом и некоторых других эпизодах войны против Александра в данном районе.

Панджаб

В Панджабе ко времени появления Александра свободные племена соседствовали с государствами царя Пора, царя Омфиса и др. Правители государств стремились к союзу с Александром, а Пор сначала вел с ним войну (битва на Гидаспе), но впоследствии превратился в его главного союзника. Александр даже назначил Пора «царем завоеванных индийских земель» [2, с. 188]. В источниках мы не находим сведений о сопротивлении жителей страны Пора. Уже поэтому, не говоря о других ее специфических особенностях, битва на Гидаспе может рассматриваться не как показатель сопротивления Александру, но как следствие политической интриги Пора⁵. Подлинное сопротивление Александр встретил здесь только со стороны свободных племен, в частности кафеев.

Кафеи. Земли кафеев находились в северной части между речья Гидраота и Гифасиса, в холмистой, богатой лесами местности. Сравнительно доступный рельеф облегчал задачу наступающей армии Александра. Возможно, это обстоятельство было одной из причин стремления кафеев к объединению своих сил. Действия обороняющейся стороны были здесь иными, чем в бассейне реки Кофен.

По боевым качествам и готовности отстаивать свою независимость кафей не уступали другим свободным племенам Индии. «Кафеи,—говорит Арриан,—считаются самыми отважными и искусными воинами, так же как и оксидраки и маллы — другие индийские племена» [2, с. 179]. Об этом свидетельствует и их победа накануне появления Александра над объединенными силами Пора, Абисара (правителя Кашмира) и союзными им независимыми племенами [2, с. 179]. Теперь страна кафеев оказалась одним из наиболее крупных очагов сопротивления войскам Александра. Более того, кафеи возглавили военный союз соседних независимых племен против Александра. В отличие от аспасиев и ассакенов они не рассредоточились по стране, чтобы защищать каждый город в отдельности, но приготовились к сопротивлению объединенными силами, сконцентрировав их у главного города — неприступной крепости Сангала [2, с. 179].

И все же противник был сильнее. Александр собрал всю свою армию под Сангалой. Вместе с ним сражались давнишние

⁵ Первая попытка рассмотреть этот вопрос была предпринята в нашей работе «Флавій Філострат про похід Олександра Македонського в Індію, уривки з його життєпису Аполлонія Тіанського» [1, с. 351—355, 418—427].

враги кафеев — Пор и отдельные независимые племена. Вероятно, поэтому кафеи вынуждены были ограничиться пассивной обороной. Они вместе с союзниками опоясали холм перед Сангалой тройным рядом связанных между собой повозок [2, с. 180; 7, с. 367]. Первая конная атака македонян не увенчалась успехом. Тогда Александр, спешившись, лично повел в атаку пехоту. Началось рукопашное сражение на внешнем круге обороны. Потеряв 8 тыс. убитыми, защитники отступили за стены города.

Осада города продолжалась три дня. В ходе осады и штурма Александр использовал стенобитные орудия, лестницы и подкоп. Прямых сведений об ответных действиях защитников в источниках нет, но, поскольку здесь были ранены «разные военачальники и Лисимах, телохранитель» [2, с. 181—182], можно составить представление о размахе и ожесточенности боев. По ночам осажденные предпринимали попытки выйти из окружения по озеру, примыкавшему к городу⁶. Ответные действия Александра позволяют считать эти попытки не просто отступлением, но каким-то маневром; во всяком случае, Александр приложил максимум усилий, чтобы не допустить осажденных к озеру. Немалую помощь ему оказали перебежчики, сообщившие о намерениях защитников Сангалы. К началу штурма крепости прибыл и Пор с остатками своего войска. Можно предположить, что Александр, видимо, использовал здесь не столько военную силу Пора, сколько его осведомленность о кафеях. В конце концов крепость была захвачена.

Падение Сангалы не принудило кафеев и их союзников к покорности. Жители других городов страны не прислали послов к Александру. Более того, сам Александр послал к ним Эвмена, своего секретаря, с призывом не покидать своих жилищ [2, с. 182]. Но они бежали, греческие воины их преследовали и убивали по всему краю. Разгневанный неудачей, Александр приказал разрушить до основания Сангалу [2, с. 182].

Таким образом, война с кафеями была жестокой и беспощадной. Она сыграла не последнюю роль в известных событиях на Гифасисе, когда армия Александра отказалась продолжать поход на Индию [2, с. 182—183], чему в немалой степени способствовало также сопротивление, оказанное маллами и оксидраками.

Маллы и оксидраки. Их страну мы можем локализовать по ареалу военных действий, описанных главным образом Аррианом. Эти военные действия происходили на территории бассейна среднего течения реки Гидраот. О характере здешней местности можно судить по отдельным замечаниям античных писателей. Арриан упоминает высокие берега Гидраота, леса в долине этой реки [2, с. 190—193], пустыню в междуречье, кото-

⁶ По Арриану — неглубокое озеро [2, с. 181], по Курцию — болото [7, с. 367]. Возможно, этот водный объект имел для кафеев оборонительное значение.

рую пересекло войско Александра; Курций — даже «неприступные места в горах» [7, с. 383]. Таким образом, рельеф местности совсем не похож на суровые горы бассейна реки Кофен, а леса в долине Гидраота — на джунгли страны кафеев. Поэтому с точки зрения обороны от врага маллы и оксидраки находились в менее благоприятных условиях по сравнению с кафеями, асакенами и аспасиями. Быть может, такой характер местности отчасти обусловил необходимость в создании большого числа укрепленных городов [2, с. 191—192].

Маллы и оксидраки — самые известные античному миру свободные племена, встреченные Александром в Северо-Западной Индии. Такая известность обусловлена представлением о них как о «самых многочисленных и воинственных» [2, с. 189; 6, с. 352; 10, с. 284], «самых неукротимых и сильных», «свободных и всегда готовых к войне» [7, с. 381, 383; 17, II, с. 33], а также тем, что в одном из эпизодов войны с ними Александр едва не погиб в рукопашном бою⁷. Действительно, эта война оказалась самым серьезным испытанием Александра в Северо-Западной Индии. Об этом свидетельствуют решительные, даже чрезвычайные сравнительно с другими этапами похода действия Александра. Он совершал быстрые ночные переходы через безводные пустыни, внезапные атаки, стремясь не допустить объединения сил маллами, оксидраками и их союзниками. Александр предпринимал особые меры по укреплению дисциплины в своей армии накануне выступления против маллов и оксидраков [2, с. 190—191]. Характерны и жалобы македонян: «...им предстоит новая война с самыми дикими племенами Индии» [7, с. 381].

На военную и политическую значимость маллов и оксидраков в событиях похода указывают и сравнительно подробные данные античных писателей о действиях этих племен. В частности, Диодор рассказывает, как маллы и оксидраки пытались преодолеть былую взаимную вражду и объединить свои силы в борьбе с Александром. Для этого был заключен союз, скрепленный массовыми бракосочетаниями [6, с. 352]. Они собрали значительные силы и, готовясь к большой войне, «детей и жен отправили в свои самые неприступные города» [2, с. 189]. Далее античные писатели рассказывают, как этот союз распался из-за спора о предводительстве и как маллам и оксидракам так и не удалось объединить свои силы [2, с. 195; 6, с. 352]. Эти разногласия, по-видимому, оказались главной причиной слабости маллов и оксидраков в войне и их поражения.

Война началась с внезапного нападения на тех маллов, ко-

⁷ Арриан говорит о сопротивлении маллов, Диодор — маллов и оксидраков, Курций, Лукиан, Филострат и Страбон — только оксидраков. Вопрос о соотношении маллов и оксидраков до сих пор не разрешен; их, например, считают племенем воинов; есть даже версия (ориенталист Р. Шефер) о том, что оксидраки — воинская группа (варна кшатриев). Углубление в рассмотрении этого вопроса выходит за рамки данной статьи. Поэтому в рассказе о событиях этой войны мы следуем за Аррианом.

торые, по словам Арриана, «не могли сопротивляться, не имея оружия» [2, с. 191]. По-видимому, именно неожиданностью нападения можно объяснить тот факт, что эта группа маллов оказалась безоружной в военное время. Нападение, однако, не деморализовало маллов: те, кто укрылся в городе, оказали сопротивление. Все они погибли, но не сдались. Было их, как говорит Арриан, около 2 тыс. [2, с. 191].

Далее Александр шел по стране маллов, встречая повсеместное сопротивление, хотя главные военные силы маллов — около 50 тыс. воинов — он встретил только за Гидраотом [2, с. 191—193]. Здесь произошли сражение и штурм одного из городов, во время которого Александр, как мы уже отмечали, едва не погиб. Одним из первых он взобрался на стену и спрыгнул в крепость, в гущу врагов. Арриан видит причину такого поступка в честолюбии Александра и осуждает его. Скорее всего Александр вынужден был личным примером ободрить своих воинов: ему показалось, будто «македонцы, несшие лестницы, не торопятся». Таким же образом он поступил и при взятии «города брахманов» [2, с. 192, 193, 197]. Видимо, в войне с маллами македонцы постоянно нуждались в подобного рода ободрении.

Характерной чертой сопротивления маллов была их самоотверженность в сражениях: они умирали, но не сдавались. Арриан сообщает о гибели всех защитников города маллов, а также почти всех защитников «города брахманов», из которых «в плен взяли мало по причине их мужества» [2, с. 191—192]. Показателен и такой эпизод: во время штурма «города брахманов» маллы укрылись в домах, а потом подожгли их, предпочитая сгореть, но не сдаваться в плен [2, с. 192].

Победа над маллами далась Александру дорогой ценой; ответом был террор, ставший отличительной чертой его действий в этой стране. Возможно, такая политика объяснялась сведениями о маллах, имевшимися у Александра еще до встречи с ними. Было похоже, что он просто задался целью истребить этот народ. Примеры здесь достаточно убедительны; так, при первой же встрече, о которой уже шла речь, он приказал перебить безоружных, в другом случае были уничтожены жители одного из городов, не успевшие скрыться, не пощадили ни женщин, ни детей. Александр даже создал истребительный отряд под командованием Пифона и Деметрия; отряд получил задание, двигаясь через леса, по берегам реки, убивать всех встреченных там маллов. Велико же было опасение Александра перед маллами, если он приказал истреблять всех маллов [2, с. 191, 192, 195].

Вероятно, угроза полного истребления и принудила вождей маллов и оксидраков прекратить войну и прислать к Александру послов с богатыми дарами.

В Панджабе были и другие очаги сопротивления. Например, сопротивление *агалассов*, которые собрали 30 тыс. человек пехоты и 3 тыс. всадников [2, с. 351], упоминаются некие «инды»

(идентифицировать их мы затрудняемся), которые перегородили улицы своего города и мужественно отбивались в домах. Город сгорел вместе с жителями, подожженный, по сообщениям Диодора, Александром [6, с. 351], а по сведениям Курция — самими защитниками [7, с. 379]. Однако эти сведения хотя и интересны, но скупы и противоречивы, поэтому мы не будем их специально рассматривать, а перейдем к событиям в Синде.

Синд

Территория Синда простирается по берегам нижнего течения Инда и представляет собой в основном равнинную засушливую местность, где ведение хозяйства возможно лишь с применением искусственного орошения. Во времена Александра эта область была густо заселена. Античные писатели называют здесь многочисленные государственные образования, местоположение и политический статус которых сейчас трудно определить достоверно.

Жители Синда, несомненно, уже достаточно были наслышаны об Александре и его действиях. В частности, разгром малов и попытка их поголовного истребления вполне могли оказать влияние на отношение к Александру свободных племен, населявших Синд. Некоторые сочли за лучшее добровольно покориться (абастаны, согды, массаны, самбасты), другие, как, например, мусиканы, покорились, а затем восстали. Правитель страны паталов явился к Александру, изъявил покорность, а затем бежал, уведя с собой «городское и сельское население» [2, с. 200]. Были и такие, которые оказали яростное сопротивление, например престы и жители города Армателия. Последнее — это единственный случай на пути Александра в Северо-Западную Индию — использовали даже отравленные стрелы.

Мусиканы. О войне с мусиканами источники рассказывают более подробно сравнительно с другими эпизодами войны в Синде. Страна мусиканов располагалась на левом берегу Инда, ниже впадения в него Гидраота и выше страны паталов, обитавших в дельте Инда. Три обстоятельства могли определить исходную позицию мусиканов в отношении к Александру. Или Александр, как утверждает Арриан, столь стремительно спустился по реке, что застал мусиканов врасплох [2, с. 198], или они повели двойную игру: добровольно подчинились, а тайне готовили восстание. Возможен третий вариант: отношение к Александру изменилось в результате внутренних разногласий или самой политики Александра. Этот вариант представляется наиболее вероятным. Вождь мусиканов мог быть доволен результатом союза с Александром: по меньшей мере он сохранял власть в стране [2, с. 198]. Поэтому его участие в восстании против Александра могло быть вынужденным, тем более, если принять во внимание, что инициаторами восстания были брах-

маны [2, с. 200]. Брахманы Синда враждебно относились к Александру, и не только в стране мусиканов [2, с. 200; 10, с. 285]. Очевидно, здесь брахманы пользовались большим авторитетом у населения, чем правитель или вождь.

Источники ничего не сообщают ни о ходе восстания, ни о составе его участников, но сведения об ответных действиях Александра вполне позволяют оценить силу и размах этого восстания. Чтобы подавить его, Александр бросил часть сил под командой Пифона против вождя мусикан, а сам отправился в ту часть страны, где, по-видимому, находился главный очаг восстания. Действовал Александр с особенной жестокостью: некоторые города он сровнял с землей, а жителей обратил в рабство [2, с. 200]; схваченного вождя мусикан казнили, вместе с ним были казнены и многие брахманы [2, с. 200; 10, с. 281].

Восстание было подавлено. Александр получил возможность двигаться дальше. Подведем итоги.

«...Пусть узнают потомки,— говорит Арриан,— каких трудов стоит рассказать о великих событиях и бедствиях» [2, с. 196]. Действительно, поход Александра в Северо-Западную Индию был едва ли не самым трудным этапом его восточного похода. Буржуазная историография видит эти трудности прежде всего в природных условиях: труднопроходимые горы, бурные реки, тропические ливни, нестерпимый зной. Конечно, природные условия Индии были непривычны для Александра и его армии, но все же не они были главной причиной его трудностей. Более того, в ряде случаев, например в битве при Гидаспе, Александр эти условия успешно использовал в своих интересах.

Как уже отмечалось, европейские историки в походе Александра на Восток выделяют прежде всего битву при Гидаспе, в которой войско Александра разбило Пора. Индийские исследователи, например Д. Чаттопадхья [13] и Б. Н. Пури [18], также обстоятельно анализируют сопротивление свободных племен. Между тем, если о масштабе событий судить по некоторым данным источников (например, количественные характеристики войск, численность убитых и пленных), то окажется, что сражение при Сангале и война с маллами превышают по своему размаху битву при Гидаспе⁸. Следовательно, не эта битва была наиболее показательна среди «великих событий и бедствий». Главным было, как мы видели, сопротивление свободных племен.

В свете приведенных данных можно по-новому оценить и

⁸ Цифры в источниках по большей части сомнительны. Потери сторон английский историк В. В. Тарн даже называет «propaganda figures». Сведения о количестве войск с той и другой стороны также недостоверны. Например, данные о количестве войск царя Пора в источниках колеблются от 30 тыс. до 56 тыс.; подобные расхождения относятся и к другим данным, например к оценке численности войск кафеев и маллов,— источники дают соответственно 88 тыс. и 100 тыс. Существенно отметить, что в любом случае армия и кафеев, и в особенности маллов значительно превышала армию Пора.

факторы, способствовавшие победам Александра в Северо-Западной Индии. А. С. Шофман называет армию Александра главным фактором его военных и политических успехов [14]. Вне сомнения, армия Александра и его военное искусство в основном превосходили количественно и качественно военные силы тех «индов», с которыми он встретился и которые не были готовы к войне с завоевателем такого масштаба. Но не одно это обстоятельство играло здесь первостепенную роль. Ведь «инды» все же умели воевать. Не случайно Арриан отмечает их более высокие военные качества по сравнению с «прочими местными варварами» [2, с. 156]. Оксидраки же — племя профессиональных воинов-наемников, хорошо известное в этом качестве по данным индийской литературы и по замечаниям Страбона [12]. А у Пора была крупная, построенная по классическому индийскому образцу армия — чатуранга. Такие «инды» были бы достойными, а может быть, и непреодолимыми для Александра противниками. Но, как мы знаем, аспасии сражались разрозненно, оксидраки не поддерживали маллов, а Пор, видимо, вовсе не стремился к «большой войне» с Александром. Тем не менее и в этих условиях Александру стоило немалых трудов поддерживать моральный дух своей уже не стремившейся к осуществлению его планов армии. Ему пришлось наконец обратиться к ней с призывом: позволить ему «уйти из Индии, а не бежать» [7, с. 381]. Таким образом, всесокрушающим завоевателем Александр выступает только на страницах сочинений его апологетов в античной и европейской историографии. Существенной причиной его военных успехов было отсутствие единства действий населения покоренных им стран, в том числе Северо-Западной Индии. Кроме того, играли роль некоторые специфические обстоятельства.

1. У большинства свободных племен (возможно, за исключением маллов и оксидраков), по-видимому, была не обученная армия, а скорее нечто, напоминающее ополчение.

2. Внутренние разногласия и предательство сыграли в ряде случаев роковую для свободных племен роль в ходе военных событий.

3. Особо следует отметить враждебные отношения между некоторыми государственными образованиями Северо-Западной Индии, исключавшие какое бы то ни было совместное их противодействие завоевателям.

Действительно, накануне появления Александра Пор враждовал с правителем Таксилы и воевал с кафеями. Он же отверг предложенный ему династией Нандов союз против Александра [17, II, с. 20]. Абисар, правитель Кашмира, вел двойную игру. Маллы враждовали с оксидраками, правитель мусикан — с Самбом [2, с. 199]. Правда, были попытки объединения против общего врага даже враждовавших свободных племен, но они носили региональный характер и оказались малоэффективными. А между тем одно только объединение Пора и Нандов, пожа-

луй, дало бы возможность не пропустить Александра через Гидасп. Мы склонны считать, что отсутствие единства, а не только военное искусство македонян и гений Александра, как справедливо подчеркивают Б. Г. Гафуров и Д. И. Цибукидис [5, с. 314], и было главной причиной завоевания Северо-Западной Индии. Именно по этой причине сопротивление свободных племен, каким бы мужественным и даже героическим оно ни было, не смогло остановить завоевателей.

Отметим также принципиальное различие между действиями правителей и вождей и действиями свободных племен. Из правителей вооруженное сопротивление Александру оказал только Пор, причем в войне участвовала одна его армия. На территориях свободных племен на борьбу с захватчиками поднялось все население или по крайней мере значительная его часть. Потерпев военную неудачу, Пор стал главным союзником Александра, так что в конечном счете действительно «все потерял и все получил в течение одного дня» [17, II, с. 20]. Свободные племена, потерпев поражение, союзниками Александра не становились, а некоторые из них, будучи покоренными, поднимали восстания. Все это и дает основание принципиально противопоставить отношения Александра с правителями и со свободными племенами в Северо-Западной Индии и только в свободных племенах увидеть единственный источник настоящего сопротивления врагу.

Интересно отметить, что это различие подтверждается и самим характером изложения событий похода античными писателями. Будучи далеки от симпатий к «варварам», они неоднократно подчеркивают мужество, силу и храбрость воинов свободных племен, в то время как в описании битвы при Гидаспе мы не находим положительных отзывов о воинах Пора.

Таким образом, изучение действий свободных племен оказывается необходимым как для более полного представления о событиях похода Александра, так и для восстановления истинной картины жизни населения Северо-Западной Индии в последней трети IV в. н. э. Приведенные материалы расширяют наши знания по истории этого региона — военной, политической, экономической и этнической.

Литература

1. Антологія літератур Сходу. Упорядкування, вступна стаття та примітки доктора історичних наук, професора А. П. Ковалівського.— Харків: Вид-во Харк. ун-тету, 1961.
2. Арриан. Поход Александра. Пер. с древнегреч. М. Е. Сергиенко. М.— Л., 1962.
3. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969.
4. Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.
5. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.
6. Диодор. Историческая библиотека. Книга XVII.— Арриан. Поход Александра. М.— Л., 1962.

7. *Курций Руф К.* История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Под ред. В. С. Соколова. [М.], 1963.
8. *Лукиан.* Разговоры в царстве мертвых.— *Лукиан из Самосаты.* Избранное. М., 1962.
9. *Осипов Л.* Краткий очерк истории Индии до X века. М., 1948.
10. *Плутарх.* Александр.— *Арриан.* Поход Александра. М.—Л., 1962.
11. *Рябчиков А. М.* Природа Индии. М., 1950.
12. *Страбон.* География. Пер. Г. А. Стратановского. М., 1962.
13. *Чаттопадхья Д.* Локаята даршана. М., 1961.
14. *Шофман А. С.* Армия и военные преобразования Александра Македонского.— *Вестник древней истории.* М., 1972, № 1.
15. *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976.
16. *Arriani Anabasis et Indica ex optimo codice parisieno emendavit Fr. Dubner.* Parisiis, 1877.
17. *Philostratorum et Callistrati opera recognovit Antonius Westermann.* Parisiis, 1849.
18. *Puri B. N.* Indian History: A Review. Bombay, 1960.
19. *Shafer R.* Ethnography of Ancient India. Wiesbaden, 1954.
20. *Tarn W. W.* Alexander the Great. T. 1—2. Cambridge, 1948.

Б. А. Вальская

**ЛЕТОПИСЬ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР
ЗА 1973—1986 гг.**

Географическое общество, основанное еще в 1845 г., сделало очень много для изучения стран Азии и Африки. Обществом собраны огромные материалы об этих странах, частично ожидающие еще детальной научной разработки. В настоящее время изучение Азии и Африки в Обществе сосредоточено в Восточной комиссии, созданной в 1955 г. Председателем ее является член-корреспондент АН СССР Д. А. Ольдерогге.

Летописи Восточной комиссии со времени ее организации до 1972 г. опубликованы в сборниках «Страны и народы Востока», которые издает комиссия [1; 2]. В этой статье печатается продолжение летописи с 1973 до 1986 г.

1973

26 января состоялось заседание, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики. После вступительного слова Е. Я. Люстерник с докладами выступили С. А. Маретина («Опыт СССР в решении национального вопроса в Индии») и И. В. Сахаров («Новые данные о религиозном составе населения Индии»).

14 февраля на совместном заседании с Комиссией ландшафтных исследований выступила Б. А. Вальская с докладом «Дискуссия в Географическом обществе о словаре географической терминологии Я. В. Ханыкова (1847 г.)».

28 февраля были заслушаны доклады В. В. Перимахера «Индия в произведениях русских художников начала XX в.» и О. П. Петровой «Японцы в России в XVIII в. (из истории русско-японской лексикографии)».

13 марта на совместном заседании с Комиссией топонимики и транскрипции географических названий состоялся доклад Б. А. Вальской «Из истории изучения топонимики в Географическом обществе» и было заслушано сообщение М. Ф. Хвана «Иноязычная ономастика в китайской иероглифике».

27 марта заслушаны доклад Д. А. Ольдерогге «Загадка

страны Пунт» и отчет о работе Восточной комиссии (сообщение Б. А. Вальской).

4 апреля прочитали свои доклады М. Ф. Чигринский «О малоизвестном источнике по этнографии Тайваня (XIX в.)» и А. Г. Шпринцин «Обозначение топонимов „Средняя Азия“ и „Центральная Азия“ в разных языках».

19 апреля сделали доклады Л. К. Кильдюшевская и Ю. Д. Дмитриевский («Применение картографического метода в изучении экономико-географических типов сельскохозяйственного производства Африки») и Т. И. Золотова и Г. Н. Озерова («Картографический метод в исследовании динамики населения крупных городов мира (1870—1970)»).

16 мая обсуждался доклад Н. Л. Барташовой «История завоевания Кафиристана по „Сирадж ат-таварих“».

23 мая с докладом «По Южной Аравии (по личным впечатлениям)» выступил О. Г. Пересыпкин (Москва).

30 мая на заседании Восточной комиссии состоялось обсуждение докладов А. Н. Зелинского (Москва) «Циклическая хронология у народов Азии» и Н. В. Гурова «О прародине дравидов».

24 октября комиссия отметила юбилей Абу Рейхана Бируни. С докладами выступили В. А. Ромодин («Эпоха Бируни»), У. И. Каримов («Географические материалы в трактате Бируни о лекарствах»), В. Г. Эрман («„Индия“ Бируни») и С. Г. Кляшторный («Одна тюркская легенда у Бируни»).

14 ноября состоялся доклад И. М. Стеблин-Каменского о народной астрономии на Памире.

12 декабря заслушан доклад Л. Л. Гуревича «Об архитектуре построек-мазаров из г. Пенджикент (Таджикистан)».

В 1973 г. вышли два сборника «Страны и народы Востока»: Вып. 15. М. (сборник посвящен 70-летию со дня рождения Д. А. Ольдерогге), и вып. 16. Памир. М., а также сборник «Проблемы населения и хозяйства стран Африки». Л.

1974

17 января состоялся доклад Н. В. Дьяконовой «Иранские божества в индийском пантеоне в Хотане».

25 января заседание Восточной комиссии было посвящено национальному празднику Индии — Дню Республики. После вступительного слова Е. Я. Люстерник с докладами выступили И. В. Сахаров «Новые данные о национально-языковом составе населения Индии» и Г. А. Зограф «Многоязычие в Индии».

8 февраля заслушан доклад Э. А. Лалаянца «Индустриализация в странах Южной и Юго-Восточной Азии и демографический фактор».

20 февраля Е. И. Лубо-Лесниченко поделился своими впечатлениями о поездке в Бирму в 1973 г. М. Ф. Чигринский рас-

сказал о неизвестных материалах о путешествии Ю Ю-хе на Тайвань (конец XVII в.).

22 марта с докладами выступили Ю. В. Маретин («Община соседско-большесемейного типа в Индонезии») и С. И. Авербух («Античные свидетельства по этнографии Северо-Запада Индии в конце IV в. до н. э.»).

10 апреля состоялся доклад Б. А. Вальской «Роль Академии наук в изучении стран Востока».

24 апреля обсуждались доклады О. Г. Пересыпкина «Хозяйственный архив Сейф-уль Ислама аль-Касема как исторический источник по изучению социально-экономических проблем монархического Йемена» и В. П. Грицкевича «Новые материалы о путешествиях Яна Виткевича (30-е годы XIX в.)».

16 мая заслушаны доклады В. А. Ромодина «Этнонимы и вопросы этнической истории Средней Азии» и О. И. Смирновой «Этимология географического названия „Бухара“».

16 октября состоялись доклады О. Г. Пересыпкина «Результаты работ в Южной Аравии (1971—1974)» и Б. Б. Пиотровского «Изучение культуры Йемена».

30 октября обсуждались доклады В. А. Ромодина «Выход в свет Ежегодника Республики Афганистан» и А. Л. Грюнберга «Афганистан летом 1974 г. (по личным впечатлениям)».

13 ноября А. П. Терентьев-Катанский рассказал о двух тангутских гравюрах, а М. Ф. Чигринский — о преданиях гаошаньских племен Тайваня.

29 ноября на совместном заседании Восточной комиссии с Отделением медицинской географии обсуждался доклад В. И. Филимонова «Материалы по медицинской географии Индии (по личным наблюдениям)».

В 1974 г. вышел сборник избранных статей членов Восточной комиссии на английском языке: «The Countries and Peoples of the East». Selected Articles. М.

1975

15 января заслушаны доклад В. О. Гурецкого «Еще о Н. Н. Миклухо-Маклае (из австралийских писем)» и сообщение Б. А. Вальской «Неопубликованная переписка Н. Н. Миклухо-Маклая».

29 января с докладом «Палеоэтнография японцев в свете семиотики» выступил М. В. Воробьев.

19 февраля состоялось заседание Восточной комиссии, посвященное памяти А. Г. Шпринцина (1907—1974). Вступительное слово произнес Д. А. Ольдерогге. О жизни и деятельности А. Г. Шпринцина рассказал В. В. Петров.

28 февраля члены Восточной комиссии заслушали доклад Е. И. Лубо-Лесниченко о поездке в Непал в 1974 г.

12 марта состоялся доклад М. К. Кудрявцева «Три месяца в Индии».

26 марта обсуждены доклады Ю. Г. Липеца «Проблемы экономического развития и страны Востока», И. Н. Олейникова: «Сахельская засуха и мировые экологические проблемы» и М. Б. Горнунга «Африка в русских учебниках географии за два столетия (начало XVIII — начало XIX в.)». На этом же заседании М. Б. Горнунгу, Ю. Г. Липецу и И. Н. Олейникову за монографию «История открытия и исследования Африки» (М., 1973) были вручены почетные дипломы Географического общества СССР.

9 апреля В. С. Ягья прочитал доклад на тему «Современная Эфиопия».

24 апреля заслушано сообщение А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского «Этнолингвистические наблюдения в Южной Туркмении в феврале 1975 г.».

21 мая состоялся доклад А. Б. Давидсона «Замысел плавания русских кораблей в Южном полушарии во времена Петра I».

29 мая на заседании Восточной комиссии выступили Г. В. Сдаюк («Развитие территориальной структуры хозяйств в современной Индии») и В. А. Пуляркин («О скважинной ирригации в Южной Азии»).

12 ноября члены Восточной комиссии заслушали доклады Л. В. Зениной «Год в Японии (по личным впечатлениям)» и Л. М. Демина «Остров Калимантан (по личным впечатлениям)».

26 ноября обсуждены доклады В. П. Грицкевича «Путешественник Г. Швейнфурт (новые данные)» и О. Г. Пересыпкина «По Южной Аравии (полевые наблюдения)».

В 1975 г. вышел в свет сборник «Страны и народы Востока». Вып. 17. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 3. М.

1976

7 января состоялось заседание Восточной комиссии, посвященное 20-летию со времени ее основания. С докладом о деятельности Восточной комиссии выступила Б. А. Вальская. С. К. Джарылгасова рассказала о вкладе Русского географического общества в изучение Казахстана (по материалам библиотеки).

23 января на заседании Восточной комиссии, посвященном национальному празднику Индии — Дню Республики, выступил И. В. Сахаров с докладом «Индия по личным впечатлениям (сентябрь — октябрь 1975 г.)».

25 февраля на заседании Восточной комиссии обсуждалось сообщение В. О. Гурецкого о книге одного из первых папуасских общественных деятелей — А. М. Кики и доклад В. П. Грицкевича «О путешествии Игнатия Жагеля к истокам Нила в 1863 г. (к истории одной фальсификации)».

10 марта Б. А. Вальская информировала членов комиссии о работе VI съезда Географического общества, состоявшегося в Тбилиси в декабре 1975 г., М. Х. Маматназаров сделал сообщение о «Поселениях и жилищах Западного Памира».

14 апреля заслушаны доклад Д. А. Ольдерогге «Новая этническая классификация народов Южной Африки» и отчет о работе Восточной комиссии (сообщение Б. А. Вальской).

20 апреля заслушан доклад О. Г. Пересыпкина «Племена Йемена и политика двух йеменских государств в вопросах ликвидации племенных пережитков».

28 апреля на заседании Восточной комиссии обсуждались доклады Б. П. Полевого и Л. М. Демина «Находка полного отчета Г. И. Невельского и его экспедиции 1849 г.», а также сообщение П. И. Хотеева о новом Атласе Афганистана, изданном в Тегеране.

6 октября с информацией о работе XXIII Международного географического конгресса выступили Б. А. Вальская, Ю. Д. Дмитриевский и Г. А. Лашова.

3 ноября заслушаны доклады Б. А. Вальской «Путешествия В. А. Догеля и И. И. Соколова в Кению и Уганду в 1914 г.» и Ю. Д. Дмитриевского «Исследователь Северо-Восточной Африки И. И. Пузанов».

17 ноября Л. В. Зенина прочитала доклад на тему «Современная Япония (по личным впечатлениям)», а В. О. Гурецкий сообщил о деньгах-раковинах на острове Новая Британия и о письме Н. Н. Миклухо-Маклая военному министру от 14 октября 1870 г.

15 декабря обсуждался доклад В. В. Матвеева о путешественнике и географе Лье Африканском (к 450-летию труда «Описание Африки»).

В 1976 г. вышел сборник «Страны и народы Востока». Вып. 18, посвященный памяти А. В. Королева. М.

1977

12 января состоялся доклад В. О. Гурецкого на тему «Нагасаки и Манила (по личным впечатлениям)».

26 января Восточная комиссия отметила национальный праздник Индии — День Республики. С докладом выступила Е. Я. Люстерник. Она рассказала об индологических изысканиях в архивах Харькова, Смоленска и Чернигова.

9 февраля заслушан доклад В. А. Попова «К характеристике общественного строя у ашанти (институт нторо)».

23 февраля на заседании Восточной комиссии выступили К. С. Кремень «Поездка по Заиру (по личным впечатлениям)» и К. П. Калиновская «Изменения в социальном строе кикуйю в период колониального режима».

16 марта состоялся доклад Н. М. Уствольской о народной архитектуре в горных районах Центрального Кавказа.

30 марта В. О. Гурецкий прочитал доклад на тему «На острове Агомес (по личным впечатлениям)», а М. Ф. Чигринский рассказал о негритосах острова Тайвань.

18 апреля были обсуждены доклады Л. А. Яшкина «Некоторые новые материалы о Н. Н. Миклухо-Маклае» и А. Б. Давидсона «Русские в Южной Африке на рубеже XIX—XX вв.».

27 апреля с докладом «Иордания по личным впечатлениям (ноябрь 1976 г.)» выступил М. Б. Пиотровский.

18 мая состоялся доклад И. С. Кацнельсона «Путешествия Л. К. Артамонова в Эфиопию в конце XIX в.» и было заслушано сообщение М. К. Кудрявцева «Симпозиум в Шантиникетане (Индия, март 1977 г.)».

6 октября Восточная комиссия совместно с Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая отметила столетие со дня рождения Н. В. Кюнера.

11 октября Восточная комиссия провела теоретическую конференцию, посвященную 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, на тему «Октябрь и народы Востока». Конференцию вступительным словом открыл Д. А. Ольдерогге. С докладами выступили: Р. Ф. Итс («Идеи Октября и успехи национально-освободительного движения на Востоке»), В. С. Ягья («Октябрь и народы Африки»), Е. Я. Люстерник («Национально-освободительное движение в Южной Азии»), Ю. В. Маретин («Революционные процессы в Юго-Восточной Азии»), В. А. Ромодин («Октябрьская революция и освобождение Афганистана»), О. Г. Пересыпкин («Социалистическая ориентация Народной Демократической Республики Йемен»), Ч. М. Таксами («Народы Советского Союза на новом пути»).

26 октября Географическое общество совместно с другими востоковедными учреждениями Ленинграда провело научную конференцию, посвященную 200-летию со дня рождения выдающегося русского востоковеда и путешественника Никиты Яковлевича Бичурина (1777—1853). С докладами выступили: Л. Н. Меньшиков («Н. Я. Бичурин и русское китаеведение»), Е. И. Кычанов («Место трудов Н. Я. Бичурина по истории Центральной Азии в отечественной науке в прошлом и настоящем»), С. Е. Яхонтов («Западная и китайская традиция в грамматике Н. Я. Бичурина»), Л. И. Чугуевский [«Н. Я. Бичурин и П. Л. Шиллинг (по материалам архива)»], А. М. Решетов («Значение работ Н. Я. Бичурина для изучения этнографии народов Восточной Азии»), Д. Г. Савинов («Значение трудов Н. Я. Бичурина для изучения этнографии народов Южной Сибири») и В. Н. Кривцов («Н. Я. Бичурин и А. С. Пушкин»).

30 ноября Е. Н. Кальщиков рассказал о плавании вдоль островов Тихого океана на научном судне «Дмитрий Менделеев».

21 декабря обсуждены доклады М. Ф. Чигринского «О некоторых китайских данных по этнографии Рюкю» и Т. К. Шафрановской «Забытый источник по этнографии Китая начала XVIII в.».

В 1977 г. вышел сборник «Страны и народы Востока». Вып. 19. Индия — страна и народ. Кн. 4. М.

1978

11 января на заседании Восточной комиссии выступили: Л. Д. Яблочков («Проблемы деколонизации африканского общества»), Ю. М. Ильин («Советско-африканское научно-техническое сотрудничество») (оба из Москвы) и Ю. Д. Дмитриевский («Второе советско-польское совещание по проблемам территориальной структуры хозяйства развивающихся стран»).

25 января доклад «Из истории русско-индийских научных связей в начале XIX в.» сделала Е. Я. Люстерник.

8 февраля были обсуждены два доклада: Л. А. Яшкина «Подвиг Г. И. Невельского (к 100-летию выхода его книги)» и Е. Н. Кальщикова «На островах Тонга».

22 февраля на совместном заседании Восточной комиссии и Комиссии топонимики и транскрипции географических названий обсуждался «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова. С основным докладом выступил А. А. Бабинцев. В обсуждении принял участие автор словаря.

28 февраля на совместном заседании с Отделением экономической географии с сообщением об итогах Всесоюзной конференции по развивающимся странам (Москва, январь 1978 г.) выступил М. Б. Вольф.

15 марта заслушаны доклады В. П. Грицкевича «Российский путешественник и дипломат Александр Ходзько (1803—1891)» и Г. И. Горбовой «Текстильная промышленность стран Африки».

29 марта состоялись доклады О. Б. Фроловой «Словарь Якута как источник по исторической географии Средней Азии» и Ф. В. Зурикашвили (Тбилиси) «Город Исфаган в хозяйстве современного Ирана (по личным впечатлениям)».

5 апреля на заседании Восточной комиссии прочитал доклад П. А. Грязневич на тему «Историческая география Южной Аравии».

19 апреля обсуждался доклад И. Г. Ильина «Происхождение географических названий некоторых стран Африки».

17 мая заслушан доклад Л. В. Зениной «Религиозные общины Тэнри в Японии».

24 мая на заседании Восточной комиссии были заслушаны доклады: Б. Б. Парникеля (Москва) «Черты общности в культуре народов Юго-Восточной Азии», В. А. Пуляркина (Москва) «Географические аспекты „зеленой революции“ в странах Востока», Ю. В. Маретина «Юго-Восточная Азия как географический и историко-культурный регион».

25 октября О. Ф. Акимушкин рассказал о своих впечатлениях от поездки в Иран весной 1978 г.

29 ноября состоялось заседание, посвященное 10-летию со дня смерти одного из основателей Восточной комиссии —

А. В. Королева. С докладами выступили А. Н. Зелинский (Москва) («Рериховская тема в творческих замыслах А. В. Королева») и А. П. Терентьев-Катанский («Некоторые данные о неизвестных антропоидах в легендах Востока и Запада»).

13 декабря состоялся доклад О. Г. Пересыпкина «Социально-экономические процессы в Народной Демократической Республике Йемен».

На заключительном заседании Восточной комиссии 27 декабря 1978 г. с докладами выступили В. А. Петрицкий («Культурология Альберта Швейцера и Африка») и Л. В. Зенина («Японская архитектура: от бамбукового жилища до супер-небоскреба»).

В 1978 г. вышел в свет сборник «Страны и народы Востока». Вып. 20. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4. М.

1979

10 января на совместном заседании Восточной комиссии и Комиссии топонимики и транскрипции географических названий были обсуждены доклады О. И. Смирновой и Е. А. Мончадской «Этнотопонимический словарь Средней и Центральной Азии» и Б. П. Полевого «Новое о целях экспедиции Беринга».

24 января на заседании были прочитаны доклады А. В. Даринского «Индия и Шри Ланка (по личным впечатлениям)» и Р. Ф. Итса «На X Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Дели, Индия, декабрь 1979 г.)».

14 февраля на заседании Восточной комиссии выступил В. С. Стариков с докладом «По следам Н. Н. Миклухо-Маклая в Сиднее (к 100-летию со дня приезда Миклухо-Маклая в Австралию)». Доклад сопровождался показом цветного кинофильма, в создании которого принимал участие докладчик.

14 марта А. Л. Грюнберг рассказал о проблемах изучения этнографии населения Афганистана. После доклада был показан кинофильм «Транзит в Афганистан».

18 апреля состоялся доклад В. В. Наумкина (Москва) «Поездка на остров Сокотру».

29 мая на совместном заседании Восточной комиссии и Комиссии топонимики и транскрипции географических названий обсуждался доклад А. И. Тарасовой (Москва) «Судьба личного архива В. К. Арсеньева». После доклада демонстрировался документальный фильм о В. К. Арсеньеве.

30 мая М. Б. Пиотровский рассказал о поездке в Ирак в 1978—1979 гг.

10 октября заслушан доклад Арт. Д. Миклухо-Маклая «Новые данные о Н. Н. Миклухо-Маклае».

28 ноября на заседании комиссии были прочитаны доклады А. А. Бабинцева «Материалы к инструкции для составителей топонимического словаря (словник и словарная статья)»,

Н. А. Спешнева «Микротопонимика Пекина» и С. Е. Яхонтова «Названия мелких населенных пунктов Китая».

18 декабря Ученый совет Географического общества СССР присудил членам Восточной комиссии: Б. А. Вальской, И. С. Вдовину, Ю. В. Ионовой, С. А. Маретиной, Ю. В. Маретину, Б. П. Полевому, Ч. М. Таксами, И. К. Федоровой, М. Ф. Чигринскому и Т. К. Шафрановской — почетные дипломы за три сборника «Страны и народы бассейна Тихого океана» в серии «Страны и народы Востока». Вып. 6 (М., 1968); вып. 13 (М., 1972), вып. 17 (М., 1975). Все сборники выпущены ГРВЛ издательства «Наука».

6 декабря состоялись доклады О. Г. Пересыпкина «Современные этнографические проблемы Ближнего Востока», Н. М. Уствольской «Работа врача П. К. Дылева в Тропической Африке».

1980

13 февраля заслушан доклад А. П. Терентьева-Катанского «Восточные истоки легенды о Граале».

12 марта Ю. Л. Кроль рассказало жизни и научной деятельности Б. И. Панкратова.

26 марта состоялся доклад Д. А. Ольдерогге «Древние миграции населения и языковые общности в Африке» и был заслушан отчет о работе Восточной комиссии (сообщение Б. А. Вальской).

9 апреля на заседании Восточной комиссии обсуждены доклады О. И. Смирновой «Этнотопонимический словарь Средней и Центральной Азии» и Е. А. Мончадской «Этнотопонимические варианты названий „Согд“ и „согдийцы“ по античным источникам».

23 апреля с докладом «Мозамбик (по личным впечатлениям)» выступил Ю. Н. Федоров.

27 мая И. С. Кацнельсон рассказал о третьем путешествии А. К. Булатовича в Эфиопию (в Бени-Шангул), а В. С. Стариков — об исследованиях Н. Н. Миклухо-Маклая по антропологии и этнографии китайцев.

12 ноября члены Географического общества встретились с внуком Н. Н. Миклухо-Маклая Робом Маклаем и его супругой Алисой Маклай. Роб Маклай рассказал о деятельности Австралийского общества Миклухо-Маклая, основанного в 1979 г. в Сиднее. Об изучении жизни и деятельности великого русского путешественника и гуманиста членами Географического общества сообщили Б. А. Вальская и Арт. Д. Миклухо-Маклай.

19 ноября на заседании Восточной комиссии состоялся доклад В. В. Петрова и Г. А. Лашовой о работе VII съезда Географического общества СССР, который проходил в городе Фрунзе в сентябре 1980 г.

17 декабря В. С. Ягья сообщил о неопубликованных мате-

риалах Б. А. и А. В. Чемерзиных по Эфиопии (начало XX в.).

В 1980 г. вышли в свет два сборника «Страны и народы Востока»: вып. 21. Африка. География, этнография и история. М., и вып. 22. Средняя и Центральная Азия. География, этнография и история, посвященный памяти выдающегося геолога, географа и путешественника В. М. Синицына (1912—1977). М.

1981

14 января Географическое общество СССР, Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР и восточный факультет ЛГУ имени А. А. Жданова провели научную сессию, посвященную 100-летию со дня рождения выдающегося советского китаеведа академика В. М. Алексеева.

21 января состоялось заседание Восточной комиссии, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики. С докладами выступили Е. Я. Люстерник («Исторические корни советско-индийского сотрудничества») и М. К. Кудрявцев [«Сотрудничество советских и индийских этнографов (1960—1970)»].

4 марта заслушан доклад Д. А. Ольдерогге «Система счета в африканских языках».

11 марта состоялось совместное заседание Восточной комиссии и Отделения этнографии, посвященное 150-летию со дня рождения П. А. Ровинского. С докладами выступили Е. В. Михайлов («Жизнь и деятельность П. А. Ровинского») и Б. А. Вальская («Путешествия П. А. Ровинского»).

25 марта на совместном заседании Отделения этнографии и Восточной комиссии заслушаны доклады С. В. Думана «О литовских татарах» и В. П. Грицкевича «Описание путешествий по Белоруссии в XV—XIX вв. как исторический источник».

22 апреля прочитан доклад С. Н. Муравьева «„Кавказская Албания“ в географии Клавдия Птолемея (II в.) и проблемы колебания уровня Каспийского моря».

6 мая О. Г. Пересыпкин сделал доклад о социально-экономической ситуации в Йеменской Арабской Республике.

20 мая состоялся доклад М. Ф. Чигринского о путевых заметках П. И. Ибиса, путешественника по Тайваню в 1875 г.

14 октября члены Восточной комиссии обсудили доклад П. А. Грязневича «Новейшие исследования в Южной Аравии (НДРЙ)».

18 ноября Восточная комиссия провела заседание памяти Виктора Андреевича Вельгуса. Доклад «Слово о В. А. Вельгусе» прочитал Л. Н. Меньшиков, а с научными сообщениями и воспоминаниями о В. А. Вельгусе выступили: М. Б. Баньковская, А. А. Жуков, Ю. Л. Кроль, Е. И. Лубо-Лесниченко, В. В. Матвеев, Г. Я. Смолин, И. Э. Циперович и С. Е. Яхонтов.

16 декабря М. И. Воробьева-Десятовская рассказала о жизни и деятельности Ю. Н. Рериха.

23 декабря на совместном заседании Восточной комиссии и Отделения этнографии с докладом «Сведения о хантах и ненцах, полученные от писательницы Евы Фелинской» выступил В. П. Грицкевич.

1982

20 января заслушан доклад В. А. Ромодина «Первый лицей в Афганистане» (1903—1922).

10 февраля состоялось совместное заседание Восточной комиссии и Отделения картографии и математической географии имени Ю. М. Шокальского. С докладами выступили А. А. Бабинцев («Японская карта конца XVIII в. из библиотеки ЛГУ имени А. А. Жданова») и В. Н. Горегляд («Японские путешественники в России в начале XIX в.»).

24 февраля Г. П. Куриленко прочитал доклад на тему «Впервые из России в Индию вокруг мыса Доброй Надежды (начало XVII в.)».

10 марта А. Л. Грюнберг рассказал о развитии науки в современном Афганистане по материалам, собранным в этой стране весной 1982 г.

31 марта Л. И. Чугуевский выступил с докладом «Из рукописного наследия Б. И. Панкратова».

6 апреля состоялся доклад В. Л. Резникова (Москва) «О готовящемся издании „Энциклопедии Азии“».

14 апреля на совместном заседании Восточной комиссии и Комиссии топонимики и транскрипции географических названий, посвященном памяти В. О. Гурецкого, заслушаны сообщения Б. А. Вальской о научных трудах В. О. Гурецкого и В. В. Гурецкого о топонимическом словаре Аляски, составленном В. О. Гурецким.

28 апреля на заседании Восточной комиссии выступил В. В. Перцмакер с докладом «Лоции и морские карты побережья Индии в Центральной военно-морской библиотеке (XVII—XIX вв.)». Было зачитано (Ю. В. Маретиным) сообщение В. И. Фортова «О новых поступлениях материалов из Индии в Отдел литературы стран Азии и Африки ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (1980—1981)».

19 мая С. А. Маретина сделала доклад «Соотношения природного и социального окружения в экосистемах горных народов Южной Азии».

6 октября состоялся доклад Л. В. Зениной «Поездка в КНДР (август 1982 г.)».

20 октября А. А. Бабинцев рассказал о топонимах, которых нет на карте.

24 ноября на заседании Восточной комиссии с докладом на тему «Изучение Южной Аравии в СССР: итоги и перспективы» выступил П. А. Грязневич.

10 декабря Д. А. Ольдерогге провел беседу с участниками Советско-Йеменской комплексной экспедиции.

15 декабря в Восточной комиссии состоялось юбилейное заседание на тему «Образование СССР и народы Востока». Вступительное слово произнес Д. А. Ольдерогге. С докладами выступили: Р. Ф. Итс («60-летие образования СССР и народы Востока»), В. А. Ромодин («У истоков советско-афганской дружбы»), С. А. Маретина («Национальное строительство в СССР и опыт решения национального вопроса в Индии»), В. М. Платонов («Языковые вопросы в Эфиопии в свете опыта СССР»). Ю. В. Маретин представил коллективное сообщение сотрудников Отдела литературы стран Азии и Африки ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина «Переводы русских и советских авторов в странах Азии и Африки».

В 1982 г. вышли в свет два сборника «Страны и народы Востока»: вып. 23. Дальний Восток. История, этнография, культура. М., и вып. 24. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 5. М.

1983

26 января на заседании Восточной комиссии заслушаны доклады Л. Г. Климанова «Аббат Крушала: об одном из участников посольства С. Л. Рагузинского в Китай (1725—1728)» и Б. И. Загуменнова «Средневековый индийский трактат Шри Садананды „Сущность Веданты“».

16 февраля с докладом о географии культурных растений Западной и Экваториальной Африки (по личным наблюдениям) выступила С. Н. Бахарева.

16 марта вице-президент Географического общества СССР В. С. Жекулин открыл вступительным словом общее собрание его членов, посвященное 100-летию со дня рождения И. Ю. Крачковского. С докладами выступили: Т. А. Шумовский («И. Ю. Крачковский и арабская географическая литература»), О. Б. Фролова («И. Ю. Крачковский и изучение арабских источников по исторической географии СССР»), Б. А. Вальская («И. Ю. Крачковский — вице-президент Географического общества СССР»), Ю. В. Маретин («Литература по географии в библиотеке И. Ю. Крачковского») и В. М. Платонов («Книги по Эфиопии в библиотеке И. Ю. Крачковского»).

23 марта состоялся доклад Пента Нурмекунда (Тарту) «Востоковедение в Тартуском университете: прошлое и современность».

6 апреля на заседании Восточной комиссии заслушан доклад А. П. Терентьева-Катанского «Планетный культ и астрономическая наука в государстве тангутов».

11 мая Географическое общество СССР приняло участие в торжественном заседании, посвященном 80-летию со дня рождения председателя Восточной комиссии члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, открывшемся в Большом конференц-зале Академии наук СССР в Ленин-

граде; многие члены Восточной комиссии выступили с докладами и сообщениями на состоявшейся затем научной сессии.

27 октября М. А. Родионов прочитал доклад на тему «Историко-этнографический атлас Хадрамаута (Народная Демократическая Республика Йемен)».

23 ноября на заседании комиссии был обсужден доклад Г. В. Пионтека «Отделы Востока в парке-музее „Человек и среда“».

8 декабря был заслушан доклад Д. А. Ольдерогге «2000 лет нигерийского искусства» — о выставке из Нигерии.

21 декабря с докладом о востоковеде А. Н. Виноградове (по материалам ленинградских архивов) выступил М. Ф. Чигринский.

1984

24 января состоялось заседание, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики. С докладами выступили Е. Я. Люстерник [«Исторические корни советско-индийского дружественного сотрудничества (конец XIX — начало XX в.)»], Е. А. Левашов и Е. Я. Люстерник («Н. К. Рерих в поисках Великого индийского пути»), В. А. Вишневецкая («Индийские сюжеты в эпистолярном наследии А. С. Грибоедова») и И. В. Сахаров («Индийский раджа на русской службе»).

8 февраля на общем собрании членов Географического общества СССР П. А. Грязневич рассказал об итогах первого сезона Советско-Йеменской комплексной экспедиции.

14 марта на заседании Восточной комиссии были заслушаны доклады Л. В. Зениной «Музеи Японии» и Л. А. Яшкина «Н. М. Пржевальский — почетный гражданин Петербурга».

25 апреля совместное заседание Восточной комиссии, Комиссии топонимики и транскрипции географических названий и кафедры японской филологии Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова было посвящено памяти А. А. Бабинцева. О научной и педагогической деятельности А. А. Бабинцева рассказал В. Н. Горегляд. С научными сообщениями и воспоминаниями о Бабинцеве выступили сотрудники кафедры японской филологии.

24 октября заседание, посвященное памяти В. А. Ромодина, вступительным словом открыл Д. А. Ольдерогге. Затем выступили О. Ф. Акимушкин с докладом «Слово о В. А. Ромодине» и ученики Вадима Александровича П. И. Хотеев и Т. И. Султанов с воспоминаниями и научными сообщениями.

21 ноября состоялся доклад П. А. Грязневича «Об итогах Советско-Йеменской комплексной экспедиции (сезон 1984 г.)».

На заключительном заседании 1984 г. выступила Н. Д. Численко с докладом «История стран Азии и Африки в латиноязычной литературе XVI—XVIII вв.».

23 января состоялось заседание, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики, на котором были обсуждены следующие доклады: «Индия в научном наследии выдающихся русских ученых конца XIX — начала XX в.: Д. И. Менделеева, А. И. Воейкова и В. И. Вернадского» (Е. Я. Люстерник); «Деревенская община в современной Индии» (М. К. Кудрявцев); «Исследование „Хождения за три моря“ в России и Индии» (Л. С. Семенов).

Два заседания Восточной комиссии были посвящены Эфиопии: 27 февраля с докладом «Традиционное образование в Социалистической Эфиопии» выступил В. М. Платонов, а 20 марта о своей поездке в Эфиопию в ноябре 1984 г. рассказал С. Б. Чернецов.

17 апреля совместное заседание Восточной комиссии и Отделения этнографии, посвященное 40-летию Великой победы, вступительным словом открыл Д. А. Ольдерогге. С докладом «Географическое общество в годы Великой Отечественной войны» выступила Б. А. Вальская. На этом же заседании были заслушаны воспоминания участников войны и переживших блокаду Ленинграда М. В. Воробьева, Ю. Д. Дмитриевского и Д. А. Ольдерогге.

26 апреля состоялось второе совместное заседание Восточной комиссии и Отделения этнографии. На нем были заслушаны доклады И. К. Лопатниковой «Географический фактор и отрасли хозяйства у нага (Индия)» и И. В. Черныша (Москва) «О продолжении исследований пещерных городов и петроглифов Присарыкамышья (новые материалы)».

22 мая состоялось еще одно совместное заседание Восточной комиссии и Отделения этнографии. С докладом «Ферганские сарты и таджики (XIX — начало XX в.)» выступила Р. Я. Рассудова. На этом же заседании Восточная комиссия избрала И. В. Сахарова делегатом на VIII съезд Географического общества СССР, который состоялся в Киеве 2—6 октября 1985 г.

23 октября на заседании комиссии был заслушан доклад П. А. Грязневича по итогам Советско-Йеменской комплексной экспедиции (сезон 1985 г.) на тему «Новейшие историко-археологические исследования Хадрамаута».

20 ноября В. А. Лившиц рассказал о новых находках древних надписей и наскальных рисунков в долинах Верхнего Инда.

На заключительном заседании Восточной комиссии в 1985 г. с информацией о работе VIII съезда Географического общества СССР выступил В. С. Ягья.

1986

22 января состоялось заседание, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики. С докладами выступили

Е. Я. Люстерник («Индийцы в Петербурге в XIX веке») и Е. Н. Успенская [«Этнический состав населения пригималайских районов Северной Индии» (по материалам, собранным на месте)].

19 февраля Н. А. Самойлов прочитал доклад «Китай сегодня (по личным впечатлениям)».

19 марта А. П. Терентьев-Катанский рассказал о восточных мотивах в иллюстрациях к третьей книге Дж. Свифта «Путешествие Гулливера».

16 апреля заслушан доклад Ю. Н. Гладкого «Население Афганистана».

16 мая состоялся доклад А. В. Лукина (Москва) «Национальные районы Китая (по личным впечатлениям)» и был заслушан отчет о работе Восточной комиссии (сообщение Б. А. Вальской).

21 мая Т. Ф. Аристова (Москва) выступила с докладом «Новые материалы о В. К. Арсеньеве».

19 ноября П. А. Грязневич рассказал об итогах сезона 1986 г. Советско-Йеменской комплексной экспедиции в Хадрамауте.

На заключительном заседании Восточной комиссии совместно с Отделением этнографии, состоявшемся 17 декабря 1986 г., были заслушаны доклады А. В. Пестуна и Р. Ч. Валеева «Остров Пасхи: загадки перемещения мегалитических статуй» (с демонстрацией плаката) и А. П. Терентьева-Катанского «О вооружении тангутских воинов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальская Б. А. Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 10 лет (1955—1965).— Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1965.
2. Вальская Б. А. и Сахаров И. В. Восточная комиссия Географического общества СССР в 1966—1972 гг.— Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Б. А. Вальская.</i> Научная и общественная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая в последние годы его жизни (По неопубликованным материалам)	5
<i>М. П. Забродская.</i> Путешествия А. В. Елисеева по Сахаре (1881—1893 гг.) (Воронеж)	34
<i>В. П. Грицкевич.</i> Александр Ходзько (1804—1891) и его вклад в развитие иранистики и тюркологии	41
<i>С. Л. Милевская.</i> «Библиотека для чтения» как источник знакомства русского читателя с Африкой в первой половине XIX в. (Москва)	53

II. ЭТНОГРАФИЯ. КУЛЬТУРА. РЕЛИГИЯ

<i>Р. Я. Рассудова.</i> Семейные группы: одна из форм организации труда в орошаемых районах Средней Азии (XIX—первая половина XX в.)	68
<i>С. А. Маретина.</i> Роль природного и социального окружения в экосистемах горных народов Южной Азии	89
<u>Е. А. Крейнович</u> . Этнографические наблюдения у нивхов в 1927—1928 гг.	107
<i>Л. Л. Гуревич.</i> Об архитектуре мусульманских погребальных сооружений Пенджикента (Таджикистан)	124
<u>О. И. Смирнова</u> . Двугорбый верблюд на согдийских монетах	142
<i>Т. Н. Бенфугаль (Трифонова).</i> Ювелирные украшения берберских женщин из Ореса (Алжир)	149
<i>М. Ф. Чигринский.</i> О верованиях аборигенов Тайваня	165
<u>С. В. Иванов</u> . Числовая символика и пол в представлениях и обрядах народов Азии (к постановке вопроса)	179

III. ИСТОРИЯ

<i>О. Г. Герасимов.</i> Архив йеменского принца аль-Касема как источник для изучения социально-экономических проблем Йемена (Москва)	186
<u>В. А. Ромодин</u> . Последний летописец Афганистана	194
<i>В. С. Ягья.</i> Неизвестные страницы истории Эфиопии начала XX в. (по неопубликованным письмам русского дипломата Б. А. Чемерзина и его жены)	201
<i>М. Б. Рабинович.</i> Суд над доктором Джемсоном (Об одном из последствий британской провокации в Южной Африке)	221
<i>Е. И. Лубо-Лесниченко.</i> Пазырык и Западный Меридиональный путь	233
<i>С. И. Авербух.</i> Александр Македонский в Северо-Западной Индии и сопротивление свободных племен (По данным античных писателей) (Харьков)	249
<i>Б. А. Вальская.</i> Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 1973—1986 гг.	263

CONTENTS

1. HISTORY OF GEOGRAPHIC STUDIES

<i>B. A. Valskaya</i> . Academic and Social Activities of N. N. Miklukho-Maclay at the Ebb of His Life (a Review of Unpublished Writings)	5
<i>M. P. Zabrodskaya</i> . A. V. Yeliseyev's Journey of Sahara (1881-93) (Voronezh)	34
<i>V. P. Gritskevich</i> . Aleksandr Khodzko (1804-91) and His Contribution to Iranian and Turkic Studies	41
<i>S. L. Milyavskaya</i> . Readers Library as a Source of Information about Africa for Russians in 1800-50 (Moscow)	53

2. ETHNOGRAPHY. CULTURE. RELIGION

<i>R. Ya. Rassudova</i> . Households: a Form of Labour on Irrigated Lands in Central Asia (19th-First Half of the 20th Century)	68
<i>S. A. Maretina</i> . The Role of Natural and Social Environment in Ecosystems of South Asia's Hill Peoples	89
<i>Ye. A. Kreinovich</i> . The Nivkhis: Ethnographic Observations of 1927-28	107
<i>L. L. Gurevich</i> . Architecture of Muslim Burials in Penjikent (Tajikistan)	124
<i>O. I. Smirnova</i> . Bactrians on Sogdian Coins	142
<i>T. N. Benfugal</i> (Trifonova). Jewellery of Berber Women from Aures (Algeria)	149
<i>M. F. Chigrinsky</i> . Beliefs of Taiwan Aborigines	165
<i>S. V. Ivanov</i> . Number Symbols and Sex in the Beliefs and Rituals of Asians (Prolegomena)	179

3. HISTORY

<i>O. G. Gerasimov</i> . The Archive of the Yemeni Prince al-Qasem: Studies of Socio-Economic Problems of Yemen (Moscow)	186
<i>V. A. Romodin</i> . The Last Chronicler of Afghanistan	194
<i>V. S. Yagya</i> . The 20th Century History of Ethiopia: Unknown Pages (Unpublished Correspondence of a Russian Diplomat B. A. Chemerzin and His Wife)	201
<i>M. B. Rabinovich</i> . Dr. Jameson's Trial (British Provocation in South Africa and Its Aftermath)	221
<i>Ye. I. Lubo-Lesnichenko</i> . Pazyryk and Western Meridional Path	233
<i>S. I. Averbukh</i> . Alexander the Great in North-Western India and Free Tribes' Resistance. A Review of Ancient Sources (Kharkov)	249
<i>B. A. Valskaya</i> . Chronicles of the Oriental Commission of the USSR Geographic Society, 1973-86	263

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXV

География. Этнография. История

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества
Академии наук СССР*

Редактор *М. Д. Панасьянц*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 15670

Сдано в набор 17.10.86. Подписано к печати 29.04.87. А-09317. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 17,5. Уч.-изд. л. 19,53. Тираж 2500 экз. Изд. № 6199. Зак. № 1034. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28